

Н. А.
НЕКРАСОВ

3

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Н. А. НЕКРАСОВ

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Н. А. НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ В ТРЕХ ТОМАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
К. И. ЧУКОВСКОГО

ТОМ ТРЕТИЙ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1967

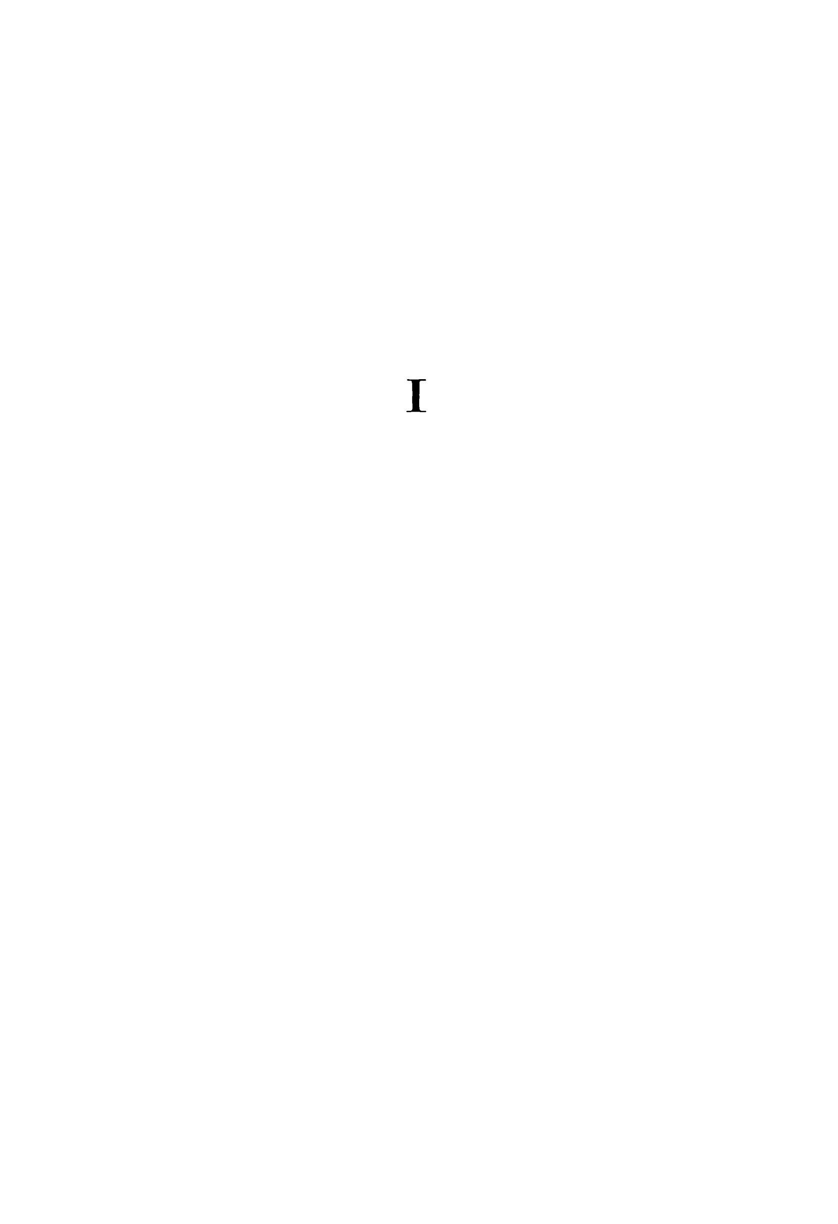
Ш
Ш48

7-4-2
386-67

Редактор тома — И. Г. Ямпольский

Подготовка текста и примечания
А. И. Груздева, А. Б. Муратова,
И. Ю. Твердохлебова, М. В. Теплинского

I

1. КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пролог

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож,
Сошлися — и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядючи:

Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...

Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеяли,
Что думают прохожие —
Знать, клад нашли ребятушки
И делят меж собой...

По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале — то скорей.
Идут — перекоряются!
Кричат — не образумятся!
А времечко не ждет.

За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б ночку целую
Так шли — куда не ведая,
Когда б им баба встречная,

Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы на ночь глядючи
Надумали идти? . .»

Спросила, засмеялася,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь. . .

«Куда? . .» — Переглянулися
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились. . .
Уж ночь давно сошла,
Зажглися звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные
Дорогу перерезали
Ретивым ходокам.
Ой тени! тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать — обнять!

На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел — умом раскидывал
И молвил наконец:

«Ну! леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться —
Устали, не дойдем,
Присядем, — делать нечего,
До солнца отдохнем! . .»

Свалив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.

Зажгли костер, сложилися,
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили,
Бересты понадрав.
Приспела скоро водочка,
Приспела и закусочка —
Пируют мужички!
Косушки по три выпили,
Поели — и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику,
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;
Купчине толстопузому, —
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров кричит: царю!

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,
Ругательски ругаются,
Не мудрено, что вцепятся
Друг другу в волоса...

Гляди — уж и вцепилися!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два братана Губины
Утюжат Прова дюжего, —
И всяк свое кричит!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.

Царю! — направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! попу! попу!
Весь лес переполóшился,
С летающими птицами,
Зверями быстроногими
И гадами ползущими, —
И стон, и рев, и гул!

Всех прежде зайка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил, как встрепанный,
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка,
Где птенчик? — не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать;
Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом —
Не будешь куковать! [1]
Слетелися семь филинов,
Любуются побоищем
С семи больших дерев,
Хохочут, полуночники!
А их глазищи желтые
Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей!

---

[1] Кукушка перестает куковать, когда заколосится хлеб («подавившись колосом», говорит народ).

И ворон, птица умная,
Приспел, сидит на дереве
У самого костра,
Сидит да черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилася
От стада, чуть послышала
Людские голоса —
Пришла к костру, уставила
Глаза на мужиков,
Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычит корова глупая,
Пищат галчата малые,
Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.
Ему одна заботушка —
Честных людей поддразнивать,
Пугать ребят и баб!
Никто его не видывал,
А слышать всякий слыхивал,
Без тела — а живет оно,
Без языка — кричит!

Сова — замоскворецкая
Княгиня — тут же мычется,
Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крылом...

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему,
Подкралась к мужикам,
Послушала, послушала
И прочь пошла, подумавши:
«И черт их не поймет!»
И вправду: сами спорщики

Едва ли знали, помнили —
О чем они шумят...

Намяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне наконец,
Из лужицы напилися,
Умылись, освежилися,
Сон начал их крепить...

Тем часом птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
К костру подобрался.
Поймал его Пахомушка,
Поднес к огню, разглядывал
И молвил: «Пташка малая,
А ноготок востер!
Дыхну — с ладони скатишься,
Чихну — в огонь укатишься,
Щелкну — мертва покатишься,
А всё ж ты, пташка малая,
Сильнее мужика!
Окрепнут скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои нам крылышки,
Всё царство облетим,
Посмотрим, поразведаем,
Поспросим — и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»

«Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хлебушка
По полупуду в день, —
И так бы мы Русь-матушку
Ногами перемеряли!» —
Сказал угрюмый Пров.

«Да по ведру бы водочки», —
Прибавили охочие

До водки братья Губины,
Иван и Митродор.

«Да утром бы огурчиков
Соленых по десяточку», —
Шутили мужики.

«А в полдень бы по жбанчику
Холодного кваску».

«А вечером по чайничку
Горячего чайку. . .»

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пеночка
Над ними: всё прослушала
И села у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человечьим голосом
Пахому говорит:

«Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
Я выкуп дам большой».

«А что ты дашь?»
— «Дам хлебушка
По полупуду в день,
Дам водки по ведерочку,
Поутру дам огурчиков,
А в полдень квасу кислого,
А вечером чайку!»

«А где, пичуга малая, —
Спросили братья Губины, —
Найдешь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков?»

«Найти — найдете сами вы,
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти».
— «Скажи!»
— «Идите по лесу,

Против столба тридцатого
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны,
Под этими под соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобранная,
Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
„Эй! скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!“
По вашему хотению,
По моему велению,
Всё явится тотчас.
Теперь — пустите птенчика!»

«Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальную, —
Ответил ей Пахом. —
Ты, вижу, птица мудрая,
Уважь — одёжу старую
На нас заворожи!»

«Чтоб армяки мужицкие
Носились, не сносилися!» —
Потребовал Роман.

«Чтоб липовые лапотки
Служили, не разбилися», —
Потребовал Демьян.

«Чтоб вошь, блоха паскудная
В рубахах не плодилася», —
Потребовал Лука.

«Не прели бы онученьки. . .» —
Потребовали Губины. . .

А птичка им в ответ:
«Всё скатерть самобранная

Чинить, стирать, просушивать
Вам будет... Ну, пусти!..»

Раскрыв ладонь широкую,
Пахом птенца пустил.
Пустил — и птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
Направился к дуплу.
За ним взвилася пеночка
И на лету прибавила:
«Смотрите, чур, одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба — то и спрашивай,
А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И раз и два — исполнится
По вашему желанию,
А в третий быть беде!»

И улетела пеночка
С своим родимым птенчиком,
А мужики гуськом
К дороге потянулися
Искать столба тридцатого.
Нашли! — Молчком идут
Прямехонько, вернехонько
По лесу по дремучему,
Считают каждый шаг.
И как версту отмеряли,
Увидели поляночку —
Стоят на той поляночке
Две старые сосны...

Крестьяне покопалися,
Достали ту коробочку,
Открыли — и нашли
Ту скатерть самобранную!
Нашли и разом вскрикнули:

«Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!»

Глядь — скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка,
И спрятались опять.

— А что же нет огурчиков?

— Что нет чайку горячего?

— Что нет кваску холодного?

Всё появилось вдруг...

Крестьяне распоясались,
У скатерти уселися,
Пошел тут пир горой!
На радости целуются,
Друг дружке обещаются
Вперед не драться зря,
А с толком дело спорное
По разуму, по-божески,
На чести повести —
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведают
Как ни на есть доподлинно:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарок такой поставивши,
Под утро как убитые
Заснули мужики...

Глава 1

ПОП

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далёко протянулася,
Песчана и глуха.
По сторонам дороженьки
Идут холмы пологие
С полями, с сенокосами,
А чаще с неудобною,
Заброшенной землей;
Стоят деревни старые,
Стоят деревни новые,
У речек, у прудов...

Леса, луга поемные,
Ручьи и реки русские
Весною хороши.
Но вы, поля весенние!
На ваши всходы бедные
Невесело глядеть!
«Недаром в зиму долгую
(Толкуют наши странники)
Снег каждый день валил.
Пришла весна — сказался снег!
Он смирен до поры:
Летит — молчит, лежит — молчит,
Когда умрет, тогда ревет.
Вода — куда ни глянь!
Поля совсем затоплены,
Навоз возить — дороги нет,
А время уж не раннее —
Подходит месяц май!»

Нелюбо и на старые,
Больней того на новые
Деревни им глядеть.
Ой избы, избы новые!
Нарядны вы, да строит вас
Не лишняя копеечка,
А кровная беда!..

С утра встречалися странникам
Всё больше люди малые:
Свой брат крестьянин-лапотник,
Мастеровые, нищие,
Солдаты, ямщики.
У нищих, у солдатиков
Не спрашивали странники,
Как им — легко ли, трудно ли
Живется на Руси?
Солдаты шилом бреются,
Солдаты дымом греются, —
Какое счастье тут? . .

Уж день клонился к вечеру,
Идут путем-дорогою,
Навстречу едет поп.
Крестьяне сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились в ряд
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священник поднял голову,
Глядел, глазами спрашивал:
Чего они хотят?

«Небось! мы не грабители!» —
Сказал попу Лука.
(Лука — мужик присадистый
С широкой бородищею,
Упрям, речист и глуп.
Лука похож на мельницу:
Одним не птица мельница,
Что, как ни машет крыльями,
Небось, не полетит).

«Мы мужики степенные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Окольных деревень:
Заплатова, Дырявина,

Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож.
Идем по делу важному:
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово верное
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По совести, по разуму,
По правде отвечать,
Не то с своей заботушкой
К другому мы пойдем. . .»

«Даю вам слово верное:
Коли вы дело спросите,
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать,
Аминь! . .»

— «Спасибо. Слушай же!
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлися и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
А я сказал: попу.
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю. . .
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —

Колом ее оттудова
Не выбьешь: как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подралися,
Подравшися — одумали:
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведаем
Как ни на есть доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи ж ты нам по-божески:
Сладка ли жизнь поповская?
Ты как — вольготно, счастливо
Живешь, честной отец? . .»

Потупился, задумался,
В тележке сидя, поп
И молвил: «Православные!
Роптать на бога грех,
Несу мой крест с терпением,
Живу. . . а как? Послушайте!
Скажу вам правду-истину,
А вы крестьянским разумом
Смекайте!»
— «Начинай!»

«В чем счастие, по-вашему?
Покой, богатство, честь —
Не так ли, други милые?»

Они сказали: так. . .

«Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *покой*?
Начать, признаться, надо бы

Почти с рожденья самого,
Как достается грамота
Поповскому сынку,
Какой ценой поповичем
Священство покупается,
Да лучше помолчим!

. . . .

Дороги наши трудные,
Приход у нас большой.
Болящий, умирающий,
Рождающийся в мир
Не избирают времени:
В жнитво и в сенокос,
В глухую ночь осеннюю,
Зимой, в морозы лютые,
И в половодье вешнее —
Иди куда зовут!
Идешь безотговорочно.
И пусть бы только косточки
Ломалися одни, —
Нет! всякий раз намается,
Переболит душа.
Не верьте, православные,
Привычке есть предел:
Нет сердца, выносящего
Без некоего трепета
Предсмертное хрипение,
Надгробное рыдание,
Сиротскую печаль!
Аминь! .. Теперь подумайте,
Каков попу покой? ..»

Крестьяне мало думали,
Дав отдохнуть священнику,
Они с поклоном молвили:
«Что скажешь нам еще?»

«Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *почет?*

Задача щекотливая,
Не прогневить бы вас?..

Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребячьею?
Чур! отвечать на спрос!»

Крестьяне позамялися,
Молчат — и поп молчит...

«С кем встречи вы боитеся,
Идя путем-дорогою?
Чур! отвечать на спрос!»

Кряхтят, переминаются,
Молчат!
«О ком слагаете
Вы сказки балагурные,
И песни непристойные,
И всякую хулу?..

Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого —
Как чествуете вы?
Кому вдогон, как мерину,
Кричите: го-го-го?..»

Потупились ребятушки,
Молчат — и поп молчит...

Крестьяне думу думали,
А поп широкой шляпою
В лицо себе помахивал
Да на небо глядел.
Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем-дедушкой
Играют облака:
Вот правая сторонушка
Одной сплошною тучею

Покрылась — затуманилась,
Стемнела и заплакала:
Рядами нити серые
Повисли до земли.
А ближе, над крестьянами,
Из небольших, разорванных,
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.
Но туча передвинулась,
Поп шляпой накрывается,
Быть сильному дождю.
А правая сторонушка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо божие:
Там с золотыми нитками
Развешаны мотки...

«Не сами... по родителям
Мы так-то...» — братья Губины
Сказали наконец.
И прочие поддакнули:
«Не сами, по родителям!»
А поп сказал: «Аминь!
Простите, православные!
Не в осужденье ближнего,
А по желанью вашему
Я правду вам сказал.
Таков почет священнику
В крестьянстве. А помещики...»

«Ты мимо их, помещиков!
Известны нам они!»

«Теперь посмотрим, братия,
Откудова *богачество*
Поповское идет?..
Во время недалекое
Империя российская
Дворянскими усадьбами

Была полным-полна.
И жили там помещики,
Владельцы именитые,
Каких теперь уж нет!
Плодилися и множились
И нам давали жить.
Что свадеб там игралося,
Что деток нарождалося
На даровых хлебах!
Хоть часто крутонравные,
Однако доброхотные
То были господа,
Прихода не чуждалися:
У нас они венчалися,
У нас крестили детушек,
К нам приходили каяться,
Мы отпевали их.
А если и случалося,
Что жил помещик в городе,
Так умирать наверное
В деревню приезжал.
Коли умрет нечаянно,
И тут накажет накрепко
В приходе схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колеснице траурной
В шесть лошадей наследники
Покойника везут —
Попу поправка добрая,
Мирянам праздник праздником...
А ныне уж не то!
Как племя иудейское,
Рассеялись помещики
По дальней чужеземщине
И по Руси родной.
Теперь уж не до гордости
Лежать в родном владении
Рядком с отцами, с дедами,
Да и владенья многие
Барышникам пошли.
Ой холеные косточки
Российские, дворянские!

Где вы не позакопаны?
В какой земле вас нет?

Потом, статья... раскольники...
Не грешен, не живился я
С раскольников ничем.
По счастью, нужды не было:
В моем приходе числится
Живущих в православии
Две трети прихожан.
А есть такие волости,
Где сплошь почти раскольники,
Так тут как быть попу?

Всё в мире переменчиво,
Прейдет и самый мир...
Законы, прежде строгие
К раскольникам, смягчилися,
А с ними и поповскому
Доходу мат пришел.
Перевелись помещики,
В усадьбах не живут они
И умирать на старости
Уже не едут к нам.
Богатые помещицы,
Старушки богомольные,
Которые повымерли,
Которые пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подрясника
Попу не подарит!
Никто не вышьет воздухов...
Живи с одних крестьян,
Сбирай мирские гривенки,
Да пироги по праздникам,
Да яйца о святой.
Крестьянин сам нуждается,
И рад бы дал, да нечего...

А то еще не всякому
И мил крестьянский грош.
Угоды наши скудные,

Пески, болота, мхи,
Скотинка ходит впроголодь,
Родится хлеб сам-друг,
А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Так новая беда:
Деваться с хлебом некуда!
Припрет нужда, продашь его
За сущую безделицу,
А там — неурожай!
Тогда плати втридо́рога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозит беда великая
И в нынешнем году:
Зима стояла лютая,
Весна стоит дождливая,
Давно бы сеять надобно,
А на полях — вода!
Умилосердись, господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса! [1]
(Сняв шляпу, пастырь крестится,
И слушатели тож.)

Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь прибавь им сил!
С таких трудов копейками
Живиться тяжело!
Случается, к недужному
Придешь: не умирающий,
Страшна семья крестьянская
В тот час, как ей приходится
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшего

[1] Крутая радуга — к вёдру; пологая — к дождю.

И поддержать в оставшихся
По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется с костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переворотится,
Как звякнут в этой рученьке
Два медных пятака!
Конечно, дело чистое —
За требу воздаяние,
Не брать — так нечем жить,
Да слово утешения
Замрет на языке,
И словно как обиженный
Уйдешь домой... Аминь...»

Покончил речь — и мерина
Хлестнул легонько поп.
Крестьяне расступилися,
Низенько поклонилися,
Конь медленно побрел.
А шестеро товарищей,
Как будто сговорилися,
Накинулись с упреками,
С отборной крупной руганью
На бедного Луку.

«Что взял? башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же лезет в спор!
Дворяне колокольные —
Попы живут по-княжески.
Идут под небо самое
Поповы терема,
Гудит попова вотчина —
Колокола горластые —
На целый божий мир.
Три года я, робятушки,
Жил у попа в работниках,
Малина — не житье!

Попова каша — с маслицем,
Попов пирог — с начинкою,
Поповы щи — с снетком!
Жена попова толстая,
Попова дочка белая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Как колокол гудет!
Ну, вот тебе хваленое
Поповское житье!
Чего орал, куражился?
На драку лез, анафема?
Не тем ли думал взять,
Что борода лопатою?
Так с бородой козел
Гулял по свету ранее,
Чем праотец Адам,
А дураком считается
И посейчас козел!..»

Лука стоял, помалчивал,
Боялся, не наклали бы
Товарищи в бока.
Оно быть так и сталося,
Да к счастию крестьянина
Дорога позагнулася —
Лицо попово строгое
Явилось на бугре...

Глава 2
СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА

Недаром наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тут — хоть волком вой!
Не греет землю солнышко,
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,

Идут по небесам.
Согнало снег, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одевается
Зеленым ярким бархатом
И, как мертвец без савана,
Лежит под небом пасмурным
Печальна и нага.

Жаль бедного крестьянина,
А пуще жаль скотинушку;
Скормив запасы скудные,
Хозяин хворостиною
Прогнал ее в луга,
А что там взять? Чернехонько!
Лишь на Николу вешнего
Погода поуставилась,
Зеленой свежей травушкой
Полакомился скот.

———

День жаркий. Под березками
Крестьяне пробираются,
Гуторят меж собой:
«Идем одной деревнею,
Идем другой — пустехонько!
А день сегодня праздничный,
Куда пропал народ? . .»
Идут селом — на улице
Одни ребята малые,
В домах — старухи старые,
А то и вовсе заперты
Калитки на замок.
Замок — собачка верная:
Не лает, не кусается,
А не пускает в дом!

Прошли село, увидели
В зеленой раме зеркало:
С краями полный пруд.

Над прудом реют ласточки;
Какие-то комарики,
Проворные и тощие,
Вприпрыжку, словно посуху,
Гуляют по воде.
По берегам, в ракитнике,
Коростели скрыпят.
На длинном, шатком плотике
С вальком поповна толстая
Стоит, как стог подщипанный,
Подтыкавши подол.
На этом же на плотике
Спит уточка с утятами...
Чу! лошадиный храп!
Крестьяне разом глянули
И над водой увидели
Две головы: мужицкую,
Курчавую и смуглую,
С серьгой (мигало солнышко
На белой той серьге),
Другую — лошадиную
С веревкой сажен в пять.
Мужик берет веревку в рот,
Мужик плывет — и конь плывет,
Мужик заржал — и конь заржал.
Плывут, орут! Под бабою,
Под малыми утятами
Плот ходит ходенем.

Догнал коня — за холку хвать!
Вскочил и на луг выехал
Детина: тело белое,
А шея как смола;
Вода ручьями катится
С коня и с седока.

«А что у вас в селении
Ни старого ни малого,
Как вымер весь народ?»
— «Ушли в село Кузьминское,
Сегодня там и ярмонка

И праздник храмовой».
— «А далеко Кузьминское?»

«Да будет версты три».

«Пойдем в село Кузьминское,
Посмотрим праздник-ярмонку!» —
Решили мужики,
А про себя подумали:
«Не там ли он скрывается,
Кто счастливо живет? . .»

Кузьминское богатое,
А пуще того — грязное
Торговое село.
По косогору тянется,
Потом в овраг спускается,
А там опять на горочку —
Как грязи тут не быть?
Две церкви в нем старинные,
Одна старообрядская,
Другая православная,
Дом с надписью: училище,
Пустой, забитый наглухо,
Изба в одно окошечко,
С изображеньем фельдшера,
Пускающего кровь.
Есть грязная гостиница,
Украшенная вывеской
(С большим носатым чайником
Поднос в руках подносчика,
И маленькими чашками,
Как гу́сыня гусятами,
Тот чайник окружен),
Есть лавки постоянные
Вподобие уездного
Гостиного двора. . .

Пришли на площадь странники:
Товару много всякого
И видимо-невидимо
Народу! Не потеха ли?

Кажись, нет ходу крестного,
А, словно пред иконами,
Без шапок мужики.
Такая уж сторонушка!
Гляди, куда деваются
Крестьянские шлыки:
Помимо складу винного,
Харчевни, ресторации,
Десятка штофных лавочек,
Трех постоялых двориков,
Да «ренскового погреба»,
Да пары кабаков,
Одиннадцать кабачников
Для праздника поставили
Палатки на селе.
При каждой пять подносчиков;
Подносчики — молодчики,
Наметанные, дошлые,
А всё им не поспеть,
Со сдачей не управиться!
Гляди, что́ протянулося
Крестьянских рук, со шляпами,
С платками, с рукавицами.
Ой жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку,
А там добудут шапочки,
Как отойдет базар.

По пьяным по головушкам
Играет солнце вешнее...
Хмельно, горласто, празднично,
Пестро, красно кругом!
Штаны на парнях плисовы,
Жилетки полосатые,
Рубахи всех цветов;
На бабах платья красные,
У девок косы с лентами,
Лебедками плывут!
А есть еще затейницы,
Одеты по-столичному —
И ширится, и дуется

Подол на обручах!
Заступишь — расфуфырятся!
Вольно же, новомодницы,
Вам снасти рыболовные
Под юбками носить!
На баб нарядных глядючи,
Старообрядка злющая
Товарке говорит:
«Быть голоду! быть голоду!
Дивись, как всходы вымокли,
Что половодье вешнее
Стоит до Петрова!
С тех пор, как бабы начали
Рядиться в ситцы красные, —
Леса не подымаются,
А хлеба хоть не сей!»

«Да чем же ситцы красные
Тут провинились, матушка?
Ума не приложу!»

«А ситцы те французские —
Собачьей кровью крашены!
Ну... поняла теперь?..»

По конной потолкалися,
По взгорью, где навалены
Косули, грабли, бороны,
Багры, станки тележные,
Ободья, топоры.
Там шла торговля бойкая,
С божбою, с прибаутками,
С здоровым, громким хохотом.
И как не хохотать?
Мужик какой-то крохотный
Ходил, ободья пробовал:
Погнул один — не нравится,
Погнул другой, потужился,
А обод как распрямится —
Щелк по лбу мужика!
Мужик ревет над ободом,
«Вязовою дубиною»

Ругает драчуна.
Другой приехал с разною
Поделкой деревянною —
И вывалил весь воз!
Пьяненек! Ось сломалася,
А стал ее уделывать —
Топор сломал! Раздумался
Мужик над топором,
Бранит его, корит его,
Как будто дело делает:
«Подлец ты, не топор!
Пустую службу, плевую
И ту не сослужил.
Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласков не бывал!»

Пошли по лавкам странники:
Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Шлеями, новой обувью,
Изделием кимряков.
У той сапожной лавочки
Опять смеются странники:
Тут башмачки козловые
Дед внучке торговал,
Пять раз про цену спрашивал,
Вертел в руках, оглядывал:
Товар первейший сорт!
«Ну, дядя! два двугривенных
Плати, не то проваливай!» —
Сказал ему купец.
«А ты постой!» Любуется
Старик ботинкой крохотной,
Такую держит речь:
«Мне зять — плевать, и дочь смолчит,
Жена — плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль! Повесилась
На шею, егоза:
Купи гостинчик, дедушка,
Купи! — Головкой шелковой
Лицо щекочет, ластится,
Целует старика.

Постой, ползунья босая!
Постой, юла! Козловые
Ботиночки куплю. . .
Расхвастался Вавилушка,
И старому и малому
Подарков насулил,
А пропился до грошика!
Как я глаза бесстыжие
Домашним покажу? . .

Мне зять — плевать, и дочь смолчит,
Жена — плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль! . .» — Пошел опять
Про внучку! Убивается! . .

Народ собрался, слушает,
Не смеючись, жалеючи;
Случись, работой, хлебушком
Ему бы помогли,
А вынуть два двугривенных —
Так сам ни с чем останешься.
Да был тут человек,
Павлуша Веретенников
(Какого роду, звания,
Не знали мужики,
Однако звали «барином».
Горазд он был балясничать,
Носил рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги;
Пел складно песни русские
И слушать их любил.
Его видали многие
На постоялых двориках,
В харчевнях, в кабаках),
Так он Вавилу выручил —
Купил ему ботиночки.
Вавило их схватил
И был таков! — На радости
Спасибо даже барину
Забыл сказать старик,

Зато крестьяне прочие
Так были разутешены,
Так рады, словно каждого
Он подарил рублем!

Была тут также лавочка
С картинами и книгами,
Офени запасалися
Своим товаром в ней.
«А генералов надобно?» —
Спросил их купчик-выжига.
«И генералов дай!
Да только ты по совести,
Чтоб были настоящие —
Потолще, погрозней».

«Чудные! как вы смотрите! —
Сказал купец с усмешкою, —
Тут дело не в комплекции. . .»

«А в чем же? шутишь, друг!
Дрянь, что ли, сбыть желательно?
А мы куда с ней денемся?
Шалишь! Перед крестьянином
Все генералы равные,
Как шишки на ели:
Чтобы продать плюгавого,
Попасть на доку надобно,
А толстого да грозного
Я всякому всучу. . .
Давай больших, осанистых,
Грудь с гору, глаз навыкате,
Да — чтобы больше звезд!»

«А статских не желаете?»
— «Ну, вот еще со статскими!»
(Однако взяли — дешево! —
Какого-то сановника
За брюхо с бочку винную
И за семнадцать звезд.)

Купец — со всем почтением,
Что любо, тем и потчует
(С Лубянки — первый вор!) —
Спустил по сотне Блюхера,
Архимандрита Фотия,
Разбойника Сипко,
Сбыл книги: «Шут Балакирев»
И «Английский милорд»...

Легли в коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
По царству всероссийскому,
Покамест не пристроятся
В крестьянской летней горенке,
На невысокой стеночке...
Черт знает для чего!

Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать...

«И рад бы в рай, да дверь-то где?» —
Такая речь врывается
В лавчонку неожиданно.

«Тебе какую дверь?»
— «Да в балаган. Чу! музыка! . .»
— «Пойдем, я укажу!»

Про балаган прослышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазеть.

Комедию с Петрушкою,
С козою с барабанщицей
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.
Комедия не мудрая,
Однако и не глупая,
Хожалому, квартальному
Не в бровь, а прямо в глаз!
Шалаш полным-полнехонек,
Народ орешки щелкает,
А то два-три крестьянина
Словечком перекинутся —
Гляди, явилась водочка:
Посмотрят да попьют!
Хохочут, утешаются
И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

Такие есть любители —
Как кончится комедия,
За ширмочки пойдут,
Целуются, братаются,
Гуторят с музыкантами:
«Откуда, молодцы?»
— «А были мы господские,
Играли на помещика,
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесет-попотчует,
Тот нам и господин!»

«И дело, други милые,
Довольно бар вы тешили,

Потешьте мужиков!
Эй! малый! сладкой водочки!
Наливки! чаю! полпива!
Цимлянского — живей!..»

И море разливанное
Пойдет, щедрее барского
Ребяток угостят.

Не ветры веют буйные,
Не мать-земля колышется —
Шумит, поет, ругается,
Качается, валяется,
Дерется и целуется
У праздника народ!
Крестьянам показалося,
Как вышли на пригорочек,
Что всё село шатается,
Что даже церковь старую
С высокой колокольнею
Шатнуло раз-другой! —
Тут трезвому, что голому,
Неловко... Наши странники
Прошлись еще по площади
И к вечеру покинули
Бурливое село...

Глава 3

ПЬЯНАЯ НОЧЬ

Не ригой, не амбарами,
Не кабаком, не мельницей,
Как часто на Руси,
Село кончалось низеньким
Бревенчатым строением
С железными решетками

В окошках небольших.
За тем этапным зданием
Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Открылась тут как тут.
По будням малолюдная,
Печальная и тихая,
Не та она теперь!

По всей по той дороженьке
И по окольным тропочкам,
Докуда глаз хватал,
Ползли, лежали, ехали,
Барахталися пьяные
И стоном стон стоял!

Скрыпят телеги грузные,
И, как телячьи головы,
Качаются, мотаются
Победные головушки
Уснувших мужиков!

Народ идет — и падает,
Как будто из-за валиков
Картечью неприятели
Палят по мужикам!

Ночь тихая спускается,
Уж вышла в небо темное
Луна, уж пишет грамоту
Господь червонным золотом
По синему по бархату,
Ту грамоту мудреную,
Которой ни разумникам,
Ни глупым не прочесть.

Дорога стоголосая
Гудит! Что море синее,

Смолкает, подымается
Народная молва.

«А мы полтинник писарю:
Прошенье изготовили
К начальнику губернии. . .»

«Эй! с возу куль упал!»

«Куда же ты, Оленушка?
Постой! еще дам пряничка,
Ты, как блоха проворная,
Наелась — и упрыгнула,
Погладить не далась!»

«Добра ты, царска грамота,
Да не при нас ты писана. . .»

«Посторонись, народ!»
(Акцизные чиновники
С бубенчиками, с бляхами
С базара пронеслись.)

«А я к тому теперича:
И веник дрянь, Иван Ильич,
А погуляет по полу,
Куда как напылит!»

«Избави бог, Парашенька,
Ты в Питер не ходи!
Такие есть чиновники,
Ты день у них кухаркою,
А ночь у них сударкою —
Так это наплевать!»

«Куда ты скачешь, Саввушка?»
(Кричит священник сотскому
Верхом, с казенной бляхою.)
— «В Кузьминское скачу
За становым. Оказия:

Там впереди крестьянина
Убили...» — «Эх!.. грехи!..»

«Худа ты стала, Дарьюшка!»
— «Не веретенце, друг!
Вот то, чем больше вертится,
Пузатее становится,
А я как день-деньской...»

«Эй, парень, парень глупенький,
Оборванный, паршивенький,
Эй, полюби меня!
Меня, простоволосую,
Хмельную бабу, старую,
Зааа-паааа-чканную!..»

Крестьяне наши трезвые,
Поглядывая, слушая,
Идут своим путем.

Средь самой средь дороженьки
Какой-то парень тихонький
Большую яму выкопал.
«Что делаешь ты тут?»
— «А хороню я матушку!»
— «Дурак! какая матушка!
Гляди: поддевку новую
Ты в землю закопал!
Иди скорей да хрюкалом
В канаву ляг, воды испей!
Авось, соскочит дурь!»

«А ну, давай потянемся!»

Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,
И жилятся, и тужатся,
Кряхтят — на скалке тянутся,
Суставчики трещат!
На скалке не понравилось:
«Давай теперь попробуем

Тянуться бородой!»
Когда порядком бороды
Друг дружке поубавили,
Вцепились за скулы!
Пыхтят, краснеют, корчатся,
Мычат, визжат, а тянутся!
«Да будет вам, проклятые!
Не разольешь водой!»

В канаве бабы ссорятся,
Одна кричит: «Домой идти
Тошнее, чем на каторгу!»
Другая: «Врешь, в моем дому
Похуже твоего!
Мне старший зять ребро сломал,
Середний зять клубок украл,
Клубок — плевок, да дело в том —
Полтинник был замотан в нем,
А младший зять всё нож берет,
Того гляди убьет, убьет! . .»

«Ну, полно, полно, миленький!
Ну, не сердись! — за валиком
Неподалеку слышится. —
Я ничего... пойдем!»
Такая ночь бедовая!
Направо ли, налево ли
С дороги поглядишь:
Идут дружненько парочки,
Не к той ли роще правятся?
Та роща манит всякого,
В той роще голосистые
Соловушки поют...

Дорога многолюдная
Что позже — безобразнее:
Всё чаще попадаются
Избитые, ползущие,
Лежащие пластом.
Без ругани, как водится,
Словечко не промолвится,
Шальная, непотребная,

Слышней всего она!
У кабаков смятение,
Подводы перепутались,
Испуганные лошади
Без седоков бегут;
Тут плачут дети малые,
Тоскуют жены, матери:
Легко ли из питейного
Дозваться мужиков?..

У столбика дорожного
Знакомый голос слышится,
Подходят наши странники
И видят: Веретенников
(Что башмачки козловые
Вавиле подарил)
Беседует с крестьянами.
Крестьяне открываются
Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку —
Пять раз споют, записывай!
Понравится пословица —
Пословицу пиши!
Позаписав достаточно,
Сказал им Веретенников:
«Умны крестьяне русские,
Одно нехорошо,
Что пьют до одурения,
Во рвы, в канавы валятся —
Обидно поглядеть!»

Крестьяне речь ту слушали,
Поддакивали барину.
Павлуша что-то в книжечку
Хотел уже писать.
Да выискался пьяненький
Мужик, — он против барина
На животе лежал,
В глаза ему поглядывал,
Помалчивал — да вдруг
Как вскочит! Прямо к барину —
Хвать карандаш из рук!

«Постой, башка порожняя!
Шальных вестей, бессовестных
Про нас не разноси!
Чему ты позавидовал!
Что веселится бедная
Крестьянская душа?
Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем,
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас.
По деревням ты хаживал?
Возьмем ведерко с водкою,
Пойдем-ка по избáм:
В одной, в другой навалятся,
А в третьей не притронутся —
У нас на сéмью пьющую
Непьющая семья!
Не пьют, а также маются,
Уж лучше б пили, глупые,
Да совесть такова...
Чуднó смотреть, как ввалится
В такую избу трезвую
Мужицкая беда, —
И не глядел бы!.. Видывал
В страду деревни русские?
В питейном, что ль, народ?
У нас поля обширные,
А не гораздо щедрые,
Скажи-ка, чьей рукой
С весны они оденутся,
А осенью разденутся?
Встречал ты мужика
После работы вечером?
На пожне гору добрую
Поставил, съел с горошину:
— Эй! богатырь! соломинкой
Сшибу, посторонись!

Сладка еда крестьянская,
Весь век пила железная
Жует, а есть не ест!
Да брюхо-то не зеркало,

Мы на еду не плачемся...
Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!
А есть еще губитель-тать
Четвертый, злей татарина,
Так тот и не поделится,
Всё слопает один!
У нас пристал третьеводни
Такой же барин плохонький,
Как ты, из-под Москвы.
Записывает песенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загани.
А был другой — допытывал,
На сколько в день сработаешь,
По малу ли, по многу ли
Кусков пихаешь в рот?
Иной угодья меряет,
Иной в селеньи жителей
По пальцам перечтет,
А вот не сосчитали же,
По скольку в лето каждое
Пожар пускает на ветер
Крестьянского труда?..

Нет меры хмелю русскому.
А горе наше меряли?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет,
Так неужли над чаркою
Задуматься, что с лишнего
В канаву угодишь?
А что глядеть зазорно вам,

Как пьяные валяются,
Так погляди поди,
Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое,
Скосивши, волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская
По кочам, по зажоринам
Ползком ползет с плетюхами, —
Трещит крестьянский пуп!

Под солнышком без шапочек,
В поту, в грязи по макушку,
Осокою изрезаны,
Болотным гадом-мошкою
Изъеденные в кровь, —
Небось мы тут красивее?

Жалеть — жалей умеючи,
На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и в гульбе!..

У каждого крестьянина
Душа что туча черная —
Гневна, грозна, — и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А всё вином кончается.
Пошла по жилам чарочка —
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тут надобно,
Гляди кругом — возрадуйся!
Ай парни, ай молодушки,
Умеют погулять!
Повымахали косточки,

Повымотали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли! ..»

Мужик стоял на валике,
Притопывал лаптишками
И, помолчав минуточку,
Прибавил громким голосом,
Любуясь на веселую,
Ревущую толпу:
«Эй! царство ты мужицкое,
Бесшапочное, пьяное,
Шуми — вольней шуми! ..»

«Как звать тебя, старинушка?»

«А что? запишешь в книжечку?
Пожалуй, нужды нет!
Пиши: *В деревне Босове*
Яким Нагой живет,
Он до смерти работает,
До полусмерти пьет! ..»

Крестьяне рассмеялися
И рассказали барину,
Каков мужик Яким.

Яким, старик убогонький,
Живал когда-то в Питере,
Да угодил в тюрьму:
С купцом тягаться вздумалось!
Как липочка ободранный,
Вернулся он на родину
И за соху взялся.
С тех пор лет тридцать жарится
На полосе под солнышком,
Под бороной спасается
От частого дождя,
Живет — с сохою возится,
А смерть придет Якимушке —

Как ком земли отвалится,
Что на сохе присох...

С ним случай был: картиночек
Он сыну накупил,
Развешал их по стеночкам
И сам не меньше мальчика
Любил на них глядеть.
Пришла немилость божия,
Деревня загорелася —
А было у Якимушки
За целый век накоплено
Целковых тридцать пять.
Скорей бы взять целковые,
А он сперва картиночки
Стал со стены срывать;
Жена его тем временем
С иконами возилася,
А тут изба и рухнула —
Так оплошал Яким!
Слились в комок целковики,
За тот комок дают ему
Одиннадцать рублей...
«Ой брат Яким! недешево
Картинки обошлись!
Зато и в и́збу новую
Повесил их, небось?»

«Повесил — есть и новые», —
Сказал Яким — и смолк.

Вгляделся барин в пахаря:
Грудь впалая; как вдавленный
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И сам на землю-матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный,
Кирпичное лицо,

Рука — кора древесная,
А волосы — песок.

Крестьяне, как заметили,
Что не обидны барину
Якимовы слова,
И сами согласилися
С Якимом: «Слово верное:
Нам подобает пить!
Пьем — значит, силу чувствуем!
Придет печаль великая,
Как перестанем пить!..
Работа не свалила бы,
Беда не одолела бы,
Нас хмель не одолит!
Не так ли?»
— «Да, бог милостив!»

«Ну, выпей с нами чарочку!»

Достали водки, выпили.
Якиму Веретенников
Два шкалика поднес.

«Ай барин! не прогневался,
Разумная головушка!
(Сказал ему Яким.)
Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свиньи ходят по земи —
Не видят неба век!..»

Вдруг песня хором грянула
Уда́лая, согласная:
Десятка три молодчиков,
Хмельненьки, а не валятся,
Идут рядком, поют,
Поют про Волгу-матушку,
Про удаль молодецкую,
Про девичью красу.
Притихла вся дороженька,
Одна та песня складная

Широко, вольно катится,
Как рожь под ветром стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идет огнем-тоской!..

Под песню ту удалую
Раздумалась, расплакалась
Молодушка одна:
«Мой век — что день без солнышка,
Мой век — что ночь без месяца,
А я, млада-младешенька,
Что борзый конь на привязи,
Что ласточка без крыл!
Мой старый муж, ревнивый муж,
Напился пьян, храпо́м храпит,
Меня, младу-младешеньку,
И сонный сторожит!»

Так плакалась молодушка
Да с возу вдруг и спрыгнула!
«Куда?» — кричит ревнивый муж,
Привстал — и бабу за косу,
Как редьку за вихор!

Ой! ночка, ночка пьяная!
Не светлая, а звездная,
Не жаркая, а с ласковым
Весенним ветерком!
И нашим добрым молодцам
Ты даром не прошла!
Сгрустнулось им по женушкам,
Оно и правда: с женушкой
Теперь бы веселей!
Иван кричит: «Я спать хочу»,
А Марьюшка: «И я с тобой!»
Иван кричит: «Постель узка»,
А Марьюшка: «Уляжемся!»
Иван кричит: «Ой, холодно»,
А Марьюшка: «Угреемся!»
Как вспомнили ту песенку,

Без слова — согласилися
Ларец свой попытать.

Одна, зачем бог ведает,
Меж полем и дорогою
Густая липа выросла.
Под ней присели странники
И осторожно молвили:
«Эй! скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков!»

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.

Крестьяне подкрепилися,
Роман за караульного
Остался у ведра,
А прочие вмешалися
В толпу — искать счастливого:
Им крепко захотелося
Скорей попасть домой...

Глава 4

СЧАСТЛИВЫЕ

В толпе горластой, праздничной
Похаживали странники,
Прокликивали клич:
«Эй! нет ли где счастливого?
Явись! Коли окажется,
Что счастливо живешь,
У нас ведро готовое:
Пей даром сколько вздумаешь —
На славу угостим!..»
Таким речам неслыханным
Смеялись люди трезвые,

А пьяные да умные
Чуть не плевали в бороду
Ретивым крикунам.
Однако и охотников
Хлебнуть вина бесплатного
Достаточно нашлось.
Когда вернулись странники
Под липу, клич прокликавши,
Их обступил народ.
Пришел дьячок уволенный,
Тощой, как спичка серная,
И лясы распустил,
Что счастие не в пажитях,
Не в соболях, не в золоте,
Не в дорогих камнях.
«А в чем же?»
— «В благодушестве!
Пределы есть владениям
Господ, вельмож, царей земных,
А мудрого владение —
Весь вертоград Христов!
Коль обогреет солнышко
Да пропущу косушечку,
Так вот и счастлив я!»
— «А где возьмешь косушечку?»
— «Да вы же дать сулилися. . .»

«Проваливай! шалишь! . .»

Пришла старуха старая,
Рябая, одноглазая
И объявила, кланяясь,
Что счастлива она:
Что у нее по осени
Родилось реп до тысячи
На небольшой гряде.
«Такая репа крупная,
Такая репа вкусная,
А вся гряда — сажени три,
А вперечь — аршин!»
Над бабой посмеялися,
А водки капли не дали:

«Ты дома выпей, старая,
Той репой закуси!»

Пришел солдат с медалями,
Чуть жив, а выпить хочется:
«Я счастлив!» — говорит.

«Ну, открывай, старинушка,
В чем счастие солдатское?
Да не таись, смотри!»
— «А в том, во-первых, счастие,
Что в двадцати сражениях
Я был, а не убит!
А во-вторых, важней того,
Я и во время мирное
Ходил ни сыт ни голоден,
А смерти не дался!
А в-третьих — за провинности,
Великие и малые,
Нещадно бит я палками,
А хоть пощупай — жив!»

«На! выпивай, служивенький!
С тобой и спорить нечего:
Ты счастлив — слова нет!»

Пришел с тяжелым молотом
Каменотес-олончанин,
Плечистый, молодой:
«И я живу — не жалуюсь, —
Сказал он, — с женкой, с матушкой
Не знаем мы нужды!»

«Да в чем же ваше счастие?»

«А вот гляди (и молотом,
Как перышком, махнул):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Так гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,

Щебенки наколачивать
В день на пять серебром!»

Пахом приподнял «счастие»
И, крякнувши порядочно,
Работнику поднес:
«Ну, веско! а не будет ли
Носиться с этим счастием
Под старость тяжело? . .»

«Смотри, не хвастай силою, —
Сказал мужик с одышкою,
Расслабленный, худой
(Нос вострый, как у мертвого,
Как грабли руки тощие,
Как спицы ноги длинные,
Не человек — комар). —
Я был — не хуже каменщик
Да тоже хвастал силою,
Вот бог и наказал!
Смекнул подрядчик, бестия,
Что простоват детинушка,
Учал меня хвалить,
А я-то сдуру радуюсь,
За четверых работаю!
Однажды ношу добрую
Наклал я кирпичей,
А тут его, проклятого,
И нанеси нелегкая:
„Что это? — говорит. —

Не узнаю я Трифона!
Идти с такою ношею
Не стыдно молодцу?“
— „А коли мало кажется,
Прибавь рукой хозяйскою!“ —
Сказал я, осердясь.
Ну, с полчаса, я думаю,
Я ждал, а он подкладывал,
И подложил, подлец!
Сам слышу — тяга страшная,
Да не хотелось пятиться.

И внес ту ношу чертову
Я во второй этаж!
Глядит подрядчик, дивится,
Кричит, подлец, оттудова:
„Ай, молодец, Трофим![1]
Не знаешь сам, что сделал ты:
Ты снес один по крайности
Четырнадцать пудов!“
Ой, знаю! сердце молотом
Стучит в груди, кровавые
В глазах круги стоят,
Спина как будто треснула...
Дрожат, ослабли ноженьки.
Зачах я с той поры!..
Налей, брат, полстаканчика!»

«Налить? Да где ж тут счастие?
Мы потчуем счастливого,
А ты что рассказал!»

«Дослушай! будет счастие!»

«Да в чем же, говори!»

«А вот в чем. Мне на родине,
Как всякому крестьянину,
Хотелось умереть.
Из Питера, расслабленный,
Шальной, почти без памяти,
Я на машину сел.
Ну, вот мы и поехали.
В вагоне — лихорадочных,
Горячечных работничков
Нас много набралось,
Всем одного желалося,
Как мне: попасть на родину,
Чтоб дома помереть.
Однако нужно счастие

[1] Выше (ст. 1845) то же лицо названо Трифоном. — *Ред.*

И тут: мы летом ехали,
В жарище, в духоте
У многих помутилися
Вконец больные головы,
В вагоне ад пошел:
Тот стонет, тот катается,
Как оглашенный, по полу,
Тот бредит женкой, матушкой.
Ну, на ближайшей станции
Такого и долой!
Глядел я на товарищей,
Сам весь горел, подумывал —
Несдобровать и мне.
В глазах кружки багровые,
И всё мне, братец, чудится,
Что режу пеунов
(Мы тоже пеунятники,
Случалось в год откармливать
До тысячи зобов).
Где вспомнились, проклятые!
Уж я молиться пробовал,
Нет! всё с ума нейдут!
Поверишь ли? вся партия
Передо мной трепещется!
Гортани перерезаны,
Кровь хлещет, а поют!
А я с ножом: „Да полно вам!“
Уж как господь помиловал,
Что я не закричал?
Сижу, креплюсь... по счастию,
День кончился, а к вечеру
Похолодало, — сжалился
Над сиротами бог!
Ну, так мы и доехали,
И я добрел на родину,
А здесь, по божьей милости,
И легче стало мне...»

«Чего вы тут расхвастались
Своим мужицким счастием? —
Кричит, разбитый на ноги,
Дворовый человек. —

А вы меня попотчуйте:
Я счастлив, видит бог!
У первого боярина,
У князя Переметьева,
Я был любимый раб.
Жена — раба любимая,
А дочка вместе с барышней
Училась и французскому
И всяким языкам,
Садиться позволялось ей
В присутствии княжны...
Ой! как кольнуло!.. батюшки!..»
(И начал ногу правую
Ладонями тереть.)
Крестьяне рассмеялися.
«Чего смеетесь, глупые, —
Озлившись неожиданно
Дворовый закричал. —
Я болен, а сказать ли вам,
О чем молюсь я господу,
Вставая и ложась?
Молюсь: „Оставь мне, господи,
Болезнь мою почетную,
По ней я дворянин!“
Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею —
Болезнью благородною,
Какая только водится
У первых лиц в империи,
Я болен, мужичье!
По-да-грой именуется!
Чтоб получить ее —
Шампанское, бургонское,
Токайское, венгерское
Лет тридцать надо пить...
За стулом у светлейшего
У князя Переметьева
Я сорок лет стоял,
С французским лучшим трюфелем
Тарелки я лизал,
Напитки иностранные
Из рюмок допивал...

Ну, наливай!»
                — «Проваливай!
У нас вино мужицкое,
Простое, не заморское —
Не по твоим губам!»

Желтоволосый, сгорбленный,
Подкрался робко к странникам
Крестьянин-белорус,
Туда же к водке тянется:
«Налей и мне маненичко,
Я счастлив!» — говорит.

«А ты не лезь с ручищами!
Докладывай, доказывай
Сперва, чем счастлив ты?»

«А счастье наше — в хлебушке:
Я дома в Белоруссии
С мякиною, с кострикою
Ячменный хлеб жевал;
Бывало, во́пишь голосом,
Как роженица корчишься,
Как схватит животы.
А ныне, милость божия! —
Досыта у Губонина
Дают ржаного хлебушка,
Жую — не нажуюсь!»

Пришел какой-то пасмурный
Мужик с скулой свороченной,
Направо всё глядит:
«Хожу я за медведями,
И счастье мне великое:
Троих моих товарищей
Сломали мишуки,
А я живу, бог милостив!»

«А ну-ка влево глянь?»

Не глянул, как ни пробовал,
Какие рожи страшные

Ни корчил мужичок:
«Свернула мне медведица
Маненичко скулу!»
— «А ты с другой померяйся,
Подставь ей щеку правую —
Поправит. . .» — Посмеялися,
Однако поднесли.

Оборванные нищие,
Послышав запах пенного,
И те пришли доказывать,
Как счастливы они:
«Нас у порога лавочник
Встречает подаянием,
А в дом войдем, так из дому
Проводят до ворот. . .
Чуть запоем мы песенку,
Бежит к окну хозяюшка
С краюхою, с ножом,
А мы-то заливаемся:
„Давать давай — весь каравай,
Не мнется и не крошится,
Тебе скорей, а нам спорей. . .“»

Смекнули наши странники,
Что даром водку тратили,
Да кстати и ведерочку
Конец. «Ну, будет с вас!
Эй, счастие мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями,
Проваливай домой!»

«А вам бы, други милые,
Спросить Ермилу Гирина, —
Сказал, подсевши к странникам,
Деревни Дымоглотова
Крестьянин Федосей. —
Коли Ермил не выручит,

Счастливцем не объявится,
Так и шататься нечего. . .»

«А кто такой Ермил?
Князь, что ли, граф сиятельный?»

«Не князь, не граф сиятельный,
А просто он — мужик!»

«Ты говори толковее,
Садись, а мы послушаем,
Какой такой Ермил?»

«А вот какой: сиротскую
Держал Ермило мельницу
На Унже. По суду
Продать решили мельницу:
Пришел Ермило с прочими
В палату на торги.
Пустые покупатели
Скоренько отвалилися,
Один купец Алтынников
С Ермилом в бой вступил,
Не отстает, торгуется,
Наносит по копеечке.
Ермило как рассердится —
Хвать сразу пять рублей!
Купец опять копеечку,
Пошло у них сражение:
Купец его копейкою,
А тот его рублем!
Не устоял Алтынников!
Да вышла тут оказия:
Тотчас же стали требовать
Задатков третью часть,
А третья часть — до тысячи.
С Ермилом денег не было,
Уж сам ли он сплошал,
Схитрили ли подьячие,
А дело вышло дрянь!

Повеселел Алтынников:
„Моя, выходит, мельница!“

„Нет! — говорит Ермил,
Подходит к председателю. —
Нельзя ли вашей милости
Помешкать полчаса?“

„Что в полчаса ты сделаешь?“

„Я деньги принесу!“

„А где найдешь? В уме ли ты?
Верст тридцать пять до мельницы,
А через час присутствию
Конец, любезный мой!“

„Так полчаса позволите?“

„Пожалуй, час промешкаем!“

Пошел Ермил; подьячие
С купцом переглянулися,
Смеются, подлецы!
На площадь на торговую
Пришел Ермило (в городе
Тот день базарный был),
Стал на воз, видим: крестится,
На все четыре стороны
Поклон, — и громким голосом
Кричит: „Эй, люди добрые!
Притихните, послушайте,
Я слово вам скажу!“
Притихла площадь людная,
И тут Ермил про мельницу
Народу рассказал:
„Давно купец Алтынников
Присватывался к мельнице,
Да не плошал и я,
Раз пять справлялся в городе,
Сказали: с переторжкою
Назначены торги.

Без дела, сами знаете,
Возить казну крестьянину
Проселком не рука:
Приехал я без грошика,
Ан глядь — они спроворили
Без переторжки торг!
Схитрили души подлые,
Да и смеются нехристи:
„Что часом ты поделаешь?
Где денег ты найдешь?“
Авось найду, бог милостив!
Хитры, сильны подьячие,
А мир их посильней,
Богат купец Алтынников,
А всё не устоять ему
Против мирской казны —
Ее, как рыбу из моря,
Века ловить — не выловить.
Ну, братцы! видит бог,
Разделаюсь в ту пятницу!
Не дорога мне мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу верите,
Так выручайте, что ль!..“

И чудо сотворилося:
На всей базарной площади
У каждого крестьянина,
Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг!
Крестьянство раскошелилось,
Несут Ермилу денежки,
Дают, кто чем богат.
Ермило парень грамотный,
Да некогда записывать,
Успей пересчитать!
Наклали шляпу полную
Целковиков, лобанчиков,
Прожженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнации.
Ермило брал — не брезговал

И медным пятаком.
Еще бы стал он брезговать,
Когда тут попадалася
Иная гривна медная
Дороже ста рублей!

Уж сумма вся исполнилась,
А щедрота народная
Росла: „Бери, Ермил Ильич,
Отдашь, не пропадет!“
Ермил народу кланялся
На все четыре стороны,
В палату шел со шляпою,
Зажавши в ней казну.
Сдивилися подьячие,
Позеленел Алтынников,
Как он сполна всю тысячу
Им выложил на стол!..
Не волчий зуб, так лисий хвост, —
Пошли юлить подьячие,
С покупкой поздравлять!
Да не таков Ермил Ильич,
Не молвил слова лишнего,
Копейки не дал им!

Глядеть весь город съехался,
Как в день базарный, пятницу,
Через неделю времени
Ермил на той же площади
Рассчитывал народ.
Упомнить где же всякого?
В ту пору дело делалось
В горячке, второпях!
Однако споров не было,
И выдать гро́ша лишнего
Ермилу не пришлось.
Еще, он сам рассказывал,
Рубль лишний — чей бог ведает! —
Остался у него.
Весь день с мошной раскрытою
Ходил Ермил, допытывал:
Чей рубль? да не нашел.

Уж солнце закатилося,
Когда с базарной площади
Ермил последний тронулся,
Отдав тот рубль слепым...
Так вот каков Ермил Ильич».

«Чудён! — сказали странники. —
Однако знать желательно —
Каким же колдовством
Мужик над всей округою
Такую силу взял?»

«Не колдовством, а правдою.
Слыхали про Адовщину,
Юрлова-князя вотчину?»

«Слыхали, ну так что ж?»

«В ней главный управляющий
Был корпуса жандармского
Полковник со звездой,
При нем пять-шесть помощников,
А наш Ермило писарем
В конторе состоял.

Лет двадцать было малому,
Какая воля писарю?
Однако для крестьянина
И писарь человек.
К нему подходишь к первому,
А он и посоветует
И справку наведет;
Где хватит силы — выручит,
Не спросит благодарности,
И дашь, так не возьмет!
Худую совесть надобно —
Крестьянину с крестьянина
Копейку вымогать.

Таким путем вся вотчина
В пять лет Ермилу Гирина
Узнала хорошо,

А тут его и выгнали...
Жалели крепко Гирина,
Трудненько было к новому,
Хапуге, привыкать,
Однако делать нечего,
По времени приладились
И к новому писцу.
Тот ни строки без трешника,
Ни слова без семишника,
Прожженный, из кутейников —
Ему и бог велел!

Однако, волей божией,
Недолго он поцарствовал, —
Скончался старый князь,
Приехал князь молоденький,
Прогнал того полковника,
Прогнал его помощника,
Контору всю прогнал,
А нам велел из вотчины
Бурмистра изобрать.
Ну, мы не долго думали,
Шесть тысяч душ, всей вотчиной
Кричим: „Ермилу Гирина!“ —
Как человек един!
Зовут Ермилу к барину.
Поговорив с крестьянином,
С балкона князь кричит:
„Ну, братцы! будь по-вашему.
Моей печатью княжеской
Ваш выбор утвержден:
Мужик проворный, грамотный,
Одно скажу: не молод ли?..“

А мы: „Нужды нет, батюшка,
И молод, да умен!“
Пошел Ермило царствовать
Над всей княжою вотчиной,
И царствовал же он!
В семь лет мирской копеечки
Под ноготь не зажал,
В семь лет не тронул правого,

Не попустил виновному,
Душой не покривил...»

«Стой! — крикнул укорительно
Какой-то попик седенький
Рассказчику. — Грешишь!
Шла борона прямехонько,
Да вдруг махнула в сторону —
На камень зуб попал!
Коли взялся рассказывать,
Так слова не выкидывай
Из песни: или странникам
Ты сказку говоришь?..
Я знал Ермилу Гирина...»

«А я небось не знал?
Одной мы были вотчины,
Одной и той же волости,
Да нас перевели...»

«А коли знал ты Гирина,
Так знал и брата Митрия,
Подумай-ка, дружок».

Рассказчик призадумался
И, помолчав, сказал:
«Соврал я: слово лишнее
Сорвалось на маху!
Был случай, и Ермил-мужик
Свихнулся: из рекрутчины
Меньшого брата Митрия
Повыгородил он.
Молчим: тут спорить нечего,
Сам барин брата старосты
Забрить бы не велел,
Одна Ненила Власьева
По сыне горько плачется,
Кричит: не наш черед!
Известно, покричала бы
Да с тем бы и отъехала.
Так что же? Сам Ермил,
Покончивши с рекрутчиной,

Стал тосковать, печалиться,
Не пьет, не ест: тем кончилось,
Что в деннике с веревкою
Застал его отец.
Тут сын отцу покаялся:
„С тех пор, как сына Власьевны
Поставил я не в очередь,
Постыл мне белый свет!“
А сам к веревке тянется.
Пытали уговаривать
Отец его и брат,
Он всё одно: „Преступник я!
Злодей! вяжите руки мне,
Ведите в суд меня!“
Чтоб хуже не случилося,
Отец связал сердечного,
Приставил караул.

Сошелся мир, шумит, галдит,
Такого дела чудного
Вовек не приходилося
Ни видеть, ни решать.
Ермиловы семейные
Уж не о том старалися,
Чтоб мы им помирволили,
А строже рассуди —
Верни парнишку Власьевне,
Не то Ермил повесится,
За ним не углядишь!
Пришел и сам Ермил Ильич,
Босой, худой, с колодками,
С веревкой на руках,
Пришел, сказал: „Была пора,
Судил я вас по совести,
Теперь я сам грешнее вас:
Судите вы меня!“
И в ноги поклонился нам.
Ни дать ни взять юродивый,
Стоит, вздыхает, крестится,
Жаль было нам глядеть,
Как он перед старухою,

Перед Ненилой Власьевой,
Вдруг на колени пал!

Ну, дело всё обладилось,
У господина сильного
Везде рука: сын Власьевны
Вернулся, сдали Митрия,
Да, говорят, и Митрию
Нетяжело служить,
Сам князь о нем заботится.
А за провинность с Гирина
Мы положили штраф:
Штрафные деньги рекруту,
Часть небольшая Власьевне,
Часть миру на вино...

Однако после этого
Ермил не скоро справился,
С год как шальной ходил.
Как ни просила вотчина,
От должности уволился,
В аренду снял ту мельницу
И стал он пуще прежнего
Всему народу люб:
Брал за помол по совести,
Народу не задерживал,
Приказчик, управляющий,
Богатые помещики
И мужики беднейшие —
Все очереди слушались,
Порядок строгий вел!
Я сам уж в той губернии
Давненько не бывал,
А про Ермилу слыхивал,
Народ им не нахвалится,
Сходите вы к нему».

«Напрасно вы проходите, —
Сказал уж раз заспоривший
Седоволосый поп. —
Я знал Ермила Гирина,
Попал я в ту губернию

Назад тому лет пять
(Я в жизни много странствовал,
Преосвященный наш
Переводить священников
Любил)... С Ермилой Гириным
Соседи были мы.
Да! был мужик единственный!
Имел он всё, что надобно
Для счастья: и спокойствие,
И деньги, и почет,
Почет завидный, истинный,
Не купленный ни де́ньгами,
Ни страхом: строгой правдою,
Умом и добротой!
Да только, повторяю вам,
Напрасно вы проходите,
В остроге он сидит...»

«Как так?»
— «А воля божия!

Слыхал ли кто из вас,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Испуганной губернии,
Уезда Недыханьева,
Деревня Столбняки?..
Как о пожарах пишется
В газетах (я их читывал):
„Осталась неизвестною
Причина“ — так и тут:
До сей поры неведомо
Ни земскому исправнику,
Ни высшему правительству,
Ни столбнякам самим,
С чего стряслась оказия,
А вышло дело дрянь.
Потребовалось воинство,
Сам государев посланный
К народу речь держал,
То руганью попробует
И плечи с эполетами

Подымет высоко,
То ласкою попробует
И грудь с крестами царскими
Во все четыре стороны
Повертывать начнет.
Да брань была тут лишняя,
А ласка непонятная:
„Крестьянство православное!
Русь-матушка! царь-батюшка!“
И больше ничего!
Побившись так достаточно,
Хотели уж солдатикам
Скомандовать: пали!
Да волостному писарю
Пришла тут мысль счастливая,
Он про Ермилу Гирина
Начальнику сказал:
„Народ поверит Гирину,
Народ его послушает...“
— „Позвать его живей!“»

. . . .

Вдруг крик: «Ай, ай! помилуйте!»,
Раздавшись неожиданно,
Нарушил речь священника,
Все бросились глядеть:

У валика дорожного
Секут лакея пьяного —
Попался в воровстве!
Где пойман, тут и суд ему:
Судей сошлось десятка три,
Решили дать по лозочке,
И каждый дал лозу!
Лакей вскочил и, шлепая
Худыми сапожнишками,
Без слова тягу дал.
«Вишь, побежал, как встрепанный! —
Шутили наши странники,
Узнавши в нем балясника,
Что хвастался какою-то

Особенной болезнию
От иностранных вин. —
Откуда прыть явилася!
Болезнь ту благородную
Вдруг сняло, как рукой!»

«Эй, эй! куда ж ты, батюшка!
Ты доскажи историю,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Деревня Столбняки?»

«Пора домой, родимые.
Бог даст, опять мы встретимся,
Тогда и доскажу!»

Под утро поразъехалась,
Поразбрелась толпа.
Крестьяне спать надумали,
Вдруг тройка с колокольчиком
Откуда ни взялась,
Летит! а в ней качается
Какой-то барин кругленький,
Усатенький, пузатенький,
С сигарочкой во рту.
Крестьяне разом бросились
К дороге, сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились в ряд
И тройке с колокольчиком
Загородили путь...

Глава 5

ПОМЕЩИК

Соседнего помещика
Гаврилу Афанасьича
Оболта-Оболдуева
Та троечка везла.

Помещик был румяненький,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лет;
Усы седые, длинные,
Ухватки молодецкие,
Венгерка с бранденбурами,
Широкие штаны.
Гаврило Афанасьевич,
Должно быть, перетрусился,
Увидев перед тройкою
Семь рослых мужиков.
Он пистолетик выхватил,
Как сам, такой же толстенький,
И дуло шестиствольное
На странников навел:
«Ни с места! Если тронетесь,
Разбойники! грабители!
На месте уложу!..»
Крестьяне рассмеялися:
«Какие мы разбойники,
Гляди — у нас ни ножика,
Ни топоров, ни вил!»
— «Кто ж вы? чего вам надобно?»

«У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово крепкое
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать,
Тогда свою заботушку
Поведаем тебе...»

«Извольте: слово честное,
Дворянское даю!»
— «Нет, ты нам не дворянское,
Дай слово христианское!
Дворянское с побранкою,

С толчком да с зуботычиной,
То непригодно нам!»

«Эге! какие новости!
А впрочем, будь по-вашему!
Ну, в чем же ваша речь? ..»
— «Спрячь пистолетик! выслушай!
Вот так! мы не грабители,
Мы мужики смиренные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из разных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подралися,
Подравшися — удумали
Не расходиться врозь,

В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведаем
Как ни на есть доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?

Скажи ж ты нам по-божески,
Сладка ли жизнь помещичья?
Ты как — вольготно, счастливо,
Помещичек, живешь?»

Гаврило Афанасьевич
Из тарантаса выпрыгнул,
К крестьянам подошел:
Как лекарь, руку каждому
Пощупал, в лица глянул им,
Схватился за бока
И покатился со смеху...
«Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!»
Здоровый смех помещичий
По утреннему воздуху
Раскатываться стал...

Нахохотавшись досыта,
Помещик не без горечи
Сказал: «Наденьте шапочки,
Садитесь, *господа!*»

«Мы господа не важные,
Перед твоею милостью
И постоим...»

— «Нет! нет!
Прошу садиться, *граждане!*»
Крестьяне поупрямились,
Однако делать нечего,
Уселись на валу.

«И мне присесть позволите?
Эй, Прошка! рюмку хересу,
Подушку и ковер!»

Расположась на коврике
И выпив рюмку хересу,
Помещик начал так:

«Я дал вам слово честное
Ответ держать по совести,
А нелегко оно!
Хоть люди вы почтенные,
Однако не ученые,
Как с вами говорить?
Сперва понять вам надо бы,
Что значит слово самое:
Помещик, дворянин.
Скажите, вы, любезные,
О родословном дереве
Слыхали что-нибудь?»
— «Леса нам не заказаны —
Видали древо всякое!» —
Сказали мужики.
«Попали пальцем в небо вы!..
Скажу вам вразумительней:
Я роду именитого,
Мой предок Оболдуй
Впервые поминается
В старинных русских грамотах
Два века с половиною
Назад тому. Гласит
Та грамота: „Татарину
Оболту Оболдуеву
Дано суконце доброе,
Ценою в два рубля:
Волками и лисицами
Он тешил государыню,
В день царских именин,
Спускал медведя дикого
С своим, и Оболдуева
Медведь тот ободрал...“
Ну, поняли, любезные?»

— «Как не понять! С медведями
Немало их шатается,
Прохвостов, и теперь».

«Вы всё свое, любезные!
Молчать! уж лучше слушайте,
К чему я речь веду:
Тот Оболдуй, потешивший
Зверями государыню,
Был корень роду нашему,
А было то, как сказано,
С залишком двести лет.
Прапрадед мой по матери
Был и того древней:
„Князь Щепин с Васькой Гусевым
(Гласит другая грамота)
Пытал поджечь Москву,
Казну пограбить думали,
Да их казнили смертию",
А было то, любезные,
Без мала триста лет.

Так вот оно откудова
То дерево дворянское
Идет, друзья мои!»

«А ты, примерно, яблочко
С того выходишь дерева?» —
Сказали мужики.

«Ну, яблочко так яблочко!
Согласен! Благо, поняли
Вы дело наконец.
Теперь — вы сами знаете —
Чем дерево дворянское
Древней, тем имянитее,
Почетней дворянин.
Не так ли, благодетели?»

«Так! — отвечали странники. —
Кость белая, кость черная,

И поглядеть, так разные, —
Им разный и почет!»

«Ну, вижу, вижу: поняли!
Так вот, друзья — и жили мы,
Как у Христа за пазухой,
И знали мы почет.
Не только люди русские,
Сама природа русская
Покорствовала нам.
Бывало, ты в окружности
Один, как солнце на небе,
Твои деревни скромные,
Твои леса дремучие,
Твои поля кругом!
Пойдешь ли деревенькою —
Крестьяне в ноги валятся,
Пойдешь лесными дачами —
Столетними деревьями
Преклонятся леса!
Пойдешь ли пашней, нивою —
Вся нива спелым колосом
К ногам господским стелется,
Ласкает слух и взор!
Там рыба в речке плещется:
„Жирей-жирей до времени!“
Там заяц лугом крадется:
„Гуляй-гуляй до осени!“
Всё веселило барина,
Любовно травка каждая
Шептала: „Я твоя!“

Краса и гордость русская,
Белели церкви божии
По горкам, по холмам,
И с ними в славе спорили
Дворянские дома.
Дома с оранжереями,
С китайскими беседками
И с английскими парками;
На каждом флаг играл,
Играл-манил приветливо,

Гостеприимство русское
И ласку обещал.
Французу не привидится
Во сне, какие праздники,
Не день, не два — по месяцу
Мы задавали тут.
Свои индейки жирные,
Свои наливки сочные,
Свои актеры, музыка,
Прислуги — целый полк!

Пять поваров да пекаря,
Двух кузнецов, обойщика,
Семнадцать музыкантиков
И двадцать два охотника
Держал я... Боже мой!..»

Помещик закручинился,
Упал лицом в подушечку,
Потом привстал, поправился:
«Эй, Прошка!» — закричал.
Лакей, по слову барскому,
Принес кувшинчик с водкою.
Гаврило Афанасьевич,
Откушав, продолжал:
«Бывало, в осень позднюю
Леса твои, Русь-матушка,
Одушевляли громкие
Охотничьи рога.
Унылые, поблекшие
Леса полураздетые
Жить начинали вновь,
Стояли по опушечкам
Борзовщики-разбойники,
Стоял помещик сам,
А там, в лесу, выжлятники
Ревели, сорвиголовы,
Варили варом гончие.
Чу! подзывает рог!..
Чу! стая воет! сгрудилась!
Никак, по зверю красному
Погнали?.. улю-лю!

Лисица чернобурая,
Пушистая, матерая
Летит, хвостом метет!
Присели, притаилися,
Дрожа всем телом, рьяные,
Догадливые псы:
Пожалуй, гостья жданная!
Поближе к нам, молодчикам,
Подальше от кустов!
Пора! Ну, ну! не выдай, конь!
Не выдайте, собаченьки!
Эй! улю-лю! родимые!
Эй! — улю-лю! .. а-ту! ..»
Гаврило Афанасьевич,
Вскочив с ковра персидского,
Махал рукой, подпрыгивал,
Кричал! Ему мерещилось,
Что травит он лису...

Крестьяне молча слушали,
Глядели, любовалися,
Посмеивались в ус...

«Ой ты, охота псовая!
Забудут всё помещики,
Но ты, исконно-русская
Потеха! не забудешься
Ни во́ веки веков!
Не о себе печалимся,
Нам жаль, что ты, Русь-матушка,
С охотою утратила
Свой рыцарский, воинственный,
Величественный вид!
Бывало, нас по осени
До полусотни съедется
В отъезжие поля;
У каждого помещика
Сто гончих в напуску,
У каждого по дюжине
Борзовщиков верхом,
При каждом с кашеварами,
С провизией обоз.
Как с песнями да с музыкой

Мы двинемся вперед,
На что кавалерийская
Дивизия твоя!
Летело время соколом,
Дышала грудь помещичья
Свободно и легко.
Во времена боярские,
В порядки древнерусские
Переносился дух!
Ни в ком противоречия,
Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.
Закон — мое желание!
Кулак — моя полиция!
Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар скуловорррот!..»

Вдруг, как струна порвалася,
Осеклась речь помещичья.
Потупился, нахмурился,
«Эй, Прошка!» — закричал.
Глонул — и мягким голосом
Сказал: «Вы сами знаете,
Нельзя же и без строгости?
Но я карал — любя.
Порвалась цепь великая —
Теперь не бьем крестьянина,
Зато уж и отечески
Не милуем его.
Да, был я строг по времени,
А впрочем, больше ласкою
Я привлекал сердца.

Я в воскресенье светлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался сам!
Бывало, накрывается
В гостиной стол огромнейший,
На нем и яйца красные,
И пасха, и кулич!
Моя супруга, бабушка,

Сынишки, даже барышни
Не брезгуют, целуются
С последним мужиком.
„Христос воскрес!“ — „Воистину!“
Крестьяне разговляются,
Пьют брагу и вино...

Пред каждым почитаемым
Двунадесятым праздником
В моих парадных горницах
Поп всенощну служил.
И к той домашней всенощной
Крестьяне допускалися,
Молись — хоть лоб разбей!
Страдало обоняние,
Сбивали после с вотчины
Баб отмывать полы!
Да чистота духовная
Тем самым сберегалася,
Духовное родство!
Не так ли, благодетели?»

«Так!» — отвечали странники,
А про себя подумали:
«Колом сбивал их, что ли, ты
Молиться в барский дом? ..»

«Зато, скажу не хвастая,
Любил меня мужик!
В моей сурминской вотчине
Крестьяне всё подрядчики,
Бывало, дома скучно им,
Все на чужую сторону
Отпросятся с весны...
Ждёшь — не дождешься осени,
Жена, детишки малые
И те гадают, ссорятся:
„Какого им гостинчику
Крестьяне принесут!“
И точно: поверх барщины,
Холста, яиц и живности —
Всего, что на помещика
Сбиралось искони, —

Гостинцы добровольные
Крестьяне нам несли!
Из Киева — с вареньями,
Из Астрахани — с рыбою,
А тот, кто подостаточней,
И с шелковой материей:
Глядь, чмокнул руку барыне
И сверток подает!
Детя́м игрушки, лакомства,
А мне, седому бражнику,
Из Питера вина!
Толк вызнали, разбойники,
Небось не к Кривоногову,
К французу забежит.
Тут с ними разгуляешься,
По-братски побеседуешь,
Жена рукою собственной
По чарке им нальет.
А детки тут же малые
Посасывают прянички
Да слушают досужие
Рассказы мужиков —
Про трудные их промыслы,
Про чужедальны стороны,
Про Петербург, про Астрахань,
Про Киев, про Казань...

Так вот как, благодетели,
Я жил с моею вотчиной,
Не правда ль, хорошо?..»
— «Да, было вам, помещикам,
Житье куда завидное,
Не надо умирать!»

«И всё прошло! всё минуло!..
Чу! похоронный звон!..»

Прислушалися странники,
И точно: из Кузьминского
По утреннему воздуху
Те звуки, грудь щемящие,
Неслись: «Покой крестьянину
И царствие небесное!» —

Проговорили странники
И покрестились все...

Гаврило Афанасьевич
Снял шапочку — и набожно
Перекрестился тож:
«Звонят не по крестьянину!
По жизни по помещичьей
Звонят!.. Ой жизнь широкая!
Прости-прощай навек!
Прощай и Русь помещичья!
Теперь не та уж Русь!
Эй, Прошка!» (выпил водочки
И посвистал)...

«Невесело
Глядеть, как изменилося
Лицо твое, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное
Как будто всё попряталось,
Повымерло! Куда
Ни едешь, попадаются
Одни крестьяне пьяные,
Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные
Да глупые посредники,
Да иногда пройдет
Команда. Догадаешься:
Должно быть, взбунтовалося
В избытке благодарности
Селенье где-нибудь!
А прежде что тут мчалося
Колясок, бричек троечных,
Дормезов шестерней!
Катит семья помещичья —
Тут маменьки солидные,
Тут дочки миловидные
И резвые сынки!
Поющих колокольчиков,
Воркующих бубенчиков
Наслушаешься всласть.
А нынче чем рассеешься?

Картиной возмутительной
Что шаг — ты поражен:
Кладбищем вдруг повеяло,
Ну, значит, приближаемся
К усадьбе. . . Боже мой!
Разобран по кирпичику
Красивый дом помещичий,
И аккуратно сложены
В колонны кирпичи!
Обширный сад помещичий,
Столетьями взлелеянный,
Под топором крестьянина
Весь лег, — мужик любуется,
Как много вышло дров!
Черства душа крестьянина,
Подумает ли он,
Что дуб, сейчас им сваленный,
Мой дед рукою собственной
Когда-то насадил?
Что вон под той рябиною
Резвились наши детушки,
И Ганичка и Верочка,
Аукались со мной?
Что тут, под этой липою,
Жена моя призналась мне,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашим первенцем,
И спрятала на грудь мою
Как вишня покрасневшее
Прелестное лицо? . .
Ему была бы выгода —
Радехонек помещичьи
Усадьбы изводить!
Деревней ехать совестно:
Мужик сидит — не двинется,
Не гордость благородную —
Желчь чувствуешь в груди.
В лесу не рог охотничий,
Звучит — топор разбойничий,
Шалят! . . а что поделаешь?
Кем лес убережешь? . .
Поля — недоработаны,

Посевы — недосеяны,
Порядку нет следа!
О матушка! о родина!
Не о себе печалимся,
Тебя, родная, жаль.
Ты, как вдова печальная,
Стоишь с косой распущенной,
С неубранным лицом!..
Усадьбы переводятся,
Взамен их распложаются
Питейные дома!..
Поят народ распущенный,
Зовут на службы земские,
Сажают, учат грамоте, —
Нужна ему она!
На всей тебе, Русь-матушка,
Как клейма на преступнике,
Как на коне тавро,
Два слова нацарапаны:
„Навынос и распивочно“.
Чтоб их читать, крестьянина
Мудреной русской грамоте
Не стоит обучать!..

А нам земля осталася...
Ой ты, земля помещичья!
Ты нам не мать, а мачеха
Теперь... „А кто велел? —
Кричат писаки праздные, —
Так вымогать, насиловать
Кормилицу свою!“
А я скажу: „А кто же ждал?“
Ох! эти проповедники!
Кричат: „Довольно барствовать!
Проснись, помещик заспанный!
Вставай! — учись! трудись!..“

Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповедь!
Я не крестьянин-лапотник —
Я божиею милостью
Российский дворянин!

Россия — не неметчина,
Нам чувства деликатные,
Нам гордость внушена!
Сословья благородные
У нас труду не учатся.
У нас чиновник плохонький
И тот полов не выметет,
Не станет печь топить...
Скажу я вам, не хвастая,
Живу почти безвыездно
В деревне сорок лет,
А от ржаного колоса
Не отличу ячменного,
А мне поют: „Трудись!“

А если и действительно
Свой долг мы ложно поняли
И наше назначение
Не в том, чтоб имя древнее,
Достоинство дворянское
Поддерживать охотою,
Пирами, всякой роскошью
И жить чужим трудом,
Так надо было ранее
Сказать... Чему учился я?
Что видел я вокруг?..
Коптил я небо божие,
Носил ливрею царскую,
Сорил казну народную
И думал век так жить...
И вдруг... Владыко праведный!..»

Помещик зарыдал...

Крестьяне добродушные
Чуть тоже не заплакали,
Подумав про себя:
«Порвалась цепь великая,
Порвалась — расскочилася:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..»

<1865>

ПОСЛЕДЫШ
(ИЗ ВТОРОЙ ЧАСТИ)

1

Петровки. Время жаркое.
В разгаре сенокос.

Минув деревню бедную,
Безграмотной губернии,
Старо-Вахлацкой волости,
Большие Вахлаки,
Пришли на Волгу странники...
Над Волгой чайки носятся;
Гуляют кулики
По отмели. А по лугу,
Что гол, как у подьячего
Щека, вчера побритая,
Стоят «князья Волконские» [1]
И детки их, что ранее
Родятся, чем отцы [2].

«Прокосы широчайшие! —
Сказал Пахом Онисимыч. —
Здесь богатырь народ!»

---

[1] Стоги.
[2] Копны.

Смеются братья Губины:
Давно они заметили
Высокого крестьянина
Со жбаном — на стогу;
Он пил, а баба с вилами,
Задравши кверху голову,
Глядела на него.
Со стогом поравнялися —
Всё пьет мужик! Отмерили
Еще шагов полста,
Все разом оглянулися:
По-прежнему, закинувшись,
Стоит мужик; посудина
Дном кверху поднята...

Под берегом раскинуты
Шатры; старухи, лошади
С порожними телегами
Да дети видны тут.
А дальше, где кончается
Отава подкошённая,
Народу тьма! Там белые
Рубахи баб, да пестрые
Рубахи мужиков,
Да голоса, да звяканье
Проворных кос. «Бог на помочь!»
— «Спасибо, молодцы!»

Остановились странники...
Размахи сенокосные
Идут чредою правильной:
Все разом занесенные,
Сверкнули косы, звякнули,
Трава мгновенно дрогнула
И пала, прошумев!

По низменному берегу
На Волге травы рослые,
Веселая косьба.
Не выдержали странники:
«Давно мы не работали,
Давайте — покосим!»

Семь баб им косы отдали.
Проснулась, разгорелася
Привычка позабытая
К труду! Как зубы с голоду,
Работает у каждого
Проворная рука.
Валят траву высокую,
Под песню, незнакомую
Вахлацкой стороне;
Под песню, что навеяна
Метелями и вьюгами
Родимых деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож...

Натешившись, усталые,
Присели к стогу завтракать...

«Откуда, молодцы? —
Спросил у наших странников
Седой мужик (которого
Бабенки звали Власушкой). —
Куда вас бог несет?»

«А мы...» — сказали странники
И замолчали вдруг:
Послышалась им музыка!
«Помещик наш катается, —
Промолвил Влас и бросился
К рабочим: — Не зевать!
Коси дружней! А главное:
Не огорчить помещика.
Рассердится — поклон ему!
Похвалит вас — «ура» кричи...
Эй, бабы! не галдеть!»
Другой мужик, присадистый,
С широкой бородищею,
Почти что то же самое
Народу приказал,
Надел кафтан — и барина

Бежит встречать. «Что за люди? —
Оторопелым странникам
Кричит он на бегу. —
Снимите шапки!»

К берегу
Причалили три лодочки.
В одной прислуга, музыка,
В другой — кормилка дюжая
С ребенком, няня старая
И приживалка тихая,
А в третьей — господа:
Две барыни красивые
(Потоньше — белокурая,
Потолще — чернобровая),
Усатые два барина,
Три ба́рченка-погодочки
Да старый старичок:
Худой! как зайцы зимние,
Весь бел, и шапка белая,
Высокая, с околышем
Из красного сукна.
Нос клювом, как у ястреба,
Усы седые, длинные,
И — разные глаза:
Один здоровый — светится,
А левый — мутный, пасмурный,
Как оловянный грош!

При них собачки белые,
Мохнатые, с султанчиком,
На крохотных ногах...

Старик, поднявшись на берег,
На красном, мягком коврике
Долгонько отдыхал,
Потом покос осматривал:
Его водили под руки
То господа усатые,
То молодые барыни, —
И так, со всею свитою,
С детьми и приживалками,

С кормилкою и нянькою,
И с белыми собачками,
Всё поле сенокосное
Помещик обошел.
Крестьяне низко кланялись,
Бурмистр (смекнули странники,
Что тот мужик присадистый
Бурмистр) перед помещиком,
Как бес перед заутреней,
Юлил: «Так точно! Слушаю-с!» —
И кланялся помещику
Чуть-чуть не до земли.

В один стожище ма́терый,
Сегодня только смётанный,
Помещик пальцем ткнул,
Нашел, что сено мокрое,
Вспылил: «Добро господское
Гноить? Я вас, мошенников,
Самих сгною на барщине!
Пересушить сейчас! . .»
Засуетился староста:
«Недосмотрел маненичко!
Сыренько: виноват!»
Созвал народ — и вилами
Богатыря кряжистого,
В присутствии помещика,
По клочьям разнесли.
Помещик успокоился.

(Попробовали странники:
Сухохонько сенцо!)

Бежит лакей с салфеткою,
Хромает: «Кушать подано!»
Со всей своею свитою,
С детьми и приживалками,
С кормилкою и нянькою,
И с белыми собачками,
Пошел помещик завтракать,
Работы осмотрев.
С реки из лодки грянула

Навстречу барам музыка,
Накрытый стол белеется
На самом берегу...

Дивятся наши странники.
Пристали к Власу: «Дедушка!
Что за порядки чудные?
Что за чудной старик?»

«Помещик наш: Утятин-князь!»

«Чего же он куражится?
Теперь порядки новые,
А он дурит по-старому:
Сенцо сухим-сухохонько —
Велел пересушить!»

«А то еще диковинней,
Что и сенцо-то самое
И пожня — не его!»

«А чья же?»

— «Нашей вотчины».

«Чего же он тут суется?
Ин вы у бога нелюди?»

«Нет, мы, по божьей милости,
Теперь крестьяне вольные,
У нас, как у людей,
Порядки тоже новые,
Да тут статья особая...»

«Какая же статья?»

Под стогом лег старинушка
И — больше ни словца!
К тому же стогу странники
Присели; тихо молвили:
*«Эй! скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков!»*

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять...

Налив стаканчик дедушке,
Опять пристали странники:
«Уважь! скажи нам, Власушка,
Какая тут статья?»

«Да пустяки! Тут нечего
Рассказывать... А сами вы
Что за люди? Откуда вы?
Куда вас бог несет?»

«Мы люди чужестранные,
Давно, по делу важному,
Домишки мы покинули,
У нас забота есть...
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды...»

Остановились странники...

«О чем же вы хлопочете?»

«Да помолчим! Поели мы,
Так отдохнуть желательно».
И улеглись. Молчат!

«Вы так-то! а по-нашему,
Коль начал, так досказывай!»

«А сам, небось, молчишь!
Мы не в тебя, старинушка!
Изволь, мы скажем: видишь ли,
Мы ищем, дядя Влас,
Непоротой губернии,

Непотрошенной волости,
Избыткова села!..»

И рассказали странники,
Как встретились нечаянно,
Как подрались, заспоривши,
Как дали свой зарок
И как потом шаталися,
Искали по губерниям
Подтянутой, Подстреленной,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Влас слушал — и рассказчиков
Глазами мерял: «Вижу я,
Вы тоже люди странные! —
Сказал он наконец. —
Чудим и мы достаточно,
А вы — и нас чудней!»

«Да что ж у вас-то деется?
Еще стаканчик, дедушка!»

Как выпил два стаканчика,
Разговорился Влас:

2

«Помещик наш особенный:
Богатство непомерное,
Чин важный, род вельможеский,
Весь век чудил, дурил,
Да вдруг гроза и грянула...
Не верит: врут, разбойники!
Посредника, исправника
Прогнал! дурит по-старому.
Стал крепко подозрителен,
Не поклонись — дерет!
Сам губернатор к барину
Приехал: долго спорили,
Сердитый голос барина
В застольной дворня слышала;

Озлился так, что к вечеру
Хватил его удар!
Всю половину левую
Отбило: словно мертвая
И, как земля, черна...
Пропал ни за копеечку!
Известно, не корысть,
А спесь его подрезала,
Соринку он терял».

«Что значит, други милые,
Привычка-то помещичья!» —
Заметил Митродор.

«Не только над помещиком,
Привычка над крестьянином
Сильна, — сказал Пахом. —
Я раз, по подозрению
В острог попавши, чудного
Там видел мужика.
За конокрадство, кажется,
Судился, звали Сидором,
Так из острога барину
Он посылал оброк!
(Доходы арестантские
Известны: подаяние,
Да что-нибудь сработает,
Да стащит что-нибудь.)
Ему смеялись прочие:
„А ну, на поселение
Сошлют — пропали денежки!“
„Всё лучше“, — говорит...»

«Ну, дальше, дальше, дедушка!»

«Соринка — дело плевое,
Да только не в глазу:
Пал дуб на море тихое,
И море всё заплакало —
Лежит старик без памяти
(Не встанет, так и думали!),
Приехали сыны,

Гвардейцы черноусые
(Вы их на пожне видели,
А барыни красивые —
То жены молодцов).
У старшего доверенность
Была: по ней с посредником
Установили грамоту...
Ан вдруг и встал старик!
Чуть заикнулись... Господи!
Как зверь метнулся раненый
И загремел, как гром!
Дела-то всё недавние,
Я был в то время старостой,
Случился тут — так слышал сам,
Как он честил помещиков,
До слова помню всё:
„Корят жидов, что предали
Христа... а вы что сделали?
Права свои дворянские,
Веками освященные,
Вы предали!..“ Сынам
Сказал: „Вы трусы подлые!
Не дети вы мои!
Пускай бы люди мелкие,
Что вышли из поповичей
Да, понажившись взятками,
Купили мужиков,
Пускай бы... им простительно!
А вы... князья Утятины?
Какие вы У-тя-ти-ны!
Идите вон!.. подкидыши,
Не дети вы мои!“

Оробели наследники:
А ну как перед смертию
Лишит наследства? Мало ли
Лесов, земель у батюшки?
Что денег понакоплено,
Куда пойдет добро?
Гадай! У князя в Питере
Три дочери побочные

За генералов выданы,
Не отказал бы им!

А князь опять больнехонек...
Чтоб только время выиграть,
Придумать, как тут быть,
Которая-то барыня
(Должно быть, белокурая:
Она ему, сердечному,
Слыхал я, терла щеткою
В то время левый бок)
Возьми и брякни барину,
Что мужиков помещикам
Велели воротить!

Поверил! Проще малого
Ребенка стал старинушка,
Как паралич расшиб!
Заплакал! пред иконами
Со всей семьею молится,
Велит служить молебствие,
Звонить в колокола!

И силы словно прибыло,
Опять: охота, музыка,
Дворовых дует палкою,
Велит созвать крестьян.

С дворовыми наследники
Стакнулись, разумеется,
А есть один (он давеча
С салфеткой прибегал),
Того и уговаривать
Не надо было: барина
Столь много любит он!
Ипатом прозывается.
Как воля нам готовилась,
Так он не верил ей:
„Шалишь! Князья Утятины
Останутся без вотчины?

Нет, руки коротки!“
Явилось „Положение“, —
Ипат сказал: „Балуйтесь вы!
А я князей Утятиных
Холоп — и весь тут сказ!“
Не может барских милостей
Забыть Ипат! Потешные
О детстве и о младости,
Да и о самой старости
Рассказы у него
(Придешь, бывало, к барину,
Ждешь, ждешь... Неволей слушаешь,
Сто раз я слышал их):
„Как был я мал, наш князюшка
Меня рукою собственной
В тележку запрягал;
Достиг я резвой младости:
Приехал в отпуск князюшка
И, подгулявши, выкупал
Меня, раба последнего,
Зимою в проруби!
Да как чудно́! Две проруби:
В одну опустит в неводе,
В другую мигом вытянет —
И водки поднесет.
Клониться стал я к старости.
Зимой дороги узкие,
Так часто с князем ездили
Мы гусем в пять коней.
Однажды князь — затейник же! —
И посади фалетуром
Меня, раба последнего,
Со скрипкой — впереди.
Любил он крепко музыку.
„Играй, Ипат!“ А кучеру
Кричит: пошел живей!
Метель была изрядная,
Играл я: руки заняты,
А лошадь спотыкливая —
Свалился я с нее!
Ну, сани, разумеется,
Через меня проехали,

Попридавили грудь.
Не то беда: а холодно,
Замерзнешь — нет спасения,
Кругом пустыня, снег. . .
Гляжу на звезды частые
Да каюсь во грехах.
Так что же, друг ты истинный?
Послышал я бубенчики,
Чу, ближе! чу, звончей!
Вернулся князь (закапали
Тут слезы у дворового,
И сколько ни рассказывал,
Всегда тут плакал он!),
Одел меня, согрел меня
И рядом, недостойного,
С своей особой княжеской
В санях привез домой!"»

Похохотали странники. . .
Глонув вина (в четвертый раз),
Влас продолжал: «Наследники
Ударили и вотчине
Челом: „Нам жаль родителя,
Порядков новых, нонешних
Ему не перенесть.
Поберегите батюшку!
Помалчивайте, кланяйтесь,
Да не перечьте хворому,
Мы вас вознаградим:
За лишний труд, за барщину,
За слово даже бранное —
За всё заплатим вам.
Недолго жить сердечному,
Навряд ли два-три месяца,
Сам дохтур объявил!
Уважьте нас, послушайтесь,
Мы вам луга поемные
По Волге подарим;
Сейчас пошлем посреднику
Бумагу, дело верное!"

Собрался мир, галдит!

Луга-то (эти самые),
Да водка, да с три короба
Посулов то и сделали,
Что мир решил помалчивать
До смерти старика.
Поехали к посреднику:
Смеется! „Дело доброе,
Да и луга хорошие,
Дурачьтесь, бог простит!
Нет на Руси, вы знаете,
Помалчивать да кланяться
Запрета никому!“
Однако я противился:
„Вам, мужикам, сполагоря,
А мне-то каково?
Что ни случится — к барину
Бурмистра! что ни вздумает,
За мной пошлет! Как буду я
На спросы бестолковые
Ответствовать? дурацкие
Приказы исполнять?“

„Ты стой пред ним без шапочки,
Помалчивай да кланяйся,
Уйдешь — и дело кончено.
Старик больной, расслабленный,
Не помнит ничего!“

Оно и правда: можно бы!
Морочить полоумного
Нехитрая статья.
Да быть шутом гороховым,
Признаться, не хотелося.
И так я на веку,
У притолоки стоючи,
Помялся перед барином
Досыта! „Коли мир
(Сказал я, миру кланяясь)
Дозволит покуражиться
Уволенному барину
В останные часы,

Молчу и я — покорствую,
А только что от должности
Увольте вы меня!“

Чуть дело не разладилось.
Да Климка Лавин выручил:
„А вы бурмистром сделайте
Меня! Я удовольствую
И старика, и вас.
Бог приберет Последыша
Скоренько, а у вотчины
Останутся луга.
Так будем мы начальствовать,
Такие мы строжайшие
Порядки заведем,
Что надорвет животики
Вся вотчина... Увидите!“

Долгонько думал мир.
Что ни на есть отчаянный
Был Клим мужик: и пьяница,
И на руку нечист.
Работать не работает,
С цыганами возжается,
Бродяга, коновал!
Смеется над трудящимся:
С работы, как ни мучайся,
Не будешь ты богат,
А будешь ты горбат!
А впрочем, парень грамотный,
Бывал в Москве и в Питере,
В Сибирь езжал с купечеством,
Жаль, не остался там!
Умен, а грош не держится,
Хитер, а попадается
Впросак! Бахвал мужик!
Каких-то слов особенных
Наслушался: Атечество,
Москва первопрестольная,
Душа великорусская.
„Я — русский мужичок!“ —
Горланил диким голосом

И, кокнув в лоб посудою,
Пил залпом полуштоф!

Как рукомойник кланяться
Готов за водку всякому,
А есть казна — поделится,
Со встречным всё пропьет!
Горазд орать, балясничать,
Гнилой товар показывать
С хазóвого конца.
Нахвастает с три короба,
А уличишь — отшутится
Бесстыжей поговоркою,
Что „за погудку правую
Смычком по роже бьют!“

Подумавши, оставили
Меня бурмистром: правлю я
Делами и теперь.
А перед старым барином
Бурмистром Климку нáзвали,
Пускай его! По барину
Бурмистр! перед Последышем
Последний человек!

У Клима совесть глиняна,
А бородища Минина,
Посмотришь, так подумаешь,
Что не найти крестьянина
Степенней и трезвей.
Наследники построили
Кафтан ему: одел его —
И сделался Клим Яковлич
Из Климки бесшабашного,
Бурмистр первейший сорт.

Пошли порядки старые!
Последышу-то нашему,
Как на беду, приказаны
Прогулки. Что ни день,
Через деревню катится

Рессорная колясочка:
Вставай! картуз долой!
Бог весть с чего накинется,
Бранит, корит; с угрозою
Подступит — ты молчи!
Увидит в поле пахаря
И за его же полосу
Облает: и лентяи-то,
И лежебоки мы!
А полоса сработана,
Как никогда на барина
Не работа́л мужик,
Да невдомек Последышу,
Что уж давно не барская,
А наша полоса!

Сойдемся — смех! У каждого
Свой сказ про юродивого
Помещика: икается,
Я думаю, ему!
А тут еще Клим Яковлич.
Придет, глядит начальником
(Горда свинья: чесалася
О барское крыльцо!),
Кричит: „Приказ по вотчине!“
Ну, слушаем приказ:
„Докладывал я барину,
Что у вдовы Терентьевны
Избенка развалилася,
Что баба побирается
Христовым подаянием,
Так барин приказал:
На той вдове Терентьевой
Женить Гаврилу Жохова,
Избу поправить заново,
Чтоб жили в ней, плодилися
И правили тягло!“
А той вдове — под семьдесят,
А жениху — шесть лет!
Ну, хохот, разумеется!..
Другой приказ: „Коровушки
Вчера гнали́сь до солнышка

Близ барского двора
И так мычали, глупые,
Что разбудили барина, —
Так пастухам приказано
Впредь унимать коров!“
Опять смеется вотчина.
„А что смеетесь? Всякие
Бывают приказания:
Сидел на губернаторстве
В Якутске генерал.
Так на кол тот коровушек
Сажал! Долгонько слушались:
Весь город разукрасили,
Как Питер монументами,
Казненными коровами,
Пока не догадалися,
Что спятил он с ума!“
Еще приказ: „У сторожа,
У ундера Софронова,
Собака непочтительна:
Залаяла на барина,
Так ундера прогнать,
А сторожем к помещичьей
Усадьбе назначается
Ерёмка!..“ Покатилися
Опять крестьяне со смеху:
Ерёмка тот с рождения
Глухонемой дурак!

Доволен Клим. Нашел-таки
По нраву должность! Бегает,
Чудит, во всё мешается,
Пить даже меньше стал!
Бабенка есть тут бойкая,
Орефьевна, кума ему,
Так с ней Климаха барина
Дурачит заодно.
Лафа бабенкам! бегают
На барский двор с полотнами,
С грибами, с земляникою:
Всё покупают барыни,
И кормят, и поят!

Шутили мы, дурачились,
Да вдруг и дошутилися
До сущей до беды:
Был грубый, непокладистый
У нас мужик Агап Петров,
Он много нас корил:
„Ай, мужики! Царь сжалился,
Так вы в хомут охотою...
Бог с ними, с сенокосами!
Знать не хочу господ!..“
Тем только успокоили,
Что штоф вина поставили
(Винцо-то он любил).
Да черт его со временем
Нанес-таки на барина:
Везет Агап бревно
(Вишь, мало ночи глупому,
Так воровать отправился
Лес — среди бела дня!),
Навстречу та колясочка
И барин в ней: „Откудова
Бревно такое славное
Везешь ты, мужичок?..“
А сам смекнул откудова.
Агап молчит: бревешко-то
Из лесу из господского,
Так что тут говорить!
Да больно уж окрысился
Старик: пилил, пилил его,
Права свои дворянские
Высчитывал ему!

Крестьянское терпение
Выносливо, а временем
Есть и ему конец.
Агап раненько выехал,
Без завтрака: крестьянина
Тошнило уж и так,
А тут еще речь барская,
Как муха неотвязная,
Жужжит под ухо самое...

Захохотал Агап!
„Ах шут ты, шут гороховый!
Никшни!“ — да и пошел!
Досталось тут Последышу
За дедов и за прадедов,
Не только за себя.
Известно, гневу нашему
Дай волю! Брань господская
Что жало комариное,
Мужицкая — обух!
Опешил барин! Легче бы
Стоять ему под пулями,
Под каменным дождем!
Опешили и сродники,
Бабенки было бросились
К Агапу с уговорами,
Так он вскричал: „Убью!..
Что брага, раскуражились
Подонки из поганого
Корыта... Цыц! Никшни!
Крестьянских душ владение
Покончено. Последыш ты!
Последыш ты! По милости
Мужицкой нашей глупости
Сегодня ты начальствуешь,
А завтра мы Последышу
Пинка — и кончен бал!
Иди домой, похаживай,
Поджавши хвост, по горницам,
А нас оставь! Никшни!..“

„Ты — бунтовщик!“ — с хрипотою
Сказал старик; затрясся весь
И полумертвый пал!
„Теперь конец!“ — подумали
Гвардейцы черноусые
И барыни красивые;
Ан вышло — не конец!

Приказ: пред всею вотчиной,
В присутствии помещика,

За дерзость беспримерную
Агапа наказать.
Забегали наследники
И жены их — к Агапушке,
И к Климу, и ко мне!
„Спасите нас, голубчики!
Спасите!“ Ходят бледные:
„Коли обман откроется,
Пропали мы совсем!“
Пошел бурмистр орудовать!
С Агапом пил до вечера,
Обнявшись, до полуночи
Деревней с ним гулял,
Потом опять с полуночи
Поил его — и пьяного
Привел на барский двор.
Всё обошлось любехонько:
Не мог с крылечка сдвинуться
Последыш — так расстроился...
Ну, Климке и лафа!

В конюшню плут преступника
Привел, перед крестьянином
Поставил штоф вина:
„Пей да кричи: помилуйте!
Ой, батюшки! ой, матушки!“
Послушался Агап,
Чу, во́пит! Словно музыку,
Последыш стоны слушает;
Чуть мы не рассмеялися,
Как стал он приговаривать:
„Ка-тай его, раз-бой-ника,
Бун-тов-щи-ка... Ка-тай!“
Ни дать ни взять под розгами
Кричал Агап, дурачился,
Пока не до́пил штоф:
Как из конюшни вынесли
Его мертвецки пьяного
Четыре мужика,
Так барин даже сжалился:
„Сам виноват, Агапушка!“ —
Он ласково сказал...»

«Вишь, тоже добрый! сжалился», —
Заметил Пров, а Влас ему:
«Не зол... да есть пословица:
Хвали траву в стогу,
А барина — в гробу!
Всё лучше, кабы бог его
Прибрал... Уж нет Агапушки...»

«Как! умер?»

— «Да, почтенные:
Почти что в тот же день!
Он к вечеру разохался,
К полуночи попа просил,
К белу́ свету́ преставился.
Зарыли и поставили
Животворящий крест...
С чего? Один бог ведает!
Конечно, мы не тронули
Его не только розгами —
И пальцем. Ну а всё ж
Нет-нет — да и подумаешь:
Не будь такой оказии,
Не умер бы Агап!
Мужик сырой, особенный,
Головка непоклончива,
А тут: иди, ложись!
Положим, ладно кончилось,
А всё Агап надумался:
Упрешься — мир осердится,
А мир дурак — доймет!
Всё разом так подстроилось:
Чуть молодые барыни
Не целовали старого,
Полсотни, чай, подсунули,
А пуще: Клим бессовестный,
Сгубил его, анафема,
Винищем!..

Вон от барина
Посол идет: откушали!
Зовет, должно быть, старосту,
Пойду взгляну камедь!»

Пошли за Власом странники;
Бабенок тоже несколько
И парней с ними тронулось;
Был полдень, время отдыха,
Так набралось порядочно
Народу — поглазеть.
Все стали в ряд почтительно
Поодаль от господ...

За длинным белым столиком,
Уставленным бутылками
И кушаньями разными,
Сидели господа:
На первом месте — старый князь,
Седой, одетый в белое,
Лицо перекошённое
И — разные глаза.
В петлице крестик беленький
(Влас говорит: Георгия
Победоносца крест).
За стулом в белом галстуке
Ипат, дворовый преданный,
Обмахивает мух.
По сторонам помещика
Две молодые барыни:
Одна черноволосая,
Как свекла губы красные,
По яблоку — глаза!
Другая белокурая,
С распущенной косой,
Ай, косонька! как золото
На солнышке горит!
На трех высоких стульчиках
Три мальчика нарядные,
Салфеточки подвязаны
Под горло у детей.
При них старуха нянюшка,
А дальше — челядь разная:
Учительницы, бедные

Дворянки. Против барина —
Гвардейцы черноусые,
Последыша сыны.

За каждым стулом девочка,
А то и баба с веткою —
Обмахивает мух.
А под столом мохнатые
Собачки белошерстые.
Барчонки дразнят их...

Без шапки перед барином
Стоял бурмистр:

«А скоро ли, —
Спросил помещик, кушая, —
Окончим сенокос?»

«Да как теперь прикажете:
У нас по положению
Три дня в неделю барские,
С тягла: работник с лошадью,
Подросток или женщина,
Да полстарухи в день.
Господский срок кончается...»

«Тсс! тсс! — сказал Утятин-князь,
Как человек, заметивший,
Что на тончайшей хитрости
Другого изловил. —
Какой такой *господский срок?*
Откудова ты взял его?»
И на бурмистра верного
Навел пытливо глаз.

Бурмистр потупил голову.
«Как приказать изволите!
Два-три денька хорошие,
И сено вашей милости

Всё уберем, бог даст!
Не правда ли, ребятушки?..»
(Бурмистр воротит к барщине
Широкое лицо.)
За барщину ответила
Проворная Орефьевна,
Бурмистрова кума:
«Вестимо так, Клим Яковлич,
Покуда вёдро держится,
Убрать бы сено барское,
А наше — подождет!»

«Бабенка, а умней тебя!»
Помещик вдруг осклабился
И начал хохотать.
«Ха-ха! дурак!.. Ха-ха-ха-ха!
Дурак! дурак! дурак!
Придумали: господский срок!
Ха-ха... дурак! ха-ха-ха-ха!
Господский срок — вся жизнь раба!
Забыли, что ли, вы:
Я божиею милостью,
И древней царской грамотой,
И родом и заслугами
Над вами господин!..»

Влас наземь опускается.
«Что так?» — спросили странники.
«Да отдохну пока!
Теперь не скоро князюшка
Сойдет с коня любимого!
С тех пор, как слух прошел,
Что воля нам готовится,
У князя речь одна:
Что мужику у барина
До светопреставления
Зажату быть в горсти!..»

И точно: час без малого
Последыш говорил!
Язык его не слушался:

Старик слюною брызгался,
Шипел! И так расстроился,
Что правый глаз задергало,
А левый вдруг расширился
И — круглый, как у филина —
Вертелся колесом.
Права свои дворянские,
Веками освященные,
Заслуги, имя древнее
Помещик поминал,
Царевым гневом, божиим
Грозил крестьянам, ежели
Взбунтуются они,
И накрепко приказывал,
Чтоб пустяков не думала,
Не баловалась вотчина,
А слушалась господ!

«Отцы! — сказал Клим Яковлич,
С каким-то визгом в голосе,
Как будто вся утроба в нем,
При мысли о помещиках,
Заликовала вдруг. —
Кого же нам и слушаться?
Кого любить? надеяться
Крестьянству на кого?
Бедами упиваемся,
Слезами умываемся,
Куда нам бунтовать?
Всё ваше, всё господское —
Домишки наши ветхие,
И животишки хворые,
И сами — ваши мы!
Зерно, что в землю брошено,
И овощь огородная,
И волос на нечесаной
Мужицкой голове —
Всё ваше, всё господское!
В могилках наши прадеды,
На печках деды старые
И в зыбках дети малые —
Всё ваше, всё господское!

А мы, как рыба в неводе,
Хозяева в дому!»

Бурмистра речь покорная
Понравилась помещику:
Здоровый глаз на старосту
Глядел с благоволением,
А левый успокоился:
Как месяц в небе стал!
Налив рукою собственной
Стакан вина заморского,
«Пей!» — барин говорит.
Вино на солнце искрится,
Густое, маслянистое.
Клим выпил, не поморщился
И вновь сказал: «Отцы!
Живем за вашей милостью,
Как у Христа за пазухой:
Попробуй-ка без барина
Крестьянин так пожить!
(И снова, плут естественный,
Глонул вина заморского.)
Куда нам без господ?
Бояре — кипарисовы,
Стоят, не гнут головушки!
Над ними — царь один!
А мужики вязовые —
И гнутся-то, и тянутся,
Скрипят! Где мат крестьянину,
Там барину сполагоря:
Под мужиком лед ломится,
Под барином трещит!
Отцы! руководители!
Не будь у нас помещиков,
Не наготовим хлебушка,
Не запасем травы!
Хранители! радетели!
И мир давно бы рушился
Без разума господского,
Без нашей простоты!
Вам на роду написано
Блюсти крестьянство глупое,

А нам работать, слушаться,
Молиться за господ!»

Дворовый, что у барина
Стоял за стулом с веткою,
Вдруг всхлипнул! Слезы катятся
По старому лицу.
«Помолимся же господу
За долголетье барина!» —
Сказал холуй чувствительный
И стал креститься дряхлою,
Дрожащею рукой.
Гвардейцы черноусые
Кисленько как-то глянули
На верного слугу;
Однако — делать нечего! —
Фуражки сняли, крестятся.
Перекрестились барыни,
Перекрестилась нянюшка,
Перекрестился Клим...

Да и мигнул Орефьевне:
И бабы, что протискались
Поближе к господам,
Креститься тоже начали,
Одна так даже всхлипнула
Вподобие дворового.
(«Урчи! вдова Терентьевна!
Старуха полоумная!» —
Сказал сердито Влас.)
Из тучи солнце красное
Вдруг выглянуло; музыка
Протяжная и тихая
Послышалась с реки...

Помещик так растрогался,
Что правый глаз заплаканный
Ему платочком вытерла
Сноха с косой распущенной
И чмокнула старинушку
В здоровый этот глаз.
«Вот! — молвил он торжественно

Сынам своим наследникам
И молодым снохам. —
Желал бы я, чтоб видели
Шуты, врали столичные,
Что обзывают дикими
Крепостниками нас,
Чтоб видели, чтоб слышали...»

Тут случай неожиданный
Нарушил речь господскую:
Один мужик не выдержал —
Как захохочет вдруг!

Задергало Последыша.
Вскочил, лицом уставился
Вперед! Как рысь, высматривал
Добычу. Левый глаз
Заколесил... «Сы-скать его!
Сы-скать бун-тов-щи-ка!»

Бурмистр в толпу отправился;
Не ищет виноватого,
А думает: как быть?
Пришел в ряды последние,
Где были наши странники,
И ласково сказал:
«Вы люди чужестранные,
Что с вами он поделает?
Подите кто-нибудь!»
Замялись наши странники,
Желательно бы выручить
Несчастных вахлаков,
Да барин глуп: судись потом,
Как влепит сотню добрую
При всем честно́м миру!
«Иди-ка ты, Романушка! —
Сказали братья Губины. —
Иди! ты любишь бар!»
«Нет, сами вы попробуйте!»
И стали наши странники

Друг дружку посылать.
Клим плюнул. «Ну-ка, Власушка,
Придумай, что тут сделаем?
А я устал; мне мочи нет!»

«Ну, да и врал же ты!»

«Эх, Влас Ильич! где враки-то? —
Сказал бурмистр с досадою. —
Не в их руках мы, что ль?..
Придет пора последняя:
Заедем все в ухаб [1],
Не выедем никак,
В кромешный ад провалимся,
Так ждет и там крестьянина
Работа на господ!»

«Что ж там-то будет, Климушка?»

«А будет что назначено:
Они в котле кипеть,
А мы дрова подкладывать!»

(Смеются мужики.)

Пришли сыны Последыша:
«Эх! Клим-чудак! до смеху ли?
Старик прислал нас; сердится,
Что долго нет виновного...
Да кто у вас сплошал?»

«А кто сплошал, и надо бы
Того тащить к помещику,
Да всё испортит он!
Мужик богатый... Питерщик...
Вишь, принесла нелегкая
Домой его на грех!
Порядки наши чудные
Ему пока в диковину,

[1] Могила.

Так смех и разобрал!
А мы теперь расхлебывай!»

«Ну... вы его не трогайте,
А лучше киньте жеребий.
Заплатим мы: вот пять рублей...»

«Нет! разбегутся все...»

«Ну, так скажите барину,
Что виноватый спрятался».

«А завтра как? Забыли вы
Агапа неповинного?»

«Что ж делать?.. Вот беда!»

«Давай сюда бумажку ту!
Постойте! я вас выручу!» —
Вдруг объявила бойкая
Бурмистрова кума
И побежала к барину,
Бух в ноги: «Красно солнышко!
Прости, не погуби!
Сыночек мой единственный,
Сыночек надурил!
Господь его без разуму
Пустил на свет! Глупешенек:
Идет из бани — чешется!
Лаптишком, вместо ковшика,
Напиться норовит!
Работать не работает,
Знай скалит зубы белые,
Смешлив... так бог родил!
В дому-то мало радости:
Избенка развалилася,
Случается, есть нечего —
Смеется дурачок!
Подаст ли кто копеечку,
Ударит ли по темени —
Смеется дурачок!
Смешлив... что с ним поделаешь?

Из дурака, родименький,
И горе смехом прет!»

Такая баба ловкая!
Орет, как на девишнике,
Целует ноги барину.
«Ну, бог с тобой! Иди! —
Сказал Последыш ласково.
Я не сержусь на глупого,
Я сам над ним смеюсь!»
— «Какой ты добрый!» — молвила
Сноха черноволосая
И старика погладила
По белой голове.
Гвардейцы черноусые
Словечко тоже вставили:
Где ж дурню деревенскому
Понять слова господские,
Особенно Последыша
Столь умные слова?
А Клим полой суконною
Отер глаза бесстыжие
И пробурчал: «Отцы!
Отцы! сыны атечества!
Умеют наказать,
Умеют и помиловать!»

Повеселел старик!
Спросил вина шипучего.
Высоко пробки прянули,
Попадали на баб.
С испугу бабы визгнули,
Шарахнулись. Старинушка
Захохотал! За ним
Захохотали барыни,
За ними — их мужья,
Потом дворецкий преданный,
Потом кормилки, нянюшки,
А там — и весь народ!
Пошло веселье! Барыни,
По приказанью барина,
Крестьянам поднесли,

Подросткам дали пряников,
Девицам сладкой водочки,
А бабы тоже выпили
По рюмке простяку...

Последыш пил да чокался,
Красивых снох пощипывал.
(«Вот так-то! чем бы старому
Лекарство пить, — заметил Влас, —
Он пьет вино стаканами.
Давно уж меру всякую
Как в гневе, так и в радости
Последыш потерял».)

Гремит на Волге музыка,
Поют и пляшут де́вицы —
Ну, словом, пир горой!
К деви́цам присоседиться
Хотел старик, встал на ноги
И чуть не полетел!
Сын поддержал родителя.
Старик стоял: притопывал,
Присвистывал, прищелкивал,
А глаз свое выделывал —
Вертелся колесом!

«А вы что ж не танцуете? —
Сказал Последыш барыням
И молодым сынам. —
Танцуйте!» Делать нечего!
Прошлись они под музыку.
Старик их осмеял!
Качаясь, как на палубе
В погоду непокойную,
Представил он, как тешились
В его-то времена!
«Спой, Люба!» Не хотелося
Петь белокурой барыне,
Да старый так пристал!

Чудесно спела барыня!
Ласкала слух та песенка,

Негромкая и нежная,
Как ветер летним вечером,
Легонько пробегающий
По бархатной муравушке,
Как шум дождя весеннего
По листьям молодым!

Под песню ту прекрасную
Уснул Последыш. Бережно
Снесли его в ладью
И уложили сонного.
Над ним с зеленым зонтиком
Стоял дворовый преданный,
Другой рукой отмахивал
Слепней и комаров.
Сидели молча бравые
Гребцы; играла музыка
Чуть слышно... лодка тронулась
И мерно поплыла...
У белокурой барыни
Коса, как флаг распущенный,
Играла на ветру...

«Уважил я Последыша! —
Сказал бурмистр. — Господь с тобой!
Куражься, колобродь!
Не знай про волю новую,
Умри, как жил, помещиком,
Под песни наши рабские,
Под музыку холопскую —
Да только поскорей!
Дай отдохнуть крестьянину!
Ну, братцы! поклонитесь мне,
Скажи спасибо, Влас Ильич:
Я миру порадел!
Стоять перед Последышем
Напасть... язык примелется,
А пуще смех долит.
Глаз этот... как завертится,
Беда! Глядишь да думаешь:
„Куда ты, друг единственный?
По надобности собственной

Аль по чужим делам?
Должно быть, раздобылся ты
Курьерской подорожною!..“
Чуть раз не прыснул я.
Мужик я пьяный, ветреный,
В амбаре крысы с голоду
Подохли, дом пустехонек,
А не взял бы, свидетель бог,
Я за такую каторгу
И тысячи рублей,
Когда б не знал доподлинно,
Что я перед *последышем*
Стою... что он куражится
По воле по моей...»

Влас отвечал задумчиво:
«Бахвалься! А давно ли мы,
Не мы одни — вся вотчина...
(Да... всё крестьянство русское!)
Не в шутку, не за денежки,
Не три-четыре месяца,
А целый век... да что уж тут!
Куда уж нам бахвалиться,
Недаром вахлаки!»

Однако Клима Лавина
Крестьяне полупьяные
Уважили: «Качать его!»
И ну качать... «ура!»
Потом вдову Терентьевну
С Гаврилкой, малолеточком,
Клим посадил рядком
И жениха с невестою
Поздравил! Подурачились
Досыта мужики.
Приели всё, всё припили,
Что господа оставили,
И только поздним вечером
В деревню прибрели.
Домашние их встретили
Известьем неожиданным:
Скончался старый князь!

«Как так?» — «Из лодки вынесли
Его уж бездыханного —
Хватил второй удар!»

Крестьяне пораженные
Переглянулись. . . крестятся. . .
Вздохнули. . . Никогда
Такого вздоха дружного,
Глубокого-глубокого
Не испускала бедная
Безграмотной губернии
Деревня Вахлаки. . .

Но радость их вахлацкая
Была непродолжительна.
Со смертию Последыша
Пропала ласка барская:
Опохмелиться не дали
Гвардейцы вахлакам!
А за луга поемные
Наследники с крестьянами
Тягаются доднесь.
Влас за крестьян ходатаем,
Живет в Москве. . . был в Питере. . .
А толку что-то нет!

1872

КРЕСТЬЯНКА
(ИЗ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ)

Пролог

«Не всё между мужчинами
Отыскивать счастливого,
Пощупаем-ка баб!» —
Решили наши странники
И стали баб опрашивать.
В селе Наготине
Сказали, как отрезали:
«У нас такой не водится,
А есть в селе Клину:
Корова холмогорская,
Не баба! доброумнее
И глаже — бабы нет.
Спросите вы Корчагину
Матрену Тимофеевну,
Она же: губернаторша...»

Подумали — пошли.

Уж налились колосики.
Стоят столбы точеные,
Головки золоченые,
Задумчиво и ласково
Шумят. Пора чудесная!
Нет веселей, наряднее,
Богаче нет поры!
«Ой, поле многохлебное!

Теперь и не подумаешь,
Как много люди божии
Побились над тобой,
Покамест ты оделося
Тяжелым, ровным колосом
И стало перед пахарем,
Как войско пред царем!
Не столько росы теплые,
Как пот с лица крестьянского
Увлажили тебя!..»

Довольны наши странники,
То рожью, то пшеницею,
То ячменем идут.
Пшеница их не радует:
Ты тем перед крестьянином,
Пшеница, провинилася,
Что кормишь ты *по выбору,*
Зато не налюбуются
На рожь, что *кормит всех.*

«Льны тоже нонче знатные...
Ай! бедненький! застрял!»
Тут жаворонка малого,
Застрявшего во льну,
Роман распутал бережно,
Поцеловал: «Лети!»
И птичка ввысь помчалася,
За нею умиленные
Следили мужики...

Поспел горох! Накинулись,
Как саранча на полосу:
Горох, что девку красную,
Кто ни пройдет — щипнет!
Теперь горох у всякого —
У старого, у малого,
Рассыпался горох
На семьдесят дорог!

Вся овощь огородная
Поспела; дети носятся

Кто с репой, кто с морковкою,
Подсолнечник лущат,
А бабы свеклу дергают,
Такая свекла добрая!
Точь-в-точь сапожки красные,
Лежит на полосе.

Шли долго ли, коротко ли,
Шли близко ли, далеко ли,
Вот наконец и Клин.
Селенье незавидное:
Что ни изба — с подпоркою,
Как нищий с костылем;
А с крыш солома скормлена
Скоту. Стоят, как остовы,
Убогие дома.
Ненастной, поздней осенью
Так смотрят гнезда галочьи,
Когда галчата вылетят
И ветер придорожные
Березы обнажит....
Народ в полях — работает.
Заметив за селением
Усадьбу на пригорочке,
Пошли пока — глядеть.

Огромный дом, широкий двор,
Пруд, ивами обсаженный,
Посереди двора.
Над домом башня высится,
Балконом окруженная,
Над башней шпиль торчит.

В воротах с ними встретился
Лакей, какой-то буркою
Прикрытый: «Вам кого?
Помещик за границею,
А управитель при смерти!..» —
И спину показал.
Крестьяне наши прыснули:
По всей спине дворового
Был нарисован лев.

«Ну, штука!» Долго спорили,
Что за наряд диковинный,
Пока Пахом догадливый
Загадки не решил:
«Холуй хитер: стащит ковер,
В ковре дыру проделает,
В дыру просунет голову
Да и гуляет так!..»

Как прусаки слоняются
По нетоплёной горнице,
Когда их вымораживать
Надумает мужик,
В усадьбе той слонялися
Голодные дворовые,
Покинутые барином
На произвол судьбы.
Все старые, все хворые
И как в цыганском таборе
Одеты. По пруду
Тащили бредень пятеро.

«Бог нá помочь! Как ловится?..»

«Всего один карась!
А было их до пропасти,
Да крепко навалились мы,
Теперь — свищи в кулак!»

«Хоть бы пяточек вынули!» —
Проговорила бледная
Беременная женщина,
Усердно раздувавшая
Костер на берегу.

«Точеные-то столбики
С балкону, что ли, умница?» —
Спросили мужики.

«С балкону!»

«То-то высохли!
А ты не дуй! Сгорят они

154 Зарайский

Кому на Руси жить хорошо.

(Из третьей части).

120

I 1

Крестьянка

—

Прологъ

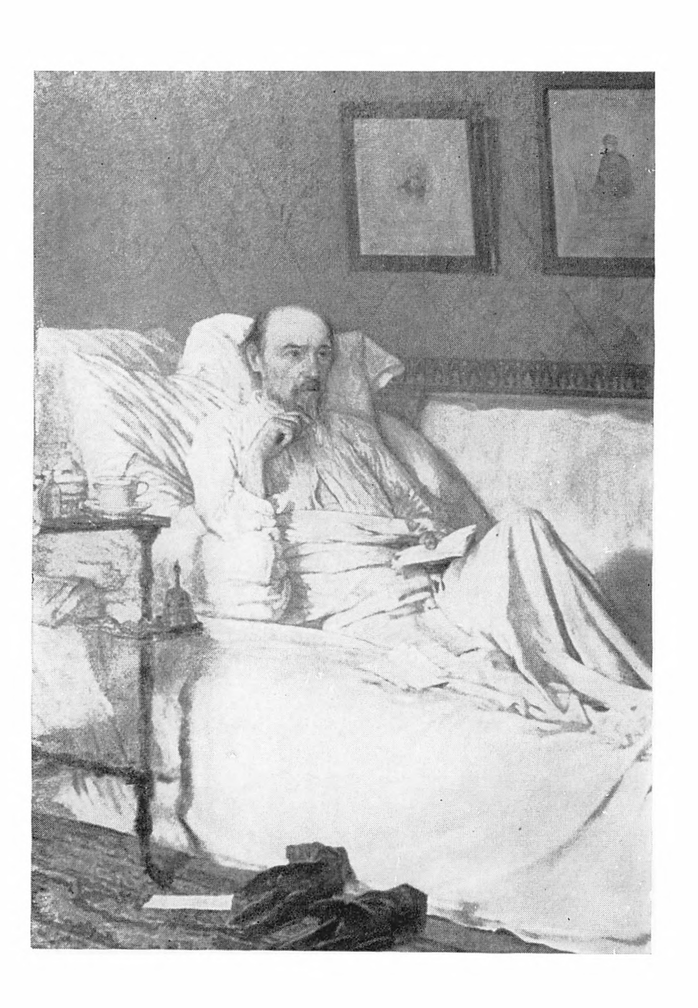
„Не все между мужчинами
Отыскивать счастливого,
Пощупаем-ка баб!“
Решили наши странники
И стали баб опрашивать.
В селе Наготине
Сказали, как отрезали:
„У нас такой не водится,
А есть в селе Клину:
Корова холмогорская,
Не баба! доброумнее
И глаже — бабы нет.
Спросите ~~губернаторшу~~ Корчагину
Матрену Тимофеевну...
Она же: губернаторша“
Подумали — пошли.

Уж налились колосики.
~~Идет веселье, праздники,~~
~~Богатые поры!~~
Стоят столбы точеные,
Головки золоченые,
~~Красивые, ...~~
И ох! поля многохлебные!
Теперь и не подумаешь,
Как много люди божии
Побились над тобой,
Покамест ты оделася
Тяжелым, ровным колосом
И стала перед пахарем,
Как войско пред царем!
Не столько росы теплые,
Как пот с лица крестьянского
Увлажили тебя!..“

Задумчиво и ласково
Шумят! Пора чудесная!
Нет веселей, нарядней,
Богаче нет поры!

[illegible]

121

Скорее, чем карасиков
Изловят на уху!»

«Жду — не дождусь. Измаялся
На черством хлебе Митенька,
Эх, горе — не житье!»

И тут она погладила
Полунагого мальчика
(Сидел в тазу заржавленном
Курносый мальчуган).

«А что? ему, чай, холодно, —
Сказал сурово Провушка, —
В железном-то тазу?» —
И в руки взять ребеночка
Хотел. Дитя заплакало,
А мать кричит: «Не тронь его!
Не видишь? Он катается!
Ну, ну! пошел! Колясочка
Ведь это у него!..»

Что шаг, то натыкалися
Крестьяне на диковину:
Особая и странная
Работа всюду шла.
Один дворовый мучился
У двери: ручки медные
Отвинчивал; другой
Нес изразцы какие-то.
«Наковырял, Егорушка?» —
Окликнули с пруда.
В саду ребята яблоню
Качали. «Мало, дяденька!
Теперь они осталися
Уж только наверху,
А было их до пропасти!»

«Да что в них проку? зелены!»

«Мы рады и таким!»

Бродили долго по саду:
«Затей-то! горы, пропасти!
И пруд опять... Чай, лебеди
Гуляли по пруду?..
Беседка... стойте! с надписью!..»
Демьян, крестьянин грамотный,
Читает по складам.

«Эй, врешь!» Хохочут странники...
Опять — и то же самое
Читает им Демьян.
(Насилу догадалися,
Что надпись переправлена:
Затерты две-три литеры,
Из слова благородного
Такая вышла дрянь!)

Заметив любознательность
Крестьян, дворовый седенький
К ним с книгой подошел:
«Купите!» Как ни тужился,
Мудреного заглавия
Не одолел Демьян:
«Садись-ка ты помещиком
Под липой на скамеечку
Да сам ее читай!»

«А тоже грамотеями
Считаетесь!.. — с досадою
Дворовый прошипел. —
На что вам книги умные?
Вам вывески питейные
Да слово «воспрещается»,
Что на столбах встречается,
Достаточно читать!»

«Дорожки так загажены,
Что срам! У девок каменных
Отшибены носы!
Пропали фрукты-ягоды,

Пропали гуси-лебеди
У холуя в зобу!
Что церкви без священника,
Угодам без крестьянина,
То саду без помещика! —
Решили мужики. —
Помещик прочно строился,
Такую даль загадывал,
А вот...» (Смеются шестеро,
Седьмой повесил нос.)
Вдруг с вышины откуда-то
Как грянет песня! Головы
Задрали мужики:
Вкруг башни по балкончику
Похаживал в подряснике
Какой-то человек
И пел... В вечернем воздухе,
Как колокол серебряный,
Гудел громовый бас...
Гудел — и прямо за сердце
Хватал он наших странников:
Не русские слова,
А горе в них такое же,
Как в русской песне, слышалось,
Без берегу, без дна.
Такие звуки плавные,
Рыдающие... «Умница,
Какой мужчина там?» —
Спросил Роман у женщины,
Уже кормившей Митеньку
Горяченькой ухой.

«Певец Ново-Архангельский,
Его из Малороссии
Сманили господа.
Свезти его в Италию
Сулились, да уехали...
А он бы рад-радехонек —
Какая уж Италия? —
Обратно в Конотоп.
Ему здесь делать нечего...
Собаки дом покинули

(Озлилась круто женщина),
Кому здесь дело есть?
Да у него ни спереди,
Ни сзади... кроме голосу...»

«Зато уж голосок!»

«Не то еще услышите,
Как до утра пробудете:
Отсюда версты три
Есть дьякон... тоже с голосом...
Так вот они затеяли
По-своему здороваться
На утренней заре.
На башню как подымется
Да рявкнет наш: „Здо-ро-во ли
Жи-вешь, о-тец И-пат?“
Так стекла затрещат!
А тот ему, оттуда-то:
„Здо-ро-во, наш со-ло-ву-шко!
Жду вод-ку пить!“ — „И-ду!..“
„Иду“-то это в воздухе
Час целый откликается...
Такие жеребцы!..»

Домой скотина гонится,
Дорога запылилася,
Запахло молоком.
Вздохнула мать Митюхина:
«Хоть бы одна коровушка
На барский двор вошла!»
— «Чу! песня за деревнею,
Прощай, горюшка бедная!
Идем встречать народ».

Легко вздохнули странники:
Им после дворни ноющей
Красива показалася
Здоровая, поющая
Толпа жнецов и жниц, —
Всё дело девки красили

(Толпа без красных девушек
Что рожь без васильков).

«Путь добрый! А которая
Матрена Тимофеевна?»

«Что нужно, молодцы?»

Матрена Тимофеевна
Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лет тридцати осьми.
Красива; волос с проседью,
Глаза большие, строгие,
Ресницы богатейшие,
Сурова и смугла.
На ней рубаха белая,
Да сарафан коротенький,
Да серп через плечо.

«Что нужно вам, молодчики?»

Помалчивали странники,
Покамест бабы прочие
Не поушли вперед,
Потом поклон отвесили:
«Мы люди чужестранные,
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Мы мужики степенные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —

Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу,
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши, подралися,
Подравшися, удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведаем
Как ни на есть доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?..

Попа уж мы доведали,
Доведали помещика,
Да прямо мы к тебе!
Чем нам искать чиновника,
Купца, министра царского,
Царя (еще допустит ли

Нас, мужичонков, царь?) —
Освободи нас, выручи!
Молва идет всесветная,
Что ты вольготно, счастливо
Живешь... Скажи по-божески:
В чем счастие твое?»

Не то чтоб удивилася
Матрена Тимофеевна,
А как-то закручинилась,
Задумалась она...

«Не дело вы затеяли!
Теперь пора рабочая,
Досуг ли толковать? ..»

«Полцарства мы промеряли,
Никто нам не отказывал!» —
Просили мужики.

«У нас уж колос сыпется,
Рук не хватает, милые».

«А мы на что, кума?
Давай серпы! Все семеро
Как станем завтра — к вечеру
Всю рожь твою сожнем!»

Смекнула Тимофеевна,
Что дело подходящее.
«Согласна, — говорит, —
Такие-то вы бравые,
Нажнете, не заметите,
Снопов по десяти».

«А ты нам душу выложи!»

«Не скрою ничего!»

Покуда Тимофеевна
С хозяйством управлялася,
Крестьяне место знатное
Избрали за избой:

Тут рига, конопляники,
Два стога здоровенные,
Богатый огород.
И дуб тут рос — дубов краса.
Под ним присели странники:
«Эй, скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков».

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять...
Гогочут братья Губины:
Такую редьку схапали
На огороде — страсть!

Уж звезды рассажалися
По небу темно-синему,
Высоко месяц стал,
Когда пришла хозяюшка
И стала нашим странникам
«Всю душу открывать...»

Глава 1

ДО ЗАМУЖСТВА

«Мне счастье в девках выпало:
У нас была хорошая,
Непьющая семья.
За батюшкой, за матушкой,
Как у Христа за пазухой,
Жила я, молодцы.
Отец, поднявшись до свету,
Будил дочурку ласкою,
А брат веселой песенкой;
Покамест одевается,
Поет: „Вставай, сестра!
По избам обряжаются,
В часовенках спасаются —

Пора вставать, пора!
Пастух уж со скотиною
Угнался; за малиною
Ушли подружки в бор,
В полях трудятся пахари,
В лесу стучит топор!“
Управится с горшечками,
Всё вымоет, всё выскребет,
Посадит хлебы в печь —
Идет родная матушка,
Не будит — пуще кутает:
„Спи, милая, касатушка,
Спи, силу запасай!
В чужой семье — недолог сон!
Уложат спать позднехонько!
Придут будить до солнышка,
Лукошко припасут,
На донце бросят корочку:
Сгложи ее — да полное
Лукошко набери!..“

Да не в лесу родилася,
Не пеньям я молилася,
Не много я спала.
В день Симеона батюшка
Сажал меня на бурушку
И вывел из младенчества [1]
По пятому годку,
А на седьмом за бурушкой
Сама я в стадо бегала,
Отцу носила завтракать,
Утяточек пасла.
Потом грибы да ягоды,
Потом: „Бери-ка грабельки
Да сено вороши!“
Так к делу приобыкла я...
И добрая работница,
И петь-плясать охотница
Я смолоду была.
День в поле проработаешь,

---

[1] Обычай.

Грязна домой воротишься,
А банька-то на что?

Спасибо жаркой баенке,
Березовому веничку,
Студеному ключу, —
Опять бела, свежехонька,
За прялицей с подружками
До полночи поешь!

На парней я не вешалась,
Наянов обрывала я,
А тихому шепну:
„Я личиком разгарчива,
А матушка догадлива,
Не тронь! уйди!..“ — уйдет...

Да как я их ни бегала,
А выискался суженый,
На го́ре — чужанин!
Филипп Корчагин — питерщик,
По мастерству печник.
Родительница плакала:
„Как рыбка в море синее
Юркнешь ты! как соловушко
Из гнездышка порхнешь!
Чужая-то сторонушка
Не сахаром посыпана,
Не медом полита!
Там холодно, там голодно,
Там холеную доченьку
Обвеют ветры буйные,
Обграют черны вороны,
Облают псы косматые
И люди засмеют!..“
А батюшка со сватами
Подвыпил. Закручинилась,
Всю ночь я не спала...

Ах! что ты, парень, в девице
Нашел во мне хорошего?
Где высмотрел меня?

О святках ли, как с горок я
С ребятами, с подругами
Каталась, смеючись?
Ошибся ты, отецкий сын!
С игры, с катанья, с беганья,
С морозу разгорелося
У девушки лицо!
На тихой ли беседушке?
Я там была нарядная,
Дородства и пригожества
Понакопила за зиму,
Цвела, как маков цвет!
А ты бы поглядел меня,
Как лен треплю, как снопики
На риге молочу...
В дому ли во родительском?..
Ах! кабы знать! Послала бы
Я в город братца-сокола:
„Мил братец! шелку, гарусу
Купи — семи цветов,
Да гарнитуру синего!“
Я по углам бы вышила
Москву, царя с царицею,
Да Киев, да Царьград,
А посередке — солнышко,
И эту занавесочку
В окошке бы повесила,
Авось ты загляделся бы,
Меня бы промигал!..

Всю ночку я продумала...
„Оставь, — я парню молвила, —
Я в подневолье с волюшки,
Бог видит, не пойду!“

„Такую даль мы ехали!
Иди! — сказал Филиппушка. —
Не стану обижать!“

Тужила, горько плакала,
А дело девка делала:
На суженого искоса

Поглядывала втай.
Пригож-румян, широк-могуч,
Рус волосом, тих говором —
Пал на сердце Филипп!

„Ты стань-ка, добрый молодец,
Против меня прямехонько,
Стань на одной доске!
Гляди мне в очи ясные,
Гляди в лицо румяное,
Подумывай, смекай:
Чтоб жить со мной — не каяться,
А мне с тобой не плакаться...
Я вся тут такова!“

„Небось не буду каяться,
Небось не будешь плакаться!“ —
Филиппушка сказал.

Пока мы торговалися,
Филиппу я: „Уйди ты прочь!“,
А он: „Иди со мной!“
Известно: „Ненаглядная,
Хорошая... пригожая...“
— „Ай! ..“ — вдруг рванулась я...
„Чего ты? Эка силища!“
Не удержи — не видеть бы
Вовек ему Матренушки,
Да удержал Филипп!
Пока мы торговалися,
Должно быть, так я думаю,
Тогда и было счастьице...
А больше вряд когда!

Я помню, ночка звездная,
Такая же хорошая,
Как и теперь, была...

Вздохнула Тимофеевна,
Ко стогу приклонилася,
Унывным, тихим голосом
Пропела про себя:

Ты скажи, за что,
Молодой купец,
Полюбил меня,
Дочь крестьянскую?
Я не в серебре,
Я не в золоте,
Жемчугами я
Не увешана!

Чисто серебро —
Чистота твоя,
Красно золото —
Красота твоя,
Бел-крупен жемчуг —
Из очей твоих
Слезы катятся...

Велел родимый батюшка,
Благословила матушка,
Поставили родители
К дубовому столу,
С краями чары налили:
„Бери поднос, гостей-чужан
С поклоном обноси!“
Впервой я поклонилася —
Вздрогну́ли ноги резвые;
Второй я поклонилася —
Поблекло бело личико;
Я в третий поклонилася,
И волюшка [1] скатилася
С девичьей головы...»

«Так значит: свадьба? Следует, —
Сказал один из Губиных, —
Проздравить молодых».

«Давай! Начин с хозяюшки.
— Пьешь водку, Тимофеевна?»

«Старухе — да не пить? ..»

[1] Во время последней вечеринки, или порученья, с невесты снимают *волю,* то есть ленту, которую носят девицы до замужества.

Глава 2
ПЕСНИ

У суда стоять
Ломит ноженьки,
Под венцом стоять
Голова болит,
Голова болит,
Вспоминается
Песня старая,
Песня грозная.
На широкий двор
Гости въехали,
Молоду жену
Муж домой привез,
А роденька-то
Как набросится!
Деверек ее —
Расточихою,
А золовушка —
Щеголихою,
Свекор-батюшка —
Тот медведицей,
А свекровушка —
Людоедицей,
Кто неряхою,
Кто непряхою...

Всё, что в песенке
Той певалося,
Всё со мной теперь
То и сталося!
Чай, певали вы?
Чай, вы знаете?..

«Начинай, кума!
Нам подхватывать...»

Матрена

Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекор-батюшка по сеничкам похаживает,
Сердитый по новым погуливает,

Странники
(хором)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Матрена

Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекровь-матушка по сеничкам похаживает,
Сердитая по новым погуливает.

Странники
(хором)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

«Семья была большущая,
Сварливая... попала я
С девичьей холи в ад!
В работу муж отправился,
Молчать, терпеть советовал:
Не плюй на раскаленное
Железо — зашипит!
Осталась я с золовками,
Со свекром, со свекровушкой,
Любить-голубить некому,
А есть кому журить!
На старшую золовушку,
На Марфу богомольную,
Работай, как раба;
За свекором приглядывай,
Сплошаешь — у кабатчика
Пропажу выкупай.
И встань и сядь с приметою,

Не то свекровь обидится;
А где их все-то знать?
Приметы есть хорошие,
А есть и бедокурные.
Случилось так: свекровь
Надула в уши свекору,
Что рожь добрее родится
Из краденых семян.
Поехал ночью Тихоныч, [1]
Поймали, — полумертвого
Подкинули в сарай...

Как велено, так сделано:
Ходила с гневом на сердце,
А лишнего не молвила
Словечка никому.
Зимой пришел Филиппушка,
Привез платочек шелковый
Да прокатил на саночках
В Екатеринин день, [2]
И горя словно не было!
Запела, как певала я
В родительском дому.
Мы были однолеточки,
Не трогай нас — нам весело,
Всегда у нас лады.
То правда, что и мужа-то
Такого, как Филиппушка,
Со свечкой поискать...»

«Уж будто не колачивал?»

Замялась Тимофеевна:
«Раз только», — тихим голосом
Промолвила она.

«За что?» — спросили странники.

---

[1] Ниже (см. ст. 828—829) говорится, что свекор Матрены Тимофеевны был сыном Савелия. — *Ред.*

[2] Первое катанье на санях.

«Уж будто вы не знаете,
Как ссоры деревенские
Выходят? К муженьку
Сестра гостить приехала,
У ней коты разбилися.
„Дай башмаки Оленушке,
Жена!“ — сказал Филипп.
А я не вдруг ответила.
Корчагу подымала я,
Такая тяга: вымолвить
Я слова не могла.
Филипп Ильич прогневался,
Пождал, пока поставила
Корчагу на шесток,
Да хлоп меня в висок!
„Ну, благо ты приехала,
И так походишь!“ — молвила
Другая, незамужняя
Филиппова сестра.

Филипп подбавил женушке.
„Давненько не видались мы,
А знать бы — так не ехать бы!“ —
Сказала тут свекровь.

Еще подбавил Филюшка...
И всё тут! Не годилось бы
Жене побои мужнины
Считать; да уж сказала я:
Не скрою ничего!»

«Ну, женщины! с такими-то
Змеями подколодными
И мертвый плеть возьмет!»

Хозяйка не ответила.
Крестьяне, ради случаю,
По новой чарке выпили
И хором песню грянули
Про шелковую плеточку,
Про мужнину родню.

Мой постылый муж
Подымается:
За шелкóву плеть
Принимается.

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

Свекру-батюшке
Поклонилася:
Свекор-батюшка,
Отними меня
От лиха мужа,
Змея лютого!
Свекор-батюшка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить...

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

Свекровь-матушке
Поклонилася:
Свекровь-матушка,
Отними меня
От лиха мужа,
Змея лютого!
Свекровь-матушка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить...

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...

Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

«Филипп на Благовещенье
Ушел, а на Казанскую
Я сына родила.
Как писаный был Демушка!
Краса взята у солнышка,
У снегу белизна,
У маку губы алые,
Бровь черная у соболя,
У соболя сибирского,
У сокола глаза!
Весь гнев с души красавец мой
Согнал улыбкой ангельской,
Как солнышко весеннее
Сгоняет снег с полей...
Не стала я тревожиться,
Что ни велят — работаю,
Как ни бранят — молчу.

Да тут беда подсунулась:
Абрам Гордеич Ситников,
Господский управляющий,
Стал крепко докучать:
„Ты писаная кралечка,
Ты наливная ягодка...“
— „Отстань, бесстыдник! ягодка,
Да бору не того!“
Укланяла золовушку,
Сама нейду на барщину,
Так в и́збу прикатит!
В сарае, в риге спрячуся —
Свекровь оттуда вытащит:
„Эй, не шути с огнем!“
— „Гони его, родимая,
По шее!“ — „А не хочешь ты
Солдаткой быть?“ Я к дедушке:
„Что делать? Научи!“

Из всей семейки мужниной
Один Савелий, дедушка,

Родитель свекра-батюшки,
Жалел меня... Рассказывать
Про деда, молодцы?»

«Вали всю подноготную!
Накинем по два снопика», —
Сказали мужики.

«Ну, то-то! речь особая.
Грех промолчать про дедушку.
Счастливец тоже был...

Глава 3

САВЕЛИЙ, БОГАТЫРЬ СВЯТОРУССКИЙ

С большущей сивой гривою,
Чай, двадцать лет не стриженной,
С большущей бородой,
Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил.
Дугой спина у дедушки.
Сначала всё боялась я,
Как в низенькую горенку
Входил он: ну распря́мится?
Пробьет дыру медведище
В светелке головой!
Да распрямиться дедушка
Не мог: ему уж стукнуло,
По сказкам, сто годов.
Дед жил в особой горнице,
Семейки недолюбливал,
В свой угол не пускал;
А та сердилась, лаялась,
Его «клейменым, каторжным»
Честил родной сынок.
Савелий не рассердится,
Уйдет в свою светелочку,
Читает святцы, крестится,
Да вдруг и скажет весело:
«Клейменый, да не раб!»...
А крепко досадят ему —

Подшутит: «Поглядите-тко,
К нам сваты!» Незамужняя
Золовушка — к окну:
Ан вместо сватов — нищие!
Из оловянной пуговки
Дед вылепил двугривенный,
Подбросил на полу —
Попался свекор-батюшка!
Не пьяный из питейного —
Побитый приплелся!
Сидят, молчат за ужином:
У свекра бровь рассечена,
У деда, словно радуга,
Усмешка на лице.

С весны до поздней осени
Дед брал грибы да ягоды,
Силочки становил
На глухарей, на рябчиков.
А зиму разговаривал
На печке сам с собой.
Имел слова любимые,
И выпускал их дедушка
По слову через час:

. . . .

«Погибшие. . . пропащие. . .»

. . . .

«Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать!»

. . . .

«Недотерпеть — пропасть!
Перетерпеть — пропасть! . .»

. . . .

«Эх, доля святорусского
Богатыря сермяжного!
Всю жизнь его дерут.
Раздумается временем
О смерти — муки адские
В ту-светной жизни ждут».

. . . .

«Надумалась Корёжина,
Наддай! наддай! наддай! . .»

. . . .

И много! да забыла я. . .
Как свекор развоюется,
Бежала я к нему.
Запремся. Я работаю,
А Дема, словно яблочко
В вершине старой яблони,
У деда на плече
Сидит румяный, свеженький. . .

Вот раз и говорю:

«За что тебя, Савельюшка,
Зовут клейменым, каторжным?»

«Я каторжником был».
— «Ты, дедушка?»
— «Я, внученька!
Я в землю немца Фогеля
Христьяна Христианыча
Живого закопал. . .»

«И полно! шутишь, дедушка!»

«Нет, не шучу. Послушай-ка!» —
И всё мне рассказал.

«Во времена досюльные
Мы были тоже барские,
Да только ни помещиков,
Ни немцев-управителей
Не знали мы тогда.
Не правили мы барщины,
Оброков не платили мы,
А так, когда рассудится,
В три года раз пошлем».

«Да как же так, Савельюшка?»

«А были благодатные
Такие времена.

Недаром есть пословица,
Что нашей-то сторонушки
Три года черт искал.
Кругом леса дремучие,
Кругом болота топкие,
Ни конному проехать к нам,
Ни пешему пройти!
Помещик наш Шалашников
Через тропы звериные
С полком своим — военный был —
К нам доступиться пробовал,
Да лыжи повернул!
К нам земская полиция
Не попадала по году, —
Вот были времена!
А ныне — барин под боком,
Дорога скатерть-скатертью...
Тьфу! прах ее возьми!..
Нас только и тревожили
Медведи... да с медведями
Справлялись мы легко.
С ножищем да с рогатиной
Я сам страшней сохатого,
По заповедным тропочкам
Иду: „Мой лес!" — кричу.
Раз только испугался я,
Как наступил на сонную
Медведицу в лесу.
И то бежать не бросился,
А так всадил рогатину,
Что словно как на вертеле
Цыпленок — завертелася
И часу не жила!
Спина в то время хрустнула,
Побаливала изредка,
Покуда молод был,
А к старости согнулася.
Не правда ли, Матренушка,
На очеп [1] я похож?»

---

[1] Деревенский колодец.

«Ты начал, так досказывай!
Ну, жили — не тужили вы,
Что ж дальше, голова?»

«По времени Шалашников
Удумал штуку новую,
Приходит к нам приказ:
„Явиться!“ Не явились мы,
Притихли, не шелохнемся
В болотине своей.
Была засуха сильная,
Наехала полиция,
Мы дань ей — медом, рыбою!
Наехала опять,
Грозит с конвоем выправить,
Мы — шкурами звериными!
А в третий — мы ничем!
Обули лапти старые,
Надели шапки рваные,
Худые армяки —
И тронулась Корёжина!..
Пришли... (В губернском городе
Стоял с полком Шалашников.)
„Оброк!“ — „Оброку нет!
Хлеба не уродилися,
Снеточки не ловилися...“
— „Оброк!“ — „Оброку нет!“
Не стал и разговаривать:
„Эй, перемена первая!“ —
И начал нас пороть.

Туга мошна корёжская!
Да стоек и Шалашников:
Уж языки мешалися,
Мозги уж потрясалися
В головушках — дерет!
Укрепа богатырская,
Не розги!.. Делать нечего!
Кричим: постой, дай срок!
Онучи распороли мы

И барину «лобанчиков» [1]
Полшапки поднесли.
Утих боец Шалашников!
Такого-то горчайшего
Поднес нам травнику,
Сам выпил с нами, чокнулся
С Корёгой покоренною:
„Ну, благо вы сдались!
А то — вот бог! — решился я
Содрать с вас шкуру начисто...
На барабан напялил бы
И подарил полку!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
(Хохочет — рад придумочке):
Вот был бы барабан!“

Идем домой понурые...
Два старика кряжистые
Смеются... Ай, кряжи!
Бумажки сторублевые
Домой под подоплекою
Нетронуты несут!
Как уперлись: мы нищие —
Так тем и отбоярились!
Подумал я тогда:
„Ну, ладно ж! черти сивые,
Вперед не доведется вам
Смеяться надо мной!“
И прочим стало совестно,
На церковь побожилися:
„Вперед не посрамимся мы,
Под розгами умрем!“

Понравились помещику
Корёжские лобанчики,
Что год — зовет... дерет...

Отменно драл Шалашников,
А не ахти великие
Доходы получал:

---

[1] Полуимпериалы.

Сдавались люди слабые,
А сильные за вотчину
Стояли хорошо.
Я тоже перетерпливал,
Помалчивал, подумывал:
„Как ни дери, собачий сын,
А всей души не вышибешь,
Оставишь что-нибудь!“
Как примет дань Шалашников,
Уйдем — и за заставою
Поделим барыши:
„Что денег-то осталося!
Дурак же ты, Шалашников!“
И тешилась над барином
Корёга в свой черед!
Вот были люди гордые!
А нынче дай затрещину —
Исправнику, помещику
Тащат последний грош!

Зато купцами жили мы...

Подходит лето красное,
Ждем грамоты... Пришла...
А в ней уведомление,
Что господин Шалашников
Под Варною убит.
Жалеть не пожалели мы,
А пала дума на сердце:
„Приходит благоденствию
Крестьянскому конец!“
И точно: небывалое
Наследник средство выдумал:
К нам немца подослал.
Через леса дремучие,
Через болота топкие
Пешком пришел, шельмец!
Один как перст: фуражечка
Да тросточка, а в тросточке
Для у́женья снаряд.
И был сначала тихонький:
„Платите сколько можете“.

— „Не можем ничего!“
— „Я барина уведомлю“.
— „Уведомь! ..“ Тем и кончилось.
Стал жить да поживать;
Питался больше рыбою;
Сидит на речке с удочкой
Да сам себя то по носу,
То по лбу — бац да бац!
Смеялись мы: „Не любишь ты
Корёжского комарика..,
Не любишь, немчура? ..“
Катается по бережку,
Гогочет диким голосом,
Как в бане на полке...

С ребятами, с дево́чками
Сдружился, бродит по лесу...
Недаро́м он бродил!
„Коли платить не можете,
Работайте!“ — „А в чем твоя
Работа?“ — „Окопать
Канавками желательно
Болото...“ Окопали мы...
„Теперь рубите лес...“
— „Ну, хорошо!“ — Рубили мы,
А немчура показывал,
Где надобно рубить.
Глядим: выходит просека!
Как просеку прочистили,
К болоту поперечины
Велел по ней возить.
Ну, словом: спохватились мы,
Как уж дорогу сделали,
Что немец нас поймал!

Поехал в город парочкой!
Глядим, везет из города
Коробки, тюфяки;
Откудова ни взялися
У немца босоногого
Детишки и жена.
Повел хлеб-соль с исправником

И с прочей земской властию,
Гостишек полон двор!

И тут настала каторга
Корёжскому крестьянину —
До нитки разорил!
А драл... как сам Шалашников!
Да тот был прост: накинется
Со всей воинской силою,
Подумаешь: убьет!
А деньги сунь — отвалится,
Ни дать ни взять раздувшийся
В собачьем ухе клещ.
У немца — хватка мертвая:
Пока не пустит по миру,
Не отойдя сосет!»

«Как вы терпели, дедушка?»

«А потому терпели мы,
Что мы — богатыри.
В том богатырство русское.
Ты думаешь, Матренушка,
Мужик — не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою — а богатырь!

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина... леса дремучие
Прошли по ней — сломалися.
А грудь? Илья-пророк
По ней гремит-катается
На колеснице огненной...
Всё терпит богатырь!

И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь?»

«Ты шутишь шутки, дедушка! —
Сказала я. — Такого-то

Богатыря могучего,
Чай, мыши заедят!»

«Не знаю я, Матренушка.
Покамест тягу страшную
Поднять-то поднял он,
Да в землю сам ушел по грудь
С натуги! По лицу его
Не слезы — кровь течет!
Не знаю, не придумаю,
Что будет? Богу ведомо!
А про себя скажу:
Как выли вьюги зимние,
Как ныли кости старые,
Лежал я на печи;
Полеживал, подумывал:
Куда ты, сила, делася?
На что ты пригодилася? —
Под розгами, под палками
По мелочам ушла!»

«А что же немец, дедушка?»

«А немец как ни властвовал,
Да наши топоры
Лежали — до поры!

Осьмнадцать лет терпели мы.
Застроил немец фабрику,
Велел колодец рыть.
Вдевятером копали мы,
До полдня проработали,
Позавтракать хотим.
Приходит немец: „Только-то? . .“
И начал нас по-своему,
Не торопясь, пилить.
Стояли мы голодные,
А немец нас поругивал
Да в яму землю мокрую
Пошвыривал ногой.
Была уж яма добрая. . .
Случилось, я легонечко

Толкнул его плечом,
Потом другой толкнул его,
И третий... Мы посгрудились...
До ямы два шага...
Мы слова не промолвили,
Друг другу не глядели мы
В глаза.., а всей гурьбой
Христьяна Христианыча
Поталкивали бережно
Всё к яме... всё на край...
И немец в яму бухнулся,
Кричит: „Веревку! лестницу!“
Мы девятью лопатами
Ответили ему.
„Наддай!“ — я слово выронил, —
Под слово люди русские
Работают дружней.
„Наддай! наддай!“ Так наддали,
Что ямы словно не было —
Сровнялася с землей!
Тут мы переглянулися...»

Остановился дедушка.

«Что ж дальше?»

«Дальше — дрянь!
Кабак... острог в Буй-городе,
Там я учился грамоте,
Пока решили нас.
Решенье вышло: каторга
И плети предварительно;
Не выдрали — помазали,
Плохое там дранье!
Потом... бежал я с каторги...
Поймали! не погладили
И тут по голове.
Заводские начальники
По всей Сибири славятся —
Собаку съели драть.
Да нас дирал Шалашников
Больней — я не поморщился

С заводского дранья.
Тот мастер был — умел пороть!
Он так мне шкуру выделал,
Что носится сто лет.

А жизнь была нелегкая.
Лет двадцать строгой каторги,
Лет двадцать поселения.
Я денег прикопил,
По манифесту царскому
Попал опять на родину,
Пристроил эту горенку
И здесь давно живу.
Покуда были денежки,
Любили деда, холили,
Теперь в глаза плюют!
Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать...»

Тут кончил речь Савельюшка...»

«Ну что ж? — сказали странники. —
Досказывай, хозяюшка,
Свое житье-бытье!»

«Невесело досказывать.
Одной беды бог миловал!
Холерой умер Ситников, —
Другая подошла».

«Наддай!» — сказали странники
(Им слово полюбилося)
И выпили винца...

Глава 4

ДЕМУШКА

«Зажгло грозою дерево,
А было соловьиное
На дереве гнездо.

Горит и стонет дерево,
Горят и стонут птенчики:
„Ой, матушка! где ты?
А ты бы нас похолила,
Пока не оперились мы:
Как крылья отрастим,
В долины, в рощи тихие
Мы сами улетим!“
Дотла сгорело дерево,
Дотла сгорели птенчики,
Тут прилетела мать.
Ни дерева... ни гнездышка...
Ни птенчиков!.. Поет-зовет...
Поет, рыдает, кружится,
Так быстро, быстро кружится,
Что крылышки свистят!..
Настала ночь, весь мир затих,
Одна рыдала пташечка,
Да мертвых не докликалась
До белого утра!..

Носила я Демидушку
По поженкам... лелеяла...
Да взъелася свекровь,
Как зыкнула, как рыкнула:
„Оставь его у дедушки,
Не много с ним нажнешь!“
Запугана, заругана,
Перечить не посмела я,
Оставила дитя.

Такая рожь богатая
В тот год у нас родилася,
Мы землю не ленясь
Удобрили, ухолили, —
Трудненько было пахарю,
Да весело жнее!
Снопами нагружала я
Телегу со стропилами
И пела, молодцы.
(Телега нагружается
Всегда с веселой песнею,

ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. НЕКРАСОВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2)
1877

[illegible]

Есть и русский тон гордости
С ним не шутят,
Которым славились поко-
лены —
Далеко еще!

Весь мир [illegible]
Родине [illegible]
Край погибший [illegible]
[illegible]
[illegible]

23 Янв 1877
[illegible] Написано [illegible]
[illegible]

А сани с горькой думою:
Телега хлеб домой везет,
А сани — на базар!)
Вдруг стоны я услышала:
Ползком ползет Савелий-дед,
Беднешенек как смерть:
„Прости, прости, Матренушка! —
И повалился в ноженьки. —
Мой грех — недоглядел!..“

Ой, ласточка! ой, глупая!
Не вей гнезда под берегом,
Под берегом крутым!
Что день — то прибавляется
Вода в реке: зальет она
Детенышей твоих.
Ой, бедная молодушка!
Сноха в дому последняя,
Последняя раба!
Стерпи грозу великую,
Прими побои лишние,
А с глазу неразумного
Младенца не спускай!..

Заснул старик на солнышке,
Скормил свиньям Демидушку
Придурковатый дед!..
Я клубышком каталася,
Я червышком свивалася,
Звала, будила Демушку —
Да поздно было звать!..

Чу! конь стучит копытами,
Чу, сбруя золоченая
Звенит... еще беда!
Ребята испугалися,
По избам разбежалися,
У окон заметалися
Старухи, старики.
Бежит деревней староста,
Стучит в окошки палочкой,
Бежит в поля, луга.

Собрал народ: идут — крехтят!
Беда! Господь прогневался,
Наслал гостей непрошеных,
Неправедных судей!
Знать, деньги издержалися,
Сапожки притопталися,
Знать, голод разобрал!..

Молитвы Иисусовой
Не сотворив, уселися
У земского стола,
Налой и крест поставили,
Привел наш поп, отец Иван,
К присяге понятых.

Допрашивали дедушку,
Потом за мной десятника
Прислали. Становой
По горнице похаживал,
Как зверь в лесу порыкивал...
„Эй! женка! состояла ты
С крестьянином Савелием
В сожительстве? Винись!“
Я шепотком ответила:
„Обидно, барин, шутите!
Жена я мужу честная,
А старику Савелию
Сто лет... Чай, знаешь сам“.
Как в стойле конь подкованный,
Затопал; о кленовый стол
Ударил кулаком:
„Молчать! Не по согласью ли
С крестьянином Савелием
Убила ты дитя?..“
Владычица! что вздумали!
Чуть мироеда этого
Не назвала я нехристем,
Вся закипела я...
Да лекаря увидела:
Ножи, ланцеты, ножницы
Натачивал он тут.
Вздрогнула я, одумалась.

„Нет, — говорю, — я Демушку
Любила, берегла...“
— „А зельем не поила ты?
А мышьяку не сыпала?“
— „Нет! сохрани господь! ..“
И тут я покорилася,
Я в ноги поклонилася:
„Будь жалостлив, будь добр!
Вели без поругания
Честно́му погребению
Ребеночка предать!
Я мать ему! ..“ Упросишь ли?
В груди у них нет душеньки,
В глазах у них нет совести,
На шее — нет креста!

Из тонкой из пеленочки
Повыкатали Демушку
И стали тело белое
Терзать и пластовать.
Тут свету я невзвидела, —
Металась и кричала я:
„Злодеи! палачи! ..
Падите мои слезоньки
Не на землю, не на воду,
Не на господень храм!
Падите прямо на сердце
Злодею моему!
Ты дай же, боже господи!
Чтоб тлен пришел на платьице,
Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему неумную
Пошли, детей — юродивых!
Прими, услыши, господи,
Молитвы, слезы матери,
Злодея накажи! ..“ [1]
— „Никак, она помешана? —
Сказал начальник сотскому. —

[1] Взято почти буквально из народного причитанья.

Что ж ты не упредил?
Эй! не дури! связать велю!..“

Присела я на лавочку.
Ослабла, вся дрожу.
Дрожу, гляжу на лекаря:
Рукавчики засучены,
Грудь фартуком завешана,
В одной руке — широкий нож,
В другой ручник — и кровь на нем, —
А на носу очки!
Так тихо стало в горнице...
Начальничек помалчивал,
Поскрипывал пером,
Поп трубочкой попыхивал,
Не шелохнувшись, хмурые
Стояли мужики.
„Ножом в сердцах читаете“, —
Сказал священник лекарю,
Когда злодей у Демушки
Сердечко распластал.
Тут я опять рванулася...
„Ну, так и есть — помешана!
Связать ее!“ — десятнику
Начальник закричал.
Стал понятых опрашивать:
„В крестьянке Тимофеевой
И прежде помешательство
Вы примечали?“

„Нет!“

Спросили свекра, деверя,
Свекровушку, золовушку:

„Не примечали, нет!“

Спросили деда старого:

„Не примечал! ровна была...
Одно: к начальству кликнули,

Пошла... а ни целковика,
Ни новины, пропащая,
С собой и не взяла!“

Заплакал на́взрыд дедушка.
Начальничек нахмурился,
Ни слова не сказал.
И тут я спохватилася!
Прогневался бог: разуму
Лишил! была готовая
В коробке новина!
Да поздно было каяться.
В моих глазах по косточкам
Изрезал лекарь Демушку,
Цыновочкой прикрыл.
Я словно деревянная
Вдруг стала: загляделась я,
Как лекарь руки мыл,
Как водку пил. Священнику
Сказал: „Прошу покорнейше!“
А поп ему: „Что просите?
Без прутика, без кнутика
Все ходим, люди грешные,
На этот водопой!“

Крестьяне настоялися,
Крестьяне надрожалися.
(Откуда только бралися
У коршуна налетного
Корыстные дела!)
Без церкви намолилися,
Без образа накланялись!
Как вихорь налетал —
Рвал бороды начальничек,
Как лютый зверь наскакивал —
Ломал перстни злаченые...
Потом он кушать стал.
Пил-ел, с попом беседовал,
Я слышала, как шепотом
Поп плакался ему:
„У нас народ — все голь да пьянь,
За свадебку, за исповедь

Должают по годам.
Несут гроши последние
В кабак! А благочинному
Одни грехи тащáт!“
Потом я песни слышала,
Всё голоса знакомые,
Девичьи голоса:
Наташа, Глаша, Дарьюшка...
Чу! пляска! чу! гармония!..
И вдруг затихло всё...
Заснула, видно, что ли, я?..
Легко вдруг стало: чудилось,
Что кто-то наклоняется
И шепчет надо мной:
„Усни, многокручинная!
Усни, многострадальная!“ —
И крестит... С рук скатилися
Веревки... Я не помнила
Потом уж ничего...

Очнулась я. Темно кругом,
Гляжу в окно — глухая ночь!
Да где же я? да что со мной?
Не помню, хоть убей!
Я выбралась на улицу —
Пуста. На небо глянула —
Ни месяца, ни звезд.
Сплошная туча черная
Висела над деревнею,
Темны дома крестьянские,
Одна пристройка дедова
Сияла, как чертог.
Вошла — и всё я вспомнила:
Свечами воску ярого
Обставлен, среди горенки
Дубовый стол стоял,
На нем гробочек крохотный
Прикрыт камчатной скатертью,
Икона в головах...
„Ой, плотнички-работнички!
Какой вы дом построили
Сыночку моему?

Окошки не прорублены,
Стеколышки не вставлены,
Ни печи, ни скамьи!
Пуховой нет перинушки...
Ой, жестко будет Демушке,
Ой, страшно будет спать!..“

„Уйди!..“ — вдруг закричала я,
Увидела я дедушку:
В очках, с раскрытой книгою
Стоял он перед гробиком,
Над Демою читал.
Я старика столетнего
Звала клейменым, каторжным.
Гневна, грозна, кричала я:
„Уйди! убил ты Демушку!
Будь проклят ты... уйди!..“

Старик ни с места. Крестится,
Читает... Уходилась я,
Тут дедко подошел:
„Зимой тебе, Матренушка,
Я жизнь свою рассказывал,
Да рассказал не всё:
Леса у нас угрюмые,
Озера нелюдимые,
Народ у нас дикарь.
Суровы наши промыслы:
Дави тетерю петлею,
Медведя режь рогатиной,
Сплошаешь — сам пропал!
А господин Шалашников
С своей воинской силою?
А немец-душегуб?
Потом острог да каторга...
Окаменел я, внученька,
Лютее зверя был.
Сто лет зима бессменная
Стояла. Растопил ее
Твой Дема-богатырь!
Однажды я качал его,

Вдруг улыбнулся Демушка...
И я ему в ответ!
Со мною чудо сталося:
Третьеводни прицелился
Я в белку: на суку
Качалась белка... лапочкой,
Как кошка, умывалася...
Не выпалил: живи!
Брожу по рощам, по лугу,
Любуюсь каждым цветиком.
Иду домой, опять
Смеюсь, играю с Демушкой...
Бог видит, как я милого
Младенца полюбил!
И я же, по грехам моим,
Сгубил дитя невинное...
Кори, казни меня!
А с богом спорить нечего.
Стань! помолись за Демушку!
Бог знает, что творит:
Сладка ли жизнь крестьянина?"

И долго, долго дедушка
О горькой доле пахаря
С тоскою говорил...
Случись купцы московские,
Вельможи государевы,
Сам царь случись: не надо бы
Ладнее говорить!

„Теперь в раю твой Демушка,
Легко ему, светло ему..."

Заплакал старый дед.

„Я не ропщу, — сказала я, —
Что бог прибрал младенчика,
А больно то, зачем они
Ругалися над ним?
Зачем, как черны вороны,
На части тело белое

Терзали?.. Неужли
Ни бог, ни царь не вступится?.."

„Высоко бог, далеко царь..."

„Нужды нет: я дойду!"

„Ах! что ты? что ты, внученька?..
Терпи, многокручинная!
Терпи, многострадальная!
Нам правды не найти".

„Да почему же, дедушка?"

„Ты — крепостная женщина!" —
Савельюшка сказал.

Я долго, горько думала...
Гром грянул, окна дрогнули,
И я вздрогнула... К гробику
Подвел меня старик:
„Молись, чтоб к лику ангелов
Господь причислил Демушку!"
И дал мне в руки дедушка
Горящую свечу.

Всю ночь до свету белого
Молилась я, а дедушка
Протяжным, ровным голосом
Над Демою читал...

Глава 5

ВОЛЧИЦА

Уж двадцать лет, как Демушка
Дерновым одеялечком
Прикрыт, — всё жаль сердечного!
Молюсь о нем, в рот яблока
До Спаса не беру.[1]

[1] Примета: если мать умершего младенца станет есть яблоки до Спаса (когда они поспевают), то бог, в наказание, не даст на том свете ее умершему младенцу «яблочка поиграть».

Не скоро я оправилась.
Ни с кем не говорила я,
А старика Савелия
Я видеть не могла.
Работать не работала.
Надумал свекор-батюшка
Вожжами поучить,
Так я ему ответила:
„Убей!“ Я в ноги кланялась:
„Убей! один конец!“
Повесил вожжи батюшка.
На Деминой могилочке
Я день и ночь жила.
Платочком обметала я
Могилку, чтобы травушкой
Скорее поросла,
Молилась за покойничка,
Тужила по родителям:
Забыли дочь свою!
Собак моих боитеся?
Семьи моей стыдитеся?
„Ах, нет, родная, нет!
Собак твоих не боязно,
Семьи твоей не совестно,
А ехать сорок верст
Свои беды рассказывать,
Твои беды выспрашивать —
Жаль бурушку гонять!
Давно бы мы приехали,
Да ту мы думу думали:
Приедем — ты расплачешься,
Уедем — заревешь!“

Пришла зима: кручиною
Я с мужем поделилася,
В Савельевой пристроечке
Тужили мы вдвоем.

«Что ж, умер, что ли, дедушка?»

«Нет. Он в своей коморочке
Шесть дней лежал безвыходно,

Потом ушел в леса.
Так пел, так плакал дедушка,
Что лес стонал! А осенью
Ушел на покаяние
В Песочный монастырь.

У батюшки, у матушки
С Филиппом побывала я,
За дело принялась.
Три года, так считаю я,
Неделя за неделею,
Одним порядком шли,
Что год, то дети: некогда
Ни думать, ни печалиться,
Дай бог с работой справиться
Да лоб перекрестить.
Поешь — когда останется
От старших да от деточек,
Уснешь — когда больна...
А на четвертый новое
Подкралось горе лютое, —
К кому оно привяжется,
До смерти не избыть!

Впереди летит — ясным соколом,
Позади летит — черным вороном,
Впереди летит — не укатится,
Позади летит — не останется...

Лишилась я родителей...
Слыхали ночи темные,
Слыхали ветры буйные
Сиротскую печаль,
А вам нет нужды сказывать...
На Демину могилочку
Поплакать я пошла.

Гляжу: могилка прибрана,
На деревянном крестике
Складная золоченая
Икона. Перед ней
Я старца распростертого

Увидела. „Савельюшка!
Откуда ты взялся?“

„Пришел я из Песочного...
Молюсь за Дему бедного,
За всё страдное русское
Крестьянство я молюсь!
Еще молюсь (не образу
Теперь Савелий кланялся),
Чтоб сердце гневной матери
Смягчил господь... Прости!“

„Давно простила, дедушка!“

Вздохнул Савелий... „Внученька!
А внученька!“ — „Что, дедушка?“
— „По-прежнему взгляни!“

Взглянула я по-прежнему.
Савельюшка засматривал
Мне в очи; спину старую
Пытался разогнуть.
Совсем стал белый дедушка.
Я обняла старинушку,
И долго у креста
Сидели мы и плакали.
Я деду горе новое
Поведала свое...

Недолго прожил дедушка.
По осени у старого
Какая-то глубокая
На шее рана сделалась,
Он трудно умирал:
Сто дней не ел; хирел да сох,
Сам над собой подтрунивал:
„Не правда ли, Матренушка,
На комара корёжского
Костлявый я похож?“
То добрый был, сговорчивый,
То злился, привередничал,
Пугал нас: „Не паши,

Не сей, крестьянин! Сгорбившись
За пряжей, за полотнами,
Крестьянка, не сиди!
Как вы ни бейтесь, глупые,
Что на роду написано,
Того не миновать!
Мужчинам три дороженьки:
Кабак, острог да каторга,
А бабам на Руси
Три петли: шелку белого,
Вторая — шелку красного,
А третья — шелку черного,
Любую выбирай!..
В любую полезай...“
Так засмеялся дедушка,
Что все в коморке вздрогнули, —
И к ночи умер он.
Как приказал — исполнили:
Зарыли рядом с Демою...
Он жил сто семь годов.

Четыре года тихие,
Как близнецы похожие,
Прошли потом... Всему
Я покорилась: первая
С постели Тимофеевна,
Последняя — в постель;
За всех, про всех работаю, —
С свекрови, с свекра пьяного,
С золовушки бракованной [1]
Снимаю сапоги...
Лишь деточек не трогайте!
За них горой стояла я...
Случилось, молодцы,
Зашла к нам богомолочка;
Сладкоречивой странницы
Заслушивались мы;
Спасаться, жить по-божески

[1] Если младшая сестра выйдет замуж ранее старшей, то последняя называется бракованной.

Учила нас угодница,
По праздникам к заутрени
Будила... а потом
Потребовала странница,
Чтоб грудью не кормили мы
Детей по постным дням.
Село переполошилось!
Голодные младенчики
По середам, по пятницам
Кричат! Иная мать
Сама над сыном плачущим
Слезами заливается:
И бога-то ей боязно,
И дитятка-то жаль!
Я только не послушалась,
Судила я по-своему:
Коли терпеть, так матери,
Я перед богом грешница,
А не дитя мое!

Да, видно, бог прогневался.
Как восемь лет исполнилось
Сыночку моему,
В подпаски свекор сдал его.
Однажды жду Федотушку —
Скотина уж пригналася, —
На улицу иду.
Там видимо-невидимо
Народу! Я прислушалась
И бросилась в толпу.
Гляжу, Федота бледного
Силантий держит за ухо.
„Что держишь ты его?“
— „Посечь хотим маненичко:
Овечками прикармливать
Надумал он волков!“
Я вырвала Федотушку,
Да с ног Силантья-старосту
И сбила невзначай.

Случилось дело дивное:
Пастух ушел; Федотушка

При стаде был один.
„Сижу я, — так рассказывал
Сынок мой, — на пригорочке,
Откуда ни возьмись
Волчица преогромная
И хвать овечку Марьину!
Пустился я за ней,
Кричу, кнутищем хлопаю,
Свищу, Валетку уськаю. . .
Я бегать молодец,
Да где бы окаянную
Нагнать, кабы не щенная:
У ней сосцы волочились,
Кровавым следом, матушка,
За нею я гнался!

Пошла потише серая,
Идет, идет — оглянется,
А я как припущу!
И села. . . Я кнутом ее:
«Отдай овцу, проклятая!»
Не отдает, сидит. . .
Я не сробел: «Так вырву же,
Хоть умереть! . .» И бросился,
И вырвал. . . Ничего —
Не укусила серая!
Сама едва живехонька,
Зубами только щелкает
Да дышит тяжело.
Под ней река кровавая,
Сосцы травой изрезаны,
Все ребра на счету,
Глядит, поднявши голову,
Мне в очи. . . и завыла вдруг!
Завыла, как заплакала.
Пощупал я овцу:
Овца была уж мертвая. . .
Волчица так ли жалобно
Глядела, выла. . . Матушка!
Я бросил ей овцу! . .“

Так вот что с парнем сталося.
Пришел в село да, глупенький,

Всё сам и рассказал,
За то и сечь надумали.
Да благо подоспела я...
Силантий осерчал,
Кричит: „Чего толкаешься?
Самой под розги хочется?"
А Марья, та свое:
„Дай, пусть проучат глупого!"
И рвет из рук Федотушку,
Федот как лист дрожит.

Трубят рога охотничьи,
Помещик возвращается
С охоты. Я к нему:
„Не выдай! Будь заступником!"
— „В чем дело?" Кликнул старосту
И мигом порешил:
„Подпаска малолетнего
По младости, по глупости
Простить... а бабу дерзкую
Примерно наказать!"

„Ай, барин!" Я подпрыгнула:
„Освободил Федотушку!
Иди домой, Федот!"

„Исполним повеленное! —
Сказал мирянам староста. —
Эй! погоди плясать!"

Соседка тут подсунулась:
„А ты бы в ноги старосте..."

„Иди домой, Федот!"

Я мальчика погладила:
„Смотри, коли оглянешься,
Я осержусь... Иди!"

Из песни слово выкинуть,
Так песня вся нарушится.

Легла я, молодцы. . .
. . . .

В Федотову коморочку,
Как кошка, я прокралася:
Спит мальчик, бредит, мечется;
Одна ручонка свесилась,
Другая на глазу
Лежит, в кулак зажатая:
„Ты плакал, что ли, бедненький?
Спи. Ничего. Я тут!“
Тужила я по Демушке,
Как им была беременна, —
Слабенек родился,
Однако вышел умница:
На фабрике Алферова
Трубу такую вывели
С родителем, что страсть!
Всю ночь над ним сидела я,
Я пастушка любезного
До солнца подняла,
Сама обула в лапотки,
Перекрестила; шапочку,
Рожок и кнут дала.
Проснулась вся семеюшка,
Да я не показалась ей,
На пожню не пошла.

Я пошла на речку быструю,
Избрала я место тихое
У ракитова куста.
Села я на серый камушек,
Подперла рукой головушку,
Зарыдала, сирота!

Громко я звала родителя:
Ты приди, заступник батюшка!
Посмотри на дочь любимую. . .
Понапрасну я звала.
Нет великой оборонушки!
Рано гостья бесподсудная,

Бесплемянная, безродная,
Смерть родного унесла!

Громко кликала я матушку.
Отзывались ветры буйные,
Откликались горы дальние,
А родная не пришла!
День денна́ моя печальница,
В ночь — ночная богомолица!
Никогда тебя, желанная,
Не увижу я теперь!
Ты ушла в бесповоротную,
Незнакомую дороженьку,
Куда ветер не доносится,
Не дорыскивает зверь...

Нет великой оборонушки!
Кабы знали вы да ведали,
На кого вы дочь покинули,
Что́ без вас я выношу?
Ночь — слезами обливаюся,
День — как травка пристилаюся...
Я потупленную голову,
Сердце гневное ношу!..

Глава 6

ТРУДНЫЙ ГОД

В тот год необычайная
Звезда играла на небе;
Одни судили так:
Господь по небу шествует,
И ангелы его
Метут метлою огненной [1]
Перед стопами божьими
В небесном поле путь;
Другие то же думали,
Да только на антихриста,
И чуяли беду.

[1] Комета.

Сбылось: пришла бесхлебица!
Брат брату не уламывал
Куска! Был страшный год...
Волчицу ту Федотову
Я вспомнила — голодную,
Похожа с ребятишками
Я на нее была!
Да тут еще свекровушка
Приметой прислужилася,
Соседкам наплела,
Что я беду накликала,
А чем? *Рубаху чистую*
Надела в Рождество.[1]
За мужем, за заступником,
Я дешево отделалась;
А женщину одну
Никак за то же самое
Убили насмерть кольями.
С голодным не шути!..

Одной бедой не кончилось:
Чуть справились с бесхлебицей —
Рекрутчина пришла.
Да я не беспокоилась:
Уж за семью Филиппову
В солдаты брат ушел.
Сижу одна, работаю,
И муж и оба деверя
Уехали с утра;
На сходку свекор-батюшка
Отправился, а женщины
К соседкам разбрелись.
Мне крепко нездоровилось,
Была я Лиодорушкой
Беременна: последние
Дохаживала дни.
Управившись с ребятами,
В большой избе под шубою
На печку я легла.

---

[1] Примета: не надевай чистую рубаху в Рождество: не то жди неурожая. (Есть у Даля.)

Вернулись бабы к вечеру,
Нет только свекра-батюшки,
Ждут ужинать его.
Пришел: „Ох-ох! умаялся,
А дело не поправилось,
Пропали мы, жена!
Где видано, где слыхано:
Давно ли взяли старшего,
Теперь меньшо́го дай!
Я по годам высчитывал,
Я миру в ноги кланялся,
Да мир у нас какой?
Просил бурмистра: бо́жится,
Что жаль, да делать нечего!
И писаря просил,
Да правды из мошенника
И топором не вырубишь,
Что тени из стены!
Задарен... все задарены...
Сказать бы губернатору,
Так он бы задал им!
Всего и попросить-то бы,
Чтоб он по нашей волости
Очередные росписи
Поверить повелел.
Да сунься-ка!.." Заплакали
Свекровушка, золовушка,
А я... То было холодно,
Теперь огнем горю!
Горю... Бог весть что думаю...
Не дума... бред... Голодные
Стоят сиротки-деточки
Передо мной... Неласково
Глядит на них семья,
Они в дому шумливые,
На улице драчливые,
Обжоры за столом...
И стали их пощипывать,
В головку поколачивать...
Молчи, солдатка-мать!

. . . .

Теперь уж я не дольщица

Участку деревенскому,
Хоромному строеньицу,
Одеже и скоту. . . . .
Теперь одно богачество:
Три озера наплакано
Горючих слез, засеяно
Три полосы бедой!

. . . .

Теперь, как виноватая,
Стою перед соседями:
Простите! я была
Спесива, непоклончива,
Не чаяла я, глупая,
Остаться сиротой...
Простите, люди добрые,
Учите уму-разуму, . . .
Как жить самой? Как деточек
Поить, кормить, растить?..

. . . .

Послала деток по миру:
Просите, детки, ласкою,
Не смейте воровать!
А дети в слезы: „Холодно!
На нас одежа рваная,
С крылечка на крылечко-то
Устанем мы ступать,
Под окнами натопчемся,
Иззябнем... У богатого
Нам боязно просить,
„Бог даст!“ — ответят бедные...
Ни с чем домой воротимся —
Ты станешь нас бранить!..“

. . . .

Собрала ужин; матушку
Зову, золовок, деверя,
Сама стою голодная
У двери, как раба.
Свекровь кричит: „Лукавая!
В постель скорей торопишься?“
А деверь говорит:
„Не много ты работала!
Весь день за деревиночкой

Стояла: дожидалася,
Как солнышко зайдет!“

. . . .

Получше нарядилась я,
Пошла я в церковь божию,
Смех слышу за собой!

. . . .

Хорошо не одевайся,
Добела не умывайся,
У соседок очи зорки,
Востры языки!
Ходи улицей потише,
Носи голову пониже,
Коли весело — не смейся,
Не поплачь с тоски!..

. . . .

Пришла зима бессменная,
Поля, луга зеленые
Попрятались под снег.
На белом, снежном саване
Ни талой нет талиночки —
Нет у солдатки-матери
Во всем миру дружка!
С кем думушку подумати?
С кем словом перемолвиться?
Как справиться с убожеством?
Куда обиду сбыть?
В леса — леса повяли бы,
В луга — луга сгорели бы!
Во быструю реку?
Вода бы остоялася!
Носи, солдатка бедная,
С собой ее по гроб!

. . . .

Нет мужа, нет заступника!
Чу, барабан! Солдатики
Идут... Остановилися...
Построились в ряды.
„Живей!“ Филиппа вывели
На середину площади:
„Эй! перемена первая!“ —

Шалашников кричит.
Упал Филипп: „Помилуйте!“
— „А ты попробуй! слюбится!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
Укрепа богатырская,
Не розги у меня!..“
. . . .
И тут я с печи спрыгнула,
Обулась. Долго слушала, —
Всё тихо, спит семья!
Чуть-чуть я дверью скрипнула
И вышла. Ночь морозная...
Из Домниной избы,
Где парни деревенские
И девки собиралися,
Гремела песня складная,
Любимая моя...

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней батюшка,
Будил ее, побуживал:
Ты, Машенька, пойдем домой!
Ты, Ефимовна, пойдем домой!

Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет...

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходила к ней матушка,
Будила, побуживала:
Машенька, пойдем домой!
Ефимовна, пойдем домой!

Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,

Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет...

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней Петр,
Петр сударь Петрович,
Будил ее, побуживал:
Машенька, пойдем домой!
Душа Ефимовна, пойдем домой!

Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь светла и месячна,
Реки тихи, перевозы есть,
Леса темны, караулы есть.

Глава 7

ГУБЕРНАТОРША

Почти бегом бежала я
Через деревню, — чудилось,
Что с песней парни гонятся
И дéвицы за мной.
За Клином огляделась я:
Равнина белоснежная,
Да небо с ясным месяцем,
Да я, да тень моя...
Не жутко и не боязно
Вдруг стало, — словно радостью
Так и взмывало грудь...
Спасибо ветру зимнему!
Он, как водой студеною,
Больную напоил:
Обвеял буйну голову,
Рассеял думы черные,
Рассудок воротил.
Упала на колени я:
„Открой мне, матерь божия,
Чем бога прогневила я?
Владычица! во мне

Нет косточки неломаной,
Нет жилочки нетянутой,
Кровинки нет непорченой, —
Терплю и не ропщу!
Всю силу, богом данную,
В работу полагаю я,
Всю в деточек любовь!
Ты видишь всё, владычица,
Ты можешь всё, заступница!
Спаси рабу свою!..“

Молиться в ночь морозную
Под звездным небом божиим
Люблю я с той поры.
Беда пристигнет — вспомните
И женам посоветуйте:
Усердней не помолишься
Нигде и никогда.
Чем больше я молилася,
Тем легче становилося,
И силы прибавлялося,
Чем чаще я касалася
До белой, снежной скатерти
Горящей головой...

Потом — в дорогу тронулась,
Знакомая дороженька!
Езжала я по ней.
Поедешь ранним вечером,
Так утром вместе с солнышком
Поспеешь на базар.
Всю ночь я шла, не встретила
Живой души, под городом
Обозы начались.
Высокие, высокие
Возы сенца крестьянского,
Жалела я коней:
Свои кормы законные
Везут с двора, сердечные,
Чтоб после голодать.
И так-то всё, я думала:
Рабочий конь солому ест,

А пустопляс — овес!
Нужда с кулем тащилася, —
Мучица, чай, не лишняя,
Да подати не ждут!
С посада подгородного
Торговцы-колотырники
Бежали к мужикам;
Божба, обман, ругательство!

Ударили к заутрени,
Как в город я вошла.
Ищу соборной площади,
Я знала: губернаторский
Дворец на площади.
Темна, пуста площадочка,
Перед дворцом начальника
Шагает часовой.

„Скажи, служивый, рано ли
Начальник просыпается?“
— „Не знаю. Ты иди!
Нам говорить не велено!
(Дала ему двугривенный):
На то у губернатора
Особый есть швейцар“.
— „А где он? как назвать его?“
— „Макаром Федосеичем...
На лестницу поди!“
Пошла, да двери заперты.
Присела я, задумалась,
Уж начало светать.
Пришел фонарщик с лестницей,
Два тусклые фонарика
На площади задул.

„Эй! что ты тут расселася?“

Вскочила, испугалась я:
В дверях стоял в халатике
Плешивый человек.
Скоренько я целковенький

Макару Федосеичу
С поклоном подала:

„Такая есть великая
Нужда до губернатора,
Хоть умереть — дойти!“
„Пускать-то вас не велено,
Да... ничего!.. толкнись-ка ты
Так... через два часа...“

Ушла. Бреду тихохонько...
Стоит из меди кованный,
Точь-в-точь Савелий дедушка,
Мужик на площади.
„Чей памятник?“ — „Сусанина“.
Я перед ним помешкала,
На рынок побрела.
Там крепко испугалась я,
Чего? Вы не поверите,
Коли сказать теперь:
У поваренка вырвался
Матёрый серый селезень,
Стал парень догонять его,
А он как закричит!
Такой был крик, что за душу
Хватил — чуть не упала я,
Так под ножом кричат!
Поймали! шею вытянул
И зашипел с угрозою,
Как будто думал повара,
Бедняга, испугать.
Я прочь бежала, думала:
Утихнет серый селезень
Под поварским ножом!

Теперь дворец начальника
С балконом, с башней, с лестницей,
Ковром богатым устланной,
Весь стал передо мной.
На окна поглядела я:
Завешаны. „В котором-то

Твоя опочиваленка?
Ты сладко ль спишь, желанный мой,
Какие видишь сны? . ."

Сторонкой, не по коврику,
Прокралась я в швейцарскую.
„Раненько ты, кума!"

Опять я испугалася,
Макара Федосеича
Я не узнала: выбрился,
Надел ливрею шитую,
Взял в руки булаву,
Как не бывало лысины.
Смеется. „Что ты вздрогнула?"
— „Устала я, родной!"

„А ты не трусь! Бог милостив!
Ты дай еще целковенький,
Увидишь — удружу!"

Дала еще целковенький.
„Пойдем в мою комор<оч>ку,
Попьешь пока чайку!"

Коморочка под лестницей:
Кровать да печь железная,
Шандал да самовар.
В углу лампадка теплится,
А по стене картиночки.
„Вот он! — сказал Макар. —
Его превосходительство!"
И щелкнул пальцем бравого
Военного в звездах.

„Да добрый ли?" — спросила я.

„Как стих найдет! Сегодня вот
Я тоже добр, а временем —
Как пес, бываю зол".

„Скучаешь, видно, дяденька?"
— „Нет, тут статья особая,

Не скука тут — война!
И Сам, и люди вечером
Уйдут, а к Федосеичу
В коморку враг: поборемся!
Борюсь я десять лет.
Как выпьешь рюмку лишнюю,
Махорки как накуришься,
Как эта печь накалится
Да свечка нагорит —
Так тут устой...“

Я вспомнила
Про богатырство дедово:
„Ты, дядюшка, — сказала я, —
Должно быть, богатырь“.

„Не богатырь я, милая,
А силой тот не хвастайся,
Кто сна не поборал!“

В коморку постучалися,
Макар ушел... Сидела я,
Ждала, ждала, соскучилась,
Приотворила дверь.
К крыльцу карету подали.
„Сам едет?“ — „Губернаторша!“ —
Ответил мне Макар
И бросился на лестницу.
По лестнице спускалася
В собольей шубе барыня,
Чиновничек при ней.

Не знала я, что делала
(Да, видно, надоумила
Владычица!)... Как брошусь я
Ей в ноги: „Заступись!
Обманом, не по-божески
Кормильца и родителя
У деточек берут!“

„Откуда ты, голубушка?“

Впопад ли я ответила —
Не знаю... Мука смертная
Под сердце подошла...

Очнулась я, молодчики,
В богатой, светлой горнице,
Под пологом лежу;
Против меня — кормилица,
Нарядная, в кокошнике,
С ребеночком сидит.
„Чье дитятко, красавица?"
— „Твое!" Поцеловала я
Рожоное дитя...

Как в ноги губернаторше
Я пала, как заплакала,
Как стала говорить,
Сказалась усталь долгая,
Истома непомерная,
Упередилось времечко —
Пришла моя пора!
Спасибо губернаторше,
Елене Александровне,
Я столько благодарна ей,
Как матери родной!
Сама крестила мальчика
И имя: Лиодорушка —
Младенцу избрала...»

«А что же с мужем сталося?»

«Послали в Клин нарочного,
Всю истину доведали, —
Филиппушку спасли.
Елена Александровна
Ко мне его, голубчика,
Сама — дай бог ей счастие! —
За ручку подвела.
Добра была, умна была,
Красивая, здоровая,
А деток не дал бог!
Пока у ней гостила я,

Всё время с Лиодорушкой
Носилась, как с родным.

Весна уж начиналася,
Березка распускалася,
Как мы домой пошли. . .

Хорошо, светло
В мире божием!
Хорошо, легко,
Ясно на сердце.

Мы идем, идем —
Остановимся,
На леса, луга
Полюбуемся,
Полюбуемся
Да послушаем,
Как шумят-бегут
Воды вешние,
Как поет-звенит
Жавороночек!
Мы стоим, глядим. . .
Очи встретятся —
Усмехнемся мы,
Усмехнется нам
Лиодорушка.

А увидим мы
Старца нищего —
Подадим ему
Мы копеечку:
„Не за нас молись, —
Скажем старому, —
Ты молись, старик,
За Еленушку,
За красавицу
Александровну!“

А увидим мы
Церковь божию —
Перед церковью

Долго крестимся:
„Дай ей, господи,
Радость-счастие,
Доброй душеньке
Александровне!“

Зеленеет лес,
Зеленеет луг,
Где низиночка —
Там и зеркало!
Хорошо, светло
В мире божием,
Хорошо, легко,
Ясно на сердце.
По водам плыву
Белым лебедем,
По степям бегу
Перепелочкой.

Прилетела в дом
Сизым голубем...
Поклонился мне
Свекор-батюшка,
Поклонилася
Мать-свекровушка,
Деверья, зятья
Поклонилися,
Поклонилися,
Повинилися!
Вы садитесь-ка,
Вы не кланяйтесь,
Вы послушайте,
Что скажу я вам:
Тому кланяться,
Кто сильней меня, —
Кто добрей меня,
Тому славу петь.
Кому славу петь?
Губернаторше!
Доброй душеньке
Александровне!»

Глава 8

БАБЬЯ ПРИТЧА

Замолкла Тимофеевна.
Конечно, наши странники
Не пропустили случая
За здравье губернаторши
По чарке осушить.
И, видя, что хозяюшка
Ко стогу приклонилася,
К ней подошли гуськом:
«Что ж дальше?»
— «Сами знаете:
Ославили счастливицей,
Прозвали губернаторшей
Матрену с той поры...
Что дальше? Домом правлю я,
Рощу детей... На радость ли?
Вам тоже надо знать.
Пять сыновей! Крестьянские
Порядки нескончаемы, —
Уж взяли одного!»

Красивыми ресницами
Моргнула Тимофеевна,
Поспешно приклонилася
Ко стогу головой.
Крестьяне мялись, мешкали,
Шептались. «Ну, хозяюшка!
Что скажешь нам еще?»

«А то, что вы затеяли
Не дело — между бабами
Счастливую искать!..»

«Да всё ли рассказала ты?»

«Чего же вам еще?
Не то ли вам рассказывать,
Что дважды погорели мы,
Что бог сибирской язвою

Нас трижды посетил?
Потуги лошадиные
Несли мы; погуляла я,
Как мерин, в бороне! . .

Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота. . .
Чего же вам еще?
Сулилась душу выложить,
Да, видно, не сумела я, —
Простите, молодцы!
Не горы с места сдвинулись,
Упали на головушку,
Не бог стрелой громовою
Во гневе грудь пронзил,
По мне — тиха, невидима —
Прошла гроза душевная,
Покажешь ли ее?
По матери поруганной,
Как по змее растоптанной,
Кровь первенца прошла,
По мне обиды смертные
Прошли неотплаче́нные,
И плеть по мне прошла!
Я только не отведала —
Спасибо! умер Ситников —
Стыда неискупимого,
Последнего стыда!
А вы — за счастьем сунулись!
Обидно, молодцы!
Идите вы к чиновнику,
К вельможному боярину,
Идите вы к царю,
А женщин вы не трогайте, —
Вот бог! ни с чем проходите
До гробовой доски!
К нам на ночь попросилася
Одна старушка божия:
Вся жизнь убогой старицы —
Убийство плоти, пост;
У гроба Иисусова

Молилась, на Афонские
Всходила высоты,
В Иордань-реке купалася...
И та святая старица
Рассказывала мне:
„Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У бога самого!
Отцы-пустынножители,
И жены непорочные,
И книжники-начетчики
Их ищут — не найдут!
Пропали! думать надобно,
Сглонула рыба их...
В веригах, изможденные,
Голодные, холодные,
Прошли господни ратники
Пустыни, города, —
И у волхвов выспрашивать
И по звездам высчитывать
Пытались — нет ключей!
Весь божий мир изведали,
В горах, в подземных пропастях
Искали... Наконец
Нашли ключи сподвижники!
Ключи неоценимые,
А всё — не те ключи!
Пришлись они — великое
Избра́нным людям божиим
То было торжество —
Пришлись к рабам-невольникам:
Темницы растворилися,
По миру вздох прошел,
Такой ли громкий, радостный!..
А к нашей женской волюшке
Всё нет и нет ключей!
Великие сподвижники
И по сей день стараются —
На дно морей спускаются,
Под небо подымаются, —

Всё нет и нет ключей!
Да вряд они и сыщутся...
Какою рыбой сглонуты
Ключи те заповедные,
В каких морях та рыбина
Гуляет — бог забыл!..“»

1873

ПИР НА ВЕСЬ МИР

Посвящается
Сергею Петровичу Боткину

ВСТУПЛЕНИЕ

В конце села Вахлачина,
Где житель — пахарь исстари
И частью — смолокур,
Под старой-старой ивою,
Свидетельницей скромною
Всей жизни вахлаков,
Где праздники справляются,
Где сходки собираются,
Где днем секут, а вечером
Целуются, милуются, —
Шел пир, великий пир!
Орудовать по-питерски
Привыкший дело всякое,
Знакомец наш Клим Яковлич,
Видавший благородные
Пиры с речами, спичами,
Затейщик пира был.
На бревна, тут лежавшие,
На сруб избы застроенной
Уселись мужики;
Тут тоже наши странники
Сидели с Власом-старостой
(Им дело до всего).

Как только пить надумали,
Влас сыну-малолеточку
Вскричал: «Беги за Трифоном!»
С дьячком приходским Трифоном,
Гулякой, кумом старосты,
Пришли его сыны,
Семинаристы: Саввушка
И Гриша; было старшему
Уж девятнадцать лет;
Теперь же протодьяконом
Смотрел, а у Григория
Лицо худое, бледное
И волос тонкий, вьющийся,
С оттенком красноты.
Простые парни, добрые,
Косили, жали, сеяли
И пили водку в праздники
С крестьянством наравне.

Тотчас же за селением
Шла Волга, а за Волгою
Был город небольшой
(Сказать точнее, города
В ту пору тени не было,
А были головни:
Пожар всё снес третьеводни).
Так люди мимоезжие,
Знакомцы вахлаков,
Тут тоже становилися,
Парома поджидаючи,
Кормили лошадей.
Сюда брели и нищие,
И тараторка-странница,
И тихий богомол.

В день смерти князя старого
Крестьяне не предвидели,
Что не луга поемные,
А тяжбу наживут.
И, выпив по стаканчику,
Первей всего заспорили:
Как им с лугами быть?

Не вся ты, Русь, обмеряна
Землицей: попадаются
Углы благословенные,
Где ладно обошлось.
Какой-нибудь случайностью —
Неведеньем помещика,
Живущего вдали,
Ошибкою посредника,
А чаще изворотами
Крестьян-руководителей —
В надел крестьянам изредка
Попало и леску.
Там горд мужик, попробуй-ка
В окошко стукнуть староста
За податью — осердится!
Один ответ до времени:
«А ты леску продай!»
И вахлаки надумали
Свои луга поемные
Сдать старосте — на подати:
Всё взвешено, рассчитано,
Как раз — оброк и подати,
С залишком. «Так ли, Влас?»

«А коли подать справлена,
Я никому не здравствую!
Охота есть — работаю,
Не то — валяюсь с бабою,
Не то — иду в кабак!»

«Так! — вся орда вахлацкая
На слово Клима Лавина
Откликнулась, — на подати!
Согласен, дядя Влас?»

«У Клима речь короткая
И ясная, как вывеска,
Зовущая в кабак, —
Сказал шутливо староста. —
Начнет Климаха бабою,
А кончит — кабаком!»
— «А чем же! Не острогом же

Кончать-ту? Дело верное,
Не каркай, пореши!»

Но Власу не до карканья.
Влас был душа добрейшая,
Болел за всю вахлачину —
Не за одну семью.
Служа при строгом барине,
Нес тяготу на совести
Невольного участника
Жестокостей его.
Как молод был, ждал лучшего,
Да вечно так случалося,
Что лучшее кончалося
Ничем или бедой.
И стал бояться нового,
Богатого посулами,
Неверующий Влас.
Не столько в Белокаменной
По мостовой проехано,
Как по душе крестьянина
Прошло обид. . . до смеху ли? . .
Влас вечно был угрюм.
А тут — сплошал старинушка!
Дурачество вахлацкое
Коснулось и его!
Ему невольно думалось:
«Без барщины. . . без подати. . .
Без палки. . . правда ль, господи?»
И улыбнулся Влас.
Так солнце с неба знойного
В лесную глушь дремучую
Забросит луч — и чудо там:
Роса горит алмазами,
Позолотился мох.
«Пей, вахлачки, погуливай!»
Не в меру было весело:
У каждого в груди
Играло чувство новое,
Как будто выносила их
Могучая волна
Со дна бездонной пропасти

На свет, где нескончаемый
Им уготован пир!
Еще ведро поставили,
Галденье непрерывное
И песни начались!
Как, схоронив покойника,
Родные и знакомые
О нем лишь говорят,
Покамест не управятся
С хозяйским угощением
И не начнут зевать, —
Так и галденье долгое
За чарочкой, под ивою,
Всё, почитай, сложилося
В поминки по подрезанным
Помещичьим «крепям».
К дьячку с семинаристами
Пристали: «Пой веселую!»
Запели молодцы.
(Ту песню — не народную —
Впервые спел сын Трифона,
Григорий, вахлакам,
И с «Положенья» царского,
С народа крепи снявшего,
Она по пьяным праздникам
Как плясовая пелася
Попами и дворовыми, —
Вахлак ее не пел,
А, слушая, притопывал,
Присвистывал; «веселою»
Не в шутку называл.)

1. ГОРЬКОЕ ВРЕМЯ — ГОРЬКИЕ ПЕСНИ

ВЕСЕЛАЯ

«Кушай тюрю, Яша!
Молочка-то нет!»
— «Где ж коровка наша?»
— «Увели, мой свет!
Барин для приплоду

Взял ее домой».
Славно жить народу
На Руси святой!

«Где же наши куры?» —
Девчонки орут.
«Не орите, дуры!
Съел их земский суд;
Взял еще подводу
Да сулил постой. . .»
Славно жить народу
На Руси святой!

Разломило спину,
А квашня не ждет!
Баба Катерину
Вспомнила — ревет:
В дворне больше году
Дочка. . . нет родной!
Славно жить народу
На Руси святой!

Чуть из ребятишек,
Глядь — и нет детей:
Царь возьмет мальчишек,
Барин — дочерей!
Одному уроду
Вековать с семьей.
Славно жить народу
На Руси святой!

Потом свою вахлацкую,
Родную, хором грянули,
Протяжную, печальную —
Иных покамест нет.
Не диво ли? широкая
Сторонка Русь крещеная,
Народу в ней тьма тем,
А ни в одной-то душеньке
Спокон веков до нашего
Не загорелась песенка
Веселая и ясная,

Как ведреный денек.
Не дивно ли? не страшно ли?
О время, время новое!
Ты тоже в песне скажешься,
Но как?.. Душа народная!
Воссмейся ж наконец!

БАРЩИННАЯ

Беден, нечесан Калинушка,
Нечем ему щеголять,
Только расписана спинушка,
Да за рубахой не знать.
  С лаптя до ворота
  Шкура вся вспорота,
Пухнет с мякины живот.

  Верченый, крученый,
  Сеченый, мученый,
  Еле Калина бредет.

В ноги кабатчику стукнется,
Горе потопит в вине,
Только в субботу аукнется
С барской конюшни жене...

«Ай, песенка!.. Запомнить бы!..»
Тужили наши странники,
Что память коротка,
А вахлаки бахвалились:
«Мы барщинные! С наше-то
Попробуй, потерпи!
Мы барщинные! выросли
Под рылом у помещика;
День — каторга, а ночь?
Что сраму-то! За девками
Гонцы скакали тройками
По нашим деревням.
В лицо позабывали мы
Друг дружку, в землю глядючи,
Мы потеряли речь.

В молчанку напивалися,
В молчанку целовалися,
В молчанку драка шла».
— «Ну, ты насчет молчанки-то
Не очень! нам молчанка та
Досталась солоней! —
Сказал соседней волости
Крестьянин, с сеном ехавший
(Нужда пристигла крайняя,
Скосил — и на базар!). —
Решила наша барышня
Гертруда Александровна,
Кто скажет слово крепкое,
Того нещадно драть.
И драли же! покудова
Не перестали лаяться.
А мужику не лаяться —
Едино что молчать.
Намаялись! уж подлинно
Отпраздновали волю мы,
Как праздник: так ругалися,
Что поп Иван обиделся
За звоны колокольные,
Гудевшие в тот день».

Такие сказы чудные
Посыпались. . . и диво ли?
Ходить далёко за словом
Не надо — всё прописано
На собственной спине.

«У нас была оказия, —
Сказал детина с черными
Большими бакенбардами, —
Так нет ее чудней».
(На малом шляпа круглая,
С значком, жилетка красная,
С десятком светлых пуговиц,
Посконные штаны
И лапти: малый смахивал
На дерево, с которого
Кору подпасок крохотный

Всю снизу ободрал.
А выше — ни царапины,
В вершине не побрезгует
Ворона свить гнездо.)
— «Так что же, брат, рассказывай!»
— «Дай прежде покурю!»
Покамест он покуривал,
У Власа наши странники
Спросили: «Что за гусь?»
— «Так, подбегало-мученик, [1]
Приписан к нашей волости,
Барона Синегузина [2]
Дворовый человек,
Викентий Александрович.
С запяток в хлебопашество
Прыгну́л! За ним осталася
И кличка: «Выездной».
Здоров, а ноги слабые,
Дрожат; его-то барыня
В карете цугом ездила
Четверкой по грибы. . .
Расскажет он! послушайте!
Такая память знатная,
Должно быть (кончил староста),
Сорочьи яйца ел». [3]

Поправив шляпу круглую,
Викентий Александрович
К рассказу приступил.

ПРО ХОЛОПА ПРИМЕРНОГО — ЯКОВА ВЕРНОГО

Был господин невысокого рода,
Он деревнишку на взятки купил,
Жил в ней безвыездно тридцать три года,
Вольничал, бражничал, горькую пил.

---

[1] Подбегало — человек нетутошний, пришлый, приписавшийся к деревне.
[2] Тизенгаузена.
[3] Примета: чтоб иметь хорошую память, нужно есть сорочьи яйца.

Жадный, скупой, не дружился с дворянами,
Только к сестрице езжал на чаек;
Даже с родными, не только с крестьянами,
Был господин Поливанов жесток;
Дочь повенчав, муженька благоверного
Высек — обоих прогнал нагишом,
В зубы холопа примерного,
Якова верного,
Походя дул каблуком.

Люди холопского звания —
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа.
Яков таким объявился из младости,
Только и было у Якова радости:
Барина холить, беречь, ублажать
Да племяша-малолетка качать.
Так они оба до старости дожили.
Стали у барина ножки хиреть,
Ездил лечиться, да ноги не ожили...
Полно кутить, баловаться и петь!
Очи-то ясные,
Щеки-то красные,
Пухлые руки как сахар белы,
Да на ногах — кандалы!

Смирно помещик лежит под халатом,
Горькую долю клянет,
Яков при барине: другом и братом
Верного Якова барин зовет.
Зиму и лето вдвоем коротали,
В карточки больше играли они,
Скуку рассеять к сестрице езжали
Верст за двенадцать в хорошие дни.
Вынесет сам его Яков, уложит,
Сам на долгушке свезет до сестры,
Сам до старушки добраться поможет,
Так они жили ладком — до поры...

Вырос племянничек Якова, Гриша,
Барину в ноги: «Жениться хочу!»

— «Кто же невеста?» — «Невеста — Ариша».
Барин ответствует: «В гроб вколочу!»
Думал он сам, на Аришу-то глядя:
«Только бы ноги господь воротил!»
Как ни просил за племянника дядя,
Барин соперника в рекруты сбыл.
Крепко обидел холопа примерного,
Якова верного,
Барин, — холоп задурил!
Мертвую запил... Неловко без Якова,
Кто ни послужит — дурак, негодяй!
Злость-то давно накипела у всякого,
Благо есть случай: груби, вымещай!
Барин то просит, то пёсски ругается,
Так две недели прошли.
Вдруг его верный холоп возвращается...
Первое дело — поклон до земли.
Жаль ему, видишь ты, стало безногого!
Кто-де сумеет его соблюсти?
«Не поминай только дела жестокого;
Буду свой крест до могилы нести!»
Снова помещик лежит под халатом,
Снова у ног его Яков сидит,
Снова помещик зовет его братом.
«Что ты нахмурился, Яша?» — «Мутит!»
Много грибов нанизали на нитки,
В карты сыграли, чайку напились,
Ссыпали вишни, малину в напитки
И поразвлечься к сестре собрались.

Курит помещик, лежит беззаботно,
Ясному солнышку, зелени рад.
Яков угрюм, говорит неохотно,
Вожжи у Якова дрожмя дрожат,
Крестится. «Чур меня, сила нечистая! —
Шепчет, — рассыпься!» (мутил его враг).
Едут... Направо трущоба лесистая,
Имя ей исстари: Чертов овраг;
Яков свернул и поехал оврагом,
Барин опешил: «Куда ж ты, куда?»
Яков ни слова. Проехали шагом
Несколько верст; не дорога — беда!

Ямы, валежник; бегут по оврагу
Вешние воды, деревья шумят...
Стали лошадки — и дальше ни шагу,
Сосны стеной перед ними торчат.

Яков, не глядя на барина бедного,
Начал коней отпрягать,
Верного Яшу, дрожащего, бледного,
Начал помещик тогда умолять.
Выслушал Яков посулы — и грубо,
Зло засмеялся: «Нашел душегуба!
Стану я руки убийством марать,
Нет, не тебе умирать!»
Яков на сосну высокую прянул,
Вожжи в вершине ее укрепил,
Перекрестился, на солнышко глянул,
Голову в петлю — и ноги спустил!..

Экие страсти господни! висит
Яков над барином, мерно качается.
Мечется барин, рыдает, кричит,
Эхо одно откликается!

Вытянув голову, голос напряг
Барин — напрасные крики!
В саван окутался Чертов овраг,
Ночью там росы велики,
Зги не видать! только совы снуют,
Оземь ширяясь крылами,
Слышно, как лошади листья жуют,
Тихо звеня бубенцами.
Словно чугунка подходит — горят
Чьи-то два круглые, яркие ока,
Птицы какие-то с шумом летят,
Слышно, посели они недалёко.
Ворон над Яковом каркнул один.
Чу! их слетелось до сотни!
Ухнул, грозит костылем господин.
Экие страсти господни!

Барин в овраге всю ночь пролежал,
Стонами птиц и волков отгоняя,

Утром охотник его увидал.
Барин вернулся домой, причитая:
«Грешен я, грешен! Казните меня!»
Будешь ты, барин, холопа примерного,
Якова верного,
Помнить до судного дня!

«Грехи, грехи, — послышалось
Со всех сторон. — Жаль Якова,
Да жутко и за барина, —
Какую принял казнь!»
— «Жалей! . .» Еще прослушали
Два-три рассказа страшные
И горячо заспорили
О том, кто всех грешней.
Один сказал: кабатчики,
Другой сказал: помещики,
А третий — мужики.
То был Игнатий Прохоров,
Извозом занимавшийся,
Степенный и зажиточный
Мужик — не пустослов.
Видал он виды всякие,
Изъездил всю губернию
И вдоль и поперек.
Его послушать надо бы,
Однако вахлаки
Так обозлились, не дали
Игнатью слова вымолвить,
Особенно Клим Яковлев
Куражился: «Дурак же ты! . .»
— «А ты бы прежде выслушал. . .»
— «Дурак же ты. . .»
— «И все-то вы,
Я вижу, дураки! —
Вдруг вставил слово грубое
Еремин, брат купеческий,
Скупавший у крестьян
Что ни попало, лапти ли,
Теленка ли, бруснику ли,
А главное — мастак
Подстерегать оказии,

Когда сбирались подати
И собственность вахлацкая
Пускалась с молотка. —
Затеять спор затеяли,
А в точку не утрафили!
Кто всех грешней? подумайте!»
— «Ну, кто же? говори!»
— «Известно кто: разбойники!»
А Клим ему в ответ:
«Вы крепостными не были,
Была капель великая,
Да не на вашу плешь!
Набил мошну: мерещатся
Везде ему разбойники;
Разбой — статья особая,
Разбой тут ни при чем!»
— «Разбойник за разбойника
Вступился!» — прасол вымолвил,
А Лавин — скок к нему!
«Молись!» — и в зубы прасола.
«Прощайся с животишками!» —
И прасол в зубы Лавина.
«Ай, драка! молодцы!»
Крестьяне расступилися,
Никто не подзадоривал,
Никто не разнимал.
Удары градом сыпались:
«Убью! пиши к родителям!»
— «Убью! зови попа!»
Тем кончилось, что прасола
Клим сжал рукой, как обручем,
Другой вцепился в волосы
И гнул со словом «кланяйся»
Купца к своим ногам.
«Ну, баста!» — прасол вымолвил.
Клим выпустил обидчика,
Обидчик сел на бревнышко,
Платком широким клетчатым
Отерся и сказал:
«Твоя взяла! и диво ли?
Не жнет, не пашет — шляется
По коновальской должности.

Как сил не нагулять?»
(Крестьяне засмеялися.)
— «А ты еще не хочешь ли?» —
Сказал задорно Клим.
«Ты думал, нет? Попробуем!»
Купец снял чуйку бережно
И в руки поплевал.

«Раскрыть уста греховные
Пришел черед: прислушайте!
И так вас помирю!» —
Вдруг возгласил Ионушка,
Весь вечер молча слушавший,
Вздыхавший и крестившийся,
Смиренный богомол.
Купец был рад; Клим Яковлев
Помалчивал. Уселися,
Настала тишина.

2. СТРАННИКИ И БОГОМОЛЬЦЫ

Бездомного, безродного
Немало попадается
Народу на Руси,
Не жнут, не сеют — кормятся
Из той же общей житницы,
Что кормит мышку малую
И воинство несметное:
Оседлого крестьянина
Горбом ее зовут.
Пускай народу ведомо,
Что целые селения
На попрошайство осенью,
Как на доходный промысел,
Идут: в народной совести
Уставилось решение,
Что больше тут злосчастия,
Чем лжи, — им подают.
Пускай нередки случаи,
Что странница окажется
Воровкой; что у баб

За просфоры афонские,
За «слезки богородицы»
Паломник пряжу выманит,
А после бабы сведают,
Что дальше Тройцы-Сергия
Он сам-то не бывал.
Был старец, чудным пением
Пленял сердца народные;
С согласья матерей,
В селе Крутые Заводи
Божественному пению
Стал девок обучать;
Всю зиму девки красные
С ним в риге запиралися,
Откуда пенье слышалось,
А чаще смех и визг.
Однако чем же кончилось?
Он петь-то их не выучил,
А перепортил всех.
Есть мастера великие
Подлаживаться к барыням:
Сначала через баб
Доступится до девичьей,
А там и до помещицы.
Бренчит ключами, по двору
Похаживает барином,
Плюет в лицо крестьянину,
Старушку богомольную
Согнул в бараний рог!
Но видит в тех же странниках
И лицевую сторону
Народ. Кем церкви строятся?
Кто кружки монастырские
Наполнил через край?
Иной добра не делает,
И зла за ним не видится,
Иного не поймешь.
Знаком народу Фомушка:
Вериги двупудовые
По телу опоясаны,
Зимой и летом бос,
Бормочет непонятное,

А жить — живет по-божески:
Доска да камень в головы,
А пища — хлеб один.
Чудён ему и памятен
Старообряд Кропильников,
Старик, вся жизнь которого
То воля, то острог.
Пришел в село Усолово:
Корит мирян безбожием,
Зовет в леса дремучие
Спасаться. Становой
Случился тут, всё выслушал:
«К допросу сомустителя!»
Он то же и ему:
«Ты враг Христов, антихристов
Посланник!» Сотский, староста
Мигали старику:
«Эй, покорись!» Не слушает!
Везли его в острог,
А он корил начальника
И, на телеге стоючи,
Усоловцам кричал:

«Горе вам, горе, пропащие головы!
Были оборваны, — будете голы вы,
Били вас палками, розгами, кнутьями,
Будете биты железными прутьями! . .»

Усоловцы крестилися,
Начальник бил глашатая:
«Попомнишь ты, анафема,
Судью ерусалимского!»
У парня, у подводчика,
С испуга вожжи выпали
И волос дыбом стал!
И, как на грех, воинская
Команда утром грянула:
В Устой, село недальное,
Солдатики пришли.
Допросы! усмирение!
Тревога! по спопутности
Досталось и усоловцам:

Пророчество строптивого
Чуть в точку не сбылось.

Вовек не позабудется
Народом Евфросиньюшка,
Посадская вдова:
Как божия посланница,
Старушка появляется
В холерные года;
Хоронит, лечит, возится
С больными. Чуть не молятся
Крестьянки на нее. . .

Стучись же, гость неведомый!
Кто б ни был ты, уверенно
В калитку деревенскую
Стучись! Не подозрителен
Крестьянин коренной,
В нем мысль не зарождается,
Как у людей достаточных,
При виде незнакомого,
Убогого и робкого:
Не стибрил бы чего?
А бабы — те радехоньки.
Зимой перед лучиною
Сидит семья, работает,
А странничек гласит.
Уж в баньке он попарился,
Ушицы ложкой собственной,
С рукой благословляющей,
Досыта похлебал.
По жилам ходит чарочка,
Рекою льется речь.
В избе всё словно замерло:
Старик, чинивший лапотки,
К ногам их уронил;
Челнок давно не чикает,
Заслушалась работница
У ткацкого станка;
Застыл уж на уколотом
Мизинце у Евгеньюшки,
Хозяйской старшей дочери,

Высокий бугорок,
А девка и не слышала,
Как укололась до крови;
Шитье к ногам спустилося,
Сидит — зрачки расширены,
Руками развела. . .
Ребята, свесив головы
С полатей, не шелохнутся:
Как тюленята сонные
На льдинах за Архангельском,
Лежат на животе.
Лиц не видать, завешены
Спустившимися прядями
Волос — не нужно сказывать,
Что желтые они.
Постой! уж скоро странничек
Доскажет быль афонскую,
Как турка взбунтовавшихся
Монахов в море гнал,
Как шли покорно иноки
И погибали сотнями. . .
Услышишь шепот ужаса,
Увидишь ряд испуганных,
Слезами полных глаз!
Пришла минута страшная —
И у самой хозяюшки
Веретено пузатое
Скатилося с колен.
Кот Васька насторо́жился —
И прыг к веретену!
В другую пору то-то бы
Досталось Ваське шустрому,
А тут и не заметили,
Как он проворной лапкою
Веретено потрогивал,
Как прыгал на него
И как оно каталося,
Пока не размоталася
Напряденная нить!

Кто видывал, как слушает
Своих захожих странников

Крестьянская семья,
Поймет, что ни работою,
Ни вечною заботою,
Ни игом рабства долгого,
Ни кабаком самим
Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь.
Когда изменят пахарю
Поля старозапашные,
Клочки в лесных окраинах
Он пробует пахать.
Работы тут достаточно,
Зато полоски новые
Дают без удобрения
Обильный урожай.
Такая почва добрая —
Душа народа русского...
О сеятель! приди!..

Иона (он же Ляпушкин)
Сторонушку вахлацкую
Издавна навещал.
Не только не гнушалися
Крестьяне божьим странником,
А спорили о том,
Кто первый приютит его,
Пока их спорам Ляпушкин
Конца не положил:
«Эй! бабы! выносите-ка
Иконы!» Бабы вынесли;
Пред каждою иконою
Иона падал ниц:
«Не спорьте! дело божие,
Котора взглянет ласковей,
За тою и пойду!»
И часто за беднейшею
Иконой шел Ионушка
В беднейшую избу.
И к той избе особое
Почтенье: бабы бегают
С узлами, сковородками

В ту и́збу. Чашей полною,
По милости Ионушки,
Становится она.

Негромко и неторопко
Повел рассказ Ионушка
«О двух великих грешниках»,
Усердно покрестясь.

О ДВУХ ВЕЛИКИХ ГРЕШНИКАХ

Господу богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирим.

Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр — атаман,
Много разбойники пролили
Крови честны́х христиан,

Много богатства награбили,
Жили в дремучем лесу,
Вождь Кудеяр из-под Киева
Вывез девицу-красу.

Днем с полюбовницей тешился,
Ночью набеги творил,
Вдруг у разбойника лютого
Совесть господь пробудил.

Сон отлетел; опротивели
Пьянство, убийство, грабеж,
Тени убитых являются,
Целая рать — не сочтешь!

Долго боролся, противился
Господу зверь-человек,

Голову снес полюбовнице
И есаула засек.

Совесть злодея осилила,
Шайку свою распустил,
Роздал на церкви имущество,
Нож под ракитой зарыл.

И прегрешенья отмаливать
К гробу господню идет,
Странствует, молится, кается,
Легче ему не стает.

Старцем, в одежде монашеской,
Грешник вернулся домой,
Жил под навесом старейшего
Дуба, в трущобе лесной.

Денно и нощно всевышнего
Молит: грехи отпусти!
Тело предай истязанию,
Дай только душу спасти!

Сжалился бог и к спасению
Схимнику путь указал:
Старцу в молитвенном бдении
Некий угодник предстал,

Рек: «Не без божьего промысла
Выбрал ты дуб вековой,
Тем же ножом, что разбойничал,
Срежь его, той же рукой!

Будет работа великая,
Будет награда за труд;
Только что рухнется дерево —
Цепи греха упадут».

Смерил отшельник страшилище:
Дуб — три обхвата кругом!
Стал на работу с молитвою,
Режет булатным ножом,

Режет упругое дерево,
Господу славу поет,
Годы идут — подвигается
Медленно дело вперед.

Что с великаном поделает
Хилый, больной человек?
Нужны тут силы железные,
Нужен не старческий век!

В сердце сомнение крадется,
Режет и слышит слова:
«Эй, старина, что ты делаешь?»
Перекрестился сперва,

Глянул — и пана Глуховского
Видит на борзом коне,
Пана богатого, знатного,
Первого в той стороне.

Много жестокого, страшного
Старец о пане слыхал
И в поучение грешнику
Тайну свою рассказал.

Пан усмехнулся: «Спасения
Я уж не чаю давно,
В мире я чту только женщину,
Золото, честь и вино.

Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,
Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю!»

Чудо с отшельником сталося:
Бешеный гнев ощутил,
Бросился к пану Глуховскому,
Нож ему в сердце вонзил!

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,

Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло.

Рухнуло древо, скатилося
С инока бремя грехов!..
Господу богу помолимся:
Милуй нас, темных рабов!

8. И СТАРОЕ И НОВОЕ

Иона кончил, крестится;
Народ молчит. Вдруг прасола
Сердитым криком про́рвало:

«Эй вы, тетери сонные!
Па-ром, живей, па-ром!»
— «Парома не докличешься
До солнца! перевозчики
И днем-то трусу празднуют,
Паром у них худой,
Пожди! Про Кудеяра-то...»
— «Паром! пар-ром! пар-ром!»
Ушел, с телегой возится,
Корова к ней привязана —
Он пнул ее ногой;
В ней курочки курлыкают,
Сказал им: «Дуры! цыц!»
Теленок в ней мотается —
Досталось и теленочку
По звездочке на лбу.
Нажег коня саврасого
Кнутом — и к Волге двинулся.
Плыл месяц над дорогою,
Такая тень потешная
Бежала рядом с прасолом
По лунной полосе!
«Отдумал, стало, драться-то?
А спорить — видит — не о чем, —
Заметил Влас. — Ой, господи!
Велик дворянский грех!»
— «Велик, а всё не быть ему

Против греха крестьянского», —
Опять Игнатий Прохоров
Не вытерпел — сказал.
Клим плюнул. «Эк приспичило!
Кто с чем, а нашей галочке
Родные галченяточки
Всего милей... Ну, сказывай,
Что за великий грех?»

КРЕСТЬЯНСКИЙ ГРЕХ

Аммирал-вдовец по морям ходил,
По морям ходил, корабли водил,
Под Ачаковым бился с туркою,
Наносил ему поражение,
И дала ему государыня
Восемь тысяч душ в награждение.
В той ли вотчине припеваючи
Доживает век аммирал-вдовец,
И вручает он, умираючи,
Глебу-старосте золотой ларец.
«Гой ты, староста! Береги ларец!
Воля в нем моя сохраняется:
Из цепей-крепей на свободушку
Восемь тысяч душ отпускается!»

Аммирал-вдовец на столе лежит...
Дальний родственник хоронить катит..

Схоронил, забыл! Кличет старосту
И заводит с ним речь окольную;
Всё повыведал, насулил ему
Горы золота, выдал вольную...

Глеб — он жаден был — соблазняется:
Завещание сожигается!

На десятки лет, до недавних дней
Восемь тысяч душ закрепил злодей,
С родом, с племенем; что народу-то!
Что народу-то! с камнем в воду-то!

Всё прощает бог, а Иудин грех
Не прощается.
Ой, мужик! мужик! ты грешнее всех,
И за то тебе вечно маяться!

Суровый и рассерженный,
Громовым, грозным голосом
Игнатий кончил речь.
Толпа вскочила на ноги,
Пронесся вздох, послышалось:
«Так вот он, грех крестьянина!
И впрямь страшенный грех!»
— «И впрямь: нам вечно маяться,
Ох-ох! . .» — сказал сам староста,
Опять убитый, в лучшее
Не верующий Влас.
И скоро поддававшийся
Как горю, так и радости,
«Великий грех! великий грех!» —
Тоскливо вторил Клим.

Площадка перед Волгою,
Луною освещенная,
Переменилась вдруг.
Пропали люди гордые,
С уверенной походкою,
Остались вахлаки,
Досы́та не едавшие,
Несолоно хлебавшие,
Которых вместо барина
Драть будет волостной,
К которым голод стукнуться
Грозит: засу́ха долгая,
А тут еще — жучок!
Которым прасол-выжига
Урезать цену хвалится
На их добычу трудную,
Смолу, слезу вахлацкую, —
Урежет, попрекнет:
«За что платить вам много-то?
У вас товар некупленный,

Из вас на солнце топится
Смола, как из сосны!»

Опять упали бедные
На дно бездонной пропасти,
Притихли, приубожились,
Легли на животы;
Лежали, думу думали
И вдруг запели. Медленно,
Как туча надвигается,
Текли слова тягучие.
Так песню отчеканили,
Что сразу наши странники
Упомнили ее:

ГОЛОДНАЯ

Стоит мужик —
Колышется,
Идет мужик —
Не дышится!

С коры его
Распучило,
Тоска-беда
Измучила.

Темней лица
Стеклянного
Не видано
У пьяного.

Идет — пыхтит,
Идет — и спит,
Прибрел туда,
Где рожь шумит.

Как идол стал
На полосу,
Стоит, поет
Без голосу:

«Дозрей, дозрей,
Рожь-матушка!
Я пахарь твой,
Панкратушка!

Ковригу съем
Гора горой,
Ватрушку съем
Со стол большой!

Всё съем один,
Управлюсь сам.
Хоть мать, хоть сын
Проси — не дам!»

«Ой, батюшки, есть хочется!» —
Сказал упалым голосом
Один мужик; из пещура
Достал краюху — ест.
«Поют они без голосу,
А слушать — дрожь по волосу!» —
Сказал другой мужик.
И правда, что не голосом —
Нутром — свою «Голодную»
Пропели вахлаки.
Иной во время пения
Стал на ноги, показывал,
Как шел мужик расслабленный,
Как сон долил голодного,
Как ветер колыхал,
И были строги, медленны
Движенья. Спев «Голодную»,
Шатаясь, как разбитые,
Гуськом пошли к ведерочку
И выпили певцы.

«Дерзай!» — за ними слышится
Дьячково слово; сын его
Григорий, крестник старосты,
Подходит к землякам.
«Хошь водки?» — «Пил достаточно.

Что тут у вас случилося?
Как в воду вы опущены! ..»
— «Мы? .. что ты? ..» Насторожились,
Влас положил на крестника
Широкую ладонь.

«Неволя к вам вернулася?
Погонят вас на барщину?
Луга у вас отобраны?»
— «Луга-то? .. Шутишь, брат!»
— «Так что ж переменилося? ..
Закаркали „Голодную“,
Накликать голод хочется?»
— «Никак и впрямь ништо!» —
Клим как из пушки выпалил;
У многих зачесалися
Затылки, шепот слышится:
«Никак и впрямь ништо!»

«Пей, вахлачки, погуливай!
Всё ладно, всё по-нашему,
Как было ждано-гадано.
Не вешай головы!»

«По-нашему ли, Климушка?
А Глеб-то? ..»

Потолковано
Немало: в рот положено,
Что не они ответчики
За Глеба окаянного,
Всему виною: крепь!
«Змея родит змеенышей,
А крепь — грехи помещика,
Грех Якова несчастного,
Грех Глеба родила!
Нет крепи — нет помещика,
До петли доводящего
Усердного раба,
Нет крепи — нет дворового,
Самоубийством мстящего
Злодею своему,

Нет крепи — Глеба нового
Не будет на Руси!»

Всех пристальней, всех радостней
Прослушал Гришу Пров:
Осклабился, товарищам
Сказал победным голосом:
«Мотайте-ка на ус!»
— «Так, значит, и „Голодную“
Теперь навеки побоку?
Эй, други! Пой веселую!» —
Клим радостно кричал. . .
Пошло, толпой подхвачено,
О крепи слово верное
Трепаться: «Нет змеи —
Не будет и змеенышей!»
Клим Яковлев Игнатия
Опять ругнул: «Дурак же ты!»
Чуть-чуть не подрались!
Дьячок рыдал над Гришею:
«Создаст же бог головушку!
Недаром порывается
В Москву, в новорситет!»
А Влас его поглаживал:
«Дай бог тебе и се́ребра,
И золотца, дай умную,
Здоровую жену!»
— «Не надо мне ни серебра,
Ни золота, а дай господь,
Чтоб землякам моим
И каждому крестьянину
Жилось вольготно-весело
На всей святой Руси!» —
Зардевшись, словно девушка,
Сказал из сердца самого
Григорий — и ушел.

———

Светает. Снаряжаются
Подводчики. «Эй, Влас Ильич!
Иди сюда, гляди, кто здесь!» —
Сказал Игнатий Прохоров,

Взяв к бревнам приваленную
Дугу. Подходит Влас,
За ним бегом Клим Яковлев,
За Климом — наши странники
(Им дело до всего):
За бревнами, где нищие
Вповалку спали с вечера,
Лежал какой-то смученный,
Избитый человек;
На нем одёжа новая,
Да только вся изорвана,
На шее красный шелковый
Платок, рубаха красная,
Жилетка и часы.
Нагнулся Лавин к спящему,
Взглянул и с криком: «Бей его!»
Пнул в зубы каблуком.
Вскочил детина, мутные
Протер глаза, а Влас его
Тем временем в скулу.
Как крыса прищемлённая,
Детина пискнул жалобно —
И к лесу! Ноги длинные,
Бежит — земля дрожит!
Четыре парня бросились
В погоню за детиною,
Народ кричал им: «Бей его!»,
Пока в лесу не скрылися
И парни, и беглец.

«Что за мужчина? — старосту
Допытывали странники. —
За что его тузят?»

«Не знаем, так наказано
Нам из села из Тискова,
Что буде где покажется
Егорка Шутов — бить его!
И бьем. Подъедут тисковцы,
Расскажут». — «Удоволили?» —
Спросил старик вернувшихся
С погони молодцов.

«Догнали, удоволили!
Побег к Кузьмо-Демьянскому,
Там, видно, переправиться
За Волгу норовит».

«Чудной народ! бьют сонного,
За что про что не знаючи. . .»

«Коли всем миром велено:
Бей! — стало, есть за что! —
Прикрикнул Влас на странников. —
Не ветрогоны тисковцы,
Давно ли там десятого
Пороли? . . ой, Егор! . .
Ай служба — должность подлая!
Гнусь-человек! — Не бить его,
Так уж кого и бить?
Не нам одним наказано:
От Тискова по Волге-то
Тут деревень четырнадцать, —
Чай, через все четырнадцать
Прогнали, как сквозь строй!»

Притихли наши странники.
Узнать-то им желательно,
В чем штука, да прогневался
И так уж дядя Влас.

Совсем светло. Позавтракать
Мужьям хозяйки вынесли:
Ватрушки с творогом,
Гусятина (прогнали тут
Гусей; три затомилися,
Мужик их нес под мышкою:
«Продай! помрут до городу!» —
Купили ни за что).
Как пьет мужик, толковано
Немало, а не всякому
Известно, как он ест.
Жаднее на говядину,
Чем на вино, бросается.

Был тут непьющий каменщик,
Так опьянел с гусятины,
Начто твое вино!
Чу! слышен крик: «Кто едет-то!
Кто едет-то!» Наклюнулось
Еще подспорье шумному
Веселью вахлаков.
Воз с сеном приближается,
Высоко на возу
Сидит солдат Овсяников,
Верст на двадцать в окружности
Знакомый мужикам,
И рядом с ним Устиньюшка,
Сироточка-племянница,
Поддержка старика.
Райком кормился дедушка,
Москву да Кремль показывал,
Вдруг инструмент испортился,
А капиталу нет!
Три желтенькие ложечки
Купил — так не приходятся
Заученные натвердо
Присловья к новой музыке,
Народа нс смешат!
Хитер солдат! по времени
Слова придумал новые,
И ложки в ход пошли.
Обрадовались старому:
«Здорово, дедко! спрыгни-ка,
Да выпей с нами рюмочку,
Да в ложечки ударь!»
— «Забраться-то забрался я,
А как сойду, не ведаю:
Ведет!» — «Небось до города
Опять за полной пенцией?
Да город-то сгорел!»
— «Сгорел? И поделом ему!
Сгорел? Так я до Питера!
Там все мои товарищи
Гуляют с полной пенцией,
Там — дело разберут!»
— «Чай, по чугунке тронешься?»

Служивый посвистал:
«Недолго послужила ты
Народу православному,
Чугунка бусурманская!
Была ты нам люба,
Как от Москвы до Питера
Возила за три рублика,
А коли семь-то рубликов
Платить, так черт с тобой!»

«А ты ударь-ка в ложечки, —
Сказал солдату староста, —
Народу подгулявшего
Покуда тут достаточно,
Авось дела поправятся.
Орудуй живо, Клим!»
(Влас Клима недолюбливал,
А чуть делишко трудное,
Тотчас к нему: «Орудуй, Клим!»,
А Клим тому и рад.)

Спустили с возу дедушку,
Солдат был хрупок на ноги,
Высок и тощ до крайности;
На нем сюртук с медалями
Висел, как на шесте.
Нельзя сказать, чтоб доброе
Лицо имел, особенно
Когда сводило старого —
Черт чертом! Рот ощерится,
Глаза — что угольки!

Солдат ударил в ложечки,
Чтó было вплоть до берегу
Народу — всё сбегается.
Ударил — и запел:

СОЛДАТСКАЯ

Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские!
Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет.
Ну-тка, с редута-то с первого номеру,
Ну-тка, с Георгием — по миру, по миру!
У богатого,
У богатины,
Чуть не подняли
На рогатину.
Весь в гвоздях забор
Ощетинился,
А хозяин, вор,
Оскотинился.
Нет у бедного
Гроша медного:
«Не взыщи, солдат!»
— «И не надо, брат!»
Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет.
Только трех Матрен
Да Луку с Петром
Помяну добром.
У Луки с Петром
Табачку нюхнем,
А у трех Матрен
Провиант найдем.
У первой Матрены
Груздочки ядрены,
Матрена вторая
Несет каравая,
У третьей водицы попью из ковша:
Вода ключевая, а мера — душа!
Тошен свет,
Правды нет,

Жизнь тошна,
Боль сильна.

Служивого задергало.
Опершись на Устиньюшку,
Он поднял ногу левую
И стал ее раскачивать,
Как гирю на весу;
Проделал то же с правою,
Ругнулся: «Жизнь проклятая!» —
И вдруг на обе стал.

«Орудуй, Клим!» По-питерски
Клим дело оборудовал:
По блюдцу деревянному
Дал дяде и племяннице,
Поставил их рядком,
А сам вскочил на бревнышко
И громко крикнул: «Слушайте!»
(Служивый не выдерживал
И часто в речь крестьянина
Вставлял словечко меткое
И в ложечки стучал.)

Клим

Колода есть дубовая
У моего двора,
Лежит давно: измладости
Колю на ней дрова,
Так та не столь изранена,
Как господин служивенький.
Взгляните: в чем душа!

Солдат

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские.

Клим

А пенциону полного
Не вышло, забракованы
Все раны старика;

Взглянул помощник лекаря,
Сказал: «Второразрядные!
По ним и пенцион».

Солдат

Полного выдать не велено:
Сердце насквозь не прострелено!

(Служивый всхлипнул; в ложечки
Хотел ударить, — скорчило!
Не будь при нем Устиньюшки,
Упал бы старина.)

Клим

Солдат опять с прошением.
Вершками раны смерили
И оценили каждую
Чуть-чуть не в медный грош.
Так мерил пристав следственный
Побои на подравшихся
На рынке мужиках:
«Под правым глазом ссадина
Величиной с двугривенный,
В средине лба пробоина
В целковый. Итого:
На рубль пятнадцать с деньгою
Побоев. . .» Приравняем ли
К побоищу базарному
Войну под Севастополем,
Где лил солдатик кровь?

Солдат

Только горами не двигали,
А на редуты как прыгали!
Зайцами, белками, дикими кошками.
Там и простился я с ножками,
С адского грохоту, свисту оглох,
С русского голоду чуть не подох!

Клим

Ему бы в Питер надобно
До комитета раненых, —

Пеш до Москвы дотянется,
А дальше как? Чугунка-то
Кусаться начала!

Солдат

Важная барыня! гордая барыня!
Ходит, змеею шипит:
«Пусто вам! пусто вам! пусто вам!» —
Русской деревне кричит;
В рожу крестьянину фыркает,
Давит, увечит, кувыркает,
Скоро весь русский народ
Чище метлы подметет.

Солдат слегка притопывал,
И слышалось, как стукалась
Сухая кость о кость,
А Клим молчал: уж двинулся
К служивому народ.
Все дали: по копеечке,
По грошу, на тарелочках
Рублишко набрался...

4. ДОБРОЕ ВРЕМЯ — ДОБРЫЕ ПЕСНИ

В замену спичей с песнями,
В подспорье речи с дракою
Пир только к утру кончился,
Великий пир!.. Расходится
Народ. Уснув, осталися
Под ивой наши странники,
И тут же спал Ионушка,
Смиренный богомол.
Качаясь, Савва с Гришею
Вели домой родителя
И пели; в чистом воздухе
Над Волгой, как набатные,
Согласные и сильные
Гремели голоса:

Доля народа,
Счастье его,

Свет и свобода
Прежде всего!

Мы же немного
Просим у бога:
Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!

Жизнь трудовая —
Другу прямая
К сердцу дорога,
Прочь от порога,
Трус и лентяй!
То ли не рай?

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Беднее захудалого
Последнего крестьянина
Жил Трифон. Две коморочки:
Одна с дымящей печкою,
Другая в сажень — летняя,
И вся тут недолга;
Коровы нет, лошадки нет,
Была собака Зудушка,
Был кот — и те ушли.

Спать уложив родителя,
Взялся за книгу Саввушка,
А Грише не сиделося,
Ушел в поля, в луга.

У Гриши — кость широкая,
Но сильно исхудалое
Лицо — их недокармливал
Хапуга-эконом.
Григорий в семинарии
В час ночи просыпается

И уж потом до солнышка
Не спит — ждет жадно ситника,
Который выдавался им
Со сбитнем по утрам.
Как ни бедна вахлачина,
Они в ней отъедалися.
Спасибо Власу-крестному
И прочим мужикам!
Платили им молодчики,
По мере сил, работою,
По их делишкам хлопоты
Справляли в городу.

Дьячок хвалился детками,
А чем они питаются —
И думать позабыл.
Он сам был вечно голоден,
Весь тратился на поиски,
Где выпить, где поесть.
И был он нрава легкого,
А будь иного, вряд ли бы
И дожил до седин.
Его хозяйка Домнушка
Была куда заботлива,
Зато и долговечности
Бог не дал ей. Покойница
Всю жизнь о соли думала:
Нет хлеба — у кого-нибудь
Попросит, а за соль
Дать надо деньги чистые,
А их по всей вахлачине,
Сгоняемой на барщину,
Не густо! Благо — хлебушком
Вахлак делился с Домною.
Давно в земле истлели бы
Ее родные деточки,
Не будь рука вахлацкая
Щедра, чем бог послал.

Батрачка безответная
На каждого, кто чем-нибудь

Помог ей в черный день,
Всю жизнь о соли думала,
О соли пела Домнушка —
Стирала ли, косила ли,
Баюкала ли Гришеньку,
Любимого сынка.
Как сжалось сердце мальчика,
Когда крестьянки вспомнили
И спели песню Домнину
(Прозвал ее «Соленою»
Находчивый вахлак).

СОЛЕНАЯ

Никто как бог!
Не ест, не пьет
Меньшой сынок,
Гляди — умрет!

Дала кусок,
Дала другой —
Не ест, кричит:
«Посыпь сольцой!»

А соли нет,
Хоть бы щепоть!
«Посыпь мукой», —
Шепнул господь.

Раз-два куснул,
Скривил роток.
«Соли еще!» —
Кричит сынок.

Опять мукой...
А на кусок
Слеза рекой!
Поел сынок!

Хвалилась мать —
Сынка спасла...

Знать, солона
Слеза была!..

Запомнил Гриша песенку
И голосом молитвенным
Тихонько в семинарии,
Где было тёмно, холодно,
Угрюмо, строго, голодно,
Певал — тужил о матушке
И обо всей вахлачине,
Кормилице своей.
И скоро в сердце мальчика
С любовью к бедной матери
Любовь ко всей вахлачине
Слилась, — и лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Что будет жить для счастия
Убогого и темного
Родного уголка.

Довольно демон ярости
Летал с мечом карающим
Над русскою землей.
Довольно рабство тяжкое
Одни пути лукавые
Открытыми, влекущими
Держало на Руси!
Над Русью оживающей
Иная песня слышится:
То ангел милосердия,
Незримо пролетающий
Над нею, души сильные
Зовет на честный путь.

Средь мира дольнего
Для сердца вольного
Есть два пути.

Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую, —
Каким идти?

Одна просторная
Дорога — торная,
Страстей раба,

По ней громадная,
К соблазну жадная
Идет толпа.

О жизни искренней,
О цели выспренней
Там мысль смешна.

Кипит там вечная,
Бесчеловечная
Вражда-война

За блага бренные...
Там души пленные
Полны греха.

На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая
К добру глуха.

Другая — тесная
Дорога, честная,
По ней идут

Лишь души сильные,
Любвеобильные,
На бой, на труд.

За обойденного,
За угнетенного —
По их стопам

Иди к униженным,
Иди к обиженным —
Будь первый там!

И ангел милосердия
Недаром песнь призывную

Поет над русским юношей, —
Немало Русь уж выслала
Сынов своих, отмеченных
Печатью дара божьего,
На честные пути,
Немало их оплакала
(Пока звездой падучею
Проносятся они!).
Как ни темна вахлачина,
Как ни забита барщиной
И рабством — и она,
Благословясь, поставила
В Григорье Добросклонове
Такого посланца.
Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

Светило солнце ласково,
Дышало утро раннее
Прохладой, ароматами
Косимых всюду трав...

Григорий шел задумчиво
Сперва большой дорогою
(Старинная: с высокими
Курчавыми березами,
Прямая, как стрела).
Ему то было весело,
То грустно. Возбужденная
Вахлацкою пирушкою,
В нем сильно мысль работала
И в песне излилась:

«В минуты унынья, о родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю.
Еще суждено тебе много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.

Был гуще невежества мрак над тобой,
Удушливей сон непробудный,

Была ты глубоко несчастной страной,
Подавленной, рабски бессудной.

Давно ли народ твой игрушкой служил
Позорным страстям господина?
Потомок татар, как коня, выводил
На рынок раба-славянина,

И русскую деву влекли на позор,
Свирепствовал бич без боязни,
И ужас народа при слове «набор»
Подобен был ужасу казни?

Довольно! Окончен с прошедшим расчет,
Окончен расчет с господином!
Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином.

И ношу твою облегчила судьба,
Сопутница дней славянина!
Еще ты в семействе — раба,
Но мать уже вольного сына!»

Сманила Гришу узкая,
Извилистая тропочка,
Через хлеба бегущая,
В широкий луг подкошенный
Спустился он по ней.
В лугу траву сушившие
Крестьянки Гришу встретили
Его любимой песнею.
Взгрустнулось крепко юноше
По матери-страдалице,
А пуще злость брала.
Он в лес ушел. Аукаясь,
В лесу, как перепелочки
Во ржи, бродили малые
Ребята (а постарше-то
Ворочали сенцо).
Он с ними кузов рыжиков
Набрал. Уж жжется солнышко;
Ушел к реке. Купается, —

Три дня тому сгоревшего
Обугленного города
Картина перед ним:
Ни дома уцелевшего,
Одна тюрьма спасенная,
Недавно побелённая,
Как белая коровушка
На выгоне, стоит.
Начальство там попряталось,
А жители под берегом,
Как войско, стали лагерем,
Всё спит еще, немногие
Проснулись: два подьячие,
Придерживая полочки
Халатов, пробираются
Между шкафами, стульями,
Узлами, экипажами
К палатке-кабаку.
Туда ж портняга скорченный
Аршин, утюг и ножницы
Несет — как лист дрожит.
Восстав от сна с молитвою,
Причесывает голову
И держит на отлет,
Как девка, косу длинную
Высокий и осанистый
Протоерей Стефан.
По сонной Волге медленно
Плоты с дровами тянутся,
Стоят под правым берегом
Три барки нагружённые:
Вчера бурла́ки с песнями
Сюда их привели.
А вот и он — измученный
Бурлак! походкой праздничной
Идет, рубаха чистая,
В кармане медь звенит.
Григорий шел, поглядывал
На бурлака довольного,
И с губ слова срывалися
То шепотом, то громкие.
Григорий думал вслух:

БУРЛАК

Плечами, грудью и спиной
Тянул он барку бичевой,
Полдневный зной его палил,
И пот с него ручьями лил.
И падал он, и вновь вставал,
Хрипя, «Дубинушку» стонал;
До места барку дотянул
И богатырским сном уснул,
И, в бане смыв поутру пот,
Беспечно пристанью идет.
Зашиты в пояс три рубля.
Остатком — медью — шевеля,
Подумал миг, зашел в кабак
И молча кинул на верстак
Трудом добытые гроши
И, выпив, крякнул от души,
Перекрестил на церковь грудь;
Пора и в путь! пора и в путь!
Он бодро шел, жевал калач,
В подарок нес жене кумач,
Сестре платок, а для детей
В сусальном золоте коней.
Он шел домой — неблизкий путь,
Дай бог дойти и отдохнуть!

С бурла́ка мысли Гришины
Ко всей Руси загадочной,
К народу перешли.
И долго Гриша берегом
Бродил, волнуясь, думая,
Покуда песней новою
Не утолил натруженной,
Горящей головы.

РУСЬ

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая.

Ты и бессильная,
Матушка Русь!

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая —
Совесть спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается, —

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая, —

Встали — небужены,
Вышли — непрошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать подымается —
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка Русь!..

«Удалась мне песенка! — молвил Гриша, прыгая. —
Горячо сказалася правда в ней великая!

Завтра же спою ее вахлачкам — не всё же им
Песни петь унылые... Помогай, о боже, им!
Как с игры да с беганья щеки разгораются,
Так с хорошей песенки духом поднимаются
Бедные, забитые...» Прочитав торжественно
Брату песню новую (брат сказал: «Божественно!»),
Гриша спать попробовал. Спалося, не спалося,
Краше прежней песенка в полусне слагалася;
Быть бы нашим странникам под родною крышею,
Если б знать могли они, что творилось с Гришею.
Слышал он в груди своей силы необъятные,
Услаждали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного —
Пел он воплощение счастия народного!..

1876—1877

2. СОВРЕМЕННИКИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЮБИЛЯРЫ И ТРИУМФАТОРЫ

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлей».

Швырнул далёко книгу я.
Ужели мы с тобой
Такого века сыновья,
О друг-читатель мой? ..

Конечно, нет! Конечно, нет!
Клевещет наш зоил.
Лакей принес пучок газет;
Я жадно их раскрыл,

Минуя кражу и пожар
И ряд самоубийц,
Встречаю слово «юбиляр»,
Читаю список лиц,

Стяжавших лавры. Счета нет!
Стипендия... медаль...
Аренда... памятник... обед...
Обед... обед... О, враль!

Протри глаза! .. Иду к друзьям:
Готовит спич один,

Другой десяток телеграмм —
    В Москву, в Рязань, в Тульчин.

Пошел я с ним «на телеграф».
    Лакеи, кучера,
Депеши кверху приподняв,
    Толпились там с утра.

Мелькают крупные слова:
    «Герою много лет. . .»,
«Ликуй, Орел! . .», «Гордись, Москва! . .»
    «Бердичеву привет. . .»

Немало тут «друзей добра»,
    «Отцов» не перечесть,
А вот листок: одно — «Ура! . .»
    Пора, однако, есть.

Я пришел в трактир и тоже
Счет теряю торжествам.
Книга дерзкая! за что же
Ты укор послала нам? . .

У Дюссо готовят славно
Юбилейные столы;
Там обедают издавна
Триумфаторы-орлы.
Посмотрите — что за рыба!
Еле внес ее лакей.
Слышно «русское спасибо»
Из отворенных дверей.
Заказав бульон и дичи,
Коридором я брожу;
Дверь растворят — слышу спичи,
На пирующих гляжу:
Люди заняты в трактирах,
Не мешают. . . я и рад. . .

ЗАЛА № 1

В первой зале все в мундирах,
В белых галстухах стоят.

Юбиляр-администратор
Древен, весь шитьем залит,
Две звезды. . . Ему оратор,
Тоже старец, говорит:
«Ты на страже государства,
Как стоокий Аргус, бдил,
Но, преследуя коварство,
Добродетель ты щадил.
Голова твоя седая
Не запятнана стыдом:
Дальним краем управляя,
Не был ты его бичом.
В то же время населенья
Ты потворством не растлил,
Не довел до разоренья,
Пищи, крова не лишил!
Ты до собственности частной,
До казенного добра
Не простер руки всевластной —
Благодарность и. . . ура! . .»

Вдруг курьер вошел, сияя,
Засиял и юбиляр.
Юбиляру, поздравляя,
Поднесли достойный дар.

№ 2

Речь долго, долго длилась,
Расплакался старик. . .
Я сделал шаг. . . открылась
Другая дверь — на миг,
И тут героя чтили,
Кричали: «Много лет!»
Герою подносили
Магницкого портрет:
«Крамольники лукавы,
Рази — и не жалей!»

Исчезла сцена славы —
Захлопнул дверь лакей. . .

№ 3

На столе лежат «подарки»,
В Петербурге лучших нет.
Две брильянтовые арки —
Восхитительный браслет!
Бриллиантовые звезды...
Чудо! .. Несколько ребят
С упоением невесты
На сокровища глядят.
(Были тут и лицеисты,
И пажи, и юнкера,
И незрелые юристы,
И купцы... et caetera [1].)

«Чудо!» — дядька их почтенный
Восклицает, князь Иван,
И, летами удрученный,
Упадает на диван...

Князь Иван — колосс по брюху,
Руки — род пуховика,
Пьедесталом служит уху
Ожиревшая щека.
По устройству верхней гу́бы
Он — бульдог; с оскалом зубы,
Под гребенку волоса
И добрейшие глаза.
Он — известный объедало,
    Говорит умно,
Словно в бочку из-под сала
    Льет в себя вино.
Дома редко пребывает,
До шестидесяти лет
Водевили посещает,
Оперетку и балет.
У него друзья — кадеты,
Именитый дед его
Был шутом Елизаветы,
Сам он — ровно ничего.

---

[1] И так далее (лат.). — *Ред.*

Презирает аксельбанты,
Не охотник до чинов.
Унаследовав таланты
Исторических шутов,
С языком своим проворным,
С дерзким смехом, в век иной
Был бы он шутом придворным,
А теперь он — шут простой.

«Да! дары такие редки! —
Восклицает князь Иван. —
Надо спрыснуть... спрыснуть, детки!..
Наливай полней стакан!..
Нет, постой! В начале пира
Совершим один обряд:
Перед нами нет кумира,
Но... *и камни говорят!*
Эта брошка приютится
У богини на груди,
Значит, должно преклониться
Перед нею... Подходи!..»

И почтительно к алмазам
Приложился князь Иван,
И потом уж выпил разом
Свой вместительный стакан.
И, вослед за командиром,
Приложилися юнцы
К бриллиантам и сафирам...

«На колени, молодцы!
Гимн!..»

Глядит умильным взором
Старый шут на небеса,
И поют согласным хором
Молодые голоса:

Мадонны лик,
Взор херувима...
Мадам Жюдик
Непостижима!

Жизнь наша — пуф,
Пустей ореха,
Заехать в Буфф —
Одна утеха.

Восторга крик,
Порыв блаженства. . .
Мадам Жюдик
Верх совершенства!

№ 4

Военный пир. . . военный спор. . .
Не знаю, кто тут триумфатор.
«Аничков — вор! Мордвинов — вор! —
Кричит увлекшийся оратор. —
Милютин ваш — не патриот,
А просто карбонарий ярый,
Куда он армию ведет? . .
Нет! лучше был порядок старый!
Солдата в палки ставь — и знай,
Что только палка бьет пороки!
Читай историю, читай!
Благие в ней найдешь уроки:
Где страх начальства, там и честь.
А страх без палки — скоротечен.
Пусть целый день не мог присесть
Солдат, порядочно посечен,
Пускай он ночью оставлял
Кровавый след на жестком ложе,
Не он ли в битвах доказал,
Что был небитого дороже?»

№ 5

«. . .Первоприсутствуя в сенате,
Радел ли ты о меньшем брате?
Всегда ли ты служил добру?
Всегда ли к истине стремился? . .»

«Позвольте-с!»
Я посторонился
И дал дорогу осетру. . .

№ 6

Большая зала... шума нет...
Ученое собранье,
Агрономический обед,
Вернее — заседанье.
Встает известный агроном,
Член общества — Коленов
(Докладчик пасмурен лицом,
Печальны лица членов).
Он говорит: «Я посвятил
Досуг мой скотоводству,
Я восемь лет в Тироле жил,
Поверив превосходству
Швейцарских, а́нглийских пород,
В отечестве любезном
Старался я улучшить скот
И думал быть полезным.
Увы! напрасная мечта!
Убил я даром годы:
Соломы мало для скота
Улучшенной породы!
В крови у русской клячи есть
Привычка золотая:
„Работать много, мало есть“ —
Основа вековая!
Печальный вид: голодный конь
На почве истощенной,
С голодным пахарем... А тронь
Рукой непосвященной —
Еще печальней что-нибудь
Получится в итоге...
Покинул я опасный путь,
Увы! на полдороге...
Трудитесь дальше без меня...»

«Прискорбны речи ваши!
Придется с нынешнего дня
Закрыть собранья наши! —
Сказал ученый президент
(Толстяк, заплывший жиром). —
Разделим скромный дивиденд
И разойдемся с миром!

Оставим бедный наш народ
Судьбам его — и богу!
Без нас скорее он найдет
К развитию дорогу. . .»

«Закрыть! закрыть, хотя и жаль! —
Решило всё собранье, —
И дать Коленову медаль:
„За ревность и старанье“».

«Ура! . . Подписку! . .» Увлеклись —
Не скупо подписали, —
И благодушно занялись
Моделью для медали. . .

№ 7

Председатель Казенной палаты —
Представительный тучный старик —
И директор. Я слышал дебаты,
Но о чем? хорошенько не вник.

«Мы вас вызвали. . . ваши способности. . .»
— «Нет-с! вернее: решительность мер».
— «Не вхожу ни в какие подробности,
Вы — губерниям прочим пример,

Господин председатель Пасьянсов!»
— «Гран-Пасьянсов!» — поправил старик.
«Был бы рай в министерстве финансов,
Если б всюду платил так мужик!

Жаль, что люди такие способные
Редки! Если бы меры принять
По всему государству подобные! . .»
— «И тогда — не могу отвечать!

Доложите министру финансов,
Что действительно беден мужик».
— «Но — пример ваш, почтенный Пасьянсов? . .»
— «Гран-Пасьянсов!» — поправил старик. . .

№ 8

Шаг вперед — и снова зала,
Всё заводчики-тузы;
Слышен голос: «Ты сначала
Много выдержал грозы.
Весь души прекрасной пламень
Ты принес на подвиг свой,
Но пошел ко дну, как камень,
Броненосец первый твой!
Смертоносные гранаты
Изобрел ты на врагов. . .
Были б чудо — результаты,
Кабы дельных мастеров!
То-то их принять бы в прутья! . .
Ты гранатою своей
Переранил из орудья
Только собственных людей. . .
Ты поклялся, как заразы,
Новых опытов бежать,
Но казенные заказы
Увлекли тебя опять,
Ты вступил. . .»
Лакей суровый
Дверь захлопнул, как назло.

№ 9

Я вперед. . . Из залы новой
Мертвечиной понесло. . .
Пир тут, видно, не секретный —
Настежь дверь. . . народу тьма. . .
Господин Ветхозаветный
Говорит:
«Судьба сама
Нас свела сегодня вместе;
Шел я радостно сюда,
Как жених грядет к невесте, —
Новость, новость, господа!
Отзывался часто Пушкин
Из могилы. . . Наконец
Отозвался и Тяпушкин,

Скромный труженик-певец!
Драгоценную находку
Отыскал товарищ наш!
В бедной лавочке селедку
Завернул в нее торгаш.
Грязный синенький листочек,
А какие перлы в нем!..»

«Прочитай-ка хоть кусочек!» —
Закричали...

«Мы начнем
С детства. Видно, что в разъезды
Посылал его отец:
Где иной считал бы звезды,
Он...» — «Читай же!» Начал чтец:

ОТРЫВОК ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК ЮНОШИ ТЯПУШКИНА, ВЕДЕННЫХ ИМ ВО ВРЕМЯ РАЗЪЕЗДОВ ЕГО ПО РОССИИ ПО ДЕЛАМ ОТЦА

(Найден случайно между оберточной бумагой в лавке купца С. С. Подтекина; подлинник — собственность Зосима Терентьевича Ветхозаветного.)

На реке на Свири
Рыба как в Сибири,
Окуни, лини
Средней долины.
На реке же Лене
Хуже, чем на Оби:
Ноги по колени
Отморозил обе,
А прибыв в Ирбит,
Дядей был прибит...

«Превосходно! поэтично!..» —
Каждый в лупу смотрит лист.
«И притом характерично, —
Замечает журналист. —
То-то мы ударим в трубы!
То-то праздник будет нам!»
И прикладывает губы
К полуграмотным строкам.
Приложил — и, к делу рьяный,

Примечание строчит:
«Отморозил ноги — *пьяный*
И — *за пьянство* был побит;
Чужды нравственности узкой,
Не решаемся мы скрыть
Этот знак натуры русской...
Да! „веселье Руси — пить“!..

Прим. ред.

Уж знакомлюсь я с поэтом,
Биографию пишу...»

«Не снабдите ли портретом?»

«Дорогонько... погляжу...
Случай редкий! Мы России
Явим вновь труды свои:
Восстановим запятые,
Двоеточие над ї;
Можно будет в духе Миши
Предисловье написать:
Пощадили даже мыши
Драгоценную тетрадь —
Провидения печать!..
Позавидует Бартенев,
И Ефремов зашипит,
Но заметку сам Тургенев
В „Петербургских“ поместит...»

«Верно! царь ты русской прессы,
Хоть и служишь мертвецам:
Все живые интересы
Уступают поле нам...»

«Так... и так да будет вечно!..
Дарованья в наши дни
Гибнут рано... Жаль, конечно,
Да бестактны и они...
Жаль!.. Но боги справедливы
В начертаниях своих!
Нам без смерти — нет поживы,
Как аптеке без больных!

Дарованием богатый
Служит обществу пером,
Служим мы ему лопатой...
Други! пьем! За мертвых пьем!..»

Вместо влаги искрометной,
Пили запросто марсал,
А Зосим Ветхозаветный
Умиленно лепетал:
«Я люблю живых писателей,
Но — мне мертвые милей!..»

Это — пир гробовскрывателей!..
Дальше, дальше поскорей!..

№ 10

«Путь, отечеству полезный
Ты геройски довершил,
Ты не дрогнул перед бездной,
Ты...»
Татарин нелюбезный
Двери круто затворил;
Несмотря на все старанья,
Речь дослушать я не мог,
Слышны только лобызанья,
Да «Ура!..», да «С нами бог!..».

№ 11

«Получай же по проценту! —
Говорит седой банкир
Полицейскому агенту. —
В честь твою сегодня пир!»
Рад банкир, как сумасшедший;
Все довольны; сыщик пьян;
От детей сюда зашедший,
По знакомству, князь Иван
Держит спич:
«Свои законы
Есть у века, господа!

Как пропали миллионы,
Я подумал: не беда!
Верьте, нет глупей несчастья
Потерять последний грош, —
Ни пропажи, ни участья,
Хоть повесься, не найдешь!
А укра́дут у банкира
Из десятка миллион —
Растревожится полмира. . .
«Миллион! . .» Со всех сторон
Сожаленья раздадутся,
Все правительства снесутся,
Телеграммами в набат
Приударят! Все газеты
Похитителя приметы
Многократно возвестят,
Обозначат каждый прыщик. . .
И глядишь: нашелся вор!
На два дня банкир и сыщик —
Самый модный разговор!
Им улыбки, им поклоны,
Поздравленья добрых душ. . .
Уж терять — так миллионы,
Царь вселенной — куш! . .»

№ 12

Чу! пенье! Я туда скорей,
То пела светская плеяда
Благотворителей посредством лотерей,
Концерта, бала, маскарада. . .

Да-с! Марья Львовна
За бедных в воду,
Мы Марье Львовне
Сложили оду.

Где Марья Львовна?
На вдовьем бале!
Где Марья Львовна?
В читальном зале. . .

Кто на эстраде
Поет романсы?
Чьи в маскараде
Вернее шансы?

У Марьи Львовны
Так милы речи,
У Марьи Львовны
Так круглы плечи!..

Гласит афиша:
«Народный праздник».
Купил корову
Один проказник:

«Да-с, Марья Львовна,
Не ваши речи,
Да-с, Марья Львовна,
Не ваши плечи,

С народом нужны
Иные шансы...»
В саду корова
Поет романсы,

В саду толпится
Народ наивный,
Рискуют прачки
Последней гривной,

За грош корову
Кому не надо?
И побелели
Дорожки сада,

Как будто в мае
Послал бог снегу...
Пустых билетов
Свезли телегу

Из сада ночью.
Ай! Марья Львовна!
Пятнадцать тысяч
Собрали ровно!

Пятнадцать — с нищих!
Что значит — масса!
Да процветает
Приюта касса!

Да процветает
И Марья Львовна,
Пусть ей живется
Легко и ровно!..

Да-с, Марья Львовна
За бедных в воду...
Ее призванье —
Служить народу!

№ 13

Слышен голос — и знакомый:
«Ананас — не огурец!»
Возложили гастрономы
На товарища венец.
Это — круг интимный, близкий.
Тише! слышен жаркий спор:
Над какою-то сосиской
Произносят приговор.
Поросенку ставят баллы,
Рассуждая о вине,
Тычут градусник в бокалы...
«Как! четыре — ветчине?..»
И поссорились... Стыдитесь!
Вредно ссориться, друзья!
Благодушно веселитесь!
Скоро к вам приду и я.
Буду новую сосиску
Каждый день изобретать,
Буду мнение без риску
О салате подавать.
Буду кушать плотно, жирно,
Обленюся, как верблюд,
И засну навеки мирно
Между двух изящных блюд...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЕРОИ ВРЕМЕНИ

Траги-комедия

«Кушать подано!» — Мне дали
Очень маленький салон.
За стеной «ура!» кричали,
По тарелкам шел трезвон.
Кто ж они — с моим чуланом
Рядом пьющие теперь?
Я чуть-чуть открыл диваном
Загороженную дверь,
Поглядел из-за портьеры:
Зала публикой кишит —
Всё тузы-акционеры!
На ловца и зверь бежит...

Производитель работ
Акционерной компании,
Сдавший недавно отчет
В общем годичном собрании,
В группе директоров Шкурин сидит
(Синяя чуйка и крупные губы).
Старец, прошедший сквозь медные трубы —
Савва Антихристов — спич говорит.
(Общество пестрое: франты, гусары,
И генерал, и банкир, и кулак.)

«Да, господа! самородок-русак
Стоит немецких философов пары!

Был он мужик, не имел ничего,
Часто гуляла по мальчику палка.
Дальше скажу вам словами его
(Тут и отвага, и ум, и смекалка):

„Я — уроженец степей;
Дав пастухам по алтыну,
Я из хребта у свиней
В младости дергал щетину.

Мечется стадо, ревет.
Знамо: живая скотина!
Мальчик не трусит — дерет,
Первого сорту щетина!

Стал я теперь богачом;
Дом у меня, как картинка,
Думаю, глядя на дом:
Это — свиная щетинка!..“

Великорусская, меткая речь!..
С детства умел он добыть и сберечь.
Сняли мы линию; много заботы:
Надо сдавать земляные работы.
Еду я раз по делам в Перекоп,
Вижу, с артелью идет землекоп.
„Кто ты?“ — „Я — Федор Никифоров
Шкурин“.

(Обращается к Шкурину)

Чокнемся! Выпьем, христов мужичок!
Ну, господа генералы! чок-чок!..
Выбор-то мой оказался недурен...

(Чокаются и пьют.)

Прибыл подрядчик на место работ,
Вместо науки с одним „глазомером“,
Ездит по селам с своим инженером,
Рядит рабочих — никто не идет!
Земли кругом тут дворянские были, —
Только дворяне о них позабыли.
Всем тут орудовал грубый „кустарь“,
Пренебреженной окраины царь.

Жители рыбу в озерах ловили,
Гнали безданно из пеньев смолу,
Брали морошку, опенки солили
И говорили: „Нейдем в кабалу!“
Нет послушанья, порядка и прочего,
Прежде всего: создавай тут „рабочего“,
Как же создашь его? Шкурин не спит:
Земли, озера, болота, графит —
Всё откупил у помещика,
„Всё — до последнего лещика!“
(Как энергически сам говорит).
Дрогнула грубая сила „кустарная“,
Как из-под ног ее почва ушла...
Мысль эта, смею сказать лучезарная,
Наши доходы спасла.
Плод этой меры в графе дивиденда
Акционеры найдут:
На сорок три с половиной процента
Разом понизился труд!..

Ходко пошла земляная работа.
Шкурин, трудясь до кровавого пота,
Не раздевался в ночи,
Жил без семейства в степи безотрадной,
Обувь, одежду, перцовку, харчи
Сам поставлял для артели громадной.
Он, разделяя с рабочим труды,
Не пренебрег гигиеной народной:
Вместо болотной, стоячей воды,
Дал он рабочему квас превосходный!
Этим и наша достигнута цель:
В жаркие дни, довалившись до кваса,
Меньше харчей потребляла артель
И обходилась охотно без мяса!
Быстро в артели упал аппетит
На двадцать два с половиной процента.
Я умолкаю... графа дивиденда
Красноречивее слов говорит!..»

«Ура!» прокричали, героя сравнили
С находчивым «янки». А я между тем,

Покамест здоровье подрядчика пили,
Успел присмотреться ко всем:
Во-первых, тут были почетные лица
В чинах, с орденами. Их видит столица
В сенате, в палатах, в судах.
Служа безупречно и пользуясь весом,
Они посвящают досуг интересам
Коммерческих фирм на паях.
Тут были плебеи, из праха и пыли
Достигшие денег, крестов,
И рядом вельможи тут русские были,
Погрязшие в тине долгов
(То имя, что деды в безумной отваге
Прославили — гордость страны —
Они за паи подмахнут на бумаге,
Не стоящей трети цены)...
Сидели тут важно, в сознании силы,
«Зацепа» и «Савва» — столпы-воротилы
(Зацепа был мрачен, а Савва сиял).
Тут были банкиры, дельцы биржевые,
И земская сила — дворяне степные,
Тут было с десяток менял.
Сидели тут рядом тузы-иноземцы:
Остзейские, русские, прусские немцы,
Евреи и греки и много других —
В Варшаве, в Одессе, в Крыму, в Петербурге
Банкирские фирмы у них —
На *аки,* на *раки,* на *берги* и *бурги*
Кончаются прозвища их.
Зацепа — красивый старик белокудрый,
Наживший богатство политикой мудрой, —
Был сборища главным вождем.
Профессор, юрист, адвокат знаменитый
И два инженера — с ученым значком —
Его окружали почетною свитой.
Григорий Аркадьич Зацепин стяжал
В коммерческом мире великую славу
И львиную долю себе выделял
Из каждого крупного дела по праву.
Сей старец находчив, умен, даровит,
В нем чудная тайна успеха таится,
Не даром он в каждом правленьи сидит...

Придет вам охота в аферы пуститься,
Старайтесь его к предприятью привлечь —
Пойдет как по маслу!..
Герой-триумфатор
Раскланялся... Выступил новый оратор,
Меняло, — писклива была его речь:
«Мм. гг.
Времена наступают тревожные
Кризис близится: мало дают
Предприятья железнодорожные,
Банки тоже не бойко идут:
„Половину закрыть не мешало бы!“ —
Слышен в публике хор голосов,
Как недавно мы слышали жалобы
На избыток питейных домов.
Время выйти на поприще новое,
Честь имею проект предложить,
Всё обдумано — дело готовое,
Стоит только устав сочинить.

(Пауза. Выпив глоток воды, оратор продолжает с одушевлением)

Мысль — „Центрального Дома Терпимости“,
Такова наша мысль! Скажут нам:
Прежде Невский целковыми вымости,
И на то я согласие дам!
Вам порукою наше серьезное
Отношенье к делам вообще,
Что развитие ей грандиозное
Мы надеемся дать не вотще:
Лишь бы нам разрешили концессию...
Учредим капитал на паях
И, убив мелочную профессию,
Двинем дело на всех парусах!
Нет сомненья, что цель учреждения
Наше общество скоро поймет:
Понесут нам свои сбережения
Все кутящие ныне вразброд!
Предприятия с точки вещественной
Невозможно вернее желать,
Равным образом, с точки общественной
Трудно пользу его отрицать.

Без надзора строжайшего, честного
Не оставим мы дело никак,
Мы найдем адвоката известного
Для разбора скандалов и драк.
Будет много у нас подражателей.
Но не будет такого нигде
Наблюденья: возьмем наблюдателей
В нашей скромной меняльной среде. . .»

«В тихом омуте водятся черти!» —
Кто-то рядом со мной прошептал;
Некто Грош испугался до смерти
Остроумной затеи менял
И подвинулся дальше со стулом.
На проект отвечала толпа
Нерешительным, сдержанным гулом,
Ждали мненья Зацепы-столпа.

«Да (сказал он), доходное дело,
Но советую вам подождать.
Ново. . . странно. . . до дерзости смело. . .
Преждевременно, смею сказать!
Кто не знает? Пророки событий,
Пролагатели новых путей,
Провозвестники важных открытий —
Побиваются грудой камней.
Двинув раньше вперед спекуляцию,
Чем прогресс узаконит ее,
Потеряете вы репутацию
И погубите дело свое.
Подождите! Прогресс подвигается,
И движенью не видно конца:
Что сегодня постыдным считается,
Удостоится завтра венца. . .»

«Браво!» Залп громоподобный. . .
На арену вышел Грош
И проекту спич надгробный
Довершил: «Проект хорош,
Исполнители опасны!» —
Он язвительно сказал.

Пренья были долги, страстны,
Впрочем, я их не слыхал,
Я заснул...
Мне снились планы
О походах на карманы
Благодушных россиян,
И, ощупав свой карман,
Я проснулся...
Шумно... В уши
Словно бьют колокола:
Гомерические куши,
Миллионные дела,
Баснословные оклады,
Недовыручка, дележ,
Рельсы, шпалы, банки, вклады —
Ничего не разберешь!..
Я сидел тупой и мрачный,
Долго мне понять мешал
Этот крик и дым табачный:
Где я? Как сюда попал?..

Через дверь, чуть-чуть открытую,
Вижу лиц усталых ряд,
Вижу жженку недопитую,
Землянику, виноград.
К англичанину с объятьями
Лезет русский человек.
«Выпьем, Борух! Будем братьями!» —
Говорит еврею грек.
Кто-то низко клонит голову,
Кто-то на пол льет вино,
Кто-то Утина Ермолову
Уподобил... Всё пьяно!..

Я понял: кончили дела
И нараспашку закутили.
Одни сидели у стола,
Другие парами ходили.
Сюда пришел и князь Иван [1]

[1] См. часть 1-ю: «Юбиляры и триумфаторы», зала № 3-й.

И, на диване отдыхая,
Не умолкал, как барабан,
Чужие речи заглушая.
Старик с друзьями продолжал
Пить вдохновляющую жженку
И мимо шедшим посылал
Свои любезности вдогонку.
Теперь цинизм у них царил,
И разговор был часто страшен:
«С какой иконы ты скусил
Тот перл, которым ты украшен?»
— «Да с той, которой помолясь,
Ты Гасферу подсыпал яду. . .»
Так остроумно веселясь,
Одни смеялись до упаду,
Другие хмурились. . . Журча,
Лился поток суждений, споров. . .
Вот вам отрывки разговоров,
Ищите сами к ним ключа. . .

1-й голос

Отложили на неделю,
Миллиончик пропадет.
Вот господь послал Емелю!
Доложил наоборот:
Позабыл о братьях Примах,
Знай наладил: Цах да Цах!
Образец непроходимых
Государственных нерях!
С ним теперь и смех и горе.
Прежний много лучше был:
Не сажал нас на́ мель в море
И на суше не топил.

2-й голос (князя Ивана)

Чу! как орут: «Казань! . .», «Ветлуга! . .»
Адепты севера и юга.
Немного фактов, бездна слов. . .
Одно тут каждый понимает,
Что на пути до рудников
Постлать соломки не мешает!

3-й голос

У нас был директор дороги,
Кондукторам красть не давал:
В вагоны, как тать, проникал,
У сонных сосчитывал ноги,
Чтоб видеть: придется иль нет
На каждую пару билет?
Но дальше билетов и ног
Считать ничего он не мог!..

Голос князя Ивана

(кому-то навстречу)

Сотню рублей серебра
    В день получаю...
Сорок четыре ребра
    В сутки ломаю...
А! господин костолом!
Радуюсь встрече случайной.
Правда ли? мы создаем
Новый проект чрезвычайный:
Предупредительных мер
Мы отрицаем полезность...
(Так! господин инженер!
Благодарим за любезность.)
Вечно мы будем ломать
Едущим руки и ноги:
Надо врачей насажать
На протяженьи дороги,
С правого боку возвесть
Раненым нужно жилища,
А для убитых отвесть
С левого боку кладбища.
Так-с! Выражаясь точней,
Вы узаконить хотите
Право увечить людей...
Мало еще вы кутите!
Что же? Дай бог вам успеть!
Можете руки вы знатно,
Строя больницы, нагреть,
И пассажирам приятно:
Вместо того чтоб зевать
В наших пустынях унылых —

Впредь до крушенья — считать
Будут кресты на могилах!

Двое (4-й и 5-й)

(проходя мимо двери, негромко)

«Вам дадут паи строители,
Я готов держать пари
На тысчонку! Не хотите ли?»
— «В чем же дело, говори!»
— «Это — путь из самых прибыльных,
Но ведь это — тоже дверь
Для обмена мыслей гибельных. . .
Понимаете теперь?»
— «Верно! малый ты практический!
Как пари не заплатить?
С точки зренья стратегической
Можно Волгу запрудить!»

Голос князя Ивана

(кому-то вдогонку)

Пестрый галстук с черным фраком,
Ряд нечищеных зубов
И подернутая лаком
Рожа — признак дураков.
В перстне камень изумрудный.
Неотесанный болван:
Содержатель кассы ссудной,
Главной кассы — важный сан!
Этот тип безмерно гнусен.
Современный Митрофан
Глуп во всем, в одном искусен:
Залезать в чужой карман!
И на нем дух века виден,
Он по трусости — скупец,
По невежеству — бесстыден,
И по глупости — подлец!

6-й голос

За что швырнул в меня он карточкой своей
И завтра обещал прислать мне секунданта?

Ведь я не отрица́л у Душкиной таланта,
Я только говорил, что Радина милей!
Военный человек, не спорю я, прекрасен,
Но дальше от него держаться должно нам.
Во времена войны — опасен он врагам,
А в мирное — он всем опасен.

Голос князя Ивана

(кому-то навстречу)

Тысяч восемьдесят в банках
Получает этот франт,
Он живет бессменно в санках —
В этом весь его талант.
Есть другой счастливец в мире,
Полу-немец, полу-грек,
Получает *сто четыре*. . .
Заурядный человек!
Дай мне легонькие санки
И рысистого коня,
Я и сам все наши банки
Облечу в теченье дня!

7-й голос

Человека накачали
И забыли. . . Как тут быть?
Если нет цыган, нельзя ли
Хоть арфисток пригласить?
Без прекрасного-то пола
Скучновато во хмелю.
Пить так пить — *до протокола,*
Середины не люблю!

Голос князя Ивана

На французском масле,
Сделанном из сала,
Испекла природа
Этого нахала.
Экой ратоборец!
Железнодорожник,
И гостинодворец,
И во всем — художник!

8-й голос

В нашем банке заседают
Пять ростовщиков,
Фортель их таков:
Меж собой распределяют
Весь наличный капитал
Из осьми... а выручают
Сорок... Подло! я отстал.

Голос князя Ивана
(кому-то вдогонку)

Слыл умником и в ус себе не дул,
Поклонники в нем видели мессию;
Попал на министерский стул
И — наглупил на всю Россию!

9-й голос

...Говорю: помиритесь добром!
Не советую знаться с судом!..

На Литейной такое есть здание,
Где виновного ждет наказание,
А невинен — отпустят домой,
Окативши ушатом помой.
Я там был. Не последнее бедствие,
Доложу вам, судебное следствие, —
Юный пристав меня истерзал;
Прокурор, поседевший во бдении,
Так копался в моем поведении,
Что с натуги в истерику впал;
Сторона утверждала противная,
Что вся жизнь моя — цепь непрерывная
Вопиющих каких-то картин,
И, содрав гонорар неумеренный,
Восклицал мой присяжный поверенный:
«Перед вами стоит гражданин
Чище снега альпийских вершин!..»

Невеселое вышло решение:
Без лишения прав заключение.

Две недели пришлось проскучать,
Да с полгода ругала печать!

10-й голос

Печать? У ней строитель — вор!
Железные дороги — душегубки!
Суды? .. По платью приговор!
А им любезны только полушубки.
Теперь не в моде уважать
По капиталу, чину, званью...
Как?! под арестом содержать
Игуменью — честную Митрофанью? ..

11-й голос

Не щадят и духовного звания!
Адвокатам одним только рай:
За лишение прав состояния
И за то теперь деньги подай!

Голос князя Ивана
(кому-то вдогонку)

Не люблю австрийца!
Думается мне:
Вот — сыноубийца!
Чу! призыв к войне!
Брошены парады,
Дети в бой идут,
А отцы подряды
На войска берут...
Юные герои
Гибнут в каждом бое,
Не поймут никак:
Отчего в атаке,
В самой жаркой драке,
Невредим пруссак?
Дети! вас надули
Ваши старики:
Глиняные пули
Ставили в полки!

Неразлучной бродят парой
Суетливый коммерсант

И еврей, процентщик ярый,
В драгоценных камнях франт.
Вот подходят к самой двери,
Продолжая рассуждать:
«Мне „товарища на вере“
Было легче отыскать.
Выручай! надеждой прочной
Остаешься ты один.
Выручай! ты — безупрёчный,
Полноправный гражданин!
Ты — писатель! Ты брошюрой
«О процентах» заявил
Связь свою с литературой,
Ты Тиблену кумом был.
Ты — художник по натуре. . .»
— «Нежелательно прослыть
Подставным в литературе. . .»
— «Вот нашел о чем тужить!
Полно! Мы с тобой — не детки.
Нынче — царство подставных,
Настоящие-то редки,
Да и спроса нет на них.
Погляди: моряк на суше,
Инженер на корабле,
А дела идут не хуже
И не лучше на земле.
Не у нас — во всей Европе
Прессой правит капитал,
Был же Генкель, есть же Гоппе. . .
Ты бы ярче их сиял!
Прессе нужны коммерсанты.
Поспешив на помощь ей,
Как направим мы таланты,
Как устроимся!»

Еврей

Отвечает, убежденью
Начиная уступать:
«Если нужно просвещенью
Руку помощи подать,
Я готов, но — бог свидетель —
Я от грамоты отвык. . .»

— «Тут нужна лишь добродетель!» —
Восклицает биржевик. . .

«Дай еще им пять бутылок!» —
Испустил внезапный крик
Некто — стриженый затылок,
Голова «à la мужик».
Рост высокий, стан не гибкой,
А лицо. . . странней всего,
Как не высекли ошибкой
По лицу его!
Выпив первую бутылку,
Лизоблюдов пьяный хор
Тароватому затылку
Лестью выпалил в упор:

— «Сколько вы божьих храмов построили!»
— «Сколько выдали замуж невест!»
— «Сколько вдов и сирот успокоили!»
— «Сколько роздали пенсий и мест!»
— «А какие вы строите линии!
Подвиг ваш — достоянье веков! —
Поправляя очки свои синие,
Заключил запевало льстецов. —
На Урале, на Лене, на Тереке
Предстоят еще подвиги вам.
Были люди в Европе, в Америке,
А таких не встречалось и там!»

«Будто? Вот как! Скажите! Неужели? —
Восклицал осовевший герой. —
Мы, однако, так плотно покушали,
Что пора, господа, и домой. . .»

И вскочили «орлы» его верные.
И героя домой повели. . .

Про таланты его непомерные
Очень громкие слухи прошли.
Как шаман, он обвешан жетонами
(А на шее владимирский крест).

С телеграммами, спичами, звонами
Колокольными — ездит и ест,
Упивается тонкими винами,
Сыплет золото щедрой рукой,
В предприятиях долями львиными
Наделяется... Чем не герой? ..
Есть, однако, и мненье противное:
Говорят, у него никаких
Дарований, богатство фиктивное;
Говорят, он — игрушка других,
Нужен он для одной декорации;
Три-четыре искусных дельца
В омут самой шальной спекуляции,
Словно мячик, бросают глупца.
Как вопьются раки жирные
В тело белое его,
Эти люди, с виду смирные,
Обрывают их с него,
И потом дружка сердечного
В новый омут повлекут...
Ничего нет в мире вечного —
Скоро будет он банкрут!

Голос князя Ивана
(навстречу вновь вошедшему)

А! Авраам-изыскатель!
Мимо прошел: не узнал;
Чем возгордился, приятель?
Я пастухом тебя знал...

Лота отца попрекает,
Берка от Лоты бежит,
Месяца три пропадает
И, возвратясь, говорит:

«Радуйся! дочь моя Лота!
Радуйся, Янкель, мой сын!
Дети! купил я болота
Семьдесят семь десятин!»

Лота оделася в шубку,
Янкель за шапкой бежит,

Едут смотреть на покупку —
Лошадь с натуги хрипит,

Местность всё ниже и ниже,
Множество кочек и ям,
«Вот оно! Лота! смотри же!»
Лота не верит глазам:

Нету ничем ничего-то,
Кроме трясины и мхов!
Только слетели с болота
Семьдесят семь куликов!

Едучи шагом обратно,
Янкель трунил над отцом,
Лота работала знатно
Длинным своим языком.

Берка на жалобы эти
Молвил, подъехав к крыльцу:
«Не угодил я вам, дети,
Да угодил продавцу!»

Утром он с ними простился,
Месяца три пропадал.
Ночью домой воротился,
«Радуйтесь!» — снова сказал.

Янкель и Лота не рады,
Думают: глупость опять!
«Взял я большие подряды!» —
Берка пустился плясать.

«Четверть с рубля обойдется,
Четверть с рубля. . . без гроша. . .
Семьдесят семь остается,
Семьдесят семь барыша!»

Денег у Берки без счета,
Берка — давно дворянин,
Благословляя болота
Семьдесят семь десятин! . .

Чу! песня! Полные вином,
Два инженера ликовали
И пели песенку о том,
Как «непреклонного» сломали:

Я проект мой излагал
Ясно, непреложно —
Сухо молвил генерал:
«Это невозможно!»

Я протекцию сыскал
Всё обставил чудно,
Грустно молвил генерал:
«Это очень трудно!»

В третий раз понять я дал:
Будет — гривна сó ста,
И воскликнул генерал:
«Это — очень просто!»

Голос князя Ивана

На уме чины да куши,
Пассажиров бьет гуртом:
Христианские-то души
Жидовине нипочем.
До пределов незаконных
Глуп, а денежки гребет...
Всё равно что резать сонных —
Обирать народ!

Слышны толки: «Леность... пьянство...
Земство... волость... мужики...»
Это — местное дворянство
И дворяне-степняки
У степного дворянина
Речь любимая своя:
«Чебоксарская щетина»,
«Миргородская свинья»,
«Свекловица, мериносы»,
«Спрос на водку и барду»,
А у местного вопросы

«Всесословные» в ходу,
Граф Давыдов, князь Лобанов
В центре этого кружка
Излагают пользу планов,
Не удавшихся пока.

«Вся беда России
В недостатке власти! —
Говорят витии
По сословной части. —

Да! провинция пустеет:
Города объяты сном,
Земледелец наш беднеет,
Дворянин поник челом.

Кто не «высшего разбора»,
Убегай из наших мест,
Ты — добыча прокурора,
Мировой тебя заест!

Кто теперь там толку сыщет?
Народившийся кулак
По селеньям зверем рыщет,
Выжимает четвертак.

Выбивают недоимку,
Разоряют до гроша,
Взятку, взятку-невидимку
Ловит каждая душа!

Даже божии стихии
Ополчились на крестьян:
Повсеместно по России —
Вихри, штормы, ураган.

Гром жилища зажигает,
Нивы град господень бьет,
Деньги земство обирает,
Жадный волк уносит скот!

С мужиком одним случилось —
То-то он оторопел! —

Даже почва провалилась,
Отведенная в надел!

Не затем мы уступали
Наши древние права,
Чтоб на наше место стали
Становой и голова!

Жаль родного достоянья,
Жаль и бедных мужиков!..
Там — семейные преданья,
Там — любезный прах отцов!

Прах отцов — добыча тленья,
А живому дорог день:
Как из чумного селенья,
Мы бежим из деревень!»

Так искатели концессий,
Потерпевшие наклад
От хозяйственных профессий,
Нашим земцам говорят.

«Нет, а мы так не уходим!
Обновив с народом связь,
Мы народ облагородим, —
Говорит — по Гнейсту — князь. —

Мы судебно-полицейской
Властью пьянство укротим!»
И с улыбкой фарисейской
Ренегаты вторят им.

Князь Иван закончил пренья
О вреде предоставленья
Мужику гражданских прав,
Неожиданно сказав:

«Пусть глас народа — божий глас,
Но все-таки мужик — скотина!
Плохая шутка: свинопас
И рядом правнук Гедимина.

Враги дворян изобрели
Нарочно земское компанство,
Чтоб вши с крестьян переползли
На благородное дворянство».

Дворянин многоземельный
С тайной думою своей
Дышит скукою смертельной,
Есть субъекты веселей:
Генеральный бой дворянский
Проиграв, они нашлись
И войною партизанской
На досуге занялись.
Не рискуя головою,
Эти рыцари страны
Так и рвут что можно с бою
У народа, у казны:
Взяв с подряда «разреженье»
Государственных лесов,
Произвесть опустошенье,
Подменить у мужиков
Земли — дело «партизана»;
Он — процентщик, он — торгаш,
Не уйдешь его капкана,
Неизбежно дань отдашь!
Четвертик фальшивой меры,
Тайный фортель у весов...
Впрочем, тут же есть примеры.
Чу! помещик Хватунов
Сам кричит: «Удрал я штуку!
Не зевайте! вот вам шанс!»
И поет, друзьям в науку,
Назидательный романс:

ПЕСНЯ ОБ «ОРОШЕНИИ»

Комитету «Поощренья
Земледельческих Трудов»
Сделать опыт орошенья
Наших пашен и лугов

Предложил я: снарядили
Две комиссии в наш край

И потом благословили,
Дали денег: «Орошай!»

Я поехал за границу,
Пожуировал; затем
Начал сеять свекловицу.
Время мчалось, между тем,

Дом мой стал богаче, краше,
Сам толстею, что ни год.
Вдруг запрос: «Успешно ль ваше
Орошение идет?»

«При ближайшем наблюденьи, —
Отвечаю в комитет, —
Нахожу, что в орошеньи
В нашем крае — нужды нет,

Труд притом безмерно дорог. . .» —
Согласились: «Нет нужды!»
А задаток — тысяч сорок —
За посильные труды

Комитет — не без участья
Добрых душ — с меня сложил,
И тогда — слезами счастья
Грудь жены я оросил! . .

Несколько голосов

Браво, браво! ороситель!
Браво! пьем за подвиг твой! . .

Князь Иван

Эй! орловский предводитель!
Познакомь меня с Фомой!
Я из чести, не из видов,
Подружиться с ним готов.
Прежде был — Денис Давыдов,
Нынче — *Фомка Хватунов!*

В каждой группе плутократов —
Русских, немцев ли, жидов —
Замечаю ренегатов

Из семьи профессоров.
Их история известна:
Скромным тружеником жил
И, служа науке честно,
Плутократию громил,
Был профессором, ученым
Лет до тридцати,
И, казалось, миллионом
Не собьешь его с пути...
Вдруг — конец истории —
В тридцать лет герой —
Прыг с обсерватории
В омут биржевой!..

Вот москвич — родоначальник
Этой фракции дельцов:
Об отечестве печальник,
Лучший тип профессоров,
Встарь он пел иные песни,
Искандéр был друг его,
Кроме каменной болезни,
Не имел он ничего;
Под опалой в оны годы
Находился демократ,
Друг народа и свободы,
А теперь он — плутократ!
Спекуляторские штуки
Ловко двигает вперед
При содействии науки
Этот старый патриот...

Вот другой — слывет за чудо:
Говорун и острослов
(«Леонид» — ему покуда
Кличка у тузов).
Он *машинным красноречьем*
Плутократию дивит;
Никаким противоречьем
Не смущаясь, говорит
В интересах господина.
Заплати да тему дай,
Говорильная машина

Загудит: поднимет лай,
Будет плакать и смеяться,
Цифры, факты извращать,
На Бутовского ссылаться,
Марксом тону задавать.
Предпочтя ученой славе
Соблазнительный металл,
Леонид сперва при Савве
На посылках состоял,
Подавал ему «идейки»
(И сигары — иногда),
Знал к редакторам лазейки,
К представителям суда,
Составлял «записки», «мненья»,
Сплетни прессы отражал,
И в директоры правленья
Наконец попал!
Тут уж торная дорога:
Нахватав десяток мест,
Как за пазухой у бога
Он живет; по-барски ест,
На балы к концесьонерам
Возит куколку-жену
И поет акционерам
Вечно песенку одну,
Смысл известный: «Дивидендов
Нет покамест — ожидай!
И не медля шесть процентов
Нам в награду отчисляй!»
Кризис: дело не спорится,
Денег нет, должны кругом,
В дверь правления стучится
С исполнительным листом
Пристав: кассу запирает,
Мебель штемпелем клеймит.
Леонид не унывает
И цинически острит:
«Мат, конечно, предприятью,
А правленью — не беда!
Стул с казенною печатью
Так же мягок, господа!..»

Нынче счету нет артистам,
Что таким путем пошли
И на помощь аферистам
Силу знанья принесли.
Всякий план, в основе шаткий,
Как на сваях утвердят:
Исторической подкладкой,
Перспективами снабдят!
Дело их — стоять на страже
«Государственных идей».
Нет еще идеи даже,
Есть один намек о ней, —
Уж бегут они к патронам,
Выговаривают пай.
Начинают скромным тоном:
«Нужный банк». . . «Забытый край».
Дальше — громче пропаганда,
Загорается война,
Кто за Шмита, кто за Странда!
Правду вывернув до дна,
Чудо сделают из края,
Этнографией блеснут,
И статистика такая...
Где они ее берут?

Аргумент экономический,
Аргумент патриотический,
И важнейший, наконец,
С точки зренья стратегической
Аргумент — всему венец! . .

Из пяти одна затея
Удалась — набит карман!
А гуманная идея
Отошла на дальний план.
Новый туз-богач в итоге,
И сказались барыши
Лишней гривною в налоге
С податной души...

Надо честь отдать почину —
Разбудили Русь они:

И купцу, и дворянину
Плохо спится в наши дни;
Прежде Русь стихи писала,
Рифмам не было числа,
А теперь практичней стала:
На проекты налегла!
Предприимчивостью чудной
Переполнились сердца,
Нет теперь задачи трудной,
Каждый план найдет дельца.
Запрудят Неву, каналы
По Сахаре проведут!..
Дайте только капиталы,
Обеспечьте риск и труд...

Да, постигла и Россия
Тайну жизни наконец:
Тайна жизни — гарантйя,
А субсидия — венец!
Будешь в славе равен Фидию,
Антокольский! изваяй
«Гарантйю» и «субсидию»,
Идеалам форму дай!
Окружи свое творенье
Барельефами: толпой
Пусть идут на поклоненье
И ученый и герой;
Пусть идут израильтяне
И другие пришлецы,
И российские дворяне,
И моршанские скопцы...

Беседа кипит не смолкая,
И льется рекою вино,
Великих и малых равняя;
Все группы смешались давно.
Зацепин в ударе, как воду
Венгерское пьет; Леонид,
Великому мужу в угоду,
Вистует ему и лисит.
Из оперы новые лица
Явились; затеялся спор:

Которая выше певица,
Который пошлее актер.
Веселый толстяк краснорожий,
Хохочет Иванушка-шут,
И муж государственный тоже,
Подвыпив, беседует тут:
«Да-с, наша тропа не без терний!
Энергия — свойство мое,
Но на сорок восемь губерний
Всегда ли достанет ее? . .»

Но был один — он общества чуждался;
Построивши дорогу в восемь верст,
На собственном величьи помешался
Остзейский туз — барон фон Клоппенгорст.
Он вынуждал к невольному решпекту —
Торжественность в осанке и в лице;
Пусти нагим по Невскому проспекту —
Покажется: он в тоге и венце.
Он не сгибал своей баронской выи
Ни перед кем; на лбу его крутом
Начертано: «Трудился для России,
И памятник воздвиг себе притом!»
Он был смешон картинно, грандиозно
И шумный пир эффектно оттенял.
Он пил один, насупив брови грозно,
По слову в час медлительно ронял.
Молчит ли он — особая манера
Молчать... глядит — победоносный взор!
Идет ли он — незыблемая вера,
Что долг других давать ему простор.
Среди судов обычного размера
Так шествовал в Россию «Монитор»...

Остроумная случайность!
На соседа не похож,
Представлял другую крайность
Эдуард Иваныч Грош —
Господин на ножках низких,
Весел, юрок и румян,
Из породы самых близких
К человеку обезьян.

К разным группам подбегает,
Щурит глазки, руки жмет
И головкою кивает,
И хихикает, и врет.
Голосок его пискливый
Раздается там и тут;
Толстый, маленький, плешивый,
Сибарит, делец и шут —
Он, как ртуть, на всяком месте;
Слышит — кто-то говорит:
«Нужно завтра акций двести. . .»
— «На налицность? на кредит? . .»
По рукам в минуту хлопнул
И бежит туда бегом,
Где услышал слово «лопнул».
«Кто? Какой торговый дом? . .»
— «Лопнул — шар! . .» Зимою в санках
Вечно встретите его;
Он на бирже, в думе, в банках,
Нет собранья без него:
Это высшего разряда
Фактор — сила наших дней.
Телеграфов с ним не надо,
Ни газетных новостей.
Светский мир и мир подпольный
Дань равно ему несут,
Как револьвер шестиствольный
Он заряжен! С виду шут,
Он неспро́ста бьет баклуши,
Он трудится больше нас:
Настороженные уши,
Волчий зуб и лисий глаз!
Что вам нужно? Закладную?
Моську, мужа. . . дачу, дом,
Капитал? . . Рекомендую:
Не ударит в грязь лицом!
Честолюбье ль вас тревожит? —
Он карьере даст толчок,
Даже выхлопотать может
Португальский орденок!
По руке пригнать перчатку —
Дело Гроша! Всюду вхож,

Он туда протиснет взятку,
Что руками разведешь! . .
Гроша вывели из мрака
Случай, ловкость и родня;
Не выходит он из фрака,
Пробудясь, кричит: коня!
В девять — рыщет по трущобам,
Ищет нужного дельца,
В десять — шествует за гробом
Сановитого лица;
До двенадцати — в передних
У влиятельных господ,
В час — в приюте малолетних,
Где молебен и отчет,
В два — за завтраком с кокоткой
(Он — кокоток первый друг),
С трех — на бирже... День короткой —
Пообедать недосуг!
Вечер: два-три комитета,
Оперетка и балет,
И у дамы полусвета
За рулеткой — дня рассвет!

Тише! .. новый гость явился;
Все вскочили, сам барон
Клоппенгорст пред ним склонился,
Подал руку... Кто же он?

Кто он? действуя практически,
Я обязан умолчать,
Но могу аллегорически
Петухом его назвать.
Нет вернее аттестации:
Золото клюет —
Возвращает... ассигнации!
Плавно он идет
С видом скромного достоинства:
Словно пред вождем
Дрессированное воинство,
Смолкло всё кругом...

Поздоровался с Саввой Степанычем,
Крепко палец Зацепе сдавил,
Пошутил с Эдуардом Иванычем:
«У! как бледен! Опять пошалил?»

«Испугался проекта Дерницына:
Об общественной пользе поет,
А в душе — идеалы Плотицына!
Зазевайся — . . . .»

А затем неизвестность полнейшая!
К сожаленью, беседа дальнейшая
Шла вполголоса... «Время на бал!» —
Уходя, незнакомец сказал.

К счастью, он вернулся снова,
    На минуту сел,
И тогда четыре слова
    Я поймать успел.
«Нужно выждать две недели, —
    Савве он сказал. —
Нужно выждать: не созрели...»
    И, допив бокал,
        Вышел...

Экс-писатель бледнолицый
Появился, Пьер Кульков;
Был он долго за границей
По комиссиям дельцов
И друзьям поклон собрата
Из Италии привез.
Вожделений плутократа,
Так сказать, апофеоз
Совмещал в себе фон Руге:
Ухватив громадный куш,
Он ушел — на светлом юге
Отдыхать. «Великий муж! —
Говорят ему витии, —
Не пугайся клеветы!
Предприимчивость России
На такие высоты

Ты вознес, что миллиарда
Увезенного не жаль!..»
Не без чувства и азарта,
Устремляя очи в даль,
Рассказал турист свиданье
С удалившимся дельцом;
Было общее молчанье,
Пел рассказчик соловьем:

«Я посетил отшельника Севильи,
На виллу Мирт хотелось мне взглянуть;
Пред ней поэт преклонится — в бессильи
Вообразить прекрасней что-нибудь!

Из мрамора каррарского колонны,
На потолках сибирский малахит,
И в воздухе висящие балконы,
И с одного — в Европе лучший вид!

Там он любил сидеть после обеда
И несколько тревожился лишь тем,
Что тот же вид доступен для соседа, —
Его девиз: я не делюсь ни с кем!

Он этим был глубоко опечален
И наконец соседа победил:
Настроил он искусственных развалин
И чудный вид соседу заградил!..

Весь под шатром навесов виноградных
Шел путь к нему извилистой тропой;
Не пожалев расходов беспощадных,
Он срыл сады — и сделал путь прямой!

Так он живет, так тратит он доходы,
Всем жертвуя комфорту своему...
Кругом цветы... искусственные воды...
Его оркестр обходится ему

В огромный куш. Устроив род престола,
Уходит он в свой музыкальный зал,

И, так сказать, оркестру внемлет *solo!*
Вот жизнь его... вот жизни идеал!..»

«По такому идеалу
Может только жить — кретин! —
Вдруг сказал вошедший в залу
Незадолго господин.
(Сумасшедший или гений? —
Возникал в уме вопрос
После кратких наблюдений
Над вошедшим.) — Он унес
Из России миллионы
И, построив пышный гроб,
На визиты, на поклоны
Чуть не царственных особ
Он рассчитывал, сгорая
Честолюбием... Увы!
Едут мимо, не склоняя
Перед Руге головы!
У него в груди есть рана,
Нанесенная ему
Катастрофою Седана.
Угадайте: почему?
Перед боем франко-прусским
Переписывался он
С императором французским,
За серебряный мильон
Титул герцога — я слышал —
Уж совсем приторговал...
Вдруг скандал седанский вышел —
Продавец банкротом стал!
И теперь о том герое
(Не забавный ли пассаж?)
В целом мире плачут трое —
Сын, жена... да Руге наш!
Пожалей, честна́я публика!
Где купить высокий сан?
Уж во Франции — республика!
Титлов нет у англичан
На продажу... а Германия?..
Он и так — немецкий фон...

Таковы его страдания...
Где же счастье?.. Дурень он!

Дайте мне его мильоны,
Я бы им протер глаза!
Не висячие балконы —
Я бы создал чудеса!
Петр Великий в Сестербеке
Порт громадный замышлял;
Здесь в великом человеке
Гений, видимо, дремал,
Но и в малом человечке
Он не дремлет иногда:
Нужен порт... *на Черной речке!*
Вот идея, господа!
Все другие планы к черту!
Составляйте капитал:
Смело строй дорогу к порту
И веди к нему канал!
Подойдут вагон и барка
И корабль... Сдавай, грузи!
Как маяк, горящий ярко,
Будет порт мой на Руси!
Я уж рельсы дал дорогам,
Я войскам оружье дал...
В новый путь иду я с богом...
Составляйте капитал!
С деньгами, с гением
Чудным движением
Русь оживим.
Море Балтийское,
Море Каспийское
Соединим!
Вот занятие! вот дело!
Можно душу положить!
Ненавижу нежить тело,
Нервы праздностью томить.
Уж давно я был бы Крезом,
Мог бы лавры пожинать,
Но беспошлинным железом
Не хочу я торговать.
Металлических заводов

С пивоваренным котлом
Я не строю для доходов...
Наживаться воровством
Сродно подлому холопу!
Цель моя: к окну в Европу,
Что прорублено Петром,
Вековой пристроить дом!»

(Уходит быстро и с эффектом, еще в комнате надев шляпу.)

Голос князя Ивана

Появился метеором —
Метеором и пропал!
Никогда он не был вором,
А людей с сумой пускал.
У него своя контора:
«Переписки векселей»,
Нужно штат удвоить скоро.
В день до тысячи рублей
Платит он одних процентов.
То-то жизнь! топи камин
Грудой старых документов
Да на новых ставь: *Ладьин.*
А в стяжательстве не грешен,
Сам последнее отдаст...

Чье-то замечание

Но зато ведь он помешан?

Голос князя Ивана

Нет, большой энтузиаст!
Занимая всюду деньги
И *пристроить* их спеша,
Ищет он *по шапке Сеньки...*
Идеальная душа!..

В летний день у пристани канала
Собралась толпа, чего-то ждет...
Духовенство шествует сначала,
А за ним комиссия идет:
Шитые мундиры, эполеты!

Чу! вдали запели бурлаки!
Но они не тощи, как скелеты,
На подбор красавцы мужики,
«В шелковых рубахах!» — шепчут бабы.
«Глянь: и Савва!» — гаркнула толпа.
С деревянной ложкою у шляпы
И с железным гребнем у пупа,
Сам купец-подрядчик бичевою
Тянет барку... К пристани пришли...
Отслужив молебен чередою,
Пировать в палатку побрели.

В торжестве открытия канала
Сам министр участье принимал,
Но не струсил Саввушка нимало,
Речь его сиятельству сказал!
Был тогда вельможа этот в силе,
Затевал громадные дела...
Эта речь «в народном, русском стиле»
Миллионы Савве принесла.
Нынче он... да словом: нет другого!
Савву надо в летописи внесть:
Савву бог сподобил *даром слова*
На Руси богатство приобресть!

Но, начав карьеру бичевою,
Любит он простого «мужичка»,
Вспоминая прошлое порою,
Напевает песню бурлака,
Ту, что пел когда-то на канале...
Выпив тост за «братьев-мужиков»,
Он запел... что́ было русских в зале,
Подошли — и стройный хор готов:

В ГОРУ!

(Бурлацкая песня)

Хлебушка нет,
Валится дом,
Сколько уж лет
Каме поем

Горе свое,
Плохо житье!

Братцы, подъем!
Ухнем! напрем!

Ухни, ребята! гора-то высокая...
Кама угрюмая! Кама глубокая!

Хлебушка дай!
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!

Камушка! сколько мы слез в тебя пролили!
Мы ли, родная, тебя не доволили?

Денежек дай!
Бросили дом,
Малых ребят...
Ухнем, напрем!..
Кости трешшат!
Нá печь бы лечь,
Зиму проспать,
Летом утечь
С бабой гулять!
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!

Ухни, ребята! гора-то высокая!..
Кама угрюмая! Кама глубокая!

Нет те конца!..
Эдак бы впрячь
В лямку купца —
Лег бы богач!..
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!

Эка жара!
Эй! ветерок!
Дуй посильней!
Нам хоть часок
Дай повольней!..

Два-три подрядчика с дедушкой Саввой
В пение душу кладут;
Спой так певец — наградили бы славой!
За́ сердце звуки берут.
Что ж это, господи! всех задушевней
Шкурина голос звучит!
Веет лесами, рекою, деревней,
Русской истомой томит!
Всё в этой песне: тупое терпение,
Долгое рабство, укор...
Чуть и меня не привел в умиление
Этот разбойничий хор!..

ЭПИЛОГ

«Я — вор!» — вдруг громко прозвучал
Какой-то голос исступленный.
По зале шепот пробежал
И смолк. Глубоко удивленный,
Плотнее к двери я приник:
Изнеможенный и печальный,
Перед столом сидел старик...
Ужель Зацепа гениальный?
Да, верно! Бледен, как мертвец,
В очах глубокое страданье...
Чу! новый вопль! И наконец —
Неудержимое рыданье!

Князь Иван

Полно! полно! плакать стыдно,
Сядем лучше в домино.
Постороннему — обидно,
А друзьям твоим — смешно!
Ты подобен той гетере,
Что на склоне блудных дней

Горько плачет о потере
Добродетели своей!
Не воротится невинность,
Как глубоко ни грусти,
Лишь нарушишь пира чинность
И заставишь нас уйти!

Ушел Эфруси, важный грек,
Кивнув собранью величаво. . .
«Куда же вы? — воскликнул Савва. —
Зацепин — умный человек,
Но человек немного странный:
Впадает он, напившись пьян,
Как древле Грозный Иоанн,
В какой-то пафос покаянный. . .
Но — ничего! Гроза пройдет,
И завтра ж — побожиться смею —
Великий ум изобретет
Золотоносную идею!
Как под дождем цветы растут
Сильней, — прибавил он к евреям, —
Так эти бури придают
Наутро блеск его идеям! . .»

Зацепин

Я — вор! Я — рыцарь шайки той
Из всех племен, наречий, наций,
Что исповедует разбой
Под видом честных спекуляций!
Где сплошь да рядом — видит бог! —
Лежат в основе состоянья
Два-три фальшивых завещанья,
Убийство, кража и поджог!
Где позабудь покой и сон,
Добычу зорко карауля,
Где в результате — миллион
Или коническая пуля!

Как огорошенные градом,
Ушли остзейские тузы,
Жиды вскочили. . . стали рядом. . .

«Куда? Сейчас — конец грозы!»
И любопытные евреи
Остались... Воздух душен стал...
Зацепа рвал рубашку с шеи
И истерически рыдал...

Князь Иван

На миллион согреша,
На миллиарды тоскует!
То-то святая душа!
Что же сей сон знаменует?

Бедный Зацепа — поэт,
Горе его — непрактичность;
Нынче раскаянья нет.
Как ни зацапай наличность,

Мы оправданье найдем!
Нынче твердит и бородка:
«Американский прием»,
«Великорусская сметка!»

Грош у новейших господ
Выше стыда и закона;
Нынче тоскует лишь тот,
Кто не украл миллиона.

Бредит Америкой Русь,
К ней тяготея сердечно...
Шуйско-Ивановский гусь —
Американец?.. Конечно!

Что ни попало — тащат,
«Наш идеал, — говорят, —
Заатлантический брат:
Бог его — тоже ведь доллар!..»

Правда! но разница в том:
Бог его — доллар, добытый трудом,
А не украденный доллар!

Зацепин

К религии наклонность я питал,
Мечтал носить железные вериги,
А кончил тем, что утверждал
Заведомо подчищенные книги...

(Рыдает).

Князь Иван

Ты книги подчистил? и только!
Уйми щекотливую честь!
Ах! если б все выпили столько,
Не то услыхали б мы здесь!

Тернисты пути совершенства,
И Русь помешалась на том:
Нельзя ли земного блаженства
Достигнуть обратным путем?

Позорные пятна на чести,
Торжественный, крупный скандал
И тысяч четыреста... двести
В итоге — вот наш идеал!

Тебя угнетает сознанье,
Что шатко общественный крест
Ты нес, получая даянье
С пятнадцати прибыльных мест?

Утешься! Под жертвою крупной
Таится подход к грабежу,
Под маской добра неприступной
Холодный расчет докажу!

Завидуешь доблестям мужа,
Что несколько раз устоял
И, плутни других обнаружа,
Копеечки сам не украл?

Гонитель воров беспощадный,
Блистающий честностью муж

Ждет случая хапнуть громадный,
Приличный амбиции куш!

Дождется — и маску смиренья
Цинически сбросит с лица...
Утешься! *Блаженство паденья* —
Конечная цель мудреца!..

Редела дружная семья,
Поочередно подходили
К Зацепе верные друзья
И успокоиться просили:
«Не плачь! безгрешен только бог,
Не плачь! Не хуже ты другого!»
Ответ: рыданье, тяжкий вздох
Или язвительное слово!

Тронут ближнего несчастьем,
Миллионщик-мукомол
К удрученному с участьем
И с советом подошел:
«Чтобы совесть успокоить,
Поговей-ка ты постом,
Да советую устроить
Богадельный дом.
Перед ризницей святою
В ночь лампадки зажигай,
Да получше, без отстою,
Масло наливай!»

Подошел и Федор Шкурин.
«Прочь! не подходи!
Вместо сердца грош фальшивый
У тебя в груди!

Ты ребенком драл щетину
Из живых свиней,
А теперь ты жилы тянешь
Из живых людей!»

Шкурин голову повесил,
«Тык-с!» — пробормотал...
Князь Иван один был весел.
«Браво!» — он сказал.

Дружен был старик с Зацепой,
Он к нему подсел —
Укротить порыв свирепый
В свой черед хотел...

Князь Иван

Ты Шиллера, должно быть, начитался
Иль чересчур венгерского хлебнул!
Кто не мечтал... и кто не оказался
Отступником? Кто круто не свернул
С прямых путей — по воле... поневоле?..
Припомним-ка товарищей по школе:

Окончив курс, на лекции студентам
Ученый Швабс с энергией внушал
Любовь к труду, презрение к процентам,
Громя тариф, налоги, капитал.
Сочувственно ему внимали классы...
А ныне он — директор ссудной кассы...

«Судья лишь тот, кто богу сам не грешен,
А мой принци́п — прощенье и любовь! —
Говаривал Володя Перелешин. —
Кто низко пал — воспрянуть может вновь,
Не бичевать, жалеть должны мы вора...»
А ныне он — товарищ прокурора...

Граф Твердышов.. уж он ли над Россией,
Над мужичком голодным не грустил?
А кончил тем, что с земской гаранти́ей
По пустырям дорогу проложил
И с помощью ненужной той дороги
Отяготил крестьянские налоги...

Зацепин
(внезапно вскакивает)

Хлебушка нет,
Валится дом,

Сколько уж лет
Каме поем
Горе свое!

Князь Иван

Эх, ты! некстати перервал!
Шумит, как угли в самоваре!
А я бы, верно, перебрал
Весь Петербург: я был в ударе!

Зацепин

Горе! Горе! хищник смелый
Ворвался в толпу!
Где же Руси неумелой
Выдержать борьбу?
Ох! горька твоя судьбина,
Русская земля!
У мужицкого алтына,
У дворянского рубля
Плутократ, как караульный,
Станет на часах,
И пойдет грабеж огульный,
И — случится крррах!

Он осушил стакан воды,
Порывы грусти тише стали;
Не уходившие жиды
Его почти не понимали;
Они подумали, что он
Свершил в России преступленье,
Украв казенный миллион,
И — предложили наставленье.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Денежки есть — нет беды,
Денежки есть — нет опасности
(Так говорили жиды,
Слог я исправил для ясности).

Вытрите слезы свои,
Преодолейте истерику.
Вы нам продайте паи,
Деньги пошлите в Америку.
Вы рассчитайте людей,
Вы распустите по городу
Слух о болезни своей,
Выкрасьте голову, бороду,
Брови... Оденьтесь тепло.
Вы до Кронштадта на катере,
Вы на корабль... под крыло
К насей финансовой матери.[1]
Денежки — добрый товар, —
Вы поселяйтесь на жительство,
Где не достанет правительство,
И поживайте как — *царрр!..*

Зацепин

Прочь! гнушаюсь ваших уз!
Проклинаю процветающий,
Всеберущий, всехватающий,
Всеворующий союз!..

Ушли, полны негодованья,
Жиды-банкиры... Леонид
С последним словом увещанья
Перед Зацепиным стоит.

Леонид

Явленье — строго говоря —
Не ново с русскими великими умами:
С Ивана Грозного царя
До переписки Гоголя с друзьями,
Самобичующий протест —
Российских граждан достоянье!
Его, как ржа железо, ест
Душевной немощи сознанье;
Забыта истина одна,
Что рыцарская честь в России невозможна...

---

[1] Англия.

Мы искалечены безбожно,
И разве наша в том вина?

(Пауза. Оратор всматривается в лицо Зацепы, наблюдая впечатление своей речи. Зацепин закрывает глаза.)

Русской души не понять иноверцу...
Пусть он бичует себя, господа!
Дайте излиться прекрасному сердцу!
Нет в покаяньи стыда.
Что за нелепость — крестьянин
не сеченный?
Нечем тут хвастать, а лучше молчать:
Темные пятна души изувеченной
Русскому глупо скрывать,
Неисчислимы орудья клеймящие!
Если кого не коснулись они,
Это — не Руси сыны настоящие,
Это — уроды! Куда ни взгляни,
Всё под гребенку подстрижено,
Сбито с прямого пути,
Неотразимо обижено...
Где же спасенье найти?
Где? «В миллионах!» — так жизнь
подсказала,
Гений достигнуть помог...
Горе одно: он убить идеала
В сердце прекрасном не мог...
О, роковая судеб неизбежность!
В практике — строгий делец,
Голубь в душе — благородство
и нежность!..
Вот его драма... Уснул наконец...

(Пауза. Оратор снова всматривается в лицо Зацепы, сидящего с закрытыми глазами, и продолжает более развязным тоном.)

Уж лучше бить, чем битым быть,
Уж лучше есть арбузы, чем солому...
Сознал ты эту аксиому?
Так, стало, не о чем тужить!

Знай свой шесток и дань плати культуре!
На Западе Мишле, Эдгар Кине,
Овсянников в родной твоей стране —
Явленья, верные натуре!
И то уж хорошо, что выиграл ты бой...
Толпа идет избитою тропой;
Рабы довольны, если сыты,
Но нам даны иные аппетиты...
О господи! удвой желудок мой!
Утрой гортань! учетвери мой разум!
Дай ножницы такие изобресть,
Чтоб целый мир остричь вплотную разом —
Вот русская незыблемая честь!..

(Зацепин кидается к Леониду с кулаками, его удерживают.)

Князь Иван

Дай венгерского старейшего!
Дружно тост провозгласим:
«За философа новейшего!»
Вы — мальчишки перед ним!
Ничего не будет нового,
Если завтра у него
На спине туза бубнового
Мы увидим... ничего!
Но гораздо вероятнее,
Что его карьера ждет
Деликатнее, опрятнее.
Миллионы наживет!

Савва

(хлопоча между тем около Зацепы, говорит вполголоса)

Опомнись, Гриша! что с тобой?
Себя клеймишь, друзей порочишь,
Нехорошо! Уйди домой
И там беснуйся сколько хочешь.
Или ты выгодным нашел
Пустить молву между врагами,
Что состоянье приобрел
Ты незаконными путями?
Опомнись! У тебя есть сын...
Услышит...

Зацепин

У меня нет сына...

(Бросает Савве телеграмму.)

Савва

(читает)

«Сегодня умер Константин».
Так вот разгадка! вот причина!
Недаром он с утра ходил
Угрюм и зол, в хандре глубокой,
Недаром так безумно пил...
Удар, действительно, жестокой!..

Гриша — образчик широких натур —
Смолоду в крайности дерзко бросался:
То миллионов желал самодур,
То в монастырь запереться сбирался.
И богомолец, и ротмистр лихой,
И хлебосол — предводитель дворянства,
Стал он со временем туз откупной —
Эксплуататор народного пьянства.
Откуп решили; герой не хотел
Праздно сидеть на своем капитале
И провалился — по новости дел...
Многие так провалились вначале.
Бывший гусар, зарядив пистолет,
Дерзко на бирже сыграл на остатки —
Вывезло счастье!.. Уверовал свет
В гений Зацепы... Постигнув порядки
Новой эпохи, и он не дремал:
Счастливо, нет ли, на бирже играя,
Давние связи Зацепа скреплял,
Ловко услуги свои предлагая:
Деньги «свободные» взять у друзей
И возвратить с дивидендом высоким —
Чудное средство для скрепы связей!
Гриша прослыл финансистом глубоким.
Стали к нему, как ручьи в океан,
Тайные нити успеха стекаться,

Мысль озарила — неси к нему план,
А без Зацепы не смей и соваться...

Слух по столице пронесся один —
Сделано слишком уж дерзкое дело!
Входит к Зацепе единственный сын:
«Правда ли?», «Правда ли?» — юноша смело
Сыплет вопросы — и нет им конца;
Вспыхнула ссора. Зацепа взбесился.
Чтоб не встречать и случайно отца,
Сын непокорный в Москву удалился.
Там он оканчивал курс, голодал,
Письма и деньги отцу возвращая.
Втайне Зацепа о нем тосковал...
Вдруг телеграмма пришла роковая:
«Ранен твой сын». Через сутки письмом
Друг объяснил и причину дуэли:
«Вором отца обозвали при нем»...
Черные мысли отцом овладели,
Утром он к сыну поехать хотел,
Но и другая пришла телеграмма...
Как ни крепился старик — не стерпел.
И разыгралась воочию драма...

Князь острил, бурлил Зацепа,
Леонид не уходил,
Он посматривал свирепо
Да с азартом соду пил.
Савва — честь ему и слава! —
«Сядем в горку!» — вдруг сказал.
Стол раскрыт — пошла забава,
Что ни ставка — капитал!
Рассчитал недурно Савва:
И Зацепин к ним подстал.

1875

СТИХОТВОРЕНИЯ
1875—1877

3. С ⟨АЛТЫКО⟩ ВУ
(ПРИ ЕГО ОТЪЕЗДЕ ЗА ГРАНИЦУ)

О нашей родине унылой
В чужом краю не позабудь
И возвратись, собравшись с силой,
На оный путь — журнальный путь...

На путь, где шагу мы не ступим
Без сделок с совестью своей,
Но где мы снисхожденье купим
Трудом у мыслящих людей.

Трудом и бескорыстной целью...
Да! будем лучше рисковать,
Чем безопасному безделью
Остаток жизни отдавать.

1867, 12 апреля 1875

4. КАК ПРАЗДНУЮТ ТРУСУ

Время-то есть, да писать нет возможности.
    Мысль убивающий страх:
Не перейти бы границ осторожности —
    Голову держит в тисках!

Утром мы наше село посещали,
    Где я родился и взрос.

Сердце, подвластное старой печали,
Сжалось; в уме шевельнулся вопрос:

Новое время — свободы, движенья,
Земства, железных путей.
Что ж я не вижу следов обновленья
В бедной отчизне моей?

Те же напевы, тоску наводящие,
С детства знакомые нам,
И о терпении новом молящие
Те же попы по церквам.

В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедность, невежество, мрак.
Где же ты, тайна довольства народного?
Ворон в ответ мне прокаркал: «Дурак!»

Я обругал его грубо невежею.
На телеграфную нить
Он пересел. «Не донос ли депешею
Хочет в столицу пустить?»

Глупая мысль, но я, долго не думая,
Метко прицелился. Выстрел гремит:
Падает замертво птица угрюмая,
Нить телеграфа дрожит...

1870, апрель 1876

5. ЧТО НОВОГО?

Администрация — берет
И очень скупо выпускает,
Плутосократия дерет
И ничего не возвращает,
По приглашению властей
Дворяне ловят демагогов;
Крестьяне от земли, кормилицы своей,
Бегут, под бременем налогов,
И пропиваются вконец по кабакам,
И пьяным по колено море...

Да будет стыдно нам! да будет стыдно нам
За их невежество и горе! ..

1875 (?)

6. МОЛОДЫЕ ЛОШАДИ
(ВЧЕРАШНЯЯ СЦЕНА)

Лошади бойко по рельсам катили
Полный громадный вагон.
С рельсов сошел неожиданно он...
Лошади рьяны и молоды были —
Дружно рванулись... опять и опять —
Не поддается вагон ни на пядь,
С час они силы свои напрягали,
Надорвались — и упали...
«Бедные!» — кто-то сказал из окна.
«Глупые!» — кто-то заметил с балкона...
О, поскорее на рельсы! .. Страшна
Тяжесть сошедшего с рельсов вагона.

<1876>

7. ПРАЗДНОМУ ЮНОШЕ

Что сидишь ты сложа руки?
Ты окончил курс науки,
Любишь русский край,

Остроумно, интересно
Говоришь ты, мыслишь честно...
Что же? Начинай!

Иль тебе всё мелко, низко?
Или ждешь труда — без риска?
Времена не те!

В наши дни одним шпионам
Безопасно, как воронам
В городской черте.

<1876>

8. ЗИНЕ

Ты еще на жизнь имеешь право,
Быстро я иду к закату дней.
Я умру — моя померкнет слава,
Не дивись — и не тужи о ней!

Знай, дитя: ей долгим, ярким светом
Не гореть на имени моем, —
Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата-человека,
Только тот себя переживет...

18 мая 1876

9. ЗИНЕ

Двести уж дней,
Двести ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днем
В сердце твоем
Стоны мои отзываются,
Двести уж дней,
Двести ночей!
Темные зимние дни,
Ясные зимние ночи...
Зина! закрой утомленные очи!
Зина! усни!

4 декабря 1876, ночь

10. ДРУЗЬЯМ

Я примирился с судьбой неизбежною,
Нет ни охоты, ни силы терпеть
Невыносимую му́ку кромешную!
Жадно желаю скорей умереть.

Вам же — не праздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути...

Декабрь 1876

11. СЕЯТЕЛЯМ

Сеятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!
Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупицами,
Двиньте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

Декабрь 1876

12. МОЛЕБЕН

Холодно, голодно в нашем селении.
Утро печальное — сырость, туман,
Колокол глухо гудит в отдалении,
В церковь зовет прихожан.
Что-то суровое, строгое, властное
Слышится в звоне глухом,
В церкви провел я то утро ненастное —
И не забуду о нем.
Всё население, старо и молодо,
С плачем поклоны кладет,
О прекращении лютого голода
Молится жарко народ.
Редко я в нем настроение строже
И сокрушенней видал!

«Милуй народ и друзей его, боже! —
Сам я невольно шептал. —
Внемли моление наше сердечное
О послуживших ему,
Об осужденных в изгнание вечное,
О заточенных в тюрьму,
О претерпевших борьбу многолетнюю
И устоявших в борьбе,
Слышавших рабскую песню последнюю,
Молимся, боже, тебе».

Декабрь 1876

13. МУЗЕ

О муза! наша песня спета.
Приди, закрой глаза поэта
На вечный сон небытия,
Сестра народа — и моя!

1876

14. ВСТУПЛЕНИЕ К ПЕСНЯМ 1876—77 ГОДОВ

Нет! не поможет мне аптека,
Ни мудрость опытных врачей:
Зачем же мучить человека?
О небо! смерть пошли скорей!

Друзья притворно безмятежны,
Угрюм мой верный черный пес,
Глаза жены сурово-нежны:
Сейчас я пытку перенес.

Пока недуг молчит, не гложет,
Я тешусь странною мечтой,
Что потолок спуститься может
На грудь могильною плитой.

Легко бы с жизнью я расстался,
Без долгих мук... Прости, покой!

Как ураган недуг примчался:
Не ложе — иглы подо мной.

Борюсь с мучительным недугом,
Борюсь — до скрежета зубов...
О муза! ты была мне другом,
Приди на мой последний зов!

Уж я знавал такие грозы;
Ты силу чудную дала,
В колючий терн вплетая розы,
Ты пытку вынесть помогла.

Могучей силой вдохновенья
Страданья тела победи,
Любви, негодованья, мщенья
Зажги огонь в моей груди!

Крылатых грез толпой воздушной
Воображенье насели
И от моей могилы душной
Надгробный камень отвали!

1876

15. ОТРЫВОК

...Я сбросила мертвящие оковы
Друзей, семьи, родного очага,
Ушла туда, где чтут пути Христовы,
Где стерегут оплошного врага.

В бездействии застала я дружины;
Окончив день, беспечно шли ко сну
И женщины, и дети, и мужчины,
Лишь меж собой вожди вели войну...

Слова... слова... красивые рассказы
О подвигах... но где же их дела?
Иль нет людей, идущих дальше фразы?
А я сюда всю душу принесла!..

Декабрь 1876 или
январь 1877

16. СТАРОСТЬ

Просит отдыха слабое тело,
Душу тайная жажда томит.
Горько ты, стариковское дело!
Жизнь смеется, — в глаза говорит:

Не лелей никаких упований,
Перед разумом сердце смири,
В созерцаньи народных страданий
И в сознаньи бессилья — умри...

Декабрь 1876 или январь 1877

17. ПРИМЕТЫ

Видно, вновь в какой нелепости
Молодежь уличена, —
На квартиры возле крепости
Поднимается цена.

Каждый день старушки бледные
Наезжают в гости к нам
И берут лачужки бедные
По неслыханным ценам.

Оживает наша тихая
Палестина, — к Рождеству
Разоденусь, как купчиха, я
И копейку наживу.

Между 1874 и 1877

18. ПРИГОВОР

«...Вы в своей земле благословенной
Парии — не знает вас народ,
Светский круг, бездушный и надменный,
Вас презреньем хладным обдает.

И звучит бесцельно ваша лира,
Вы певцами темной стороны —
На любовь, на уваженье мира
Не стяжавшей права — рождены!..»

Камень в сердце русское бросая,
Так о нас весь Запад говорит.
Заступись, страна моя родная!
Дай отпор!.. Но родина молчит...

Ночь с 7 на 8 января 1877

19

Дни идут... всё так же воздух душен,
Дряхлый мир — на роковом пути...
Человек — до ужаса бездушен,
Слабому спасенья не найти!

Но... молчи, во гневе справедливом!
Ни людей, ни века не кляни:
Волю дав лирическим порывам,
Изойдешь слезами в наши дни...

Ночь с 8 на 9 января 1877

20

Есть и Руси чем гордиться,
С нею не шути,
Только славным поклониться —
Далеко идти!

Вестминстерское аббатство
Родины твоей —
Край подземного богатства
Снеговых степей...

23 января 1877

21. ПОСВЯЩЕНИЕ

Вам, мой дар ценившим и любившим,
Вам, ко мне участье заявившим
В черный год, простертый надо мной,
Посвящаю труд последний мой!

Я примеру русского народа
    Верен: *«В горе жить —*
    Некручинну быть» —
И, больной работая полгода,

Я трудом смягчаю мой недуг:
Ты не будешь строг, читатель-друг!

1 февраля 1877

22. ИЗ ПОЭМЫ «МАТЬ»

Отрывки

(Посвящается Елене Осиповне Лихачевой)

1

В насмешливом и дерзком нашем веке
Великое, святое слово: «мать»
Не пробуждает чувства в человеке.
Но я привык обычай презирать.
Я не боюсь насмешливости модной.
Такую музу мне дала судьба:
Она поет по прихоти свободной
Или молчит, как гордая раба.
Я много лет среди трудов и лени
С постыдным малодушьем убегал
Пленительной, многострадальной тени,
Для памяти священной... Час настал!..

Мир любит блеск, гремушки и литавры,
Удел толпы — не узнавать друзей,
Она несет хвалы, венцы и лавры
Лишь тем, чей бич хлестал ее больней;

Венец, толпой немыслящею свитый,
Ожжет чело страдалицы забытой —
Я не ищу ей позднего венца.
Но я хочу, чтоб свет души высокой
Сиял для вас средь полночи глубокой,
Подобно ей несчастные сердца!..

Быть может, я преступно поступаю,
Тревожа сон твой, мать моя? прости!
Но я всю жизнь за женщину страдаю.
К свободе ей заказаны пути;
Позорный плен, весь ужас женской доли,
Ей для борьбы оставил мало сил,
Но ты ей дашь урок железной воли...
Благослови, родная: час пробил!
В груди кипят рыдающие звуки,
Пора, пора им вверить мысль мою!
Твою любовь, твои святые муки,
Твою борьбу — подвижница, пою!..

2

Я отроком покинул отчий дом.
(За славой я в столицу торопился.)
В шестнадцать лет я жил своим трудом
И между тем урывками учился.
Лет двадцати, с усталой головой,
Ни жив ни мертв (я голодал подолгу),
Но горделив — приехал я домой.
Я посетил деревню, нивы, Волгу —

Всё те же вы — и нивы, и народ...
И та же всё — река моя родная...
Заметил я новинку: пароход!
Но лишь на миг мелькнула жизнь живая.
Кипела ты — зубчатым колесом
Прорытая — дорога водяная,
А берега дремали кротким сном.
Дремало всё: расшивы, коноводки,
Дремал бурлак на дне завозной лодки,
Проснется он — и Волга оживет!
Я дождался тягучих мерных звуков...

Приду ль сюда еще послушать внуков,
Где слышу вас, отцы и сыновья!
Уж не на то ль дана мне жизнь моя?

Охвачен вдруг дремотою и ленью,
В полдневный зной вошел я в старый сад;
В нем семь ключей сверкают и гремят.
Внимая их порывистому пенью,
Вершины лип таинственно шумят.
Я их люблю: под их зеленой сенью,
Тиха, как ночь, и легкая, как тень,
Ты, мать моя, бродила каждый день.

У той плиты, где ты лежишь, родная,
Припомнил я, волнуясь и мечтая,
Что мог еще увидеться с тобой,
И опоздал! И жизни трудовой
Я предан был, и страсти, и невзгодам,
Захлестнут был я невскою волной...
Я рад, что ты не под семейным сводом
Погребена — там душно, солнца нет;
Не будет там лежать и твой поэт...

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

И наконец вошел я в старый дом,
В нем новый пол, в нем новые порядки;
Но мало я заботился о том.
Я разобрал, хранимые отцом,
Твоих работ, твоих бумаг остатки
И над одним задумался письмом.
Оно с гербом, оно с бордюром узким,
Исписан лист то польским, то французским
Порывистым и страстным языком.

Припоминал я что-то долго, смутно:
Уж не его ль, вздыхая поминутно,
Читала ты в младенчестве моем
Одна, в саду? не зная ни о чем,
Я в нем тогда источник горя видел

Моей родной, — я сжечь его был рад,
И я теперь его возненавидел.
Глухая ночь! Иду поспешно в сад...
Ищу ее, обнять желаю страстно...
Где ты? прими сыновний мой привет!
Но вторит мне лишь эхо безучастно...
Я зарыдал; увы! ее уж нет!

Луна взошла и сад осеребрила,
Под сводом лип недвижно я стоял,
Которых сень родная так любила.
Я ждал ее — и не напрасно ждал...
Она идет; то медленны, то скоры
Ее шаги, письмо в ее руке...
Она идет... Внимательные взоры
По нем скользят в тревоге и тоске.
«Ты вновь со мной! — невольно восклицаю. —
Ты вновь со мной...» Кружится голова...
Чу, тихий плач, чу, шепот! Я внимаю —
Слова письма — знакомые слова!

. .

3

ПИСЬМО

Варшава, 1824 год

Какую ночь я нынче провела!
О, дочь моя! что сделала ты с нами?
Кому, кому судьбу ты отдала?
Какой стране родную предпочла?
Приснилось мне: затравленная псами,
Занесена ты русскими снегами.

Была зима, была глухая ночь,
Пылал костер, зажженный дикарями,
И у костра с закрытыми глазами
Лежала ты, моя родная дочь!

Дремучий лес, чернея полукругом,
Ревел как зверь... ночь долгая была,
Стонала ты, как стонет раб за плугом,
И наконец застыла — умерла!..

О, сколько снов... о, сколько мыслей черных!
Я знаю, бог карает непокорных,
Я верю снам и плачу как дитя...
Позор! позор! мы басня всей Варшавы.
Ты, чьей руки М. М. искал, как славы,
В кого N. N. влюбился не шутя,
Ты увлеклась армейским офицером,
Ты увлеклась красивым дикарем!
Не спорю, он приличен по манерам,
Природный ум я замечала в нем.
Но нрав его, привычки, воспитанье...
Умеет ли он имя подписать?
Прости! Кипит в груди негодованье —
Я не могу, я не должна молчать!

. . . .

Твоей красе (сурова там природа)
Уж никогда вполне не расцвести;
Твоей косы не станет на полгода,
Там свой девиз: «любить и бить»... прости.

. . . .

Какая жизнь! Полотна, тальки, куры
С несчастных баб; соседи — дикари,
А жены их — безграмотные дуры...
Сегодня пир... псари, псари, псари!
Пой, дочь моя! средь самого разгара
Твоих рулад, не выдержав удара,
Валится раб... Засмейся! всем смешно...

. . . .

. . . .

В последний раз, как мать, тебя целую —
Я поощрять беглянку не должна;
Решай сама, бери судьбу любую:
Вернись в семью, будь родине верна —
Или, отцом навеки проклятая
И навсегда потерянная мной,
Останься там отступницею края
И москаля презренною рабой.

. . . .

Очнулся я. Ключи немолчные гремели,
И птички ранние на старых липах пели.

В руке моей письмо... но нет моей родной!
Смятенный, я поник уныло головой.
Природа чутким сном была еще объята;
Луна глядела в пруд; на стебле роковом
Стояли лопухи недвижно над прудом.
Так узники глядят из окон каземата
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Я книги перебрал, которые с собой
Родная привезла когда-то издалёка,
Заметки на полях случайные читал:
В них жил пытливый ум, вникающий глубоко.
И снова плакал я, и думал над письмом,
И вновь его прочел внимательно сначала,
И кроткая душа, терзаемая в нем,
Впервые предо мной в красе своей предстала...
И неразлучною осталась ты с тех пор,
О мать-страдалица! с своим печальным сыном,
Тебя, твоих следов искал повсюду взор,
Досуг мой предан был прошедшего картинам.

Та бледная рука, ласкавшая меня,
Когда у догоравшего огня
В младенчестве я сиживал с тобою,
Мне в сумерки мерещилась порою,
И голос твой мне слышался впотьмах,
Исполненный мелодии и ласки,
Которым ты мне сказывала сказки
О рыцарях, монахах, королях.

Потом, когда читал я Данта и Шекспира,
Казалось, я встречал знакомые черты:
То образы из их живого мира
В моем уме напечатлела ты.
И стал я понимать, где мысль твоя блуждала,
Где ты душой, страдалица, жила,
Когда кругом насилье ликовало,
И стая псов на псарне завывала,
И вьюга в окна била и мела...

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Незримой лестницей с недавних юных дней
Я к детству нисходил, ту жизнь припоминая,
Когда еще была ты нянею моей
И ангелом-хранителем, родная.

В ином краю, не менее несчастном,
Но менее суровом рождена,
На севере угрюмом и ненастном
В осьмнадцать лет уж ты была одна.
Тот разлюбил, кому судьбу вручила,
С кем в чуждый край доверчиво пошла, —
Уж он не твой, но ты не разлюбила,
Ты разлюбить до гроба не могла...

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Ты на письмо молчаньем отвечала,
Своим путем бесстрашно ты пошла.
. . . .
. . . .

Гремел рояль, и голос твой печальный
Звучал, как вопль души многострадальной,
Но ты была ровна и весела:
«Несчастна я, терзаемая другом,
Но пред тобой, о женщина раба!
Перед рабом, согнувшимся над плугом,
Моя судьба — завидная судьба!
Несчастна ты, о родина! я знаю:
Весь край в плену, весь трепетом объят,
Но край, где я люблю и умираю,

Несчастнее, несчастнее стократ!»
Хаос! мечусь в беспамятстве, в бреду!
Хаос! едва мерцает ум поэта,
Но юности священного обета
Не совершив, в могилу не сойду!
Поймут иль нет, но будет песня спета.

Я опоздал! я медленно и ровно
Заветный труд не в силах совершить,
Но я дерзну в картине малословной
Твою судьбу, родная, совместить.

И я смогу! .. Поможет мне искусство,
Поможет смерть — я скоро нужен ей...
Мала слеза — но в ней избыток чувства...
Чтó океан безбрежный перед ней! ..
. . . .

Так двадцать лет подвижничества цепи
Влачила ты, пока твой час пробил.
И не вотще среди безводной степи
Струился ключ — он жаждущих поил.
И не вотще любовь твоя сияла:
Как в небесах ни много черных туч,
Но если ночь сдаваться утру стала,
Всё ж наконец проглянет солнца луч!

И вспыхнул день! Он твой: ты победила!
У ног твоих — детей твоих отец,
Семья давно вины твои простила,
Лобзает раб терновый твой венец...
Но... двадцать лет! .. Как сладко, умирая,
Вздохнула ты... как тихо умерла!
О, сколько сил явила ты, родная!
Каким путем к победе ты пришла! ..

Душа твоя — она горит алмазом,
Раздробленным на тысячи крупиц
В величьи дел, неуловимых глазом.
Я понял их — я пал пред ними ниц,
Я их пою (даруй мне силы, небо! ..).
Обречена на скромную борьбу,

Ты не могла голодному дать хлеба,
Ты не могла свободы дать рабу.

Но лишний раз не сжало чувство страха
Его души — ты то дала рабам, —
Но лишний раз из трепета и праха
Он поднял взор бодрее к небесам...
Быть может, дар беднее капли в море,
Но двадцать лет! Но тысячам сердец,
Чей идеал — убавленное горе,
Границы зла открыты наконец!

Твой властелин — наследственные нравы
То покидал, то бурно проявлял,
Но если он в безумные забавы
В недобрый час детей не посвящал,
Но если он разнузданной свободы
До роковой черты не доводил, —
На страже ты над ним стояла годы,
Покуда мрак в душе его царил...

И если я легко стряхнул с годами
С души моей тлетворные следы
Поправшей всё разумное ногами,
Гордившейся невежеством среды,
И если я наполнил жизнь борьбою
За идеал добра и красоты,
И носит песнь, слагаемая мною,
Живой любви глубокие черты —
О мать моя, подвигнут я тобою!
Во мне спасла живую душу ты!

И счастлив я! уж ты ушла из мира,
Но будешь жить ты в памяти людской,
Пока в ней жить моя способна лира.
Пройдут года — поклонник верный мой
Ей посвятит досуг уединенный,
Прочтет рассказ и о твоей судьбе;
И, посетив поэта прах забвенный,
Вздохнув о нем, вздохнет и о тебе.

Начало 1850-х годов — 9 февраля 1877

23. ГОРЯЩИЕ ПИСЬМА[1]

Они горят! .. Их не напишешь вновь,
Хоть написать, смеясь, ты обещала...
Уж не горит ли с ними и любовь,
Которая их сердцу диктовала?

Их ложью жизнь еще не назвала,
Ни правды их еще не доказала...
Но та рука со злобой их сожгла,
Которая с любовью их писала!

Свободно ты решала выбор свой,
И не как раб упал я на колени;
Но ты идешь по лестнице крутой
И дерзко жжешь пройденные ступени! ..

Безумный шаг! .. быть может, роковой...
. . . .

1855 или 1856, 9 февраля 1877

24. ЗИНЕ

Пододвинь перо, бумагу, книги!
Милый друг! Легенду я слыхал:
Пали с плеч подвижника вериги,
И подвижник мертвый пал!

Помогай же мне трудиться, Зина!
Труд всегда меня животворил.
Вот еще красивая картина —
Запиши, пока я не забыл!

Да не плачь украдкой! Верь надежде,
Смейся, пой, как пела ты весной,
Повторяй друзьям моим, как прежде,
Каждый стих, записанный тобой.

---

[1] Исправленное прежнее стихотворение.

Говори, что ты довольна другом:
В торжестве одержанных побед
Над своим мучителем недугом
Позабыл о смерти твой поэт!

13 февраля 1877

25. ПОЭТУ

Любовь и Труд — под грудами развалин!
Куда ни глянь — предательство, вражда,
А ты стоишь — бездействен и печален
И медленно сгораешь от стыда.
И небу шлешь укор за дар счастливый:
Зачем тебя венчало им оно,
Когда душе мечтательно-пугливой
Решимости бороться не дано?..

Февраль 1877

26. БАЮШКИ-БАЮ

Непобедимое страданье,
Неумолимая тоска...
Влечет, как жертву на закланье,
Недуга черная рука.
Где ты, о муза! Пой, как прежде!
«Нет больше песен, мрак в очах;
Сказать: умрем! конец надежде!
Я прибрела на костылях!»

Костыль ли, заступ ли могильный
Стучит... смолкает... и затих...
И нет ее, моей всесильной,
И изменил поэту стих.
Но перед ночью непробудной
Я не один... Чу! голос чудный!
То голос матери родной:

«Пора с полуденного зноя!
Пора, пора под сень покоя;

Усни, усни, касатик мой!
Прийми трудов венец желанный,
Уж ты не раб — ты царь венчанный;
Ничто нс властно над тобой!

Не страшен гроб, я с ним знакома;
Не бойся молнии и грома,
Не бойся цепи и бича,
Не бойся яда и меча,
Ни беззаконья, ни закона,
Ни урагана, ни грозы
Ни человеческого стона,
Ни человеческой слезы.

Усни, страдалец терпеливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою,
Баю-баю-баю-баю!

Еще вчера людская злоба
Тебе обиду нанесла;
Всему конец, не бойся гроба!
Не будешь знать ты больше зла!
Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатил ей дань живой,
Не бойся стужи нестерпимой:
Я схороню тебя весной.

Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...
Уступит свету мрак у́прямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой,
Баю-баю-баю-баю!..»

3 марта 1877

27

Черный день! Как нищий просит хлеба,
Смерти, смерти я прошу у неба,
Я прошу ее у докторов,
У друзей, врагов и цензоров,
Я взываю к русскому народу:
    Коли можешь, выручай!
Окуни меня в живую воду,
    Или мертвой в меру дай.

23 марта 1877

28. ТЫ НЕ ЗАБЫТА...

«Я была еще вчера полезна
Ближнему — теперь уж не могу!
Смерть одна желанна и любезна —
Пулю я недаром берегу...»

Вот и всё, что ты нам завещала,
Да еще узнали мы потом,
Что давно ты бедным отдавала,
Что добыть умела ты трудом.

Поп труслив — боится, не хоронит;
Убедить его мы не могли.
Мы в овраг, где горько ветер стонет,
На руках покойницу снесли.

Схоронив, мы камень обтесали,
Утвердили прямо на гробу
И на камне четко написали
Жизнь и смерть, и всю твою судьбу.

И твои останки людям милы,
И укор, и поученье в них...
Нужны нам великие могилы,
Если нет величия в живых...

5 ноября 1877

29. ОСЕНЬ

Прежде — праздник деревенский,
Нынче — осень голодна;
Нет конца печали женской,
Не до пива и вина.
С воскресенья почтой бредит
Православный наш народ,
По субботам в город едет,
Ходит, просит, узнает:
Кто убит, кто ранен летом,
Кто пропал, кого нашли?
По каким-то лазаретам
Уцелевших развезли?
Так ли жутко! Свод небесный
Темен в полдень, как в ночи;
Не сидится в хате тесной,
Не лежится на печи.
Сыт, согрелся, слава богу,
Только спать бы! Нет, не спишь,
Так и тянет на дорогу,
Ни за что не улежишь.
И бойка ж у нас дорога!
Так увечных возят много,
Что за ними на бугре,
Как проносятся вагоны,
Человеческие стоны
Ясно слышны на заре.

7 ноября 1877

30. МУЖ И ЖЕНА

«Глашенька! Пустошь Ивашево —
Треть состояния нашего,
Не продавай ее, ангельчик мой!
Выдай обратно задаток. . .»
Слезы, нервический хохот, припадок:
«Я задолжала — и срок за спиной. . .»
— «Глаша, не плачь! я — хозяин плохой,
Делай что хочешь со мной.

Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
Полно, друг мой!»

«Глаша! волнует и мучит
Чувство ревнивое душу мою.
Этот учитель, что Петеньку учит. . .»
— «Так! муженька узна́ю!
О, если б знал ты, как зол ты и гадок».
Слезы, нервический хохот, припадок. . .
«Знаю, прости! Я — ревнивец большой!
Делай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
Полно, друг мой!»

«Глаша! как часто ты нынче гуляешь;
Ты хоть сегодня останься со мной.
Много скопилось работы — ты знаешь,
Чтоб одолеть ее, нужен покой!»
Слезы, нервический хохот, припадок. . .
«Глаша, иди! я — безумец, я гадок,
Я — эгоист бессердечный и злой,
Делай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
Полно, друг мой!»

9 ноября 1877

31. СОН

Мне снилось: на утесе стоя,
Я в море броситься хотел,
Вдруг ангел света и покоя
Мне песню чудную запел:
«Дождись весны! Приду я рано,
Скажу: будь снова человек!
Сниму с главы покров тумана
И сон с отяжелелых век;
И музе возвращу я голос,

И вновь блаженные часы
Ты обретешь, сбирая колос
С своей несжатой полосы».

12 ноября 1877

32

Великое чувство! У каждых дверей,
В какой стороне ни заедем,
Мы слышим, как дети зовут матерей,
Далеких, но рвущихся к детям.
Великое чувство! Его до конца
Мы живо в душе сохраняем, —
Мы любим сестру, и жену, и отца,
Но в муках мы мать вспоминаем!

Конец 1877

33. ПОДРАЖАНИЕ ШИЛЛЕРУ

1

СУЩНОСТЬ

Если в душе твоей ясны
Типы добра и любви,
В мире все темы прекрасны,
Музу смелее зови.
Муза тебя посетила:
Смутно блуждает твой взор!
В первом наитии сила!
Брось начатой разговор.

2

ФОРМА

Форме дай щедрую дань
Временем: важен в поэме
Стиль, отвечающий теме.

Стих, как монету, чекань
Строго, отчетливо, честно,
Правилу следуй упорно:
Чтобы словам было тесно,
Мыслям — просторно.

Конец 1877

84

Скоро — приметы мои хороши! —
Скоро покину обитель печали:
Вечные спутники русской души —
  Ненависть, страх — замолчали.

Конец 1877

85

О муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба —
Не плачь! завиден жребий наш,
Не наругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную музу...

Декабрь 1877

36

В стране, где нет ни злата, ни сребра,
Речь об изъятии бумажек
Не может принести добра,
Но... жребий слушателей тяжек.

5 января 1875

37. О. А. ПЕТРОВУ

(в день 50-летнего юбилея)

Умиляя сердце человека,
Наслажденье чистое даря,
Голос твой не умолкал полвека,
Славен путь певца-богатыря.

Не слабей под игом лет преклонных.
Тысячи и тысячи сердец,
Любящих, глубоко умиленных,
Благодарность шлют тебе, певец!

Воплощая русское искусство
В звуках жизни, правды, красоты,
Труд, любовь и творческое чувство
На алтарь его приносишь ты...

Декабрь 1875

38. ⟨ПРИ ОТЪЕЗДЕ ДМИТРИЕВА В КИЕВ ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ⟩

Не сердись ты на него,
Коли дурен спич:
Путь далек до Киева,
Позабудешь дичь!

1875 (?)

39. К ПОРТРЕТУ **

Твои права на славу очень хрупки,
И если вычесть из заслуг
Ошибки юности и поздних лет уступки, —
Пиши пропало, милый друг.

<1876>

40

Угомонись, моя муза задорная,
Сил нет работать тебе.
Родина милая, Русь святая, просторная
Вновь заплатила судьбе...

Похорони меня с честью, разбитого
Недугом тяжким и злым.
Моего века, тревожно прожитого,
Словом не вспомни лихим.

Верь, что во мне необъятно-безмерная
Крылась к народу любовь
И что застынет во мне теперь верная,
Чистая, русская кровь.

Много, я знаю, найдется радетелей,
Все обо мне прокричат,
Жаль только, мало таких благодетелей,
Что погрустят да смолчат.

Много истратят задора горячего
Все над могилой моей.
Родина милая, сына лежачего
Благослови, а не бей!..

. . . .
. . . .
Как человека забудь меня — частного,
Но как поэта — суди...

И не боюсь я суда того строгого.
Чист пред тобою я, мать.
В том лишь виновен, что многого, многого
Здесь мне не дали сказать...

Сентябрь 1876

41. — НУ

Человек лишь в одиночку
Зол — ошибки не простит,
Мир — *«не всяко лыко в строчку»*
Спокон веку говорит.
Не умрет в тебе отвага
С ложью, злобой бой вести...
Лишь умышленного шага
По неправому пути
Бойся!.. Гордо поднятая
Вдруг поникнет голова,
Станет речь твоя прямая
Боязлива и мертва.

Сгибнут смелость и решительность,
Овладеет сердцем мнительность
И покинет, наконец,
Даже вера в снисходительность
Человеческих сердец!..

Декабрь 1876

42

Не за Якова Ростовцева
Ты молись, не за Милютина,
. . .   .   ты молись
О всех в казематах сгноенных,
О солдатах, в полках засеченных,
О повешенных ты помолись.

Конец декабря 1876

43

Ни стыда, ни состраданья,
Кудри в мелких завитках,
Стан, волнующийся гибко,
И на чувственных губах
Сладострастная улыбка.

1876

44. К ПОРТРЕТУ ***

Развенчан нами сей кумир
С его бездейственной, фразистою любовью,
Умны мы стали: верит мир
Лишь доблести, запечатленной кровью...

1876 (?)

45

Спрашивал я у людей,
В жизни, в природе отчизны моей,
В книгах холодных,
В стонах народных —
Тщетно искал я ответа...

1876 (?)

46

Но любя, свое сердце готовь
Выносить непрестанные грозы:
В нашем мире, дитя, где любовь,
Там и слезы.

1876 (?)

47. АВТОРУ «АННЫ КАРЕНИНОЙ»

Толстой, ты доказал с терпеньем и талантом,
Что женщине не следует «гулять»
Ни с камер-юнкером, ни с флигель-адъютантом,
Когда она жена и мать.

1876 (?)

48. СКАЗКА О ДОБРОМ ЦАРЕ, ЗЛОМ ВОЕВОДЕ И БЕДНОМ КРЕСТЬЯНИНЕ

Царь Аарон был ласков до народа,
Да при нем был лютый воевода.
Никого к царю не допускал,
Мужиков порол и обирал;
Добыл рубль — неси ему полтину,
Сыпь в его амбары половину
Изо ржи, пшеницы, конопли;
Мужики ходили наги, босы,
Ни мольбы народа, ни доносы
До царя достигнуть не могли:
У ворот, как пес, с нагайкой, лежа,
Охранял покой его вельможа
И, за ветром, стона не слыхал.
Мужики ругались втихомолку,
Да в ругне заглазной мало толку.
Сила в том, что те же мужики
Палачу снискали колпаки.
Про терпенье русского народа
Сам шутил однажды воевода:

«В мире нет упрямей мужика.
Так лежит под розгами безгласно,
Что засечь разбойника опасно,
В меру дать — задача нелегка».
Но гремит подчас и не из тучи, —
Пареньку, обутому в онучи,
Раз господь сокровище послал:
Про свою кручину напевая
И за плугом медленно шагая,
Что-то вдруг Ерема увидал.
Поднимает — камень самоцветный!!
Оробел крестьянин безответный,
Не пропасть бы, думает, вконец, —
И бежит с находкой во дворец.
«Ты куда? — встречает воевода. —
Вон! Не то нагайкой запорю!»
— «Дело есть особенного рода,
Я несу подарочек царю,
Допусти!» Показывает камень:
Словно солнца утреннего пламень,
Блеск его играет и слепит.
«Так и быть! — вельможа говорит. —
Перейдешь ты трудную преграду,
Только чур: монаршую награду
Раздели со мною пополам».
— «Вот те крест! Хоть всю тебе отдам!»
Камень был действительно отменный:
За такой подарок драгоценный
Ставит царь Ереме полведра
И дарит бочонок серебра.
Повалился в ноги мужичонко.
«Не возьму, царь-батюшка, бочонка,
Мужику богачество не прок!»
— «Так чего ж ты хочешь, мужичок?»
— «Знаешь сам, мужицкая награда —
Плеть да кнут, и мне другой не надо.
Прикажи мне сотню палок дать,
За тебя молиться буду вечно!»
Возжалев крестьянина сердечно,
«Получи!» — изволил царь сказать.
Мужика стегают полегоньку,
А мужик считает потихоньку:

«Раз, два, три», — боится недонять.
Как полста ему влепили в спину,
«Стой теперь! — Ерема закричал. —
Из награды царской половину
Воеводе я пообещал!»
Расспросив крестьянина подробно,
Царь сказал, сверкнув очами злобно:
«Наконец попался старый вор!»
И велел исполнить уговор.
Воеводу тут же разложили
И полсотни счетом отпустили,
Да таких, что полгода, почéсть,
Воеводе трудно было сесть.

Между декабрем 1876
и 15 января 1877

49. ЕРШОВ-ЛЕКАРЬ

Была задумана пьеса «Ершов-лекарь». Он был хороший человек, полезный народу в своем углу. Задел, по неосторожности, надевая шубу в волостном правлении, за висевший в присутствии портрет, уронил его, враги донесли, и его куда-то заслали.

Рассказывает дьячок-заика. Как начнет, так и дует без передышки, а как заикнется, то час не дождешься продолжения. Такой и размер я старался подобрать:

Он попал в нашу местность
Прямо с школьной скамейки;
Воплощенная честность,
За душой ни копейки.
Да ему и не нужно!
Поселился он в бане,
Жил с крестьянами дружно,
Ел, что ели крестьяне.

Пауза. Затем рассказ, как принимал народ, как лечил, на какой лошадке и в какой телеге ездил:

А лечил как успешно!
Звали Ершика всюду;
Ездил к барам неспешно,
К мужику — в ту ж минуту.

Нипочем темень ночи,
Нипочем непогода.
Бог открыл ему очи
На страданья народа.

Дало им его земство, но он с ним поругался:

Без мундира просторней.
Без оклада честнее;
Человека задорней,
Человека прямее
Не видал я...

. . . .

Сам господь умудряет
Человека инова
И уста раскрывает
На громовое слово...

Дальше ничего нет, заикнулся...

1876 или 1877

50

Если ты красоте поклоняешься,
Снег и зиму люби. Красоту
Называют недаром холодною, —
Погляди на коней на мосту,
Полюбуйся Дворцовою площадью
При сиянии солнца зимой:
На колонне из белого мрамора
Черный ангел с простертой рукой.
Не картина ли?

1876 или 1877 (?)

51. ПЕСНЯ

Всюду с музой проникающий,
В дом заброшенный, пустой
Я попал. Как зверь рыкающий,
Кто-то пел там за стеной:

Сборщик, надсмотрщик, подрядчик,
. . . .
Я подлецам не потатчик:
Выпить — так выпью один.

Следственный пристав и сдатчик!..
Фединька, откупа сын!..
Я подлецам не потатчик,
Выпить, так выпью один.

Пра́сол, помещик, закладчик!..
Фуксы — родитель и сын!..
Я подлецам не потатчик,
Выпить, так выпью один!..

С ними не пить, не дружиться!..
С ними честной гражданин
Должен бороться и биться!..
Выпить, так выпью один!..

Или негоден я к бою?
Сбился я с толку с собой:
Горе мое от запою,
Или от горя запой?

<1877>

52

Зазевайся, впрочем, шляпу
Сдернуть — царь-отец
Отошлет и по этапу —
Чур: в один конец!

27 января 1877

53. ⟨ ИЗ ПОЭМЫ «БЕЗ РОДУ, БЕЗ ПЛЕМЕНИ» ⟩

Имени и роду
Богу не скажу.
Надо — воеводу
Словом ублажу.

«Кто ты?» — «Я-то? Житель!»
Опустил кулак:
«Кто ты?» — «Сочинитель!
Подлинно что так».

Меткое, как пуля,
Слово под конец:
«Кто ты?» — «Бородуля!» [1], —
Прыснул! «Молодец!»

Я — давай бог ноги...
«С богом! Ничего!
Наберем в остроге
Помнящих родство».

Третий год на воле,
Третий год в пути.
Сбился в снежном поле —
Некуда идти!

Ночи дольше-дольше,
Незаметно дней!
Снегу больше-больше,
Не видать людей,

Степью рыщут волки,
С голоду легки,
Стонут, как на Волге
Летом бурлаки.

Весна 1877

---

[1] Бородуля — баба с бородой.

54

Он не был злобен и коварен,
Но был мучительно ревнив,
Но был в любви неблагодарен
И к дружбе нерадив.

14 июня 1877

55

Так запой, о поэт! Чтобы всем матерям
На Руси на святой, по глухим деревням,
Было слышно, что враг сокрушен, полонен,
А твой сын — невредим, и победа за ним,
«Не велит унывать, посылает поклон».

28 ноября 1877

56. БУКИНИСТ И БИБЛИОГРАФ

Отрывок
(Из «Записной книжки»)

Букинист

А вот еще изданье. Страсть
Как грязно! Впрочем, ваша власть —
Взять иль не взять. Мне всё равно,
Найти купца немудрено.
Одно заметил я давно,
Что, как зазубрина на плуге,
На книге каждое пятно —
Немой свидетель о заслуге.

Библиограф

Ай, Гумбольдт! [1] сказано умно.

---

[1] Так когда-то назвали одного букиниста, изыскателя в области редких книг. Его уже давно нет на свете.

Букинист

А публика небось не ценит!
Она тогда свой суд изменит,
Когда поймет, что из огня
Попало ей через меня
Две-три хороших книги в руки!

Библиограф

Цена? . .

. . . .

Конец декабря 1877

57

Устал я, устал я... мне время уснуть,
О Русь! ты несчастна... я знаю...
Но всё ж, озирая мой пройденный путь,
Я к лучшему шаг замечаю.

1877

58

Так умереть? — ты мне сказала.
Я отвечал надменно: да!
Не знал я той, что мне внимала,
Не знал души твоей тогда.

1877 (?)

59

За желанье свободы народу
Потеряем мы сами свободу,
За святое стремленье к добру —
Нам в тюрьме отведут конуру.

1877 (?)

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

10—12
Наб. рук.

Несытова, Неелова,
Заплатова, Дырявина,
Горелок, Голодухина —

Перед 206
Наброски

Доспорились, додралися
Ребята до того,
Что сами уж не ведали,
Что говорят-творят.

313—315
Наб. рук.

Чтоб липовые лапотки
Служили, не стопталися,
Не прели бы онученьки,
Не рвались бы портки...

Вместо
342—351

Пропала пташка малая
Со птенчиком в лесу.
А мужики отправились
На торную дороженьку
Искать столба тридцатого —
А! вот он — тут как тут!
Идут по лесу темному
Тихохонько, прямехонько,
И как версту прошли,

409—411
Наброски

[Но бедны и нерадостны
Весенние поля —]
Но вы, поля весенние,
На вас глядеть невесело —
Серо, черно, [бедно] голо!

Вместо 412—423
Наброски
и черн. рук.

«Идем немало времени,
Зашли в чужую сторону, —
Толкуют мужики, —

А всходы — хуже нашего,
Щипнуть скотинке нечего —
Трава — и та плоха!»

Вместо 427—430 Наброски

Нарядны избы новые,
Дай бог такую всякому,
Одно нехорошо, —
Что строит избу новую
Не лишняя копеечка,
А кровная беда.
Ой вы! пожары лютые,
Что вы пустили на ветер
Крестьянского труда...

Вместо 431—439 Черн. рук.

С утра им попадалися
Одни крестьяне бедные,
[Да богомолки праздные,
Да нищий, да солдат.]
Да нищие солдатики,
Дьячки и писаря.
У нищих, у солдатиков,
У мужичонка серого
Не спрашивали странники,
[Как на Руси живут]

Вместо 532—538

И после долгой думушки
Ответил мужикам:
«Не жалуюсь я, братия,
Роптать на бога грех,
А что такое счастие —
И слыхом не слыхал.

После 564

[Идем и видим, братия,
Нужду и нищету.]
Идем и видим скорбь,
Надгробное рыдание,
Нужду и сиротство!
Едва домой воротишься,
Опять тебя зовут.

После 640

Не в осужденье, братия,
Коснулся я сугубого
Народного греха...
Молчу. А вы подумайте.

Вместо 731—732 Наб. рук.

Народ и сам бедняется,
К тому ж и рвенья прежнего
В нем к православью нет.
Не ходят в церковь божию,
К причастью не являются,
Что далее — то менее
Играешь свадеб в год:
Грешат, живут в безбрачии!

Отрывок (ср. 801) и далее)

«Туда же! шут расхвастался,
Что поп его любил!
Соплям и тем, по времени,
Честь разная: мужик
Кидает сопли на землю,
А барин их — в карман!»
Так Пров Луку попотчевал,
А два братана Губины
Ему яичко общее
Вкрутую испекли:

Вместо 841—846

В тот год, как наши странники
Пустились в путь-дороженьку,
Была весна недружная,
Тяжелая весна.

Вместо 884—886 Наброски

а Спустились — и увидели
Плотиной отгороженный
С краями полон пруд.
Не шелохнет, как зеркало,
Стоячая вода.

б Прошли к селу — увидели
Запруженный плотиною
С краями полный пруд.
Под солнцем не шелохнется,
Как зеркало блестит.

После 914 Наб. рук.

а Утяточки проснулися,
Спрыгнули в воду, поплыли,
А баба парню крикнула:
«Разбойник! что ты делаешь?
Перевернешь, подлец!»

б Утят<а> пробудилися,
Спрыгнули в воду, поплыли,
Приподнимая крылышки,
Еще не опушенные —
С голубеньким пером,
А баба так ругнулася,
Что впору мужику...

Вместо 938—941

а Со школой, с богадельнею,
С двумя церквами новыми.

Черн. рук.

б В нем много даже каменных
Купеческих домов.

Вместо 945—959

Больница, и училище,
И богадельня есть,
Да площадь с постоянными
Рядами: в них об ярмонку
Торгуют всякой всячиной
Приезжие купцы.

Вместо 989—991

Гуляй, мужик, без шапочки,
А баба без платка.
Ужо, как торг окончится,
Пойдет до поздней ноченьки,
С ругательствами, с дракою,
Тут шапочный разбор!..

Вместо 1027—1037

По конной пошаталися,
Немало посмеялися,
Как мужиков дурачили
Цыгане-прошлецы.
Пришли туда, где ворохом
Крестьянские орудия
Навалены — глядят:
Мужик ободья пробует,
Сам на ногах чуть держится

Вместо 1050—1051 Наб. рук.

Топор сломал! Как вкопанный
Над топором стоит.
Про утварь деревянную,
Разбросанную по грязи,
Про ложечки, про чашечки,
Про ковшички забыл, —
Над топором раздумался

1096—1099

А внучку жаль! Пред внученькой
Сгорю я со стыда!»
Вавило горько плакался,
[Крестьян прохожих жалобил,]
Жаль слушать старика.

Вместо 1104—1117

а Да был тут баринок,
Его уж знали многие
Крестьяне: у священника
Он в Заозерье жил,
По деревням похаживал,
Поглядывал, расспрашивал,
В тетрадочку писал.

б Да был тут человек,
Иван Иваныч Хлебников.
Любил он жизнь бродячую,
Носил рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги.
Какого роду, звания,
Не знали мужики,
Однако звали «барином».
[Лицо его [корявое] господское]
Лицо его дворянское
(Лица не переделаешь)
Им, впрочем, примелькалося,
На постоялых двориках,
В харчевнях, в кабаках.

Они им не гнушалися,
Водили с ним компанию,
Пивали по душе.

После 1135 Не надо нам Кутузова,

Вместо 1140—1147 Тут сила не в комплекции...
«Ну нет! шалишь, почтеннейший,
Сбыть хочется плюгавеньких,
Должно быть, залежалися,
Охота их спустить?
Так что ж? Перед крестьянином
Все генералы равные,
Как сосенки в бору.
Чтоб мог я сбыть плюгавого,

1146 [Как дятелы в лесу!]
Как филины в бору,

1157 Какого-то форшнейдера

После 1177 *а* Наукой, умной книгою
Пробудится, прояснится
Крестьянский русский ум

б Пробудится, прояснится
Ученьем русский ум?
Крестьяне догадаются

1180—1190 Швырнув под печку Блюхера,
Форшнейдера [свирепого] поганого,
Милорда [прокаженного] беспардонного
И подлого шута,
Крестьянин купит Пушкина,
Белинского и Гоголя...
Придет ли? Люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ль вы когда-нибудь
Те имена, которые
Тут писаны теперь?..
То имена великие,
То люди именитые,
Заступники народные,
Друзья твои, мужик!

Начало гл. 3 Бел. рук. Полюбовавшись ярмонкой,
Опять своей дорогою
Пошли, — в овраг спустилися,
Глядят — беда с крестьянином:
С поклажей, с бабой, с лошадью
По ступицу увяз!

<далее — ст. 1048—1058>

Крестьяне ось уладили,[1]
Поехал мужичок...
Тут молодцам взгрустнулося,
Как вышли на пригорочек
Да глянули на ярмонку,
На тысячеголовую,
Ревущую толпу —
Сердечко в каждом дрогнуло!

После 1279
Наброски
ЛБ

а Ночь тихая-растихая,
Не то, чтоб очень светлая,
И не гораздо темная...
Куда ни погляди,
Народ пьяным-пьянехонек,
Колышется, корежится,
Поет, кричит, ругается,
Столпилися, смешалися,
Своих не узна<ю>т.
В одном конце целуются,
В другом мужик бессовестный
Таскает бабу за косу,
Как редьку за вихор.
«А ну, давай потянемся, —
Кричат два парня дюжие, —
Посмотрим: кто сильней...»

Бел. рук.

б Ночь тихая-растихая,
Не то, чтоб очень темная,
И не гораздо светлая,
Идут нешибко странники
И всякие диковинки
Встречают на пути...

После 1357
Черн. рук.

Там драка, там согласие,
Беседа полюбовная:
«Ну что и говорить!
Порядки были важные:
Жена ли, дочь — всё барское!
Надумал — сына в рекруты,

---

[1] Вариант черн. рук.:

Крестьяне провозилися
Час добрый с мужиком,
Уж солнышко садилося,
Как вышли из села.
«С утра мы много выпили,
Пить больше не приходится
Сегодня! Отойдем
Две-три версты, ребятушки,
И ляжем отдохнуть!»
Так мужики решилися,
Да черт их сомутил.
Как вышли на пригорочек,
<и т. д.>

Надумал — дочь на барский двор,
Дерись, командуй, вольничай,
А мы, как рыба в неводе,
Хозяева в дому!..»

Вместо 1374—1378

В канаве баба пьяная
Кричит: «Совсем увязла я,
Идите выручать!
Три сына — три разбойника,
Вспоила, воспитала я
На пагубу свою!»

Вместо 1385—1388 Наброски ЛБ

а А дальше по-за валиком
Тихо<хо>нький, тонехонький,
Как соловьиный, слышится
Девичий голосок:

Черн. рук.

б «Ну миленький! пригоженький!
Ну полно же!» — за валиком
Послышался тихо<хо>нький
Девичий голосок.

После 1396

Смешались, разрознилися
В потемках православные...
«Жена! эй! где ты! Марьюшка!» —
Кричит мужик осанистый,
Проснувшись на возу...
Жена не откликается,
А мужику тошнехонько:
Соринка в глаз забилася,
Не вынуть одному!
«Пал дуб на море синее,
И море всё заплакало —
Жена! иди, вылизывай
Соринку языком!»
Долгонько-таки слышалось:
«Жена! жена!» Вот Марьюшка
Подходит наконец.
Мужик притих, прицелился,
Привстал — и бабу за косу,
Как редьку за вихор...

1421 Наб. рук.

(Тут водочка, наливочка,
Закуска и фонарь).
Разговорился Хлебников,
И мужики не робеют,
Горланят, открываются

Вместо 1431—1433 Черн. рук.

Что пьют до безобразия!
Шатаются, валяются
В канавах, как скоты.
Нет меры хмелю русскому.
Не то, чтобы по чарочке,
Ин по две каждый день.

После 1431 Наб. рук.

И образ человеческий
Теряют во хмелю,

Вместо 1439—1445 Черн. рук.

Фабричный из Бурмакина,
Он барину сказал:
«Постой, строка чернильная!

После 1450 Наб. рук.

Ин мы тебе что лошади,
Жалеешь нас: горяченьких
Боишься опоить?
Гуляют в воле лошади,
Бывает, опиваются,
А чаще надрываются
С работою в возу...

Вместо 1468—1470 Черн. рук.

Все словно как удивятся!
Не бражничали, не пили,
А сына выставь в рекруты,
За недоимку мерина
Веди с двора долой!
И не глядел бы! В радости
Нельзя не пить крестьянину,
Нужней того в беде!..

Вместо 1476—1481

Господскою небось?..
Взгляни-ка на крестьянина
В страдную пору вечером —
Как лошадь поработавши,
Поевши как овца, —
Уж подлинно, сердечный, он
Шатается и валится —
Да только не с вина!..

Вместо 1523—1525 Наб. рук.

Так неужли задуматься
В веселый час над чаркою,
Что свалится, что с лишнего,
Пожалуй, и помрет?

Вместо 1548—1550

Бывает, опиваются
На вольной воле лошади,
А чаще надрываются
С работою в возу.
Помру с вина — осудишь ты?
А надорвусь под тягою
Куля осьмипудового —
Не будешь осуждать?..

После 1550

Как пьем, так и работаем,
Корить нас хмелем грех!

Вместо 1551—1553 Наброски ПД

Хмель ходит по головушкам,
Заходит в тучи черные,
И тучи разрешаются

Весельем, лаской, жалобой
Да песенкой, — а надо бы

Вместо 1560—1567

В<з>дохнули люди божии!
Забылись нужды вечные,
Печали бесконечные,
Потери невозвратные,
Обиды неотплатные,
Кровавые труды!

Вместо 1568—1576 Черн. рук.

Фабричный кудри русые
Встряхнул, окинул с валика
Очами соколиными
Шумящую толпу, —
И гаркнул зычным голосом:
«Ой! царство ты мужицкое,
Гуляй, коли гуляется,
Шуми! вольней шуми!»

После 1576

Тут мужики степенные
Прогнать хотели пьяного,
Да только за фабричного
Вступился барин сам:
«Не троньте, други милые,
Пусть говорит, что думает,
Он дельный человек!»
— «Ай барин! не прогневался! —
Сказал фабричный пьяненький. —
Небось, как раз смекнул!»
— «Чего тут, братцы, гневаться,
Когда бы то, что думаю
О русском мужике,
Считал я сущей правдою,
Так и сидел бы в Питере
Да книжки сочинял.
А то молвой народною
Свой ум проверить хочется.
Народный глас — слыхали вы? —
Глас божий, говорят...»
Тут и крестьяне многие
С фабричным согласилися:
«Как мужику не пить!
Пьет — значит, силу чувствует!
Успеешь припечалиться,
Как перестанем пить!»

После 1588 Наб. рук.

[Был смолоду подрядчиком]
В десятских у подрядчика

После 1655 Наброски ЛБ и наб. рук.

«У нас помещик собственный
Пять лет тому, робятушки,
Из-за границы был:
Сказал, что рад-радехонек,

Проздравил! а не верилось!
Все словно как и ластился
И рыло воротил!
А этот и не ластится...»
— Должно быть, из кутейников.
Спросили: дворянин!

Вместо 1694—1711 Наб. рук.

«Однако праздник праздником,
А дело делом, братики,
Пора! — сказал Пахом. —
Народу тут до пропасти,
Народ хмельной, покладистый,
Умненько только спрашивай,
Теперь не станут врать.
Пойдем искать счастливого,
Не то мы спору нашего
Вовеки не решим!»
— «Пойдем, да выпить надо бы
Для куражу по маленькой,
Жаль, кончили ведро!»
— «А не почать ли новое?
Народ придется потчевать,
Так заодно — почнем!»

Вместо 1723—1731 Черн. рук.

Пошел тут пир горой!
Порядком позаправились,
Пошли — в толпу вмешалися,
Кричат, поют, братаются,
К молодкам, к красным девушкам
Подладиться непрочь...

Начало гл. 4

Как выпили порядочно,
Крестьяне разболталися,
Открылись мужикам,
Зачем в чужую сторону
Их занесла нелегкая.

«А вот мы кликнем клич!» —
Сказал один веселенький
Шутник, мужик Никитушка,
И ну ходить-кричать:

«Эй! нет ли где счастливого?
Явись! Коли докажет кто,
Что счастливо живет,
Получит награждение:
Ведро вина крестьянину,
Крестьянке три рубля!»

Степенные и дельные
Крестьяне не шелохнулись.
На эту кличь явилася
Кривая баба старая.

Вместо 1741—1753

Степенные и умные
Крестьяне не шелохнулись:
Что слушать мужика!
Однако и охотников
Взять даром три целковеньких
Немало набралось.
Пришел дворовый старенький
В дырявом казакинничке

Вместо 1792—1798 Наб. рук.

Я был, а бог помиловал:
Как видишь — не убит!
А во-вторых, важней того,
Не раз во время мирное
Не ел по трои суточки,
А смерти не дался!
А в-третьих — это главное —
Раз сто за службу верную

Вместо 1816

В том, значит, наше счастие,
Что силы есть достаточно

1864—1870

Ой, знаю! словно молотом,
В грудь сердце ударялося,
Вступила в ноги дрожь.
Не помню, как оттудова
Я сполз, — пропала силушка,
Зачах я с той поры!
Налей, брат, хоть полрюмочки!

2005—2014 Черн. рук.

«А что щека подвязана?
Что ноги чуть волочатся?»
— «А ничего: третьеводни
Помял меня маненичко
Сороковой медведь,
Да то ль еще случается?
Раз двадцать толстопятые
До шкуры добиралися,
Весь череп процарапали,
Да счастлив я пока!»

Вместо 2047—2049 Наброски

а «Как! Что вы, православные!
Ермила вы не знаете?»
[— «Не знаем! мы не здешние,
Мы от домов, я думаю,
Верст двести отошли»]
— «Не знаем!» — «Издалека же
Вы, значит, прибрели.
У нас Ермила Гирина
На сотню верст в окружности
Все знают. Он один
У нас, как солнце на небе».

Наб. рук. *б* «Как! вы его не знаете? —
Вскочивши, отозвалися
С десяток мужиков. —
Ну, значит, издалека же
Зашли вы в нашу сторону!
У нас Ермил, как солнышко,
Один на сотню верст...»

После 2295
Черн. рук.

Был случай: и Ермил Ильич
Споткнулся, — птицу вольную
В полете ветер сбил,
Да только и поправился
Ермил, как птица вольная
Нашла свой путь: прямехонько
Под солнышко летит!

Вместо 2369—2383
Наб. рук.

а С тех пор почти безвыездно
На мельнице живет».
— «А далеко та мельница?»
— «Верст пятьдесят отсюдова,
Дойдете до Владимира,
Спросите, где Никольское,
А там уж дети малые
Дорогу вам на мельницу
Сумеют показать...»

б В аренду взял ту мельницу
И поселился там,
С тех пор живет затворником
Да наживает денежки.
Я сам уж в той губернии
Лет десять не бывал,
А про Ермилу слыхивал,
Народ им не нахвалится,
Сходите вы к нему.

2538—2543
Черн. рук.

С толчком да с зуботычиной
Да с бранною приправою,
Признаться, поприелось нам
Дворянское словцо».
— «Ну, сволочь! Будь по-вашему!
Чур, говорить скорей...»

2685—2693

Теперь скажите: много ли
Таких родов считается
На всей святой Руси?
Где их — не между вами ли —
Искать?»
— «Куда нам, батюшка!
Чай, наши деды сивые,
Как мы, с землей возилися,
Цариц, царей не тешили,
Не жгли Москвы...»

Вместо 2734—2737

Губернские чиновники,
Сам губернатор с радостью
Являлися на зов,
Бывало, всю губернию
Уложишь в лоск, а справишься
С карманом: ничего!

После 2764

Борзые сорвиголовы
У каждого на сворочке
Дрожали, глядя в лес

После 2925 Наб. рук.

Прошла та жизнь счастливая,
Прошла, как в воду канула!..

3006—3013 Черн. рук.

В лесах не рог охотничий,
Звучит топор разбойничий
Порубщика... что сделаешь,
Кем их убережешь?..
Деревней едешь — прячешься,
Не счастие бывалое —
Досада бесполезная
Да стыд кипит в груди

Вместо 3045

На эти речи праздные
Скажу: «А кто же ждал?..»
Одно мы знали правило:
Поболее распахивай,
Пореже сей, мужик!
Навозу нет — и так сойдет,
[Коли сам-друг уродится —
Ну и зерном барыш!]

Вместо 3061—3068 Наб. рук.

И тот работой черною
Гнушается... небось,
Полов мести не вздумает,
Не станет печь топить...
А я наследник древнего
Ляпкова-Оболдуева!..
Старинный дворянин!..

Вместо 3068

Овсяного доднесь!
Так вот тут и трудись!

После 3079

Помещик закручинился
И кончил как отрезал вдруг:
«Не я тут виноват...»

Вместо 3086—3092

Поразобрала водочка
Да и тоска прихлынула,
Крестьянам жаль сердечного,
А чем беде помочь?..

Крестьяне тем утешились,
Что спьяна чуть не до смерти
Приколотили смирного
Романа-мужика.
«Ну что, теперь уверился?»
— «Не врет ли он, ребятушки?
Ой! больно! не дерись!»
— «Коли бы врал, не плакал бы!»
— «Что слезы — дело плевое».
— «Ну, так он всё свое!
Ты, брат, похож на мельницу.
Одним не птица мельница,
Что как ни машет крыльями,
Никак не полетит!..»

ПОСЛЕДЫШ

Набросок начала главы Автограф 1

Тогда спросили странники
У мужика косившего
Какой то был старик
— А барин наш Шалашников
Да что же он куражится
Теперь порядки новые
А он у вас по-старому
[Куражится] буршит? —
Ин вы у бога не люди?

— Нет, мы по божьей милости
Теперь крестьяне вольные
[Плевать нам на него]
У нас как у людей
Порядки тоже новые
Да тут статья особая
Про них ему не сказывать
Просили сыновья...
Они-то с ним и ехали
А сзади барин с барыней
Те дочь его и зять...
Старик ты видишь немощный
Когда про положение
Услышал ошалел
[Топтал его серд<ясь>
Пускай его куражится
Недолго проживет —]
Привычка
Не ест не пьет, печалится
Стал полотенце скручивать
Бог весть что замышлял!
Того гляди удавится...
Тут дети делать нечего

Соврали старику
Что всё опять обладилось
Что царь простил помещиков
Ту волю отменил!
Повеселел Колпа<шников>
[Глупей ребенка малого
Без памяти старик! . .]
Ни разуму ни памяти
Ребенок человек!

Пошел опять хозяйничать
Чужой посев досматривать
В чужих покосах — <нрзб>
Порядки соблюдать

Бывает расфуфырится
Как нынче, сами видите
Кричит: лентяи, пьяницы
Я всех перепорю!
Что поле плохо вспахано
Что сено мало скошено
(А поле то крестьянское
А сено не его!)
Стоишь молчком, потупишься
А мужики затейники
Те кланяться начнут
Кормилец наш не гневайся!
Ты наше красно солнышко
Волен казнить и миловать
А мы твои рабы! . .

Стоишь перед помещиком
Ладонью закрываешься
А хохотуньи глупые
Бабенки, девки дальние (?)
Как прыснут! Ничего —

Глухонек, слеп, случается
И добрый час на старого
Сегодня поработали
Ребята вы порядочно
Ужо вам поднесу
И поднесет старинушка
Привык! Ему не вын<ести>
Порядки эти новые
Пускай его куражится
Недолго проживет

Стояли перед барином
Без шапки мужики
А он разбитым голосом

Приказывал прикрикивал
<*нрзб*> и поругивал

Вместо 1—51
Автограф 2

Пришло и лето красное.
Всё бродят наши странники,
Всё ищут, неустанные,
Кому живется весело
Вольготно на Руси?
Устали, обносилися,
По женам стосковалися,
Домой бы... А зарок?
Взялся за гуж — натягивай,
Не говори не дюж!..
[Ах! где же ты, счастливое
Непоротой губернии,
Непотрошенной волости
Избытково село?
Которая дороженька
Ведет в тебя? Над Волгою
Немало сел раскинуто
Немало городов]

Безграмотной губернии
Уезда Лыком-Шитого
Старо-Вахлацкой волости
В деревне Вахлаки
Остановились странники.
В сарае у крестьянина
Соснули. Утром тронулись
Опять в дорогу. Волгою
Теперь им путь лежал...

С десяток верст отмеривши,
Присели наши странники
У стога отдохнуть.
В разгаре сенокосная
Пора. День тихий. По́ лугу
Стоят князья Волконские
И детки их, что ранее
Родятся, чем отцы.
Меж них шатры раскинуты,
А дальше, где кончается
Скошенная трава,
Народу тьма! Там белые
Рубахи баб да пестрые
Рубахи мужиков
[Да голоса, да дружное
Бряцанье кос сверкающих
Да шум травы подрезанной,
Чуть слышный мягкий шум...

По низменному берегу
Широкой Волги рослая
Хорошая трава]

Да голоса, да звяканье
Проворных кос. Работнички
Равняться молодцы!
Размахи сенокосные
Идут чредою правильной
[У каждого косца
Как по команде, правая
Нога вперед отставлена
Коса приподнята —
Все враз готовы]
Сверкнули косы, звякнули,
Трава шатнулась, дрогнула
И пала, прошумев...

После 55

[К труду привычка долгая
Проснулась в мужиках
До смерти захотелося
Им косточки размять
Шесть баб]

После 63

[Поют согласно спеться им
Довольно было времени]

После 66

Свою работу бросили,
Глаза на них уставили
Дивятся вахлаки.
А наши знай работают

Вместо 67—69

Под песню [заунывную
Подтянутой губ<ернии>
Уезда Т<ерпигорева>
Пустопорож<ней волости> [1]
Соседних деревень]

После 68

Бедами да печалями

Вместо 88—91

Пониже князю кланяться!
Коли что спросит: «Рады, мол,
Стараться!» И опять
Поклон! Эй, бабы шустрые!
Смотрите, не куражиться,
Смешливы больно вы!

101—122
Набросок
Автограф 1

[Лакей послал ковер]
Два молодые барина
Из экипажа вынули
Седого старика.
В руках дубина плотная,
Очки большие синие
И зонтик на глазах
Весь белый, дряхлый, маленький
По полю сенокосному

[1] Вариант: Многострадальной волости.

Идет помещик, ножками
Др<я>гает, опирается
На молодых господ
За ним с большою веткою
Идет девочка босая
Обмахивает мух...
А молодая барыня
С своим красивым барином
За девочкой идут...

После 138
Набросок

Помахивал дубинкою
Покрикивал, поругивал
Рабочих дряблым голосом
Стояли непокрытые
Без шапок мужики...

После 139
Набросок
Автограф 2

Немного он осм<атривал>
А больше все покрик<ивал>,
Народ стоял почти<тельно>
Без шапок, ниже кланялся
Как барин проходил

Вместо 165—176
Набросок

[На волжском берегу
Накрыли стол, обставили
Соломен<ными> стульями
А для седого барина
Большое кресло мягкое
Поставили с конца
Пришел лакей с салфеткою
Через плечо. Пожалуйте
Готово кушать. Тронулись
Уселися за стол...]

177—180
Набросок

[У стога сели странники
Где Влас Ильич закусывал
Чудненько показалось им
Чтó видели они]

После 219
Наб. рук.

[Подтянутой губернии
Уезда Терпигорева
Пустопорожней волости
Из смежных деревень]

После 240
Набросок
Автограф 2

Вы тоже люди странные
Да есть ли та губерния

Вместо 247
Наб. рук.

Подтянутой, Испуганной

Вместо 260—269
Наброски
Автограф 2

Как только слухи темные
Про волю про крестьянскую
По деревням пошли,
Помещик наш <Пельменев> князь
В уме совсем расстроился,

Здоровье потерял.
Созвал свои все вотчины
И накрепко наказывал,
Чтоб слухам тем не верили,
Что ничего подобного
Не может быть...

Стал очень подозрителен,
Расспрашивал, подслушивал,
И если кто без умыслу
Пред ним не ломит шапку
Беда.
То и знай каждому встречному
Говорил, что воли не
Может быть что злые
Люди распускают

Исправника посредника
Прогнал... Он уважаемый
Был барин —

Вместо 270—322

Как только с губернатором
Поговорил наш князюшка
Тотчас ему сердечному
Перекосило рот.
Слег и лежал без памяти
Довольно таки времени
Почти без языка
Тем временем наехали
Сыны его наследники,
У старшего доверенность
Была давно от барина
По ней порядки новые
Ввел мировой посредни<чек>
Как должно и у нас.
Ан тут старик поправился
Чуть уставну́ю грамоту
Не разорвал в клочки
Сбесился пуще прежнего
На сыновей накинулся

Вместо 280
Набросок
Наб. рук.

[За гордость наказал его
Господь! Судя по божески
Соринку он терял!
Земель, лесов до пропасти
Осталось бы у барина
И деньги... Не корысть]

После 308
Набросок
Автограф 2

[Над мужиком куражиться
Нет прежней воли барину
И барин загрустил]

Вместо 323—364

Я был в то время старостой
Так он при мне отчитывал

Им проповедь свою
Какие вы помещики
Вы трусы малодушные
Пускай другие прочие
Что вышли из поповичей
Да понажившись взятками
Купили мужиков, —
Пусть те бы отступилися...
А вы — князья Пельменевы
Вы уступили древние
Веками освященные
Помещичьи права!
Не может быть! Не верю я
Вы не князья Пельменевы
Не дети вы мои —
И погрозил
Наследства их лишить

Струхнули наши бравые
Гвардейские молодчики
Струхнули жены их!
Старик почти помешанный
А власть его — доверенность
У сына отобрал.
Ну долго ли? У старого
Все знали понакоплено
Детей побочных множество
За целую-то жизнь
Ну как отдаст им вотчины?
А за наделом значилось
У князя у Пельменева
Земель еще тьма-тьмущая
Да и деньжищев — страсть!

Что делать? Успокоили
На мало время старого
Особенно невестушки
Похлопотали тут
Вишь так и липнут к старому
Такие бабы ловкие
А он хоть стар, а

Сказали, что попробуют
Поедут да поклонятся...

Вернулись. Ну предатели (?) —
А сам чуть жив: так думали
Что больше двух трех месяцев
Не протянуть ему.
Чтоб только время выиграть
Чтоб он в часы последние
Не натворил беды
Сынки сказали батюшке,
Что царь простил помещиков
Ту волю отменил...

После 331
Наб. рук.

За крестики, за ленточки

Вместо
367—466
Автограф 2

В последние года
Пошел опять куражиться
Над челядью дворовою
(Наследники с дворовыми
Стакнулись, разумеется)
Созвать велел всю вотчину, —
Тогда и нам наследники
Ударили челом.
Чтоб не перечить старому,
Что б он ни говорил
Крестьяне согласилися
(Наследники примеряли
В надел им эти самые
Поемные луга)

Вместо
473—483

Что [миром согласились мы]
Играть до смерти барина
Какую-то камедь
[Идет — встаем скорехонько
Ломаем шапки; вклепится
Куда ему не следует]

Я только поротивился:
Вам мужикам сполагоря
Знай по избам посиживай
До времени помалчивай

Вместо
475—481

[Как должно всё обладили
Загнул и посреднику
Я слово стороной...
Смеется! Коли сможете
До смерти теш<ить> бар<ина>
Покорностью своей
Бог с вами тешьте, кла<няйтесь>
Нет на Руси, вы знаете,
Валиться в ноги кла<няться>
Запрета никому!]

513
Набросок

Да Тит спасибо выручил

После 516

[Ведь что ему желательно?
Покончить век помещиком
Крестьянских душ владет<елем>
Ну так он и помрет!]

Вместо
567—570
Набросок

Бурмистром Тита назвали —
По Сеньке шлык, по должности
И человек. Пускай себе
Дурачится. По барину
Бурмистр

Лишь было бы ладно
Да миру не в наклад!

Вместо 576—580 Набросок

Что было смеху господи!
Как Титом Афанасьичем
Звать стали Тита босого
Как вырядили голого
В армяк суконца тонкого
В смазные сапоги!
Армяк ему построили
Наследники с условием
Чтоб приходя с докладами
В прихожей надевал
А уходя снимал.

Вместо 581—594 Набросок

Пошла потеха чудная
Деревней едет князюшка
Встаем, снимаем шапочки
Бог весть с чего накинется
Бранит корит, с угрозою
Подступит — ни гу-гу!
Три дни с тягла по-прежнему
Давали мы по лошади
По взрослому работнику
Подростка или женщину
Да полстарухи в день
За собственную полосу
Так распечет, <что> господи

Вместо 587

Снимай шапчонку, вскакивай
Низенько спину гни!

601—624 Набросок

Такое управление
Пошло, что диво-дивное,
Что день то сходка: барин де
Велел вам объявить
Чтоб Прокла Стратилатова
Забрили вы не в очередь
Немедля, а квитанцию
На вотчину дарит
Вот вам приказ подписанный
Его рукою барскою
(А Проклу Стр<атилато>ву
За семьдесят годов)
Еще: чтоб женку Власьеву
И сторожа глухого
Ну хохот удивление
А то и головомойка
Приказ
Проездом [через Грешнево]

Вместо 623 Набросок

А сыну Клима Власьича
Гаврюшке — шесть годов)

Вместо 644—654 [Другой приказ: сменяется
Из сторожей Дурандиха]
А сторожем к помещичьей
Усадьбе назначается
[Андрюшка Тумаков.
Тут снова сходка прыснула
Андрей Тумак] с рождения
Безногий человек!

Вместо 668—691 Смеялись, балагурили
Да раз и дошутилися
Чуть-чуть не до беды
Строптивый, непокладистый
У нас мужик считается
Агап Петров. Не сладить бы
С Петровым целой вотчине
Кабы к вину пристрастия
Большого не имел
Уж он не раз всю вотчину
Корил: шуты бесстыжие
Знать, мало поломалися
Над вами господа!
Царь сжалился над глупыми
Так сами вы охотою
Валиться в ноги, кланяться
Надумали шуту!
Черт с ними с сенокосами!
Знать не хочу я барина
Я барин сам! Попробуй-ка
Попасться мне.

Лишь тем и успокоили
Что штоф вина поставили
А впредь Агапа глупого

Решили не показывать
Да на беду случилося
Что с ним Последыш встретился

Агап бревно здоровое
Свалил в лесу (помещичий
Весь лес: не красть у барина
Так нечем печь топить),

Везет, а встречу барская
Рессорная колясочка
И барин в ней. «Откудова
Бревно

Ну, старина прогневался
Учал ругать крестьянина

Вместо 710

Сказал он вдруг помещику
Уймись! пусти домой]
Да и пошел качать!
Слыхал ли ты пословицу:
Коль наказать задумает
Бог — разуму лишит!

Вместо 718—720 Автограф 3

Опешил старый князюшка
Стоит столбом смирнехонько
Здоровый глаз защурился
А левый пуще прежнего
Вертится колесом

После 720

[Довольно вам разбойничать
Пить нашу кровь крестьянскую
Никшни!]

Вместо 732

Сегодня ты [кобенишься]

Вместо 738—748 Автограф 2

Бунт! бунт! Глаза запрыгали
У старика несчастного

Чуть-чуть удара нового
Не приключилось с ним
Весь посинел, без памяти
Домой его свезли...

На утро сходку собрали
Пороть того крестьянина
Помещик приказал
А нам при том присутствовать
Чтоб для примера видели
Как будут бесшабашника
Бунтовщика хлестать

Вместо 753

Уладьте дело, глупому
Крестьянину согласны мы
Что хочет заплатить
Да не таков Агапушка
Подставить и за тысячу
Спины не захотел

Вместо 755

Пропали мы: имения
[Положим не уступим мы
Докажем, что рехнулся он
Да деньги он детельникам
Побочным рассует...]

После 756 Набросок

Покудова пом<ещичек>
На коврике барахтался
Как выброшенный на берег
Карась

Вместо 764—766

[Совсем ослаб старинушка]
Не мог с крылечка сдвинуться
[Держать к нам речь попробовал,
Так вовсе непонятная
Пустая вышла речь...]

Вместо 772—781
Набросок

Помилуйте! Не буду век
Не буду ой помилуйте
Не то смотри взаправду я
Поря<дком> отхлещу
А вы хлещите розгами
По чем попало! Пó полу
Погромче! Чур дружней
Послушался Агап<ушка>
Пил да кричал Помилуйте!
Помещик приосанился

Вместо 773—780

[Чай гусли сладкогласные
Не столь бы были пó сердцу
Последышу в тот час
Как музыка Архипова,
Ни дать ни взять под розгами
Архип кричал — стонал!]

Вместо 774

Последыш стоны слушает
Глядим: здоровый глаз
Светлехонек, радехонек
(А левый по-всегдашнему
Вертится колесом)

Вместо 793—825

Все лучше — кабы [кончилась
Скорей камедь непутная...
Вон погляди] от барина
Посол идет, чай старосту
Зовут к нему... Пойдемте-ка
Послушаем камедь!»

Вместо 794—822

Прибрал скорей, [пора ему]
Крестьянству дать покой!

После 833
Набросок

Стоят и наши странники
С народом. Любопытно им
Как шут бурмистр помещику
Докладывать начнет

Вместо 838—841
Автограф 3

На первом месте седенький
Старик — как зимний заинька
Весь в белое одет.
Фуражка тоже белая
Высокая — с околышем
Из красного сукна

После 872

Над ними небо синее
(То в тучу солнце скроется,
То белокурой барыне
Осветит косу долгую
И загорится золотом
У барыни коса)
Направо Волга тихая
А с левой стороны
Наследственная вотчина —
Деревня: Побирухино,
Деревня: Лыком Шитая
Деревня: Разоренная
Село: Наготино...

Вместо 873—877
Автограф 2

Стоял уж перед барином
Клим Власьев, с непокрытою
[И наклоненной, русою]
[Большущей] курчавой головой
Мужик большой, осанистый
Такая шея толстая
Хоть молоти горох!
Клим барину докладывал:
[Два-три денька хорошие
И сено вашей милости
Всё уберем, бог даст!]
Да только как прикажете

Вместо 884—892

Покуда не управитесь
С моим покосом: барщина!
А там — коси свое!
Бурмистр промолвил: «Слушаюсь!»
И голову курчавую
Низенько наклонил

Вместо 922—927

«Да отдохну теперь!
Не скоро кончит князюшка
Попал старик юродивый
На своего коня!..
[Да бог с ним! Я наслушался
Довольно!] Поездил! Чем бы с выжигой
Бурмистром у Последыша
Ни началася речь,
Всегда одним кончается

923—930
Набросок

[Постойте други милые
Всё это только присказка
Влас странникам сказал
А сказка впереди
С чего б она ни нача<лась>
Всегда одним кончается,
Что мужику без барина
Погибель]

Вместо 927
Автограф 3

У князя с кем ни встретится
С исправником, с посредником
С бурмистром, речь одна:

Вместо 932—939

Тянулась речь господская,
Что дале, то грозней

935—939
Набросок
Автограф 2

Здоровый глаз задергался
А левый заворочался
С необычайной скоростью
Как будто мышь ловил

После 941
Автограф 3

[Царями утвержденные]

Вместо 943

Он миру поминал,
Ругал людей бессовестных,
Что распустили ложную
[Молву, смущая слабые
Крестьянские умы]
Злодейскую молву

Вместо 946

[Поверят злоумышленным
Смутьянам-болтунам]
Поверят ей они

После 958
Автограф 2

[Как за стеной за каменной
Живет мужик за барином]
Куда мужик без барина
Пойдет в беде, кто сжалится
Поможет, защитит?
Что дети без родителей
Без бар крестьянство глупое, —

После 961
Автограф 3

На что нам воля вольная?
Мы к воле не приучены
Погубит нас она...
[Мы вами только держимся]
У нас не будь помещиков
Давно бы хлеба не было
Трава бы не росла!

Вместо
1006—1007

Кому в беде поклонимся?
[Кто защитит крестьянина
Отечески помилует]
Кто посечет отечески?
Помилует любя?
Как дети без родителей
Погибнем без помещика

1048—1053
Набросок
Автограф 2

Да помолимся
Сказал [очнувшись] старенький
И вдруг картузик снял

Речь Клима архибестии
Да и вино хорошее
Так тронули ст<аринушку>
Что умилился он
На небо смот<рит> — крестится
Гвардейцы черноусые
И жены их красивые
Перекрестились тут
И Климка — делать нечего! —
Попался сукин сын!
Состроил рожу крестится
Мигает в нашу сторону
Креститесь тож и вы
Нашли<сь> такие чудные
А может и не поняли
В чем дело,
Вот бабы — так доподлинно
Те ничего не поняли
Обращение к тем, которые зовут нас крепостниками

Вместо 1083
Автограф 3

[Безграмотной губернии
Уезда Безответного]
Безмозглых вахлаков

После 1092

[Клим плюнул: «То-то выжиги!»
И молвил Власу: «Надо бы
Свести к нему Кокорина
Да не пойдет, упрям!
А и пойдет, наделает
Беды. Ин кинуть жеребий?]

Вместо
1097—1100
Автограф 2

а А что? Не врал нимало я!
Куда нам до помещиков?
Пришла и воля жданная
А всё на них работаем
И так-то будет век!
Придет пора робятушки

Автограф 3

б А что? Не врал нимало я!
[Дурак-то прав: крестьянину
Быть век у них в горсти]
Век барин будет барином
А мужиком мужик
Чудные вы! Придет пора —

Вместо 1181

И вновь сказал: отцы!
Отцы! Сыны отечества!
[Расея православная]
Душа великорусская!
[Как Русь необозримая]

После 1184
Набросок
Автограф 2

Ай, баба! Наши странники
Сказали Власу. Шустрая!
— Да, баба молодец!

Не будь ее, бог ведает
Как дело разыгралось бы
Яким мужик зажиточный
На сделку не пойдет.
Какой Яким?
Да питерщик
Что засмеялся давеча...
Так разве засмеялся то
[Не глупый паренек]
— Не сын той —
Какой сын — он годится
Годится ей в отцы
Ай, баба! Наши странники
Пошли шутить с Оленушкой

Совсем он ей не сын.
Соврала баба барину
Яким лет сорок *<нрзб>*
Годится ей в отцы
Вчера пришел из Питера
Порядки наши чудные
Ему пока в диковину —
Так смех и разобрал
— Ай, баба! Наши странники
Пошли

После 1211
Автограф 3

Пришел бурмистр в компанию,
Где были наши странники
[(Помещицы красивые
Им тоже поднесли)]
Армяк долой и на копну
Лег животом. С усталого
Пот катится ручьем.
Тут шла беседа мирная
За водкой, за закускою
Про князя чудака

— Ну барин! удивление!
Что значит други милые
Привычка-то куражиться!
Заметил Митродор

Далее ст. 286—303, после них:

— Да! Как сказали нашему
Что власть его кончается
Так своротил с ума...
Устал я с ним. Налейте-ка
Стаканчик! Служба трудная...
— Ну да и врал же ты!
А что? Не врал нимало я!
Чудные вы! придет пора —

Далее ст. 1101—1110 печ. текста

Наброски
Автограф 2

Потупясь, как пристыженный
Стоял Роман; товарищи
Не пропустили случая
Над глупым подтрунить
Ну что? Сплошал Романушка!
Уж ты ли не расписывал
Господское житье!
Ну вот гляди на барина!

Была тут и Терентьевна
Невеста Гриши Климова
Был тут и Гриша сам
Клим посадил их ряд<ышком>

КРЕСТЬЯНКА

Пролог

Начало главы
Черн. рук.

[Пришли в село — пустехонько!
Придется ждать до вечера:
Знать на жнитве народ.
Село как видно бедное
Один домок порядочный:
«Должно быть губернаторши»
Подумали они.
А за селом помещичья
Усадьба богатейшая:
Огромный белый дом,
Над домом башня высится
Над башней шпиль затейливый
Вокруг него балкон.
«Войдем-ка: спросим барина!
Авось и посчастливится!»
Подумали — пошли!]

Вместо 13—15

Настасьей Тимофеевной
Зовут ее... сходите-ка!

После 16
Наб. рук.

[Про август поговорочка
Сложилась: август каторга
Да после будет <*нрзб*>
Недаром на Руси
Три дела у крестьянина,
Одно другого спешнее
Жать сеять и пахать.
Да дело наших странников
Давно уж не заботило,
Идут, жуют горох
Несеянный некупленный]

Вместо 17
Черн. рук.

Уж колоситься начали
Хлеба... пора богатая!
Нет веселей, наряднее
Во всем году поры!
. . . .

Вместо 35

Так странники гуторили
И шли как дети радостны
Горды как победители

Вместо 83—86
Наб. рук.

[Тоска взяла их. Где же тут
Ты приютилось счастие?
А вот хороший дом!
«Должно быть губернаторшин»
Смекнули наши странники.
Пустехонько село:
Придется ждать до вечера
Усадьба на пригорочке
Виднелась за селением,
Пошли ее смотреть]

К 93—98
Набросок
Черн. рук.

[Они в воротах встретили
Двух старичишек: «Не пошто
Помещик за границею
Суровым сиплым голосом
Сказал один: «назад!..»
А управитель при смерти
Что прячешь скобы медные
Под мышку? Видно вывинтил
Не из сво<их> дверей.]

Вместо 171—217

«Мы рады и зелененьким!
Ага!» упало яблоко
Пахому прямо в лоб!
Захохотали мальчики!..
[«Заборы обвалилися
Дорожки засорилися
В прудах вода гниет.
Нет уточки с утятами
Не плещутся карасики
А было чай всего?]

Вместо 291—392

[Настасья Тимофеевна
Была старуха бодрая
Годов под шестьдесят. [1]
Когда ей наши странники
Нужду свою поведали,
Задумалась она:
«Не дело вы затеяли
Какое наше счастие?
Да и пора рабочая,
Не время толковать!..

[1] Друг. вар.: Пятидесяти лет.

Сказать вам ясно коротко
Пожалуй не поверите?..
Не так ли молодцы?

Не шутка нас поссорила
Погнала в путь повыжила
Из наших деревень
Нам нужно слово верное,
Без смеху и без хитрости,
По совести, по разуму!
Сказали мужики.]

— «У нас уж колос сыплется
Рук не хватает, милые,
Я ночь проговорю
А утром жать! Замаюсь я...»
— «Мы за тебя пойдем»

Вместо 293—298 Наб. рук.

Здоровая и плотная
Лет сорока пяти.
Сурова, волос с проседью,
Глаза большие ясные,
Ресницы богатейшие,
Пряма и высока.

ГЛ. 1. ДО ЗАМУЖСТВА

Первонач. заглавие Черн. рук. Наброски

Девичество

Я так думаю

Что если между бабами
Вы ищете счастливую
Так просто дурни вы!

Пора вставать —
Уж день идет на двор.
По избам печи топятся.
В полях трудятся пахари
В лесу стучит топор

Приходит рано матушка
Не будит, пуще кутает:
Спи, милая, косатушка!
Спи, дочка, про запас!
В чужой ознобной стороне не дадут выспаться.

Весь день работаешь — измаешься — сама на себя не похожа выпачкаешься — не беда.

Сколько ни плачешь, а все слез останется.

На то есть баенка
В сыром бору нарублена
На добрых конях вожена
По быстрой речке сплавлена
По бережку поставлена,
У самой у реки

Над ней (рубахой) трудилась три летние ночи
Сметала в ночь Петровскую
В Ивановскую вышила
Красивыми узорами

(с. 114. Рыбник<ов>, часть 4).

Начало главы *а* За батюшкой, за матушкой
Жила я припеваючи,
Досыта пито, едено,
И ношено красно́.
[Работой не неволили
Ни братцы, ни родители, —
У нас была хорошая
Непьющая семья, —
Да не в лесу родилася
Не пеньям я молилася —
Не много я спала!
До сна ли тут? С работушки
Отец и мать и братики
Хрипят! С шести годов
Коня водила в поле я
И с поля загоняла я
Саврасушку домой.
Отцу носила завтракать
Сгребала сено; снопики
Вязала. Научилась я
Кроить и шить, коров доить
Ткать, прясть
и песни петь.
порядки водить
пекла-варила
везде поспела
жала
косила
молотила
пряла, ткала
с ребятами возилась.]

б За батюшкой, за матушкой
Не бита, не колочена
Жила я — слова бранного
Не слыхивала, бедные
Обидеть девку попусту
Не смели, — а богатого
Сама я оборву!
Отец любил Оринушку

Перед 419
Наб. рук.

Природой я нездешняя,
Я из деревни Сябрицы,
Отсюда тридцать верст.

После 421
Черн. рук.

Я дочь была единая,
Любили и родители
И братец. По ночам
Не спит, трудится матушка,
Чтоб к празднику обновочку
Дочурке подарить:
[«Рядись, рядись, касатушка!
Пока младенька. Девица
Без яркой алой ленточки,
Что рожь без васильков!»]

Вместо 425—426

[Отец будил жалеючи
Поднимется до солнышка
Снарядится, помолится
И мимоходом: «Марьюшка!
Вставай!» промолвит ласково
Да и уйдет на цыпочках
Выходит. Дверь скрипучую
Тихохонько припрет]

После 454
Набросок

До сна ли? Все работают
Кругом крестьяне плачутся,
Что всей не приработаешь
Работы — хоть умри!

После 484

У нас такой уставился
Обычай искони:
Гуляли жены мужние,
А девок бог хранил!
А через речку в Прахове —
Что девка — то гулящая,
А между молодухами
Гулящих поискать!

После 550

[. . .добрый молодец
Краса взята у солнышка
У снегу — белизна,
У маку губы алые
Бровь черная у соболя
У соболя сибирского
У сокола — глаза!]

После 562

[У нашей у сестры
У всех одна сноровочка:
Реветь, тужить, печалиться, —
Люб не люб ли жених.
Да я не в шутку плакала
У жениха семеюшка
Была сам-десять: шутка ли?

Он младший был в дому.
«Боюсь роденьки мужниной
Боюсь чужой сторонушки»
Твердила я отцу
Я с ревом парня глупого
Просила: отступись!
Да больно парень врезался
Ну да и мне по совести
По сердцу он пришел...
Знать не была судьба
Тут Марья Тимофеевна
Пивца стаканчик выпила
И голову понуривши
Запела тихим голосом
Так грустно, что у странников
Печаль-тоска проснулася
По женушкам своим.]

Далее следовала песня «Ты скажи, за что...» (ст. 584—599), а затем трехстишие, которым кончалась глава:

[Эх! Эх! дела-то давние!..
Просила — и боялась я
Чтоб не послушал он.]

Набросок

Не надо было слушаться
Да человек полюбится
Ум притупится
Пал на сердце Иванушка

ГЛ. 2. «ПЕСНИ» И ГЛ. 3. «САВЕЛИЙ, БОГАТЫРЬ СВЯТОРУССКИЙ»[1]

Вместо 620—627

У суда стоять — ломит ноженьки
Под венцом — болит головушка.
Не венец тяжел — думы девичьи,
Тяжелы, грозны: я во младости
Пела песенку про свекровь-змею,
Про сердитого свекра-батюшку,
Да про деверя, про золовушку...
Как на грех теперь эта песенка
И приди она мне в головушку!

После 649

Да взялась за гуж так натягивай
Наливай пивца да подтягивай!

Вместо 670—680 Наброски

а [Большая да недружная
Семья была у Ванюшки
Я младшая сноха
Была в дому последняя
Все помыкали мной!
Жалел меня мой Ванюшка

[1] В черновой рукописи гл. 3 не выделена и является непосредственным продолжением 2-й.

Да пособить не мог
Работа непосильная
Обида — беспричинная
Попреки из-за каждого
Куска... Не жизнь напасть!

Холодная, голодная
Что я тогда работала.
Что сердцем я чуяла]
б Семья была большущая
Сварливая, бранчивая,
Крестьяне! сами знаете...»

«Как, матушка, не знать!
В семье чужой, неласковой
Снохе — не жизнь, а каторга!»
Сказали мужики...

В работу муж отправился, —
[Осталась я в аду!]
Любить-голубить некому,
А есть кому журить

На что хорошо ходить, коли некого любить
Что и мягко слать, коли не с кем спать! ..
Всю осень я проплакала,
Пришел Филипп — забыла всё!
Мы были однолеточки:
Вдвоем-то как останемся —
Нам было хорошо! ..

Вместо 688—692

Не то обидишь матушку
И смех и горе с ней:
На старости, с приметами
Совсем она рехнулася:
В великий четверток
Так нахлестала вереском [1]
Подтелка малосильного,
Что ноги протянул

К 687—698
Набросок

Я богу не противница
С обычаем не спорщица
Сама я в Рождество
Не стану шить; Филиппушке
Не дам лаптей плести
Чтоб куры были ноские
На Семиона Столбника
Из рукава из правого
Гречихой их кормлю

После 858

[Дивилась я! Не сердится
А только улыбается

---

[1] Примета: в великий четверток скотину хлещут вереском, *чтоб не лягалась* (Даль. Посл<овицы русского народа>. 1006 с.).

Старик, да скажет изредка:
«Клейменый, а не раб! . .»
Уйдет в свою пристроечку
Лежит, вздыхает, думает,
Да вдруг лицо суровое
Как радугой осветится
И слышу шепчет дедушка:
«Клейменый да не раб!»]

905 Надумалась Ветлужина

После 938 [Теперь усадьба под боком,
Теперь дорога скатертью;
Как ветер дует с запада
Чугунки свист доносится
Тьфу! Прах ее возьми! . .]

После 959 Я не боюсь сохатого
Боюсь червя капустного
Говаривал хозяйственный
Тогдашний мужичок...

Вместо 998—999 [Пришли — сморчок Шалашников!
Сам черный, ноги малые,
Как бочка брюхо круглое —
Ни дать ни взять раздувшийся
В собачьем ухе клещ!]

Вместо 1007—1017 [Пороли люди дюжие
А розги сам Шалашников
В походе заготавливал
Из наших же лесов,
Что добрая хозяюшка
Как яблочки вымачивал
Как огурцы солил...

Да и спина ветлужская
Крепка! Сдались не скоро мы, —
И то не все сдались.
Кому невмочь, попросится:
«Дай срок!» — лобанчик новенькой
Из подоплеки выпорет]

Вместо 1049—1055 Что год, то шлет приказ!
Придем. «Оброк!» — «Мы нищие. . .»
«Эй! перемена первая!»
И начинает драть
Чудесно драл Шалашников
Да не ахти великие
Богатства получал.
Иные — люди сильные —

Нарочно ни лобанчика
С собою не возьмут
Не то под самым городом
Зароют в землю денежки, —
Так их хоть разорви!

1054
Наб. рук.
А сильные за обчество

Вместо 1072
Черн. рук.
Зато хоромы новые
Под тес в селе <мы> ставили,
А старые на слом;
Купцами наряжалися,
Какие были лошади,
Коров, овец не счесть!
У нас свинина жирная
У нас меды стоялые
И водка самокурная
И пиво круглый год!..

Вместо 1152—1153
Ты думаешь, и нынешний
Народ — не богатырь?

После 1163
Нет косточки неломаной,
Нет жилочки нетянутой,
Кровинки нет непорченой, —
А богатырь стоит!

Вместо 1190
А немец как ни царствовал

К 1238 и след.
Три раза бегал с каторги
Поймают: разумеется,
Дерут, дерут, дерут!
Да первому помещику
Спасибо, Полуехтову,
Военный был: умел пороть!

Я в третий раз порядочно
На воле погулял
Зима застигла... Холодно
И голодно...

А двери-то каменьями,
Корнями, всякой всячиной
Снаружи заложу —
Кругом избы валежнику
Понавалю
Зажгу со всех сторон
Горите все проклятые!
Не выскочить, не выбежать
Стучи не дост<учишь>

Кричи не до<кричишь>
А сам взберусь на дерево
На самое высокое
И стану я оттудова
Глядеть

Вместо 1252—1253

Потом на поселении
Я жил семнадцать лет...
Женился там, детей имел
Об <*нрзб.*> обстроился
Деньжишек накопил...
Жена и дети померли...
Затосковал в Сибири я

ГЛ. 4. ДЕМУШКА

После 1360

[Я сразу догадалася:
Пришла беда последняя]

После 1363

[У наших у ворот
Остановилась троечка:
Приехал лекарь с писарем,
Приехал становой!
Ввалился в избу земскую
Молитвы Иисусовой
Не сотворил...]

Вместо 1416—1418

Тут я в уме рехнулася
Рыдала я и билася
Мучителей кляла

После 1491

[Потом подсел к начальнику
«Как вы живете можете?»
— «А вы!» — «Не хорошо!»
— «А что?» — «Народ отчаянный] [1]

После 1609

а [Чуть-чуть подрос, беда кругом
Кровавый пот, безмерный труд...
Глотай обиды тяжкие —
Не пикни... а не то —
Остроги, клейма, каторга!..
Всю жизнь дрожи солдатчины...]
б Трудом своим не пользуйся
Обиды не отплачивай
А не стерпел ее —
В острог, под плети, в каторгу!

Вместо 1630—1633

[Да кто тебя послушает
Кто над тобою сжалится?
Ах! Нам ли суд найти?

[1] Друг. вар.: У нас народ — разбойники.

Так значит: всё терпи?
Ужели могут сильные
Всё делать с нами бедными?
«Всё могут, голова»]

ГЛ. 5. «ВОЛЧИЦА» И ГЛ. 6. «ТРУДНЫЙ ГОД»[1]

Вместо 1649—1653

Ночь в августе недолгая,
Крестьяне не заметили
Как заалел Восток;
Заметила хозяюшка:
«Пора! пойдем, молодчики, —
Берите-ка серпы!»
Ушла!.. Мычат коровушки.
Кнутищем долгим хлопая,
Дудит в рожок пастух;
Из окон видны красные
Огни — уж печи топятся,
Дымок валит из труб,
Ворота растворяются,
Телеги запрягаются...
Вздохнули мужики,
Порядки деревенские
Припомнили ребятушки
Пора бы нам домой!..
До завтрака работали,
Соснули после завтрака,
Работали опять...
Как звезды рассажалися
По небу темносинему,
Сошлися у стогов,
Сошлись и досказала <им>
Матрена Тимофеевна
Свое житье-бытье...

Вместо 1664

Повесил вожжи свекрушка
От «дуры» отступилися
(За «дуру» я пошла).
Крестьяне, сами знаете
Какая баба русская
Раз двадцать на веку
Не подходила к проруби,
Не думала повеситься?
Всё было и со мной!..
На пасху умер батюшка
А на Петровки матушка
С ним рядышком легла.

---

[1] В черновой рукописи гл. 5 и 6 составляли одну 4-ю главу.

Вместо 1734—1738

— «Молюсь я тут, Матренушка!
[Молюсь за нищих, любящих,
За всё священство русское
И за царя молюсь.
Еще молюсь Матренушка»]

После 1765 Наб. рук.

[Предсказывал конец
Крестьянскому страданию,
Неволе, недоумию:
«По селам для учения
Заводы заведут,
Бог даст царя хорошего,
А царь — начальство доброе!»]

Вместо 1980—2012 Черн. рук.

Приспела осень поздняя,
Работы поубавилось,
Так долго провозилась я
С кручинушкой тогда
Однако я не плакала
При людях; улыбалась я,
Топиться я не думала,
Как в прежние года.
Мать от детей не топится
Я женщина почтенная
Как староста сказал.
А с мужем порешили мы,
Что он весной Филиппушку
С собою уведет.
Та зимушка тяжелая
Была: по всей губернии
Рекрутский был набор.

После 2005

На сходке только высекли

Вместо 2058—2061

Сначала всё Филиппушка
С ружьем, под красной шапочкой
Стоял передо мной...
Потом сиротки-детушки
Невесело, неласково

Вместо 2058—2068

[Лежу... пылаю... думаю...
Довольно я помучилась
А самой муки мученской
Не знала я пока.]
Ах! нет беды кручиннее
Как жизнь безмужней матери
И нет детей несчастнее
Солдаткиных детей!..
Придет зима бессменная...
Грозна зима: попрятались
Под снег поля, луга.
На белом, снежном саване
Ни талой нет талиночки,

А у солдатки-матери
Во всем миру [ни друга нет
Ни родненькой души!]

Вместо 2090—2102

Снарядила деток по миру,
Наказала строго-настрого:
Вы просите, дети, ласково,
Не воруйте вы!

Отвечают детки малые:
На дворе-то холоднехонько
Буйный ветер рвет родимая
Шапку с головы

[Ноги резвые притопчутся
Целый божий день ступаючи
Со ступеньки на ступеньку
На крыльцо с крыльца]

Кабы знала ты да ведала
Каково ходить-то по миру.
У богатого крестьянина
Боязно просить

«Бог подаст!» — ответят бедные
У калиточки потопчемся
Да ни с чем домой воротимся
Будешь нас бранить!

ГЛ. 7. «ГУБЕРНАТОРША» И ГЛ. 8. «БАБЬЯ ПРИТЧА»[1]

Начало главы

[Против Деминой могилушки
Против белой церкви божьей
На колени стала я
Владычица
Будь заступница моя!
Очисти матерь божия
До города дороженьку
Веди меня владычица
В чертоги неприступные
Земного судии]

Вместо 2205—2208

Через деревню сонную
Мне чудилось, что гонится
Свекровушка за мной.

Вместо 2221

Дал силу-крепость разуму,
Ногам проворство дал.

---

[1] В черновой рукописи гл. 7 и гл. 8 были объединены в «главу 5 и последнюю „Губернаторша“».

Бегом перебежала я
Деревню: не залаяла
Собака ни одна.
По жилкам, по суставчикам
Дрожь пробежала, — стало мне
Легко и хорошо.
Не жутко и не боязно
Мне было... Чудо чудное!
Как вышла за село.]

Вместо 2223—2235

[Вздохнула я задумалась
И тут я помолилася:
«Введи меня владычица
В хоромы недоступные
Земного судии!
Дай разуму владычица!
И слово ненапрасное
Вложи в уста мои!»...]

Вместо 2270—2273

С посада подгородного
[Пешком торговцы мелкие
С своим товаром шли:
Кто гуся нес под мышкою,
Кто телочку поеную
На кушаке волок]
Торговцы-кулаки
Божились торговалися...

После 2291

[Я рублик приготовила
До двери доступилась я
Парадной — заперта
На окна поглядела я
Завешаны... «В котором-то
Твоя опочиваленка?
Ты сладко ль спишь желанный мой
Какие видишь сны?..»]

Вместо 2537—2538

Чуть что, ко мне соседушки
Спасай Матрена выручи.
Случалось выручать
Да нашу губернаторшу
Елену Александровну
В Казань перевели.
Что дальше? Покаталася
Семья на мне достаточно
Теперь бы мой черед
Да я не в них! Радехонька,
Что изо рта у детушек
Не рвут теперь куска.
Большухой в доме стала я,
Весь дом веду. Работаю,
Ращу детей... да думаю
На радость ли ращу?..

Вместо 2542—2548

Чай крестник губернаторши
Солдатства не минет! ..

Опять молчит хозяюшка
У стогу прислонилася
Задумалась; головушкой
На руки оперлась...
Помешкали, помешкали
Подвинулись к ней странники:

После 2552 Наб. рук.

[Вчерашняя господская,
Сегодняшняя вольная —
Я только баба русская...
— Да почему ж, хозяюшка?

Теперь и бабы вольные...
— С которого конца! ..

Ты не сердись, Матренушка!]

Вместо 2573—2581 Черн. рук.

[По мне гроза великая
Прошла рекою огненной,
Кровь Демушки, кровь первенца
Невинная прошла!]
По мне обиды смертные
Прошли неотомщенные
И плеть по мне прошла.

После 2593

— «Да почему же, матушка?
Теперь вы тоже вольные...»
— «С которого конца? ..»

После 2636

Все мудрые, все честные
Все добрые земли

Наброски

То был пожар особенный:
Ведра воды не вылито
Никем на весь пожар!

Уж солнце скрылось за лесом
Ночь тихая готовилась
Сойти на божий мир
И было так безветренно
Как свечка в комнате
Спокойным ровным пламенем
Горел господский дом
[Сошлися как в театр]
Глядите башня рухнула
Сколько раз с нее в подзорную
Трубу высматривал

Какая-то игривая
Усмешка чуть заметная
У каждого в очах.

ПИР НА ВЕСЬ МИР

Заглавие *а* Кто на Руси всех грешней. — Кто всех святей.— Легенды о крепостном праве.

б Поминки по «крепям»

Вместо 11 *а* Всю ночь огни и шум...
В день смерти князя старого
Конечно не предвидели
Крестьяне, чем развяжется
Дурацкая «камедь».
И было им так весело,
Что снарядили конного —
Послали за ведром

Так крепки им казалися
Терпеньем, скоморошеством
И рабства лишним месяцем
Добытые луга,
Что, выпив по стаканчику,
[Первей всего затеяли
Спор, как делить луга.
О том, как их делить
Поспорив, согласилися
Отдать луга поемные
В распоряженье старосты
Чтоб ими покрывал
И земские повинности
А вотчину не тронь!
Ни-ни, что заработаем
Всё наше]

б [Беседа шла как водится
Сначала о покойнике
А дальше о помещиках.]
В рассказах о помещиках
Вся ночь прошла, заспорили
О том кто всех грешней?
Один сказал: разбойники
Другой сказал: помещики
А третий: мужики.
Нет на Руси счастливого
Напрасно вы измучитесь. —
Да и не может быть!
— Да почему же миленький?
— А потому

Вместо 27—41
Бел. рук.
Народу прибавляется
[Пришел на запах пенного
Дьячок Емеля Гратисов

С двумя семинаристами
(Высокие в отца)]

Вместо 31—33
Корректура и оттиск

И Гриша; парни добрые,
Крестьянам письма к сродникам
Писали; «Положение»,
Как вышло, толковали им,
Косили, жали, сеяли
И пили водку в праздники
С крестьянством наравне.
Теперь же Савва дьяконом

Вместо 42—53
Бел. рук.

[Тотчас же за селением
Текла река Усобица
За той рекой Усобицей
Был городок Алтын
(Сказать точнее: города
Тут никакого не было
А были только остовы
[(Алтын сгорел третьеводни
Один острог бог миловал
Народ смеялся слушая
Рассказ (?) купца Ерошина
Что сами арестанти<шки>
Спасли свою тюрьму)]
Трех каменных домов,
Да балки обгорелые
Да пепел. У алтыновцев
Недавно был пожар).
Была на утро ярмонка
В Алтыне: поджидаючи
Парома, мимоезжие
Подстали к вахлакам.
Алтын сгорел третьеводни
И чудо ль? весь из дерева
Один острог был каменный
Тот уцелел — стоит]

После 56
Корректура

При встрече с мимоезжими
Частенько спросы слышались:
«С промером?»
— «У-сча-стли-вле-ны!
А к вам наказ из Тискова...»
— «Слыхали, не смигнем!
Мы тоже усчастливлены,
Да нам луга всё скрасили»,
Хвалились вахлаки.

Вместо 76—80
Черн. рук.

а [Там мужики не плачутся
Ни волостной ни староста
Не смей к ним подступить
Чуть заикнется староста
Про подати, кричат ему:

«А ты леску продай!»
Им до поры до времени
Вольготно]
б [Там до поры до времени
Не подходи к крестьянину
Начальство, оборвет!
Один ответ, чуть староста
Заговорит про подати:
«А ты леску продай!»]

После 80
Бел. рук.

[Обидчив, значит чувствует
Свободу настоящую
И вахлакам хотелося
Почувствовать ее]

После 83

[Напрасно рассудительный
Изверившийся Влас
Кричал: «Сначала надобно
За нами окончательно
Угоду закрепить
А то беды не вышло бы,
Мы на луга положимся
Пропьем гроши последние
А там глядишь: отказ!
И влопались по макушки
Не след делиться шкурою
Медведя не убив!»
— «Не каркай! дело верное
На подати! на подати
Луга — и весь тут сказ!
Повинность дело главное,
Коли повинность справлена,
Мужик теперь что царь!]

Вместо 94—148
Черн. рук.

Откликнулась: «Эй, Власушка!
Не каркай! Быть по Климову?
Он дело говорит».
— «У Клима речь короткая
И ясная как вывеска,
Зовущая в кабак», —
Ответил <Влас> насмешливо,
Однако не противился.
Отмякла и у Власушки
Суровая и честная
Душа: ему подумалось,
Что хорошо на старости
Без барщины, без подати
Годок-другой пожить.
Улыбкой озарилося
Лицо всегда угрюмое.
Так изредка палящее
Полуденное солнышко
Забрасывает луч

В лесную глушь дремучую,
Где ночи не сменяются
Подолгу красным днем;
И всё в трущобе ожило —
Калины грозди красные
Сквозь зелень озаренную
На свет нарядно выглянут
Позолотится мох...
И заблестят алмазами
Дрожащими на зелени
Холодные и мертвые
Жемчужины росы...
И сам старик скомандовал
«Пей други! Пей на подати.
Шуми, вольней шуми!
Пей! братцы пей». С рождения
Такой широкой радости
Не знали вахлаки.
Им было детски весело.
Они боролись прыгали.
У каждого в груди
Играло чувство новое
Как будто выносила их
Какая-то могучая
Здоровая волна
Из темной душной пропасти
На свет... где беспечальное
Готово житие!
«Пей други!» развязалися
Вдруг языки крестьянские.
Рассказы, прибауточки
И песни начались.

Вместо 113—119 Бел. рук.

[Уж вышло «Положение»
Влас думает: отменится
Усадьбы баре бросили
Влас думает: воротятся
Нейдут сгонять на барщину
Влас думает: придут!]
Такого в душу холоду
Жизнь долгая и трудная
Нагнала мужику
[Что перестал печалиться
И радоваться Влас]

Вместо 155—174 Черн. рук.

Поминки вышли знатные
Тут были люди разные,
Тут кроме вахлаков
Сидели наши странники
Дьячок села соседнего
С двумя семинаристами,
Дворовый человек,
Да богомольцев несколько

Да нищенка убогая
В сторонке поместилася
Бормочет что-то, крестится,
Кусочек свой жует.
Дьячок с семинаристами,
Гостившими у батюшки,
Сначала песню спел.
Та песня не народная
Зашла бог весть откудова
В глухие те края
Всего-то за три месяца
До «Положенья» царского
С народа крепи снявшего
Народ ее не пел

После 159

[Бывало вахлаки
Молчали даже пьяные,
Вся речь: нужда крестьянская
Коровушки да курочки
Да лапоть. А теперь
Дались им наши странники
«Жаль даром вы шатаетесь»
Советуют, трунят...
«Нет на Руси счастливого!»
— «А почему да больно уж
Сердечная грешна...»
— «Чай не грешней неметчины!..»
— «Ну нет», — сказал осанистый
К той волости приписанный
Барона Синегузина
Дворовый человек]

Вместо 172—174
Бел. рук.

[А слушал с удовольствием
И называл «веселою»
И точно: их вахлацкие
Старинные, протяжные
Те песни погрустней]

1. ГОРЬКОЕ ВРЕМЯ — ГОРЬКИЕ ПЕСНИ

После 206
Черн. рук.

а [Та песня семинарская
Не очень-то понравилась
Степенным мужикам,
А только подзадорила:
Они свою затеяли
Природную вахлацкую
И спели так что на небо
Как словно тучу вызвали
Все ждали: грянет гром!]

б [Бог милостив! Поправимся,
Прослушав песню модную
Сказали вахлаки

Исправник — дело плевое
Не обеднеем с курочки
Нет спору: песня верная
А есть и слово лишнее:
Не след мужицкой курицей
Начальство попрекать!
Да где ж и взять исправ<ни>ку?
Не обеднеем с курочки,
Коровы не тащи!
Не тронь жены и дочери
Не тронь мальчонка нашего
В покое нас оставь!
Пей, други! пей поправимся!
Подрезал царь помещика
Под самый корешок
Эй други! грянь Пахомушку!
Запели вахлаки]

Пахомушка

Есть у Пахомушки женка и дети
Да не Пахомушке ими владети:
Лег семьянином, а встал бобылем.

Нынче — крестьянин оброчный,
Завтра — холоп беспорточный,
Через неделю солдат под ружьем.

Не бережет ни коровушки,
Ни забубенной головушки,
Ни ребятишек Пахом!

После «Калины» («Барщинной»), которая шла непосредственно за «Пахомушкой».

[У нас такой нет песенки
Сказали наши странники,
А есть одна похожая,
Ее к нам барин-странничек
Занес: его отправили
Потом в Москву с жандарами —
Недолго погулял!]

После 206 Бел. рук.

[Дьячкова песня модная
Крестьянство подзадорила
За ней другая грянула
И третья... Стоит русскому
Распеться — не уймешь!]

Вместо 207—210 Черн. рук.

За первой песней грянула
Другая: задушевнее,
Грустней была она
И так народ настроила

Что много песен вспомнилось —
Рекою полились.
Всё песни невеселые,
Всё песни подневольные,
Других в ту пору не было
Да и доныне нет!

Вместо 217—223

Веселая, беспечная
Как солнце загорается
На божьем небе утреннем
Тепло животворящее
И радость принося
Не дивно ли? не страшно ли?
Придут, придут, бог милостив! —
Другие времена
Другие песни сложатся
И будут в них не жалобы
На долю подневольную
Не рабская тоска
А радость воссмеявшейся
Души народа русского
Из мрака и уныния
Воспрянувшей души!
Пока за неимением
Животворящей песенки
Которой не успел еще
Сложить за недосугами
Народ, споем «оброчную»
И «барщинную» — горькую,
Как барщина сама.

Вместо 238—281

Потом пошли истории
Недавнего прошедшего
О господах помещиках
И верных их рабах;
Про дворню, про рекрутчину,
Особенно про «барыню»,
Немало страшноватого,
Забавного и горького
Припомнили они.

После 241
Бел. рук.

[По человеку — песенка
По песне — человек
Мы барщинные миленький
За нами не тянись!
Нас палками солеными
Кормили, а не хлеб
Мы градом слезы сыпали
Где вам до нас. . .]

К 449—459
Набросок
Черн. рук.

[Сказание о Якове
И о лихом помещике
Немало толков вызвало]

К 532—538
Набросок

[А богомол Савельюшка
Вступился за разбойника
И притчу рассказал]

Вместо 499—538

И крепко поругалися
Мужик с купцом. По счастию
Вступился в дело [Лапушкин] Ситников
Прохожий богомол

2. СТРАННИКИ И БОГОМОЛЬЦЫ

Вместо 555—567

Еще в народной совести
Решенье не уставилось
Греха ли, благочестия
Тут больше, а не то
Давно бы кличку меткую
По русскому обычаю
Всей странствующей братии
Народ огулом дал.
То правда: часты случаи
Что богомол окажется
Воришкой, что у баб
Старушка, божья странница,
За просфоры афонские
Полотен, талек <?> выманит,
А после обнаружится,
Что дальше Белозерского
Монастыря соседнего
Старуха не была.

К 607—645
Набросок

[Еще старик, говорящий правду всем — и начальству. Его везут в острог, он и тут не сдается; крестьяне поражены, но сами же снаряжают подводу. Речи старика: близко пришествие Антихриста; исправник и пр. слуги его. Фарисеи и мытари]

Вместо 668—707

Жужжит веретено
А ухо чутко слушает
Под образами странничек
Неспешно говорит
Ребята свесив головы
С полатей словно замерли
Весь вечер не шелохнутся
Лежат на животах
Лиц не видать завешены
Спустившимися прядями
Волос — не нужно сказывать
Что желтые они
Так что изба становится
В той стороне похожею
На то окно цирюльника
В котором выставляются
В соблазн плешивой братии

Накладки парики...
Там только вздохи слышатся
Да восклицанья ужаса
Да дружный смех порой...

А странник заливается
Не много надо мудрости
Занять семью крестьянскую
Так жадно их внимание
Так смех и ужас искренен
Что странник сам дивуется
Откуда слово меткое
Берется

После 693 Корректура

Взглянув туда, подумаешь,
Что очутился вдруг
Перед окном цырюльника,
Где парики развешаны.
Недвижны волоса.

После этого отдельные наброски Черн. рук.

Кто поглядит с любовию
Не поленится вдуматься
В житье-бытье крестьянское
До самого до дна
Поймет, что ни заботою
Насущной, ни страданием
Ни даже кабаком

Он жадно ловит новости
Он рад крохой последнею
Делиться с тем

У русского крестьянина
Земелька небогатая
В обычае распахивать
Бугры лесные.

Вместо 776

Схимник честной Никодим
Было то время далекое
Жил человек удалой
Маялся, маялся с пашнею
Да и ударил в разбой

3. И СТАРОЕ И НОВОЕ

Вместо 944—951

[С Игнатьем согласилися
Без спора. Приубожились
Смутились вахлаки,
Опять нырнули бедные
На дно бездонной пропасти
Опять им дума думалась
Привычная: мы нищие]

Вместо 955—957 [Все те же люди двигались
Да уж не той походкою
Не те и голоса!
Как будто люди гордые
Ушли, остались робкие
Забитые, понурые]

После 1008 Наброски [Не буду жать
Косой снесу,
На мельницу
В снопах свезу]
Пришла беда
Незваная
Дозрей, доспей
Желанная
[По лавкам хлеб
Подушками
Уставлен стол
Ватрушками]
Поет мужик
Без голосу
А ходит дрожь
По волосу.

Вместо 1032—1033 И были верны, медленны
Движенья — так покойника
Укладывают в гроб

Вместо 1064—1104 А Глеб-то? . . .»
Внятно, медленно
Пространно (Гриша знал уже
Как надо растолковывать
Дела необыденные
Тугому вахлаку)
Григорий стал доказывать,
Что вахлаки за всякого
Пред богом не ответчики,
Что «крепь» всему виной:
[Не все, однако многие
Должно быть вразумилися
Там слышны речи прежние
Там голова победная
Повыше поднялась
Клим Яковлев Игнатию
Загнул опять: дурак же ты!

Ней поняли, ней плюнули
На гнусь тоску; по-прежнему
Пошла хвастня! Григорию
Влас голову поглаживал,
Любовно говорил:
Дай бог тебе в супружество

Княгиню именитую
Дай серебра! дай золотца]

К 1130
Набросок на обложке «Последыша»
ЛБ

Был прежде целовальником
Проворовался выгнали
Потом шатался по миру
Потом глядим: поправился
Кафтан, рубаха красная
Фуражка

К 1150—1154
ЛБ

Наказывали нам
Увидите разбойника
Иуду 3
Бей его!
И бьем!
И бьют же. В кабаке
Отсюда за 40 верст
Сегодня у парома били
Борода фальшивая —
Ухо навязано (?)
Через него по крайности
Сидят 70 ч<еловек> в остроге

Вместо 1210—1221
Набросок
Черн. рук.

Сначала Федосеевич
Райком да прибаутками
Кормился — и племянницу
Евлашеньку кормил
Москву да Кремль показывал
Да барин, воротившийся
Из чужедальних стран
Солдату посоветовал
Картинки чужестранные
Показывать... дал дюжину...
Тьфу! .. видел — согрешил!
Так что же? вместо прибыли
Отдули Федосеича
В Вежах в базарный день
Нехорошо ругается
Народ — сознаться надобно
А толков про зазорное
Не любит... на зазорные
Картинки не глядит
Стошнит его! куда ему!
По части разных пакостей
С фра<нцузскими> мамзелями
Далеко до господ!
С тех пор не<*нрзб*>
А ложечками кормится
Солдат. Народ простил ему
Не умирать же с голоду
Больному старику...

Вместо 1311—1312

А третья Матрена
Глядитко-ты: вона!

И кормит и водит
И спать укладет
Гоню — не уходит
Прибью — не ревет!..

Вместо 1330—1331
[«Держи солдата под руку
Да ласковей посматривай»
Шепнул ей, а служивому
Сказал: «Держись прямей!»
Сам на воз — прыг! Оттудова
Вскричал народу: Слушайте
И начал говорить:]

После 1346
Клим
Был в 20 сражениях
Стоял под Севастополем.
За веру, за Атечество
Шел на́ смерть впереди!

Вместо 1397—1401
Спрыгнув, замолк Клим Яковлев
Увидел, даром нечего
Слова терять: уж двинулись
Приезжие прохожие
И тутошние жители
Крестьяне, бабы, странники
Гурьбою к старику
По грошу по копеечке
На блюдца деревянные
Народ нанес служивому
Без гривны пять рублей...

После 1401 ЦГЛИ
[— Еще ударь ты в городе
Считая деньги медные
Сказал солдату Влас:
Нужды нет погорелые
Дадут. Попробуй в Ботове
А дальше в Семибратове
Глядишь и семь рублей.]

После 1401 Черн. рук.
Зимой в далеком Питере
Нежданно наши странники
Наткнулись на служивого
С его бессменной спутницей
О нем и о Настасьюшке
Речь будет впереди...

4. ДОБРОЕ ВРЕМЯ — ДОБРЫЕ ПЕСНИ

Вместо 1448—1451
Ему еще 17
Годочков полных не было
[А уж лицо усталое]
Он худ и хрупок был
Виной тому не горюшко

Не трудное учение
А голод недокармливал
Их эконом монах

Вместо 1540—1556

Что делать Гриша знал уже
Каким путем идти

[Еще заря чуть брежжится,
Еще конец страданию
Народному далек, —]
Но ангел милосердия
Уже незримо носится
[Над русскою землей.]
Над бедными селеньями,
Соломою покрытыми,
И песней тихой, ласковой
Лишь избранному слышимой,
Сзывает души чистые
На трудную борьбу.

Вместо 1541—1543

Кому отдаст всю жизнь свою
И за кого умрет...

1587—1592
ЦГАЛИ

а За обойденного
За угнетенного
Стань в их ряды
Иди к униженным
Иди к обиженным
Им нужен ты.

Корректура и оттиск

б За обойденного
За угнетенного
Умножь их круг
Иди к униженным
Иди к обиженным —
И будь им друг!

Вместо 1607

Черн. рук. *а* [В Григорье Любомудрове]
Корректура *б* В Григорье Благосклонове

Вместо 1594—1608
Оттиск

Недаром с чудной песнею
Над Гришею витал.
Года ученья минули,
И юноша, отмеченный
Печатью дара божьего,
Стал пылким и восторженным
Певцом освобождения
Униженных, обиженных
На всей святой Руси.

После 1595
Набросок
Черн. рук.

Что как рыбак архангельский
Под крышею соломенной
До времени растет

К 1450—1457
Набросок

Какие были строгие
Порядки в семинарии
Как было сыро холодно
Как было грязно голодно
Нет нужды говорить
Есть книга Помяловского
Крестьянин, если хочешь ты
Узнать
Достань ее прочти

К 1662—1668
Набросок

Слеза в глазах заискрилась
Ушел он в рощу темную:
Стоял как войско стройное
Господский лес подчищенный
Аукаясь, грибы
В нем брали детки малые
Чуть от земли заметные

После 1666
Набросок

Любил он криво<ногоньких>
Беловолосых пухленьких
Малюток вахлачков
Как птички бродят певчие
Во ржи — никем невидимы
Подумалось ему

К 1699—1703
Набросок

Стоят под тем же берегом
Три барки приведенные
Вчера из-под Саратова
Гурьбою бурлаков
А вот и он! Саратовский

К 1707—1711
Набросок

Григорью стало весело
Два раза громко, медленно
Вставляя слово новое
Выбрасывая лишнее,
Над Волгою пустынною

После 1738
Набросок

а В те времена хорошие
Судили или спорили
О будущем крестьянина
Из рабства <изведенного>

Корректура и оттиск

б (В те времена хорошие
В России дома не было,
Ни школы, где б не спорили
О русском мужике).
Ему всё разом вспомнилось
Что видывал, что слыхивал,
Живя с народом сам,
Что думывал, что читывал,
Всё — даже и учителя
Отца Аполинария
Недавние слова:

«Издревле Русь спасалася
Народными порывами»
Народ с Ильею Муромцем
Сравнил ученый поп.)

Вместо 1763 Черн. рук.

а Дело не по сердцу
б Спит словно мертвая
Русь недвижимая
А загорелась в ней
Искра незримая —

Вместо 1769—1770

а [Горы по зернушку
Смотришь наношены! . .]

б Серебра золота
Горы наношены! . .

Вместо 1778—1779

Ты и могучая
Ты и бессильная

К 1780—1795 Набросок

Удалась мне песенка
Молвил Гриша прыгая
И в калитку стукнулся
[Домика отцовского
Вахлачков я выучу
Петь ее. . . Не все же им
Петь свою «Голодную»
Да свою «Соленую»
Как с игры да с беганья
Щеки разгораются
Так с хорошей песенки
Слабые забитые
Духом поднимаются! . .]
Лег спать
Песня новая в полусне слагается
Чудны тайны творчества
Как молния и пр.
Средь недуга тяжкого в муках разрушения
Будит удрученного ангел песнопения
И напрасно
[Не пробудит думушки воплощенья жаждущей]
А зато как сложатся думы в песню стройную
Посылает бог ему ноченьку спокойную
Если б знали странники всё что было с Гришею
Были бы скорее под родною крышею
Уж нашли б счастие в ту ночь чудную
В ночь одну не более Грише долю трудную
Жизнь Судьба готовила

Набросок ЛБ

сквозь строй
Следить за направлением

Умов
В народный дух вникать
Известно настроение
Умов мужицких к выпивке
А дух — овчинный дух
Так мне тогда <задал>
Губ<ернское> Пр<авление>
Да ты своим ли голосом
Поешь!
    Влас
    Еда

2

Подзаголовок Наб. рук. [Портретная галерея]

Часть первая

ЮБИЛЯРЫ И ТРИУМФАТОРЫ

Наброски плана Сводн. рук.

1. Администратор.
2. Литератор.
3. Гонитель литер<атуры>.
11. Заводчики.
12. Литераторы-гробовскрыватели.
13. Воины.
9. Агрономы.
4. «Жюдисты».
14. Полицейский сыщик.
6. Жид-процентщик — редактор.
15. Благотворители
16. Гастрономы.
8. [Подрядчики.] Сенаторы.
5. Новый губернатор.
[Сам автор.]
7. Военный спор.
[Герои времени.]
10. Председатель Казенной палаты.

Вместо 14—24

И рубрику «Москва»,
С любовью слово: «юбиляр»
Встречаю раз и два
И пять и шесть... То правды друг,
То гений, то герой...
Какая летопись заслуг!
Воспрянул я душой.
Медаль... Стипендия... медаль...
Обед... обед... обед...
О клеветник! тебя мне жаль,
Ни тени правды нет!

Иду к друзьям. Сергей Ильич,
Чтоб мыслей не развлечь,

Кричит: прощай! Он пишет спич,
Другой готовит речь,
Пред третьим груда телеграмм,
Трудится над осьмой...
В Москву! герои есть и там...
Шутите вы Москвой!

29—32 В руках депеши. На одной:
«Великий гражданин»
Потом «герой», «герой», «герой»,
А дальше — «исполин!»

Примеч. к ст. 40 Слова, приведенные в первой строфе, принадлежат г-же Крестовской (псевдоним).

Набросок после 48 То и знай отворялись двери... Мелькали торжественные фигуры... Слышал я речи и тосты... Я стал ходить по коридору не без цели...
Я, обедая в трактирах,
Так гулял уже стократ...

ЗАЛА № 1

Вместо 61—80 [Управляя дальним краем,
Был ты ласково встречаем,
Провожаем как родной.
Слава! Путь служебный твой
Ряд блистательных деяний —
Бескорыстья чудеса,
Не простер ты жадной длани
На казенные леса...]
Вечно предан высшим думам,
О себе ты забывал...
Вдруг курьер явился с шумом,
Триумфатор засиял...
[«Первозванного Андрея»
Юбиляру привезли...]
[Триумфатору седому
Дар какой-то поднесли...]
[С осетриной два лакея
К двери рядом подошли.]

Вместо 61—76 ПП Ты отец! до населенья
Добр и милостив ты был,
Не довел до разоренья,
Пищи, крова не лишил!
Ты герой — до кассы частной,
До казенного добра
Не простер руки всевластной —
Благодарность и... ура!..

После 80 (№ 2) Наб. рук. Заглянул я в залу эту
И прижался у дверей.

Седовласому поэту
Здесь справляли юбилей.

Семь речей ему сказали,
Все заслуги перечли,
И к Шекспиру приравняли
И Гомером нарекли...

Что же вышло? Друг искусства
Как-то холодно внимал:
«Ваши речи полны чувства,
Полны искренних похвал,

Их довольно, чтоб прославить
Мой художественный дар,
Но... позвольте мне прибавить», —
Скромно молвил юбиляр.

И затем себе восьмую
Речь сказал любимец муз
С жаром, с чувством... да такую,
Что льстецы пришли в конфуз!

Пошлость их речей бездарных
Стала каждому ясна:
Вместо фраз высокопарных
Речь его была полна

Поэтических сравнений,
Поэтических картин,
Блеск и сила! .. Точно: гений,
Да притом — и века сын:

Что за радость быть педантом,
Скромность вечную хранить?
Всем служить своим талантом,
А себе не послужить? ..

№ 2

Вместо 89—90 Сводн. рук.

[«Прогнав чертей с болота,
Ты гидру сокрушил,
Ты делу патриота
Начало положил!
Устрой теперь заставы
И надписи прибей! ..»]

№ 3

После 96

[Фермуар с сапфиром чудным
С голубиное яйцо,
Брошка с камнем изумрудным —
Змей, свернувшийся в кольцо.]

98—100
Наб. рук.

«Браво! Лучше не найдешь
И для царственной невесты! . .»
Восклицает молодежь. . .

101—108
Черн. рук. ЛБ

Это юные «жюдисты»,
Офицеры, юнкера,
Правоведы, гимназисты. . .
Слышны: «браво и ура! . .»
«За боярина Ивана!» —
Каждый в руки взял стакан.
— «Погодите, детки, рано!» —
Говорит им князь Иван. . .

121—128
Сводн. рук.

Пьет, как деды наши пили,
До семидесяти лет
Посещает водевили
Оперетки и балет.
Он крикун на бенефисах,
Циник с дамами в гостях,
Он знаток в вине, в актрисах,
В бриллиантах, в лошадях. . .

После 136

Он друзей повсюду ловит
Лишь бы вечный шел кутеж,
И прекрасную готовит
Петербургу молодежь.

Набросок
Черн. рук.
ЦГАЛИ

Лоб высокий, череп голый
Строен, с белой бородой,
Замечательно веселый
Замечательно живой.

После 192 (№ 5)
Сводн. рук.

[№ 5

Редактором газеты!!!
Четыре месяца ты был
Твой голос слаб, твой взор уныл. . .
О правда! правда! где ты?. .
Пренебреги пристрастный суд!
За подвиг благородный
Тебе страницу отведут
В истории народной! . .]

Наб. рук.

[№ 5

«. . .С богом, с богом! торопитесь!
Там скучненько, говорят.
Что же делать? Потрудитесь!
Рано вам еще в Сенат.

Раза два катайтесь в зимку
До Москвы. . . близка Москва!
Недоимку! недоимку!
Остальное — трын-трава! . .»]

№ 6

Перед 199

[В животном самом ты искал
Зачатков благородства. . .
Прими ж заздравный наш бокал,
Герой коннозаводства! . .]

236—238

Заплакав, как старуха:
«Дадим мы добрый прецедент
Для общества „Засуха“».

Вместо 247—250

[«Медаль! . .» Докладчик-агроном
Спросил: за что ж? смутился. . .
Слегка поспорил. . . но потом
Принять ее решился. . .]
Ура! подписку! . . [Вот листки. . .
Наполним же стаканы! . .
Печальны были добряки
И очень, очень пьяны. . .]

№ 7

252—254

Тучный старец — и юный делец
Со звездою. Я слышал дебаты:
«Вы палатам другим в образец.

263—266

а Очень трудны теперь обстоятельства.
Если б меры такие ж принять».
— «Не советую, ваше сиятельство!
Всё погубите, смею сказать».
б «Редки люди такие способные.
Если б меры принять на Руси
По всему государству подобные? . .»
— «Не советую! . . Бог упаси! . .»

№ 9

Вместо 293—299

Настежь дверь. . . толпа густая,
На столе один настой,
Некто счастием сияя
[Коренастый, небольшой,
Взяв во длань, горе подъяту,
Лист бумаги, а другой
Опираясь на лопату,
Возглашает: «Дорогой
Случай свел нас нынче вместе]

305
Сводн. рук.

Отозвался и Слепушкин

308

Отыскал [Геннади] наш

337
Черн. рук.
ЦГАЛИ

А Семевский <к делу> рьяный

После 373 Так! .. и так да будет вечно! ..
Сводн. рук. Хрупок автор в наши дни,
К ним судьба бесчеловечна,
Да бестактны и они.

№ 12

445—452 Берут билеты
За взгляд, за речи,
Берут билеты
За бюст, за плечи.

Устрою праздник
Под чистым небом
Сберу пять тысяч
Клянуся Фебом.

485—488 В душе наивна
Прекрасна с виду
Для бедных рада
Снести обиду.

№ 13

Перед 489 Зала... лица всем знакомы
Мир вам, жирные друзья!
Это наши «гастрономы»
Благодушная семья.

После 512 «Были вы вчера студенты,
Нынче — граждане, — гласит
(№ 14) Дослужившийся до ленты
Старичок. — Да сохранит
Вас судьба в житейской битве,
На прощанье повторю:
Путь спасения в молитве
И в покорности царю!
Будьте, юноши! степенней,
Ретрограднее отцов!
Есть ли в мире что презренней
Агитаторов-глупцов?
Ваши сестры, ваши братья,
А нередко и отцы —
Распростерли им объятья,
Уготовили венцы!
Всюду — страшно молвить даже! —
Им поддержка, им почет...
Стань же, юноша! на страже!
Будь отечества оплот!
Будь семьи руководитель,
Злу не дай торжествовать,
Заблуждается родитель —
И родителя попять! ..
Блага жизни вам дадутся,

Лишь нейдите по стопам
Тех, кто дерзко предаются
Анархическим мечтам!
Им готовит провиденье,
Вместо власти и венца,
Одиночество, забвенье
И — изгнанье без конца. . .»

Отдельные наброски

[«Послушайте — не много ль
Такое погребенье?
Не Пушкин же, не Гоголь
Леонтьев! . .»
— «Ваше мненье

Есть плод лицеприятья!
Не будьте слишком строги.
В Москве свои понятья,
Свои герои, боги.

Московского Зевеса
Я там увидел снова:
Поверьте, наша пресса
Клевещет на Каткова.

Ужель у патриота
В основе убежденья
Тупая жажда гнета
И похоть истребленья?»]

Черн. рук. ЦГАЛИ

[«Здравствуй, умная головка!
Ты, давно ль из чуждых стран?
Кстати, что твоя „Поповка“,
Поплыла ли в океан?»

«Плохо! дело не спорится,
Опыт толку не дает:
Всё кружится. . . кружится,
Всё кружится. . . не плывет!»

«Это, брат, эмблема века,
Если толком разберешь,
Нет в России человека,
С кем бы не было того ж!

Что-то каждому неловко.
В чем-то где-то есть грешок.
Мы кружимся, как „Поповка“,
А вперед — ни на вершок!»]

Часть вторая

ГЕРОИ ВРЕМЕНИ

После заглавия Наб. рук. (Действие происходит в ресторане [Огюста.] Время недавнее).

26—28 Черн. рук. ЛБ

Царскую подать выплачивал туго...
Ин приведу я слова самого
Достопочтенного нашего друга:

33—36

а Стадо свиное ревет,
Боров иной и ударит, —
Были бы деньги... пройдет
Матушка в бане попарит.

Сводн. рук.

б Бесится стадо, ревет,
Боров иной и ударит, —
Мальчик щетину дерет,
Матка сортирует, парит...

в Бесится стадо, ревет,
Боров боднуть его ладит.
Мальчик щетину дерет,
Мать его вечером гладит...

Вместо 42

Так-то, начавши свиною щетиной,
Шкурин умел и нажить и сберечь
Смолоду сотенки две с половиной.

Вместо 48—50 Черн. рук. ЛБ

Ай да Федюха! Христов мужичок!..
Да! дивиденд, слава богу, недурен...
Русское наше спасибо!.. Чок-чок!
Чокайся, Федор Никифорыч Шкурин
[Обществу ты хорошо послужил,]
Полно! в диковинку, что ль, генерал?
Шкурину руку подайте и вы.
Луком разит... ничего-с, обойдется
Я доложу вам такой головы
В целой России такой не найдется

Сводн. рук.

[Да-с! дивиденд оказался недурен.
Чокнемся, Федор Никифорыч Шкурин!
Чокнемся-выпьем, христов мужичок!
Ну, господа генералы! чок-чок!
Вы не гнушайтесь, целуйте Федюшу:
Он положил за компанию душу...
Слушайте притчу мою про Федюшу...]

После 56

а Где, бывало, леса вековечные
На огромных пространствах шумят,
Там теперь пустыри бесконечные,
Пустыри на поверхностный взгляд.

б Были леса тут дремучие встарь
(Шкурин застал только пни вековые)
Были озера и реки сплавные
Кто ж тут хозяйничал, други? «Кустарь»!

Вместо 59—62

Жители гнали из пеньев смолу,
Рыбу в озерах ловили без счета,
Мох и морошку снимали с болота
И говорили «Нейдем в кабалу!»
Плохо! Стоит земляная работа...

После 62 Черн. рук. ЛБ

Было нелегкое дело дано:
В дальнем краю проложить полотно
Кроме системы, порядка и прочего
[Что невозможно в речи передать]
Шкурин был должен создать и «рабочего»:
Местный крестьянин ленится и пьет,
На земляные работы нейдет
[Жил тут угрюмый народ!
Думает думу, не ест и не пьет]

Наб. рук.

Дал баснословную плату задельную
День потрудились... похлебку артельную
Вылили вечером на́земь... Народ
Вольница, только бунтует и пьет!

После 69 Черн. рук. ЛБ

Мелкие эти статьи принесли
Шкурину тысяч пят<надцать> с походом
И земляные работы пошли
Что называется правильным ходом

110—122 Черн. рук. ЦГАЛИ

То имя, что деды вносили в скрижали
    Упорной и славной войны
На акциях внуки красиво писали
    Не стоющей трети цены.
С запасом нахальства, в сознании силы
Сидели тут также тузы-воротилы
    В кругу, где без точности — мат,
Где смешаны так имена и наречья
В цене и почете дары красноречья
Уменье писать обстоятельно — клад.
Сидели тут важно тузы иноземцы...
[Австрийские,] остзейские, русские, прусские немцы,
Евреи и греки и много иных...

Вместо 117—119 Наб. рук.

Вот земская сила — дворяне степные
И несколько местных. Бухгалтер, кассир
И всяких названий дельцы биржевые
По зову Зацепы явились на пир.

После 126

Тут были агенты из Лондона, Вены,
Тут были купцы с Енисея и Лены
И несколько рыхлых унылых менял
Сидело тут рядом...

Вместо 145—155 Черн. рук. ЦГАЛИ

Ее произнес, а верней прочитал
Один из известных столичных менял.

О новых походах на наши карманы
Я слышал менял остроумные планы.

Вместо 153—156

Обещает оно неисчислимый верный барыш.
К огорчению развратом торгующих старух
Время вывести на поприще новое
Дело акций —
В чем оно — я скажу в двух словах

Горе нам, затянули старухи,
Сгибнем мы как осенние мухи

Вместо 158—160

Гениальная мысль! Уж давно
Время город проветрить и вымести.
Зло ужаснее, если оно,
Так сказать, повсеместно раскидано...

После 180

Надо будет вниманье прилежное
К пропаганде его приложить
Скажем так: если зло неизбежное
Все в центральном бюро совместить
Упростится за ним наблюдение...

Вместо 199—204

Предрекатели дальних событий
Начинатели новых открытий
Побиваются грудой камней.
Стой на страже текущего времени,
Но не суйся вперед наобум.
Раньше двинув вперед спекуляцию,
Чем ее узаконил прогресс,
Потерял он навек репутацию
И в долги неоплатные влез.

Вместо 210—217 Сводн. рук.

[Грош, услышав спич надгробный
Хитрой выдумке менял,
«Догадались!» прошептал.
Долго длились пренья, стычки,
Много б я тут почерпнул,
Но — покорный раб привычки,
Пообедав, я заснул.]

После 244

Официальных важных лиц
Теперь гораздо меньше стало
И даже весел без границ
Был Щербин — выпивший меняло.

Наброски После 268 Черн. рук. ЦГАЛИ

Душеприказчика он должность исправлял
У состоятельных старушек
Как жук-могильщик трупы погребал
И приобрел изрядный кушик.

Наброски плана
269—279
Черн. рук. ЛБ

[отложили]
1 Тысяч 80 —
2 отложили
[У нас был директор.] На ф⟨ранцузском⟩ масле
4 Печать
[4] 5 Помиритесь
6 Вам дадут паи строители
7 [У нас был директор]
[На фр. масле]
Два инженера
Дай еще 5 б⟨утылок⟩
Кн. Иван (Полякову)
Дворяне —
Инженер (Кн. Ив.)
Профессора
Общая картина
Сановник
Барон
Грош
Ламанский
Кульков
Ф-д. Виз ⟨Фон-Дервиз⟩
Путилов
Савва

273—276
Сводн. рук.

Позабыл, что не за Цаха,
А за Врангеля стоит.
Государственный неряха:
Подавая голос, спит.

После 302

[С ним не сносить головы
Ни одному пассажиру...
Голос инженера
Князь, я сказал бы... но вы
Вряд ли поймете что... с жиру...]

331—338
Черн. рук.
ЦГАЛИ

Это путь из самых прибыльных,
Но в минуту разобьем
Об обмене мыслей гибельных
[Стоит только намекнуть]
Тонко речи поведем.
Так! С идеей политической
Сохрани господь шутить!
С точки зренья стратегической
Можно Волгу запрудить.

421—424
Сводн. рук.

Заключение было печальное:
За мое обращенье нахальное
С [пассажирами] [околодочным] неким сыщиком
/ высидел я
Под арестом неделю, друзья!..

После 454

[Чуть не прыснул я с лакеем,
Отворившим дверь на миг:

Пред процентщиком евреем
На коленях биржевик.

Плохо! день подходит срочный
Ты остался лишь один
Ты редактор будешь прочный
Остаешься ты один]

После 474 Оглянись-ка! все такие!
Нынче царство подставных,
В каждом деле подставные,
А уж прессе — мат без них!
Сгибнет, если коммерсанты
Не придут на помощь ей...

507—510 Направо группа — пьяный хор
Льстецов — «герою из народа»
Кадит отчаянно в упор
И льется лесть такого рода:

Наброски к 540—554 Черн. рук. ЦГАЛИ

Соль коммерческого мира
Дело поняли они
Из глупца создай кумира
Оставайся сам в тени.
Наш патрон на том помешан,
Что он русский мужичок,
Он жетонами обвешан,
Как шаман; с румяных щек
Пышет силой и здоровьем.

Нам не нужно ни поклонов
Ни жетонов, ни речей,
Колокольных этих звонов,
Телеграмм и стерлядей...

Хорошо мы время поняли
Отвечают мне они
Дурака на сцену выдвинув,
Мы скрываемся в тени
Дело первое удачное...

Это просто наша выставка

Это значит в море бросили
Мы патрона своего.
Как вопьются раки жирные
В тело белое его,
Оборвем мы их скорехонько
Время выждем и опять
В море, в море друга милого
И опять добычу рвать.

559—562 Бедный был Берко... Онучи
Сводн. рук. Вместо носков надевал
Раз возвратясь из отлучки
Берко семейству сказал

583—590 Ицко покуривал трубку
И докурив до конца:
«Ты похулила покупку —
Не похулишь продавца!»

Только — и больше ни слова,
Утром в столицу удрал,
Год пропадал и другого
Целую треть пропадал

591—598 Взял он большие подряды
Утром рабочих зовет
Делу рабочие рады
Только скупенько дает

Двадцать с рубля предлагает
Больше не даст ни гроша
Семьдесят семь оставляет
Семьдесят семь ⟨барыша⟩

603—606 Другие спали. Кто-то пел
Черн. рук. «Об укрощенном генерале»
ЦГАЛИ Подслушать песню я успел
(Быть может, вы ее слыхали).

Сводн. рук. Друг друга с новым торжеством
Два инженера поздравляли
И пели песенку о том,
Как «генерала обломали».

607—610 Я сначала доказал
ОЗ Ясно, непреложно
Пользу дела — он сказал:
«Это невозможно!»

615—618 Инженерный генерал,
Черн. рук. Взяв по гривне сó ста,
ЦГАЛИ Нам пискливо отвечал:
«Это очень просто».

ОЗ В третий раз сказал я: «Куш
Будет — гривна со ста»,
И ответил строгий муж:
«Это — очень просто! ..»

После 622 Добиваясь генеральства,
Наб. рук. Мнит высоко о себе.

«Плутоватость и нахальство» —
Два словца в его гербе.

647—650 а Что в провинции? Пустеет:
Сводн. рук. Скука, глупость и застой.
Мужичок пшеницу сеет,
А питается корой.

б Что в провинции? Да то же!
Земство дремлет, нет путей,
А крестьянин... правый боже!
Каждый день ему тошней!

После 654 Хоть трудись в ярме железном,
Черн. рук. Хоть подохни ты в борьбе,
ЦГАЛИ Нету средства быть полезным
Ни народу, ни себе.

После 670 Мужички смиренно добры,
Хлеб жуют из отрубей,
И у них наружу ребры
И у бедных лошадей.

После 678 [Где — мечтал я — мой наследник
Будет стражем и судьей,
Там свирепствует посредник
И кантует волостной.]

Вместо 691—694 Тут же есть и ренегаты
Из помещичьей семьи,
Поверяют им магнаты
Вожделения свои:

«Мы благой пример проводим
(Говорит известный князь):
Мы народ облагородим,
Вновь вступив с народом в связь.

Наброски Начнем с недавних крепостных.
после 702 Пусть я советовать не смею,
Сводн. рук. Но был бы рад, когда бы их
Из земства вытолкали в шею...
Пусть глас народа — божий глас,
Но все-таки мужик — скотина.
Представь картину: свинопас
И рядом правнук Гедимина!
Уж не затем ли завели
Такое грязное компанство,
Чтоб вши с крестьян переползли
На благородное дворянство?
Теперь о воспитаньи... Я,
Конечно, для мужского полу,
Завел бы, милые друзья,

Громадного размера школу
Одну военную, и в ней
Для надлежащей подготовки
Книг мало, много фухтелей
И сколько хочешь маршировки.
Покуда в школе нет имен,
Под нумером известен всякий:
Седьмой Иван, шестой Семен,
Сто девятнадцатый Акакий.
Родство забыто. Ни на ком
Покуда в школе — превосходства,
Добейся шпаги с темляком
Она эмблема благородства.

Люби народ, но облагай
Что называется вплотную
И тем разумно возбуждай
К труду энергию святую.
Вводить ли грамоту в народ?
Она не даст ему процентов,
Но неизбежно приведет
К подделке важных документов.

После 710
Черн. рук.
ЦГАЛИ

Да, мы много толков слышим,
Но привлечь всего нельзя,
Мы сатиру нашу пишем
По поверхности скользя.

734—738
ПП

Мало толку в словопреньи,
Грянул некто Хватунов,
Лучше петь об орошеньи
(Был уж он давно «готов»).

Вместо 743—763
Сводн. рук.

Предложил я: согласились,
Я задаток получил
(Слышал, даже прослезились,
Так проект им угодил).

Медлил я четыре года,
За границей прожил год
И построил для дохода
Винокуренный завод.

Обошлось всё очень просто
Замолчал мой Комитет,
А задаток тысяч во сто
Государственный Совет

При содействии участья

767—774
Наб. рук.

[Браво! браво! *ороситель!*
(Князь Иван провозгласил)
Ты достойный представитель

Наших деятельных сил!
Ты почтеннейший из видов
Новых родины сынов,
Прежде был Денис Давыдов
Нынче — Ванька Хватунов! . .]

Вместо 799—806
Черн. рук.
ЦГАЛИ

В старину младое племя
Брало с Дроздика пример,
А теперь иное время —
Нищий стал миллионер.
Спекуляторские штуки
Ловко двигает вперед
При содействии науки
Консерватор-патриот.
Нынче счету нет артистам,
Что вослед ему пошли
И на помощь аферистам
Силу знанья принесли.
Кессарийский, Енисейский,
Впрочем, кто их перечтет,
Вместе с ратию еврейской
Не забудет их народ!

951
Наб. рук.

Остзейский туз — барон фон Шаренгорст

973
Сводн. рук.

Франц Иванович Матьяс

После 977
Наб. рук.

[Вылез он на свет из мрака
Впрочем, Рейтерну родня,
Не выходит он из фрака,
В сутки сменит три коня].

После 981
Сводн. рук.

Услужить — его призванье
Той и этой стороне:
«Нужно вам мое влиянье,
Ваши деньги нужны мне».

Уловляет словно бреднем
Очень крупных карасей,
Пресмыкаясь по передним
Государственных людей.

После 1045
Черн. рук. ЛБ

Дара не стает
Господина Приволамского
Вам живее описать.
Председатель банка Камского
Начал речь ему читать,
Исчислять его достоинства. . .
И из речи понял я:
«Без тебя всё наше воинство
Как солдаты без ружья!

Наши банки жизнедателем
Называть тебя должны

За его здоровье пили,
Много спичей говорили

1079—1080
Сводн. рук.

Юный, краснолицый
Появился князь Свинцов

Вместо
1123—1130

Допущен был лишь Гриша Долгоруков
Да я, да лорд Лейчестер... да Толстой.
Так он живет в волшебном мире звуков
С природою, искусством — и собой!..

1131—1134

[«На сюжет неблагодарный
Вы попали милый мой!
Бросьте тон высокопарный!
Скучный дурень ваш герой!]

1140—1150
Черн. рук. ЛБ

И как пес на них сидит,
Целый день стрижет купоны
Да вздыхает и ворчит:
Почему тузы России,
Посещая те края,
Перед ним не клонят выи?
Честолюбия змея
Точит грудь его: там рана
Непонятная для нас,
Там засел герой Седана
Точит, точит <каждый> час.

Наброски
После 1170
Черн. рук.
ЦГАЛИ

На платиновой тарелке
Ей подносит миллион
И заводит о безделке
Разговор: иди ты вон!
Будет! пожили! довольно!
Все мы люди-человеки,
Но граница есть всему.

Начал жить с чужой женою,
Выслал мужу добрый куш.
Славно нашему герою
Да и ей ответил муж.
Деньги он прислал обратно
При письме — я сам читал:
«Мне известие приятно,
Но зачем же капитал?
Я готов еще прибавить,
Что избавлен наконец!»
Лучше точки здесь поставить...
Не польстился! Молодец!

Вместо 1187—1190 Черн. рук. ЦГАЛИ

Как маяк, горящий ярко,
Будет этот порт в пути
Все: ладьи, вагон и барки
И корабль сюда иди
Нагружайся, разгружайся

1228 Сводн. рук.

[Да газетой «Гражданин»]

После 1260

[Так свою карьеру начал Савва
И в дальнейшей жизни не плошал,
За талант — ораторская слава,
А за ум, за сметку — капитал.
Все прошло! Дарами не обидел
Бог его — за веком он идет,
Лишь бы мельком что-нибудь увидел —
Переймет, усвоит, разовьет!
Доказав, что можно даром слова
На Руси богатство приобресть,
Любит он убогого, простого
«Мужичка», считает он за честь.
Были в нем и прочие условья
И считать их надобности нет.
Савва друг крестьянского сословья,
Говорит: «Я сам во цвете лет
Господа! тянул когда-то лямку!»
Приурочив русскую резьбу
К своему причудливому замку,
Он зовет приятелей «в избу».]

После 1287 Наб. рук.

[Шею сожгло,
Ноги горят.
Ух! Тяжело!
Кости трещат!
Ухни! Поддай!]

1290—1294 Сводн. рук.

Денежек дай!
Дружно! Не стой!
Ухнем! Напрем!
Скоро ль домой
Братцы придем!

1329—1332 Черн. рук. ЦГАЛИ

Ударив о землю бокал
И на груди скрестивши руки,
«О, чем я был и чем я стал» —
Раздался голос полный муки.

После 1352

Я вор! Всю жизнь я сеял зло,
Пустил я нищих миллионы!..

Нахмурив гордое чело
Ушли остзейские бароны.

Вместо 1452—1459 Сводн. рук.

[Смутился Савва: «Допился
Опять до — самобичеванья!..

Что делать, Грошик?» Начался
Затем процесс увещеванья.]

1488—1493 Ну, легче ли? Опомнись, ради бога!
Себя и нас напрасно не кори!
Не нравится тебе твоя дорога?
Да нет другой... подумай, посмотри:
Друзья, враги, товарищи по школе
Все, все на ней... да что ж и делать боле?

После 1511 [Вадим Лучков — служебная карьера
Блестящая готовилась ему,
Но увлекла гуманная химера
Несчастного мечтателя в тюрьму.
И ныне он в изгнании... в неволе.
Завидуешь ему ты, братец, что ли?]

1557—1560 Денежки — добрый товар!
Нечего биться в истерике!
С ними в Европе, в Америке
Будете жить вы, как царр!..

1565—1568 С последним словом утешенья
На сцену вышел Леонид
Глаза блестят, лицо горит
И речь полна одушевленья.

После 1591
Черн. рук.
ЦГАЛИ
Это уроды! Стыжусь одного,
Что догадался об этом лишь ныне я,
Что бестолковою злобой пылал,
Что я народу в порыве уныния
Слово укора послал...

После 1596
Сводн. рук.
[Нужно стать выше страдательной роли
[Выше судьбы своей стать]
Личную жизнь отстоять
Силой труда, дарованья и воли
Нужно мильоны стяжать.]

После 1604 [Оратор тут остановился
Поправил волосы свои
Взглянул: Зацепа находился
В каком-то странном забытьи.
Излишне говорить, что наш почтенный друг
Впадает в крайность роковую.
Ему ли унывать? За ним ли нет заслуг?
Натуру страстную такую
Еще бы подчинить условиям толпы!
Избитой колеей пускай идут рабы.]
Чудак! Свою широкую природу
Смешал с посредственной толпой!
Рабы покорно возят воду,
Идут избитою тропой.

Вместо 1622—1625

[Спал Зацепа Предстоящие
Эти ужас наводящие
Нагло-умные слова
Пожирали с упоением.
Грош заметил с умилением:
«Золотая голова!»
— «Дай венгерского старейшего!»
Князь скомандовал. Он пил
«За философа новейшего»
И, смакуя, говорил:]

После 1633

Вот какими кавалерами
Окружен Зацепа мой!
Для борьбы с акционерами
Это истинный герой
[Отуманит их химерами,
Пустит каждого с сумой]
Он докажет исторически
Им теории свои
И применит так практически,
Что в огонь бросай паи! ..»

Вместо 1667—1697 Черн. рук. ЦГАЛИ

Было у Гриши немало связей,
Сеть он раскинул широко и верно,
Деньги свободные брал у друзей
И возвращал...

Каждое дело к Зацепе стремилось,
Где он не в доле — не будет пути.
Даже о нем поговорка сложилась:
«Ключ ко всему у Зацепы в горсти»...

Деньги отец Константину пошлет,
Юноша гордый вернет их обратно.
К сыну Зацепа поехать хотел,
Утром о смерти пришла телеграмма.
Как ни крепился старик — не стерпел
И разыгралась внезапная драма.

Вместо 1702—1707 Сводн. рук.

[Наконец нашелся]
Улыбнулся горько Савва,
«Сядем в горку!» — он сказал.
[В горку? Честь ему и слава!
Вмиг Зацепа просиял]
Стол накрыт — пошла забава:
[Тьму Зацепа проиграл]
Что ни ставка — капитал...

Наброски окончания Черн. рук. ЦГАЛИ

«Ну, а с вами ли, Извеков,
Табакерка?» — он спросил.
— «Целых две — и книжка чеков!»
— «Браво!» Вот кто воскресил

Огорченного. Спросили
Карты, сдвинули столы
(Не табак — червонцы были
В табакерках). — Гни углы!
Загибай смелее на́ семь,
На пятнадцать — дурь пройдет!
«Дай-ка зельтерской, Герасим!
Двести мазу... фу! как бьет!»
И действительно Извеков
Очень счастливо метал:
Колотил жидов и греков,
Да и русским не спускал.

А грусть пришла — тогда играть
Вали на карту тысяч сорок.
Убил подлец! Но мог и дать
Всё ж весел день — хотя и дорог.

И под грудой сторублевок
Скрылись золотые реки
Сбыв наличность, немцы, греки
И евреи пишут чеки.

Отдельные наброски Сводн. рук.

Ба! угрюмая тихая личность!
Как, зачем ты сюда забрался?..
Здесь возможна одна неприличность,
Или тоже кутить собрался?
Нет! не рад ты веселью и шуму,
Клонит сон... а не хочешь уйти.
Словно думаешь крепкую думу:
«Все друзья... на кого донести?..»
Право, здесь разговор богомерзкий
Невозможен... уйди, старый волк!
Нет, дождешься ты выходки дерзкой
И исполнишь священный свой долг.
Донесешь... но поплачешь о друге...
Таково уже сердце твое:
Плачешь даже о жирной белуге,
Уплетая под хреном ее.

Отдельные наброски Черн. рук. ЦГАЛИ

Он бранью сильно повредит,
Но похвалой верней утопит:
С Крестовским Байрона сравнит,
Шекспира охолопит.

И струсив, жался на диване,
Подобно стерляди в лохане,
Когда она свилась кольцом
И только дрыгает хвостом.

Старец несколько помятый,
В седине, как в серебре,

Человек он небогатый,
Да живет в большой игре.
Целый день всё мечет, мечет,
Да, натура широка.
Нет игры, так в чет и нечет
Спустит всё до пятака.
Нынче было денег куча,
Завтра по уши в долгах.
Подойдет счастливый случай
И опять на рысаках.
Так всю жизнь...

Понесет ли в день утраты
Или кончит барышом,
Записавши результаты,
Всё равно — спит мертвым сном.

Славны бубны за горами
Счастлив Дервиз издали
Он порвал все связи с нами
Он увез свои рубли

4

13—16 Автограф

Эти избенки, соломою крытые,
Кажется скоро падут,
Эти клячонки, бесчисленно битые,
Мало кормимые, еле бредут

20—24

[Ворон закаркал, и слово дурак
В карканьи этом мне явственно чудится.
На телеграфную нить
Перелетел он и кажется трудится
В Питер донос на меня сообщить. . .]

14

Вместо 5—16 Ранняя редакция

Родные движутся без шума,
Качая грустно головой,
И потолок висит угрюмо
Могильным камнем надо мной.

6—8 Наб. рукопись

а Сестра поникла головой,
Глаза жены сурово-нежны,
Угрюм Кадо, любимец мой.

б Угрюм Кадо, мой верный пес,
Глаза сестры сурово-нежны,
Сейчас я пытку перенес.

17

1—4 Вторая редакция

Задурили, видно, милые,
Одурманились опять:
На лачужки наши хилые
Стали цены набивать.

18

Первонач. редакция Автограф и корректура

Мы в своей земле многострадальной
Парии, — не знает нас народ,
Светский круг, бездушный и нахальный,
Нас презреньем хладным обдает.

И звучит бесцельно наша лира,
Мы певцами темной стороны —
На любовь, на уваженье мира
Не стяжавшей права — рождены.

Погоди, о росс! еще полвека,
Поработай разумом, внеси
Прочный вклад в успехи человека,
И тогда строй лиру на Руси!

19

1—4 Автограф

Неужель еще уроки нужны,
Чтоб итог конечный подвести?
Сильные — до ужаса бездушны,
Слабым в них спасенья не найти!

22

Ранняя редакция и наброски Автограф ПД

Увижу ли уединенный сад,
Вновь, молодость моя, ты предо мною,
Листы дерев уныло так шумят,
И мать моя с поникшей головою
Задумчива, болезненно бледна,
С платком в руках, обмоченным слезами,
Дорожкой крайней тихими шагами
Проходит молча. Тяжкий-тяжкий вздох,
За ним другой... Там шепот: боже! боже!
Там робкий стон; потом опять всё то же —
До вечера...

О мать моя! о чем же ты грустила!
Не понимал, не думал я о том.
Я помню, ты порою подходила
Ко мне и за руку меня брала.
Но ты напрасно грустными глазами
В мои смотрела детские глаза.
Нет! .. не было сочувствия меж нами,
Моей руки не жгла твоя слеза.

И от моей бессмысленной тоски
Тебе не становилось легче. Отходила,
Качая грустно головой, ты от меня,

И вновь одна задумчиво бродила,
Одна! одна!

О чем? .. не понимал тогда я. .. Но теперь,
Когда настанет вечер длинный, длинный,
Томящий вечер осени суровой,
Вновь предо мной ты, молодость моя,
И вижу я себя опять в столовой
Большой и темной... Свечкою одною
Освещена... Я у печки греюсь,
А за столом родитель мой сидит,
Вернувшись с поля, скучный и голодный,
И с доезжачим Сенькой говорит
О зайцах, о собаках...

Как Змейку переехали телегой
И как всё в тот же злополучный день
Чертополох, кобель лиловопегой,
Расшиб крестец, ударившись об пень.
И грустным столь событием смущен
На миг, вздохнув, задумывался он...

Но взор его с любовью обращался
На Кару... и он вмиг развеселялся...

Что, Карушка? что, дура? .. А небось
Кусочка хочешь? .. А зачем сегодня
Ты зайца упустила? .. Поленилась?
Что поленилась? .. Нет же и кусочка? ..
Не будешь вперед упускать (?) ... а, не будешь...
Ну-ну... на, дура <*нрзб.*>
А та хвостом ласкательно виляла.

Потом опять он с Сенькой говорил,
И Сенька, парень дюжий и смышленый

Что ни единой слезки я не пролил
С тобою вместе, что бессмыслен был
Тот взгляд

А! .. ты еще и рассуждать!» и снова
Удар линейкой...

Чай не хорош... И чашку опрокинул
И Аграфену приказал позвать
И ей ему чай сделать. Аграфена

Вдруг отец
Сказал садись... и села Аграфена...
И нагло посмотрела на нее
На мать мою...

Лишь только раз... о помню! страшный день!
Лихая к утру выпала пороша
Соседи из окрестных деревень
И мой отец все вместе
Уехали... Но ровно через час
Снег повалил

ЗАТВОРНИЦА

СОН

1

Сокращенная редакция 1877 г. Гранки

Я посетил заброшенный наш сад,
Он всё темней, прохладней с каждым годом,
В нем семь ключей сверкают и гремят,
Вершины лип таинственно шумят.
Я их люблю: под их зеленым сводом
Тиха, как ночь, и легкая, как тень,
Ты, мать моя, бродила каждый день.

2

Я был тогда ребенком; долго, долго
Не думал я, родная, ни о чем.
Не ты, не сад, — меня манила Волга,
Я с кручи там катался кубарем.
И лишь зимой, в морозы и метели,
Я помню, мы безвыходно сидели
Сам-друг с тобой в разрушенном дому.
(Угрюмый дом, похожий на тюрьму...)

3

Я проклинал докучные морозы,
Я проклинал томительные дни,
А ты лила неведомые слезы —
Я лишь поздней узнал, о чем они.
Плачь, громко плачь!.. Хоть словом укоризны
Бессменный гнет страданья разреши,
Изгнанница, лишенная отчизны!
Затворница, забытая в глуши!

4

В другом краю, не менее несчастном,
Но менее суровом рождена,
На севере угрюмом и ненастном
В осьмнадцать лет уж ты была одна.
Тот разлюбил, кому судьбу вручила,
С кем в чуждый край доверчиво пошла,
Уж он не твой, но ты не разлюбила,
Ты разлюбить до гроба не могла...

5

Зовет семья: «Твоей ли вынесть груди
Суровый гнет неволи и зимы,
Где заодно с природой стонут люди?
Вернись скорей — давно простили мы».
Грозит отец: «На горе ты бежала!
Припомнишь нас...» Ты гордо замолчала,
И у тебя — ни друга с той поры,
Ни родины, ни брата, ни сестры.

6

А новый край? Ты чистая, святая,
Ты кроткая, с мечтательным умом,
О, что кругом ты видела, родная!..
Я помню ночь... Казалось, грянул гром,
Играла ты и пела гимн печальный.
Ту песню, вопль души многострадальной [1]
Твой первенец наследовал потом.

7

«Несчастна я, обманутая другом,
Но пред тобой, о женщина-раба!
Перед рабом, согнувшимся над плугом,
Моя судьба — завидная судьба.
Несчастна ты, о родина! я знаю —
Весь край в плену, весь трепетом объят,
Но край, где я люблю и умираю,
Тот бедный край — несчастней во сто крат».

8

Так пела ты, так плакала, родная,
В своей тюрьме, судьбе не уступая,
Чужим скорбям бессильная помочь,
А над тобой уже висела ночь.
И ничего судьба не уступила —
Ты палача покорством не смягчила,
Ты в сыновьях опоры и друзей
Не дождалась... Мир памяти твоей!..

ЭПИЛОГ

Ты умерла — тюрьма освободилась,
И снилось мне — я поселился в ней,
В груди моей чуть слышно сердце билось,

---

[1] Некрасов начал править эту строфу, зачеркнув ст. 4—6 и написав на полях:

Как ты была подавлена!.. Как гром
Гремела рознь — и голос твой печальный
Звучал, как вопль души многострадальной

Правка не доведена до конца.

Я разомкнуть не в силах был очей,
Но ум кипел: с неведомою силой
И не вотще я звал твой образ милый:
Незримо ты витаешь предо мной
И мне поешь с любовью несказанной:
«То не тюрьма, а рай обетованный —
Забвение, желанное тобой».

28 января 1877

Наброски Оборот корректурного листа «Затворницы»

И началась незримая глухая борьба
Пусть жизнь твоя ничтож<на> как всегда —
Влилась в них жизнь
Ты знала жизнь всегда с народ⟨ной⟩ стороны
Смягчаться понемногу
И если я не вышел на дорогу
С ножом в руке, тебе обязан я
Как на небе ни много черных туч,
Но если ночь еще не наступила,
Всё ж где-нибудь проглянет солнца луч
Но уж одно, что ты им не враждебна

После 34 Набросок начала (ПД)

[И вот она явилась из могилы,
Измучена, печальна, но жива...
И чувствую, как погасают силы,
Безжизненны и холодны слова.
Святая тень! Я скрежещу и плачу
И от тебя вновь с трепетом бегу...
Нет, эту жизни лучшую задачу
Я совершить достойно не могу!..
В ребячестве надменен и упорен]

Вместо 50—53 Гранки ЦГАЛИ

[Я жду иных тягучих, грозных звуков.
Где шел отец — сегодня сын пройдет,
Но — благ господь <я> не увижу внуков?
Подумал я, припомнив пароход...
Чу! караван! расшивы, коноводки,
И бурлаки сошли с завозной лодки
И поползли на кручу...
                                        Наш приход
Я посетил... Подвижница святая]

Вместо 65—77

Я посетил старинный наш приход
И ряд могил... Подвижница святая!
Ты мирно спишь под мраморной плитой
Уж много лет... о, мать моя родная!
Но в первый раз я плачу над тобой.
(Я молод был, я жил не размышляя).

Вместо 99—162

Я к ним иду... Чего-то ищут взоры..
«Она, она!..» Чуть видны на песке
Ее следы; то медленны, то скоры

Ее шаги... письмо в ее руке...
«Она, она!» — невольно восклицаю,
Бегу, зову!.. Кружится голова...
Чу! тихий плач, чу! шепот! Повторяю
За ней слова, ужасные слова.

8

ПИСЬМО

Позор! позор! с армейским офицером
Бежать в чужой, недружелюбный край.
Ни мать твоя, ни сестры не пеняй,
Ты первая красавица Варшавы.

Родной семьи любимое дитя,
Ты, чьей руки граф К. искал как славы,
Кого князь Р. посватал не шутя.

Ты замужем за северным медведем,
Пиши скорей, пади к ногам отца,
Простил бы он, мы за тобой приедем,
Довольно нам терзала ты сердца.

23. ПИСЬМА

Изд. 1856

Плачь, горько плачь! Их не напишешь вновь,
Хоть написать, смеясь, ты обещала...
Они навек погибли, как любовь,
Которая их сердцу диктовала!
Хранились в них души твоей черты,
Корыстному волненью непричастной,
Поэзии роскошные цветы, —
Благоуханье молодости ясной!
И пусть бы жизнь их ложью назвала —
Она давно в них веру колебала, —
Нет, та рука со злобой их сожгла,
Которая с любовью их писала!
Грядущее опоры лишено,
Прошедшее поругано жестоко,

. . . .

. . . .

После 8
Изд. 1879

Сгорело всё — след страсти молодой...
Сгорело всё — и радости, и пени...
И мы стоим на лестнице крутой,
Где сломаны середние ступени.

Грядущее опоры лишено,
Прошедшее поругано жестоко;
Я в первый раз задумался глубоко:
Что ж — разойтись? Ужели суждено?..

25

1—4
Автограф

И жизнь кипит под грудами развалин,
Исполнена корыстного труда,
А я стою бездействен и печален
И медленно сгораю — со стыда.

26

Первоначальный набросок
ЛН, № 49—50, с. 166

Пускай чуть слышен голос твой,
Не громки темы песнопенья;
Но ты воспрянешь за чертой
Неотразимого забвенья,

Уступит свету мрак угрюмый,
Не бойся, песенку твою
Над Волгой, над Окой, над Камой
Еще народу я спою.

42—45
Ранняя редакция
ЛН, № 49—50, с. 168

И уж несет из дебрей снежных
На гроб твой лавры и венец
Друзей неведомых и нежных
Хранимый богом посланец.

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст «Кому на Руси жить хорошо» подготовили и примечания написали А. И. Груздев («Крестьянка» и «Пир на весь мир», вступительная часть примечаний ко всей поэме), И. Ю. Твердохлебов (первая часть поэмы и «Последыш»; варианты к «Последышу» подготовлены редакцией «Библиотеки поэта»). Текст «Современников» и примечания к поэме — М. В. Теплинский. Текст стихотворений 1875—1877 гг. и примечания к ним — А. Б. Муратов.

*КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

Над поэмой «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов работал почти полтора десятилетия. Нет необходимых данных, чтобы с календарной точностью определить возникновение ее замысла. Несомненно, однако, что в общей форме этот замысел возник в начале 1860-х годов и связан с подъемом народного движения в стране, с теми большими сдвигами, которые происходили в народном самосознании. Пролог и первая часть «Кому на Руси жить хорошо» были завершены в 1865 г. В 1872 г. был написан «Последыш», в 1873-м — «Крестьянка», в 1876-м — «Пир на весь мир»; работа над «Пиром» продолжалась и в 1877 г., до последних дней жизни поэта. Пролог и первые три части печатались в ОЗ в порядке их написания, т. е. Пролог и первая часть, «Последыш», «Крестьянка». В том же порядке они напечатаны автором в последнем прижизненном издании (СПб., 1873—1874): Пролог и часть 1, «Последыш» с подзаголовком на шмуцтитуле — «Из второй части «Кому на Руси жить хорошо». 1872»; «Крестьянка» с подзаголовком на шмуцтитуле — «Из третьей части «Кому на Руси жить хорошо». 1873». Опубликовать при жизни «Пир на весь мир» Некрасову не удалось. Все его попытки провести «Пир» через цензуру не имели успеха. М. Е. Салтыков сообщал об этом П. В. Анненкову: «Среди почти невыносимых болей написал поэму, которую цензура и не замедлила вырезать из 11-го №. Можете сами представить себе, какое впечатление должен произвести этот храбрый поступок на умирающего человека. К сожалению, и хлопотать почти бесполезно: все так исполнено ненависти и угрозы, что трудно даже издали подступиться... Вот ежели бы был стыд, то этого бы не сделали, хоть ради того, что человек тридцать лет служит литературе и имеет имя» (Салтыков, т. 19, с. 82). В посмертном издании 1879 г. была напечатана «Песня Гришина»

(одно из первоначальных названий песни «Русь») с пометой: «Из четвертой части». То же и в отдельном издании поэмы (СПб., 1880). Неизвестно, кому принадлежит помета «Из четвертой части»: редактору ли издания С. И. Пономареву, членам ли редакции (Г. З. Елисеев, М. Е. Салтыков, М. М. Стасюлевич, А. Н. Пыпин), читавшим подготовленные к печати С. И. Пономаревым стихи Некрасова и примечания к ним. По словам А. А. Буткевич, редакция издания имела право вносить поправки в работу Пономарева и могла «прибавить, что пришло бы ей на память» (ЛН, № 53—54, с. 186). В журнальной публикации «Пира» (ОЗ, 1881, № 2) пометы «Из четвертой части» не было, здесь не было уже и сохранившейся в рукописной редакции авторской пометы «Из второй части». В первом издании (Стихотворения, СПб., 1881), где поэма была опубликована полностью — Пролог и четыре части, — «Пир на весь мир» был напечатан в конце произведения с пометой «Из четвертой части». Таким образом, здесь был установлен следующий порядок частей: Пролог и часть первая, «Последыш» (из второй части), «Крестьянка» (из третьей части), «Пир на весь мир» (из четвертой части). Это соответствовало порядку написания частей. Так печаталась поэма во всех дореволюционных изданиях.

Как выяснилось из недавно обнаруженного письма М. М. Стасюлевича к А. А. Буткевич от 23 марта 1881 г., сестра поэта считала, что «Пир на весь мир» нужно «вставить» в середину произведения: «Относительно... «Пира» скажу в свое оправдание то, что когда Вы остановили печатание, то то место, куда следовало его вставить, было уже отпечатано и потому волей-неволей пришлось следовать порядку посмертного издания» («Русская литература», 1967, № 1, с. 203). Основанием для соображений Буткевич было сохранившееся во всех дошедших до нас рукописях, гранках и оттиске «Пира на весь мир» авторское примечание: «Настоящая глава непосредственно следует за главой «Последыш», напечатанной в «Отеч. записках» 1873 года, № 2, и в отдельном издании Стихотворений Некрасова, изд. 6, ч. VI». На основании этого примечания К. И. Чуковский в Изд. 1920 напечатал «Пир на весь мир» в качестве 2-й главы 2-й части, т. е. непосредственно за «Последышем». Поэма в Изд. 1920 приобрела такой вид: Пролог и часть первая. «Последыш» (из второй части), «Пир на весь мир» (глава 2) и «Крестьянка» (из третьей части). О необходимости сохранения этого порядка писали впоследствии В. В. Гиппиус (К изучению поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова, Л., 1934) и Е. В. Базилевская (Из творческой истории «Кому на Руси жить хорошо» — «Звенья», 5, 1935). Текстологическую аргументацию К. И. Чуковского (авторские пометы, примечание) В. В. Гиппиус дополнил соображениями о времени действия в поэме, которое здесь, как словами Пушкина сказал В. В. Гиппиус, «расчислено по календарю»: Пролог и первая часть — ранняя весна, «Последыш» — Петровки, сенокос, «Пир на весь мир» — конец сенокоса, «Крестьянка» — жатва. Против этого расположения еще в 1922 г. выступил П. Н. Сакулин. На основании «внутренней связи частей» он предложил свой план: третью часть поэмы, «Крестьянка», печатать на месте «Последыша». Возник, таким образом, третий вариант расположения частей поэмы: Пролог

и часть первая, «Крестьянка», «Последыш», «Пир на весь мир». План П. Н. Сакулина принял К. И. Чуковский, и с 1927 по 1965 г. поэма печаталась по этому плану.

Однако пометы Некрасова и его примечание оставляли спорным только одно: где печатать «Пир на весь мир» — в конце поэмы или в середине ее, за «Последышем». Порядок первых трех частей установлен самим поэтом (правда, до того как «Пир на весь мир» был написан), закреплен соответствующими цифровыми обозначениями и подтвержден двумя изданиями (журнальная публикация, Изд. 1873—1874). Он поддерживается и временем развития действия, «расчисленного по календарю», и порядком написания частей.

Значительные трудности возникают в связи с местом в поэме «Пира на весь мир». В пользу печатания его непосредственно за «Последышем» говорит и авторское примечание, и цифровые обозначения порядка в рукописных редакциях, и письмо М. М. Стасюлевича к А. А. Буткевич. Этот порядок поддерживается единством места действия в «Последыше» и «Пире» — село Большие Вахлаки, и, как считал В. В. Гиппиус, временем действия. К. И. Чуковский имел в 1920 г. достаточно оснований, чтобы напечатать «Пир на весь мир» как 2-ю главу 2-й части. Но, как указано выше, за вычетом Изд. 1920, во всех других изданиях, редактированных К. И. Чуковским, «Пир на весь мир» печатался в конце произведения. П. Н. Сакулин, возразивший против переноса «Пира» в середину поэмы, мотивировал это развитием фабулы поэмы. «Рождаются сомнения, — писал он, — чтобы после торжественных и бодрых песен Гриши, после «поминок по крепям», поэт нашел нужным снова возвращаться к крепостному праву, о чем преимущественно и говорится в «Крестьянке» (П. Н. Сакулин, Некрасов, М., 1928, с. 54). Эту мысль принял и впоследствии развил К. И. Чуковский (ПСС, т. 3, с. 642—643).

Исследование рукописей «Пира на весь мир» показывает, что Некрасов действительно намеревался написать 2-ю главу 2-й части, которая должна была печататься непосредственно за «Последышем», отсюда и приведенное выше примечание автора. Это намерение осуществляла неоконченная глава: «Кто на Руси всех грешней, кто всех святей. Легенды о крепостном праве» и ее вариант — «Поминки по крепям». Затем, вероятно в связи с быстро прогрессирующей тяжелой болезнью, поэт отказался от этого намерения, прервал работу над задуманной им главой 2-й части и написал вполне самостоятельную, отдельную часть «Пир на весь мир», состоящую из вступления и четырех глав (1. Горькое время — горькие песни, 2. Странники и богомольцы, 3. И старое и новое, 4. Доброе время — добрые песни). Материал ранее задуманной 2-й главы 2-й части составил в переработанном виде вступление, предпосланное этим четырем главам. В ранних редакциях связь начатой главы «Кто всех грешней» с «Последышем» была значительно теснее, чем во вступлении. Завершив отдельную, самостоятельную часть, придающую поэме известную внутреннюю законченность, Некрасов в процессе переработки стремился несколько ослабить внешнюю связь между «Последышем» и вступлением (подробнее об этом: А. И. Груздев, О композиции поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — Сб. «Истоки великой

поэмы», Ярославль, 1962, с. 151—154). Основные главы «Пира на весь мир» внутренне объединяются со всеми предшествующими частями, завершая и развязывая главные идейно-художественные узлы произведения. Что касается времени действия в «Пире на весь мир», то, во-первых, оно не определяет с такою силой течение событий и поступки действующих лиц, как в первых трех частях, во-вторых, допустимо предположение, что события в «Пире» происходят значительно позднее, чем в «Последыше». В свое время автор диссертации о «Кому на Руси» Н. Г. Дмитриев справедливо обращал внимание на концовку «Последыша»: «А за луга поемные Наследники с крестьянами Тягаются доднесь. Влас за крестьян ходатаем, Живет в Москве... был в Питере... А толку что-то нет!» «Н. Г. Дмитриев, — передает содержание его неопубликованной работы К. И. Чуковский, — ...полагает, что, написав эту концовку, сам автор лишил «Последыша» какой бы то ни было связи с „Пиром"» (ПСС, т. 3, с. 646).[1]

При отсутствии документов, которые не допускают разных толкований и могли бы навсегда устранить сомнения относительно порядка частей, остается следовать хронологии их написания. Это расположение частей и принято в настоящем издании.

Замысел поэмы был значительно шире осуществленных автором четырех частей. А. С. Суворин рассказывает: «Большие надежды возлагал он на свою поэму «Кому на Руси жить хорошо». Уже больной, он раз говорил с одушевлением о том, что можно было бы сделать, «если бы еще года три-четыре жизни. Это такая вещь, которая только в целом может иметь свое значение. И чем дальше пишешь, тем яснее представляешь себе дальнейший ход поэмы, новые характеры, картины. Начиная, я не видел ясно, где ей конец, но теперь у меня все сложилось, и я чувствую, что поэма все выигрывала бы и выигрывала» (ЛН, № 49—50, с. 204). *«Одно, о чем сожалею глубоко,* — говорил он своей сестре А. А. Буткевич, — *это — что не кончил свою поэму „Кому на Руси жить хорошо"»* (ЛН, № 53—54, с. 190).

Сохранились краткие черновые отрывки в стихах и прозе, сви-

---

[1] Кроме указанных выше работ о порядке частей поэмы «Кому на Руси жить хорошо» см.: В. Т. Плахотишина, Из творческой истории поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — «Научные записки Харьковского гос. пед. института», т. 3, 1940; В. Костромеев, К изучению поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — «Труды Азербайджанского гос. университета им. Кирова», т. 2, вып. 1, 1940; С. А. Червяковский, Творческая работа Н. А. Некрасова над поэмой «Кому на Руси жить хорошо». — «Труды Горьковского пед. института им. Горького», вып. 8, 1940; М. Н. Старенков, О композиции поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — «Литература в школе», 1946, № 2; И. Ю. Твердохлебов, Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», М., 1954; И. В. Шамориков, О расположении частей поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — «Вопросы текстологии», М., 1957; Я. С. Билинкис, Замысел и композиция «Кому на Руси жить хорошо». — «Русская литература», 1961, № 2; М. М. Гин, О своеобразии реализма Н. А. Некрасова, Петрозаводск, 1966.

детельствующие, что Некрасов собирался написать главы о чиновнике, министре и царе. Почти ничего не дошло до нас из материалов о купце. П. Н. Сакулин справедливо предполагал, что этот материал исчерпан поэтом в сатирической поэме «Современники» (1875), где купцы — «герои времени».

Материалы для главы о чиновнике Некрасов собирал уже летом 1873 г., когда писалась «Крестьянка». «Желал бы иметь от тебя к Диеппу материалы для Шексны», — писал он А. Н. Еракову (ПСС, т. 11, с. 261).

В Изд. 1879 был опубликован отрывок под заглавием «Смертушка»: «Действие происходит на Шексне в самый разгар сибирской язвы. По бечевнику бродят полуживые лошади, тут же валяются мертвые. По реке плывут лошадиные трупы. Ночь. По берегам местами разложены костры, у которых видны фигуры судорабочих. Слышится песня:

На правом берегу поют:

Жена к реке,
А муж за ней.
«Куда идешь?»
— «Портки стирать».
— «Портки стирать?
А где они?
Утопишься —
А детки-то».

На левом берегу поют:

В руке топор,
В другой вожжа.
«Куда идешь?»
— «Тебе на что?»
Жена глядит
И в ноженьки —
«Голубчик муж,
Не вешайся».

Далее в рукописи идет следующая заметка Некрасова: «Это песня из новой главы «Кому на Руси жить хорошо», которую я собираюсь написать. Действующие лица — семь мужиков, сторож, ветеринарный врач, на пикете офицер путей сообщения, посланный своим начальством для дознания о сибирской язве, и, наконец, исправник. После сцены сибирской язвы, под утро, среди этой обстановки — вопрос крестьян к исправнику, рассказ, которым я поканчиваю с тем мужиком, который утверждал, что счастлив чиновник» (Изд. 1879, т. 4, с. XXXIX).

Сохранился рассказ исправника в прозаической записи Некрасова: «И точно, видишь, — говорит исправник, — грехам на тебе и счету нет. Да только не в том они — не в тощей курице и пр. Пальцем в небо попала литература. А подымай выше! Грехи на тебе самые черные. Прежде думал: исполняю долг, закон — и спал спокойно. А тут не стало спаться. Пуще всего подати, подати да мужицкие ваши преступления. Как позовет тебя губернатор да даст приказ во что бы то ни стало к такому-то числу такую-то сумму очистить! .. Ну и едешь во все свое царство, в уезд, словно в воду опущенный, — знаешь, что везешь туда горе, слезы, и сколько этих слез и горя. Самому на себя странно; думаешь, ну, что я нос-то опустил в самом деле? — Ведь не на разбой еду? долг исполнять. А тут тебе совесть или какой-нибудь г. Щедрин на память придет, долг долгу рознь! .. Зверем-то не всякий родится, даже редко, чтоб чувствовал удовольствие, как зубы валятся изо рта мужиков, борода редеет, да чтоб кричал, бранился, все это комедия; совсем невесело залезать в бабий сундук, где у нее праздничное платье да холст на саван, отрубить горенку, вести на продажу коровенку и видеть,

как ребята за нее цепляются, как за кормилицу... ну да сами знаете... ну так вот тут устой. Дери бороды, бей в зубы! А преступления? То и знай «не виноват», а ты его под кнут, а ты его в Сибирь. А то — взятки. Яичница! Сивуха! Сколько ни надери коры в лесу, кроме лаптей ничего не поделаешь из нее. А и тут случалось покрывать, и вот за какую-нибудь бедную девку, что спас от плетей (родила, хотела подкинуть, утопила), вот та моя-то курица простится, думаешь... Я вор! не знаете, где воры-то. Вы воры, что ли? Ну а я чем хуже вас? Какие такие мои прихоти? По Сеньке шапка» (ПСС, т. 3, с. 647).

К этой же главе, вероятно, относятся черновые наброски о сибирской язве и болезнях голодных бурлаков: «Подготовка для Сиб⟨ирской⟩ язвы — голод, тогда и на людях; в В. уезде до 400 чел. Ниловцы — и в Белозерск⟨ом⟩, бурлаки приходят на заработки; работы нет; застой судов. Ждут, мрут массами, подождав отпр⟨авляются⟩ с тифом в Арх. обратно. Идут, больных целые партии изнур⟨енных⟩ далеко верст 400 —

Весной тиф от недост⟨атка⟩ пищи, лихорадки при разлитии вод. Без лекарства, для принятия мер против распр⟨остранения⟩, отделение больных. Зарывание трупов.

На барках 3, 4 креста, покойники, везут до 1-го погоста — (Вельяшева, ее муж, от них сведения о голоде)» (ПСС, т. 3, с. 569).

Тематически связан с этими набросками большой стихотворный отрывок:

Умрет жена у пахаря —
Другую заведет,
Умрет и та — он женится
На третьей... не беда!
Умрет ребенок — лишняя
Кроха живым останется;
Коровушка падет —
Всё не беда, а полбеды.
Беда непоправимая,
Когда валиться лошади
У пахарей начнут...

Зарыв свою коровушку,
«Не плачь, жена! поправимся, —
Мелентий говорит. —
Бог милостив! С саврасушкой
Побольше поработаем,
Убыток наведем!»
Чтоб вдоволь наработаться,
Чем свет идет за лошадью,
Пришел и оробел.
Саврас его, как вкопаный,
Стоит, понуря голову,
И дышит тяжело.

Пощупал горло... Господи!
Точь-в-точь как у буренушки,
Всю шею разнесло!...

Повел домой саврасушку;
Как пьяный, сам шатается,
И лошадь, словно пьяная,
Шагает вяло, медленно.
У клети привязав
Коня, Мелентий вымолвил
Глухим негромким голосом:
«Что делать нам теперь?»

Пришла жена с ребятами,
Пришел столетний дедушка,
Взглянули на саврасушку —
И зарыдали все...

Я тут как тут, по должности
Врача ветеринарного
Наехал... Вся семья
Взмолилась, в ноги бросилась:
«Не сам ли бог послал тебя?
Спаси!..» Достал я снадобье
И влил коню в нутро;
Другое дал я снадобье,
Чтоб растирали опухоль, —
Конь беспокойней стал,
Да не надолго. Случаев
Выздоровленья не было
В разгар эпизоотии,
Савраска захрипел,
Упал... он долго корчился,
От боли землю грыз;
Потом заржал пронзительно
И вытянулся... «Кончился», —
Крестьянин прошептал...

На всю семью несчастную
Нашел столбняк; какое-то
Поистине ужасное
Молчание; потом
Всеобщее рыдание
Жены, сестры хозяина,
Слепой столетней бабушки
До мальчика трехлетнего,
Которого саврасушка
Еще вчерашним вечером
Деревней прокатил!..
Потом возглáс хозяина
К соседям, праздным зрителям:
«Эй! братцы! помоги!
Свезти савраску зá версту
И в сажень яму выкопать, —
Начальство так велит.
Мне не на чем свезти его,

Нет мочи яму выкопать,
Ослаб я... помоги!»
Отказ: «Помочь мы рады бы,
Да заразиться боязно,
У нас своя скотинушка...» —
«И ладно! Эй, жена!
Сестра! Ну, принимайтеся,
У нас уж падать некому».
И впрямь! Савраску бедного,
Вооружась лопатою,
Семья поволокла...

К материалам этой главы тяготеет и следующий черновой отрывок:

Крестьяне крик услышали
Выходят на поляночку,
Какой-то человек
На бугорке
[Какой-то барин толстенький]
Один как перст стоит
Стоит кричит да сам себя
То по лбу, то
Да как припрыгнет вдруг
Как ⟨*нрзб*⟩ как будто бы ему кто
На мозоль наступил
Крестьяне подошли
Военный, что ли? шапочка
С каким-то знаком красненьким
И эполеты белые
Сертук с зеленой прошвою
Чего ⟨ты⟩ тут орешь?
Жду кучера посла⟨л⟩ его
Пооглядеть далеко ли
Дорога на Шексну
И в лоб ладонью хвать себя...
Что комары проклятые?
Они у вас сердитые
Мы тоже заблудилися
Почтенный мы нездешние
А ты не бей рассердятся
До смерти заедят

Достойно замечания
Ни одному из стр⟨анников⟩
Не приходило в голову
Из места зачум⟨ленного⟩
Убраться поскорей

(ПД)

О возможных петербургских сценах сестра поэта А. А. Буткевич сообщала С. И. Пономареву: «Когда дойдет дело до поэмы «К⟨ому⟩

на Р⟨уси⟩ ж⟨ить⟩ х⟨орошо⟩», пристройте, если найдете полезным, недавно открытый мною листок, он написан рукою брата. Очевидно, это план для дальнейшего развития поэмы — вот он:

«Прибытие в Петербург искать доступа

К вельможному боярину
Министру государеву

Встреча с царской охотой и пребывание в облаве

Глядели, любовалися
И с умиленьем думали:
«Дойдем и до тебя!»

Катастрофа на железной дороге, которой свидетелями были странники, или голова на рельсах.

Как мужики расправились с шпионами из своих».

Последняя заметка уже разработана в ⟨поэме⟩ „Пир на весь мир"» (ЛН, № 53—54, с. 189—190).

Мысль о воплощении широкого замысла долго не покидала Некрасова. В одном из черновых вариантов поэмы были стихи:

Зимой в далеком Питере
Нежданно наши странники
Наткнулись на служивого
С его бессменной спутницей.
О нем и о Настасьюшке
Речь будет впереди.

Из последних редакций эти стихи были устранены.

Поэма «Кому на Руси жить хорошо» в основных своих частях строится на фольклорных источниках. В ряде случаев автор прямо ссылается на них. К плачу по Демушке дано примечание: «Взято почти буквально из народного причитания»; к примете: «Не надевай чистую рубаху на Рождество, не то жди дождя» — ссылка: «Есть у Даля», стихи черновой редакции: «Так исхлестали вереском подтелка малолетнего...» сопровождены примечанием: «В великий четверток скотину хлещут вереском, чтоб не лягалась (Даль. Посл., 1006)». Советские исследователи произвели внимательный учет использованных Некрасовым фольклорных источников. Были названы «Русские народные пословицы» В. Даля (1862), «Причитания Северного края», собранные Е. В. Барсовым (т. 1, 1872), «Русские народные сказки» А. Н. Афанасьева (1855—1863), «Песни», собранные П. Н. Рыбниковым (ч. 1—4, 1861—1867) и мн. др. Вместе с тем считается общепризнанным, что Некрасов знал русскую народную поэзию не только по книжным источникам, но и воспринимал ее на слух, в процессе непосредственного общения с народом. В книге К. И. Чуковского «Мастерство Некрасова» содержится много ценных наблюдений относительно приемов поэтической переработки Некрасовым устного народного творчества. О социальной и художественной функции

фольклора в произведениях Некрасова см. также в указанных ниже статьях К. В. Чистова, И. М. Колесницкой, А. И. Груздева.[1]

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. Первоначально состояла из четырех глав, не имевших названий и обозначенных цифрами: I, Глава II, Глава III, Глава IV (соответственно в окончательной редакции: Пролог, «Поп», «Сельская ярмонка», «Помещик»). В конце этой единой рукописи проставлена дата ее завершения: 1865 г. (воспроизведена в ОЗ, 1870, № 2, с. 598, и в Изд. 1873—1874, ч. 5, с. 153). Затем Некрасов написал новую главу — «Счастливые». После этого из частей текста глав «Сельская ярмонка» и «Счастливые» была образована глава «Пьяная ночь». На этой стадии работы окончательно определился состав глав первой части и нумерация: Пролог, гл. 1 — «Поп» (оставалась и в наборной рукописи без названия), гл. 2 — «Сельская ярмонка» (первоначальное название: «Базарный день»), гл. 3 — «Пьяная ночь» (первоначальное название: «Пьяные»), гл. 4 — «Счастливые», гл. 5 — «Помещик» (оставалась и в наборной рукописи без названия). Печатание глав первой части растянулось на четыре года в связи с запрещением С. В обстановке цензурных гонений, усилившихся после покушения на Александра II в апреле 1866 г., Некрасов не решался осуществить «продолжение впредь», заявленное при первой публикации Пролога, а вскоре журнал был закрыт окончательно. Опасения Некрасова были вполне обоснованы и подтвердились, когда через три года в ОЗ была напечатана (вместе с Прологом) глава «Поп». Цензор А. Лебедев в донесении цензурному комитету дал такую характеристику новому произведению поэта: «В означенной поэме, подобно прочим своим произведениям, Некрасов остался верен своему направлению; в ней он старается представить мрачную и грустную сторону русского человека с его горем и материальными недостатками ... в ней встречаются ... резкие по своему неприличию места, на которые цензор считает нужным обратить внимание комитета с тем — не сочтет ли он нужным заявить об них Главному управлению по делам печати» (ГМ, 1918, № 4—6,

---

[1] О фольклоре в поэме см.: В. А. Еланская, О народно-песенных источниках творчества Некрасова. — «Октябрь», 1927, № 12; Н. П. Андреев, Легенда о двух великих грешниках. — «Известия Ленинградского пед. института им. А. И. Герцена», вып. 1, 1928; К. В. Рождественская, Фольклорные элементы в поэзии Некрасова. — «Штурм», 1934, № 11; Ю. Соколов, Некрасов и народное творчество. — «Литературный критик», 1938, № 2; К. В. Чистов, Некрасов и сказительница И. Федосова. — «Научный бюллетень Ленинградского гос. университета», № 16—17, 1947, И. М. Колесницкая, Крестьянская тема и народное творчество в поэзии Некрасова 60-х годов. — Некр. сб. 2; К. И. Чуковский, Мастерство Некрасова. — Собр. соч., т. 4, М,. 1966; А. В. Попов, Фольклор в поэме «Коробейники». — Некр. сб. 3; А. И. Груздев, О фольклоризме и сюжете поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники». — Некр. сб. 3; Т. А. Беседина, Фольклор в поэме. — Сб. «Истоки великой поэмы», Ярославль, 1962; М. М. Гин, Спор о великом грешнике. — Сб. «Русский фольклор», 7, М.—Л., 1962.

с. 84—85). Цензурный комитет хотя и разрешил к печати книжку ОЗ, но о поэме Некрасова все же послал в высшую цензурную инстанцию неодобрительное мнение.

Пролог. С, 1866, № 1, с. 5; ОЗ, 1869, № 1; Изд. 1869—1873. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 5, с. 9. Автографы — ПД (наброски), ЛБ (наборная рукопись). *Семь временнообязанных.* По «Положениям» 19 февраля 1861 г. после отмены крепостного права крестьяне обязывались нести определенные повинности в пользу своих бывших владельцев-помещиков и только с момента выкупа своей земли переходили в разряд «крестьян-собственников». Этот процесс «освобождения крестьян», затянувшийся более чем на 20 лет, сопровождался, по словам В. И. Ленина, «бессовестнейшим грабежом крестьян... рядом насилий и сплошным надругательством над ними» (Полн. собр. соч., т. 20, с. 173). *Сова — замоскворецкая княгиня* — т. е. купчиха. Для поэтики былин-старин (напр., «Каково птицам жить на море») было характерно подобное аллегорическое уподобление птиц представителям различных сословий и социальных групп: орел — воевода, сова — воеводша, ястреб — стряпчий, лебедушки — княгини, чирята — крестьяне, воробьи — холопы и т. п.

Глава 1. Поп. ОЗ, 1869, № 1, с. 208; Изд. 1869—1873. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 5, с. 28; ст. 465, явно пропущенный по недосмотру, восстанавливается по тексту окончательной редакции той же фольклорной формулы в ст. 6 и ст. 2548; ст. 604 исправляется по наборной рукописи (в печатном тексте смягченный вариант: «Кому вдогон, злорадствуя»). Автографы — ПД (наброски), ЛБ (черновая рукопись), ЦГАЛИ (наборная рукопись). *Больней того на новые Деревни им глядеть* — намек на частые пожары, разорявшие крестьян (см. текст вариантов к этим строкам; ср. также стих. Некрасова «Пожарище» — т. 2, № 43, «Ночлеги. 2. На погорелом месте» — т. 2, № 115). *Какой ценой поповичем Священство покупается.* Должность священника передавалась до 1869 г тому, кто женился (обыкновенно по расчету) на дочери или наследнице священника. *Поповскому доходу мат пришел.* До 1864 г. раскольники находились под надзором местного духовенства, которое вымогало у них взятки и смотрело на раскол как на доходную статью. С 1864 г. надзор за раскольниками был передан гражданским властям. *Воздух* — покрывало для церковного сосуда с причастием. *За требу воздаяние* — плата священнику за обряд, совершаемый по просьбе прихожан (крестины, исповедь, отпевание и т. п.).

Глава 2. Сельская ярмонка. ОЗ, 1869, № 2, с. 567; Изд. 1869—1873. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 5, с. 49; ст. 1147 исправляется по наборной рукописи (в печатном тексте — смягченный вариант: «Чтобы продать невзрачного»), ст. 1151—1153 восстанавливаются по наборной рукописи. Автографы — ЛБ (черновая рукопись), ПД (наброски, лист беловой редакции и наборная рукопись). *Лишь на Николу вешнего.* Николин день праздновался 9 мая старого стиля и 6 декабря. «Два Николы: один с травой, другой с морозом», «Никола вешний лошадь откормит, Никола зимний лошадь на двор

загонит» (В. Даль. Пословицы русского народа). *Шлыки* — остроконечные крестьянские шапки. *Штофные* — т. е. питейные лавки (штоф — бутыль водки в одну десятую часть ведра). *«Ренсковый погреб»* — магазин русских и иностранных виноградных («рейнских») вин, с продажей только навынос. *До Петрова́.* В Петров день (29 июня ст. стиля) праздновались проводы весны. «С Петрова дня красное лето, зеленый покос» (В. Даль. Пословицы русского народа). *Косуля* — соха с одним сошником, отваливающим землю по одну сторону. *Изделием кимряков.* Село Кимры Тверской губернии славилось обувными кустарными промыслами. *Павлуша Веретенников.* Прообразом этого «заступника народного» из дворян послужили Некрасову, вероятно, известные в 60-х годах собиратели русских народных песен, былин и пословиц, изучавшие также местные крестьянские обычаи и народную культуру, — Павел Якушкин и Павел Рыбников (в рукописи он первоначально именовался иначе: Иван Иваныч Хлебников — см. варианты). *Офени* — коробейники, т. е. мелкие торговцы, разносившие или развозившие свой товар по городкам, селам, деревням. *С Лубянки — первый вор!* В Москве близ Лубянки находился Никольский книжный рынок — центр сбыта лубочной продукции. *Блюхер* Г.-Л. (1742—1819) — прусский фельдмаршал; своими решительными действиями в историческом сражении при Ватерлоо в 1815 г. способствовал окончательной победе союзных армий над войсками Наполеона. *Фотий* (1792—1838) — архимандрит, настоятель новгородского Юрьева монастыря, ханжа и религиозный фанатик, оказывал значительное влияние на реакционную политику Александра I (ср. ряд эпиграмм Пушкина на Фотия). *Разбойник Сипко* — ловкий авантюрист, один из членов шайки, занимавшейся подделкой ассигнаций, паспортов, векселей, заемных писем и т. д. Выдавая себя то за австрийского графа Мошинского, то за подпоручика Скорнякова, наконец за богатого каменец-подольского помещика и капитана в отставке И. А. Сипко, он в 1859 г. обосновался в Петербурге, затем женился на дочери тверской помещицы и выманил у нее капитал. Его похождения и арест в Воронеже в марте 1860 г. возбудили интерес петербургской публики, стекавшейся толпами к зданию полиции, где велись допросы. Вслед за «Ведомостями СПб. городской полиции» информацию об этом деле публиковала широкая пресса. В частности, о «герое-мошеннике» сообщалось в журнале Некрасова — в фельетонах И. И. Панаева («Петербургская жизнь. Заметки Нового Поэта». — С, 1860, №№ 3, 5). В мае 1860 г. в Петербурге вышла в свет книжонка «Мнимый капитан Сипко» с описанием (по материалам полицейской газеты) его некоторых махинаций. *«Шут Балакирев» и «Английский милорд»* — лубочные издания. «Анекдоты о Балакиреве», наводнившие книжный рынок с 1830-х годов, содержали разнообразные истории, анекдоты, остроты, в большинстве переводные, прилаженные к придворному быту и нравам петровского времени. Книга Матвея Комарова «Повесть о приключении аглинского милорда Георга и о брандебургской маркграфине Фридерике Луизе» вышла в свет в 1782 г. и затем многократно переиздавалась. *Эх! эх! придет ли времечко...* В рукописи здесь рядом с именами Белинского и Гоголя стояло также имя Пушкина (см. варианты). В 1912 г. этот отрывок о «желанном времечке» цитировал В. И. Ленин в статье «Еще один поход на демо-

кратию», говоря о широком распространении в народе демократической литературы во времена революции 1905 г. *Хожалый* — полицейский солдат, служитель при полиции.

Глава 3. Пьяная ночь. ОЗ, 1869, № 2, с. 577; Изд. 1869—1873. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 5, с. 69; ст. 1490 восстанавливается по наборной рукописи. Автографы — ЛБ (наброски и черновая рукопись), ПД (наброски, лист беловой редакции и наборная рукопись). *Победные головушки* — т. е. претерпевшие много бед, горемычные (фольклорный оборот). *Акцизные чиновники* — служащие акцизных управлений, которые были образованы в начале 1860-х годов в губерниях и уездах и осуществляли надзор за государственной продажей и производством спиртных напитков, а также ведали сбором питейного и некоторых других налогов в частной торговле. *Сотский* — низший чин сельской полиции (выбирался из крестьян). *Становой* — становой пристав, полицейский чиновник, начальник стана (административно-полицейское подразделение уезда в дореволюционной России).

Глава 4. Счастливые. ОЗ, 1870, № 2, с. 563; Изд. 1869—1873. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 5, с. 91; ст. 2430—2432 восстанавливаются по наборной рукописи. Автографы — ПД (наброски), ЛБ (черновая рукопись), ЦГАЛИ (наборная рукопись). *Вертоград* — сад. *Пеуны* — петухи. *У князя Переметьева.* В рукописи этот прозрачный намек на фамилию крупнейших землевладельцев, занимавших высшие государственные посты и стоявших близко к царскому двору, был раскрыт до конца:

У графа Шереметьева,
Светлейшего, первейшего...

Губонин — см. примеч. 2, с. 467. *Сиротская мельница* — сдавалась в аренду Сиротским судом, который ведал делами опеки и попечительства. *Палата* — Казенная палата, учреждение, находившееся в губернском городе и состоявшее в ведении министерства финансов. *Присутствие* — правительственное учреждение, а также исполнение служебных обязанностей в нем. *Переторжка* — вторичные торги, на которых устанавливалась окончательная цена. *Лобанчик* — золотая монета с изображением головы царя. *Гривна медная* — три копейки серебром. *Трешник* — копейка серебром (три с половиной копейки ассигнациями). *Семишник* — две копейки серебром (семь копеек ассигнациями). *Кутейник* — насмешливое прозвище лиц духовного звания (от слова «кутья» — кушанье, которым, по церковному обряду, угощали на поминках или похоронах). *Денник* — навес, хлев, сарай. *Государев посланный* — флигель-адъютант или генерал-майор царской свиты; после отмены крепостного права флигель-адъютанты и свитские генералы были командированы в губернии для сохранения «порядка и спокойствия» и наделены полномочиями «действовать именем высочайшей власти» во время крестьянских волнений.

Глава 5. Помещик. ОЗ, 1870, № 2, с. 582; Изд. 1869—1873. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 5, с. 126; ст. 2549 восстанавливается по набор-

ной рукописи и ОЗ; ст. 2552—2554 исправляются по окончательной редакции названий деревень (ср. ст. 10—12, ст. 469—471, «Последыш» — ст. 70—72); в наборной рукописи и печатном тексте — невыправленная первоначальная редакция. Автографы — ЛБ (черновая рукопись), ЦГАЛИ (наборная рукопись). *Венгерка с бранденбурами* — куртка для верховой езды и охоты, расшитая шнурами, наподобие формы венгерских гусар. *Борзовщики, выжлятники, варили варом гончие.* Эти и другие охотничьи термины, встречающиеся в речи Оболта-Оболдуева, объяснены самим Некрасовым в его примеч. к стих. «Псовая охота» (см. т. 1 наст. изд., № 18). *Двунадесятый праздник* — один из двенадцати главных церковных праздников. *Подрядчики* — здесь: крестьяне, подряжавшиеся на какие-нибудь работы, уходившие в отхожий промысел. *Поляки пересыльные* — участники польского национально-освободительного движения (волнений 1861 г. и восстания 1863 г.), на которое царское правительство ответило жестокими репрессиями, в том числе высылкой польских патриотов «во внутренние губернии» России. *Посредники* — мировые посредники, назначавшиеся на эту должность из числа местных помещиков и занимавшиеся, в связи с проведением в жизнь крестьянской реформы и «Положений» 19 февраля 1861 г., урегулированием отношений между помещиками и их бывшими крепостными крестьянами. *Дормез* — тяжелая дорожная карета со спальными местами.

ПОСЛЕДЫШ. ОЗ, 1873, № 2, с. 521, с подзаголовком: «Часть вторая. Глава 1», посвящением А. М. У<нковско>му и подстрочной сноской: «Первую часть смотри в «Отеч. зап.» 1869 года, №№ 1 и 2, — и в 1870: № 2. И в отдельном издании «Стихотворений Н. Некрасова», часть 5, 1873 г.» (аналогичная помета — и в наборной рукописи). Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 6, с. 9 (дата на шмуцтитуле: 1872). Автографы — ПД: первоначальный набросок начала главы (автограф 1), наброски и черновая рукопись (автограф 2), сводная черновая редакция ст. 612—1340 (автограф 3), наборная рукопись ст. 612—1340. В начале наборной рукописи после общего заголовка («Кому на Руси жить хорошо») — помета: «Глава VI» (т. е. по счету глав первой части). Позже карандашом исправлено: «Часть вторая. Глава 1». В конце наборной рукописи — дата ее завершения: 5 января 1873 г.

Публикация «Последыша» вызвала новые придирки цензуры, которая считала, что эта часть поэмы — «отличается... крайним безобразием содержания... носит характер пасквиля на все дворянское сословие». Цензор требовал изъятия главы из журнала, аргументируя свое заключение тем, что «означенное стихотворение может служить возбуждением антагонизма между высшим и низшими классами общества и составляет оскорбление для дворянского сословия» (ГМ, 1918, № 4—6, с. 90). И хотя глава все-таки увидела свет, цензурный комитет счел необходимым вторично, «на основании конфиденциальной инструкции, донести Главному управлению по делам печати об упомянутом стихотворении, как могущем послужить для определения характеристики журнала» (там же, с. 91). *Петровки* — время поста перед Петровым днем (см. с. 454). *Шапка белая, высокая* — дворянская форменная фуражка. *Посредник, «Положение»* — см. выше, с. 453, 456. *Исправник* — начальник

уездной полиции. *Грамота* — уставная грамота, которой определялись после реформы 1861 г поземельные и повинностные отношения между помещиком и его бывшими крепостными. *Фалетур* — форейтор, который при запряжке цугом сидит на одной из передних лошадей и управляет ими. *Хазовый* (казовый) конец в куске ткани, делавшийся почище и оставлявшийся напоказ сверху. *Смычок* — в охотничьем обиходе привязь для соединения гончих собак попарно. *Тягло* — при крепостном праве группа хозяйств или трудоспособных лиц из одной крестьянской семьи как единица при разверстке барщины и оброка, а также государственного обложения. *Сидел на губернаторстве В Якутске генерал* — якутский губернатор в 60-е годы В. К. Бодиско (см.: В. Никифоров (Васин), Из недавнего прошлого. — «Якутская жизнь», 1908, № 7, 9 марта). Сообщено М. М. Гином. *Ундер* — унтер-офицер, первый военный чин после звания рядового или ефрейтора. *Георгия Победоносца крест* — военный орден. *Светопреставление* — конец мира. *Питерщик* — бывалый человек, промышлявший в Петербурге; крестьянин, уходивший на отхожие промыслы и работы в Петербург. *Простяк* — водка. *Подорожная* — официальный бланк с разрешением на выезд из города и на получение лошадей на почтовых станциях.

КРЕСТЬЯНКА. ОЗ, 1874, № 1, с. 5. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 6 с. 71. В ст. 319—321 осталась неисправленной первоначальная редакция названий деревень; печатаем их в соответствии с исправлениями Некрасова в наборной рукописи Пролога и в главе «Поп». Кроме того, пропущенный по недосмотру ст. 316 («Уезда Терпигорева») восстанавливается на основании других аналогичных мест поэмы. Автографы — ПД. Сохранились с большой полнотой черновые наброски и начальная редакция «Крестьянки», отражающая сложный процесс творческой работы автора над этой частью. На обложке черновой рукописи: «Кому на Руси жить хорошо. Часть вторая. Рассказ второй. Губернаторша. 1873 (17) 29 июля. Висбаден». В тексте второй главы: «26 июля, Диепп»; на обложке главы «Демушка»: «Висбаден. Докончил в Париже, июль»; над текстом глав 5 и 6 (в рукописи — глава 4): «Диепп, 30 июля», на обложке: «Диепп, 3 августа»; главы 7 и 8 (в рукописи — глава 5), над текстом: «Диепп, 4 августа. Кончил 7-го», под текстом: «Конец. Эпилог нужен». Начальная редакция была подвергнута значительной переработке. Окончательная рукопись (наборная) дошла до нас частично (ст. 1—154). Она датирована: «12 ноября ночью». Переработка текста шла, вероятно, осенью и зимой 1873 г. *В день Симеона* — 1 сентября. *Наян* — назойливый, нахальный человек. *У суда стоять* и т. д. — видоизмененная цитата из народной песни «Я не знала, не ведала. » («Песни», собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 3, Петрозаводск, 1864, с. 402). *На широкий двор* и т. д. — переработанная народная песня «Как меня молоду широким двором везут. . .». («Русские народные песни», собранные П. В. Шейном, № 63). Эпической основой главы «Песни» послужили народные песни, плачи, пословицы, загадки, заимствованные как непосредственно, в личном общении автора с народом, так и из книжных источников (сборники Рыбникова, Шейна, Барсова и др.). *Екатеринин день* — 24 ноября. *Коты* — теплая, преимущественно женская, обувь. *Благовещение* — 25 марта, церковный праздник. *Казанская* — церковный празд-

ник, 22 октября. *Эх вы, Аники-воины* и т. д. По народным сказаниям, Аника, богатырь непомерной силы, оказывается робким и бессильным в борьбе со смертью. Аника характеризован в сказаниях как «пустохвастишко», «пустохвалишко». *Под Варною убит.* Бои под Варной в русско-турецкую войну шли с июля по сентябрь 1828 г. *Илья-пророк по ней гремит-катается* и т. д. По народным поверьям, гром и молния происходят оттого, что Илья-пророк катается по небу на огненной колеснице. *Налой* (аналой) — высокий церковный столик с наклонной верхней доской для икон или богослужебных книг. *Злодеи! палачи!* — в основе этих гневных стихов лежит народное причитание («Причитания Северного края», собранные Е. В. Барсовым, т. 1, 1872, с. 287—288). *Новина* — кусок домотканого полотна, холст. *Благочинный* — священник, наблюдавший за несколькими приходами. *Ярый воск* — светлый, побелевший на воздухе. *Камчатная скатерть* — льняная узорчатая скатерть, похожая по рисунку на камку (шелковая старинная ткань). *До Спаса не беру.* Спас — народное название трех церковных праздников в честь Христа (Спасителя) в августе и сентябре; эти праздники связаны с проводами лета, освящением яблок, поэтому есть яблоки до Спаса считалось грехом. *Колотырники* — перекупщики. *«Чей памятник?» — «Сусанина».* Памятник Ивану Сусанину в Костроме, открыт в 1851 г. Сооружен по проекту скульптора В. И. Демут-Малиновского. *На Афонские всходила высоты.* На горе Афон в Греции насчитывается около 20 монастырей. Среди них было несколько русских. *В Иордань-реке купалася.* По евангельским легендам, в Иордане (Палестина) крестился Иисус Христос.

ПИР НА ВЕСЬ МИР. Пир на весь мир. Сочинение Н. А. Некрасова, изд. Петербургской вольной типографии. СПб., 1879; в легальной печати, с существенными отличиями, — ОЗ, 1881, № 2, с. 333. По рукописям, корректуре и оттиску ОЗ 1876 г. восстановлены, как и в предшествующих изданиях, изъятые из журнального текста по цензурным причинам песни «Веселая» (ст. 175—206; по корректуре), «Барщинная» (ст. 224—237; по корректуре и оттиску), «Солдатская» (ст. 1270—1316; по кор. и от.; ст. 1283, «С Георгием» вместо «Служивенький» — по рукописи ПД); песенный «диалог» Клима и солдата (ст. 1336—1393; по кор. и от.) Восстановлена также доцензурная редакция ст. 246—249 (кор. и от.), 453 (от.), 607—610 (кор.). В песне «Средь мира дольнего. . .» в ОЗ одна из строф (ст. 1581—1583) исключена явно по цензурным причинам, вследствие этого соседняя, следующая за нею строфа осталась без рифмовки. Две первые строфы также отсутствуют в ОЗ; имеются еще некоторые изменения неясного происхождения. Песня печатается в целом по корректуре и оттиску; однако последние шесть стихов (1587—1592), в отличие от ПСС, воспроизводятся по ОЗ; работа поэта шла до последней редакции, в которой с наибольшей точностью и глубиной нашла выражение авторская мысль. Следующие за песней ст. 1593—1612 даны по рукописи ПД, так как в ОЗ они переделаны, видимо, не без оглядки на цензуру. Ст. 1609—1612 были зачеркнуты автором в одной из ранних рукописных редакций и в последующих редакциях не воспроизводились. Исключены написанные в угоду цензуре ст. «Славься народу Давший свободу» после ст. 1415 и 1419, а также

следовавшие за ст. 1419: «Благослови!.. Господи правый! Счастьем и славой Дело Любви!»

Автографы — ПД (черновая и беловая рукописи) и ЦГАЛИ. Первоначальный рукописный вариант, озаглавленный «„Кому на Руси жить хорошо“, гл. II. Кто на Руси всех грешней. Кто всех святей. Легенды о крепостном праве», в переработанном виде составил начало вступления (ст. 1—63). За первоначальным вариантом следует: «„Кому на Руси жить хорошо“. Часть II. Глава вторая. „Поминки по крепям“»; соответствует ст. 1—707. Заглавие сопровождено авторским примечанием, повторенным во всех последующих рукописных редакциях: «Настоящая глава непосредственно следует за главою «Последыш», напечатанной в «Отеч. записках» 1873 года, № 2 и в отдельном издании стихотворений Некрасова, изд. 8, ч. VI, стр. 45». В последующих редакциях примечания ссылка на страницы исправлена, вместо 45 дано 9—70, но и это неточно, следует: 70—201. В следующем перебеленном тексте «Поминок по крепям» заглавие зачеркнуто, вместо него впервые появилось «Пир на весь мир». Далее идут черновые варианты, к которым восходит наборная рукопись (ЦГАЛИ). С этой рукописи (написана рукою В. М. Лазаревского, с большой авторской правкой) набирался текст ОЗ 1876 г., № 11, вырезанный из книги по требованию цензуры. К рукописи ЦГАЛИ близок текст сохранившихся гранок, оттиска ОЗ 1876 г. и первопечатный текст Петербургской вольной типографии (нелегальное издание).

Затем, после не дошедших до нас промежуточных вариантов, идет текст копии, написанный рукою А. А. Буткевич, близкий к первопечатному легальному изданию (ОЗ, 1881, № 2), но полностью не совпадающий с ним. В тексте ОЗ 1881 г. помета рукописных редакций «Из второй части» отсутствует. Авторское примечание изменено редакцией: «Настоящая глава следует за главою «Последыш», помещенною в «Отечественных записках» 1873 г. Она была написана Некрасовым осенью 1876 г., но, по обстоятельствам, до сих пор не была напечатана. Точками при напечатании настоящей главы означены места, выпущенные самим автором». Последняя фраза — дань цензуре. Некрасов вынужден был изъять из текста «Пира» песни «Веселая», «Барщинная», песни солдата Овсяникова и запевки Клима Лавина. Многие места текста в угоду цензуре были изменены. Но и в таком изуродованном виде при жизни Некрасова поэма не была допущена к печати.

В конце рукописи «Пира» стоит: «Сентябрь — октябрь 1876. Ялта». Однако есть основания думать, что работа над ним была начата раньше; помета «Ялта» впервые встречается на 26-м листе рукописи. Доработка текста шла и в 1877 г. «Пир на весь мир» встретил особенно ожесточенное сопротивление со стороны цензуры. Цензор Лебедев дал о нем резко отрицательный отзыв и потребовал ареста ноябрьской книжки ОЗ 1876 г., в которой предполагалось напечатать «Пир на весь мир»: «Находя все стихотворение «Пир на весь мир» крайне вредным по своему содержанию, так как оно может возбудить неприязненные чувства между двумя сословиями, и что оно особенно оскорбительно дворянству, столь недавно пользовавшемуся помещичьими правами, цензор полагает ноябрьскую книжку «Отечественных записок» на основании закона 7 июля

1872 года подвергнуть аресту» (ГМ, 1918, № 4—6, с. 98). Во избежание ареста книги А. Краевский распорядился «Пир на весь мир» вырезать из нее. Смертельно больной Некрасов не сдавался и продолжал борьбу. Он пригласил к себе председателя Петербургского цензурного комитета А. Г. Петрова «и битых два часа доказывал ему всю несообразность таких на него нападков» (А. Буткевич, Из дневников и воспоминаний, ЛН, № 49—50, с. 174), так и не убедив его. В декабре 1876 г. Некрасов обратился с письмом к начальнику Главного управления по делам печати В. В. Григорьеву, в котором говорил о своих вынужденных уступках цензуре и просил разрешения напечатать «Пир» в январской книжке ОЗ за 1877 г. Но и это ходатайство умирающего поэта было отвергнуто. Некрасов надеялся на содействие лейб-медика С. П. Боткина (ему была посвящена поэма) и министра двора гр. А. В. Адлерберга, через которого он намеревался обратиться к царю. Однако при жизни поэту не удалось добиться публикации «Пира на весь мир». С большим количеством цензурных купюр и искажений «Пир» появился в легальной печати через три года после смерти Некрасова. *Боткин Сергей Петрович* (1832—1889) — профессор Медико-хирургической академии, директор клиники внутренних болезней, осенью 1876 г. жил в Ялте, лечил Некрасова. *Запятки* — место позади экипажа, где стоял или сидел сопровождающий господ лакей («выездной»). В основе рассказа *«Про холопа примерного — Якова верного»* действительный факт, о котором рассказывал Некрасову А. Ф. Кони: «У помещика, ведшего весьма разгульную жизнь, отнялись ноги, и силач-кучер на руках выносил его в коляску и вынимал из нее. У сельского Малюты Скуратова был, однако, сын, на котором отец сосредоточил всю нежность и сострадание... Этот сын задумал жениться и пришел вместе с предполагаемой невестой просить разрешения на брак. Но последняя, к несчастью, так приглянулась помещику, что тот согласия не дал. Молодой парень затосковал и однажды, встретив помещика, упал ему в ноги с мольбою, но, увидя его непреклонность, поднялся на ноги с угрозами. Тогда он был сдан не в зачет в солдаты, и никакие просьбы отца о пощаде не помогли. Последний запил, но недели через две снова оказался на своем посту, прощенный барином, который слишком нуждался в его непосредственных услугах. Вскоре затем барин поехал куда-то к соседям со своим Малютою Скуратовым на козлах... Проехав с полверсты, он остановил лошадей в особенно глухом месте оврага, молча, с угрюмым видом... отпряг их и погнал ударом кнута, а затем взял в руки вожжи. Почуяв неминуемую расправу, барин, в страхе, смешивая просьбы с обещаниями, стал умолять пощадить ему жизнь. «Нет! — отвечал ему кучер, — не бойся, сударь, я не стану тебя убивать, не возьму такого греха на душу, а только так ты нам солон пришелся, так тяжко с тобой жить стало, что вот я, старый человек, а через тебя душу свою погублю». И возле самой коляски, на глазах у беспомощного и бесплодно кричавшего в ужасе барина, он влез на дерево и повесился на вожжах» (А. Ф. Кони, Некрасов и Достоевский, Пг., 1921, с. 21—23). *Цуг* — запряжка лошадей гуськом, т. е. одна за другой. *Что целые селения на попрошайство осенью... идут.* О подобных фактах говорилось в прессе 1860-х годов. Так, Н. Дубенский в статье «Нищенство во Владимир-

ской губернии как промысел» писал, что «кроме земледелия и фабричной промышленности местное население (Ковровского и Судогского уездов. — *А. Г.*) промышляет нищенством и конокрадством. Первоначальной причиной такой странной промышленности были бедность и непроизводительность почвы, которая не в состоянии прокормить народ, при всем его труде на ней» («Грамотей», 1863, № 2, с. 53). *Тройца-Сергия* — Троице-Сергиева лавра, монастырь, расположенный недалеко от Москвы. *Старообряд Кропильников.* Ср. рукописные наброски, с. 402. *Доскажет быль афонскую.* В восстании греков против турок в 1821 г. приняли участие афонские монахи. Турки жестоко подавили это восстание, погибло около 4 тысяч афонских монахов. *Пещур* — корзинка, дорожный кошель, котомка для хлеба. *Коли всем миром велено: Бей! — стало, есть за что!* По словам сестры поэта А. А. Буткевич, в основе этого эпизода лежит истинное происшествие: «В 74 году я провела лето с братом в бывшем его имении Ярослав<ской> губ., в селе Карабихе. Не могу сказать наверно, сам ли исправник или один из акцизных чиновников рассказывал при мне брату о крестьянине-шпионе, который возбудил подозрение в мужиках тем, что, ничего не делая, одевался щеголем и имел всегда деньги, — вот они и добрались откуда и, сообразив, что это за птица, — заманили его в лес и избили. Мужик-шпион убрался из своей деревни, но всюду, где он появлялся, его били по наказу Помнится, что история эта кончилась трагически» (ЛН, № 53—54, с. 190). *Раек* — ящик с передвижными картинками, на которые смотрели через увеличительные стекла.

*СОВРЕМЕННИКИ

Часть 1 — ОЗ, 1875, № 8, с. 325, подпись: ***; часть 2 — ОЗ, 1876, № 1, с. 5; перепечатано в ПП с многими исключениями. Печ. по ОЗ с учетом стилистической правки в ПП (ч. 2, ст. 137) и изменений текста в ст. 607—618, сделанных Некрасовым в сборнике и восходящих к рукописи. В ст. 41 (ч. 1) принимается конъектура Изд. 1879 (Дюссо; в ОЗ и ПП: ***); в ст. 175, 177 (ч. 1) и в ст. 639 (ч. 2) восстановлены фамилии по рукописи (в ОЗ и ПП: А***, Б***, В*** и Д—дов, Л—нов); строки, пропуск которых был обозначен в журнале точками, восстановлены по рукописи (ч. 2, ст. 277—280, 699—710) и по ПП (ч. 2, ст. 389—390); примечание к ст. 249 (ч. 2) дано по ПП, а не по ОЗ, так как более обширный текст примечания в журнале был вызван четырехмесячным перерывом в публикации первой и второй части поэмы. Автографы — в ЛБ (часть черновой рукописи) и ЦГАЛИ (черновая, сводная и наборная рукописи). В отличие от предыдущих собраний стихотворений Некрасова в настоящем издании «Современники» печатаются по ОЗ, а не по ПП, где текст поэмы был опубликован со значительными сокращениями. По авторитетному свидетельству А. А. Буткевич, Некрасов, издавая ПП, «выпустил из них все, что хотя сколько-нибудь могло быть поводом к столкновению с цензурой, относившейся к нему во время болезни крайне придирчиво. Он поместил только самые, по его мнению, невинные, боясь, чтобы

книга не подверглась аресту» (ЛН, № 49—50, с. 174). Особые заботы о «цензурности» «Современников» со стороны Некрасова вполне объяснимы. Сразу же после появления первой части поэмы в журнале цензор Н. Лебедев заявил, что «стихотворения ... под общим заглавием «Современники» ... кажутся мне предосудительными в том отношении, что в них осмеиваются юбиляры, признанные правительством заслуживающими такого чествования, так как оно удостоило их арендами и другими наградами» (А. М. Гаркави, Разыскания о Некрасове. — «Ученые записки Калининградского пед. института», 1961, вып. 9, с. 58). Однако обращение к журнальному тексту в качестве источника для публикации некрасовской поэмы наталкивается на определенные трудности. В ЦГАЛИ сохранился план расположения «зал» в первой части поэмы («Юбиляры и триумфаторы»), составленный самим Некрасовым: 1. Администратор. 2. Литератор. 3. Гонитель литературы. 4. «Жюдисты». 5. Новый губернатор. 6. Жид-процентщик — редактор. 7. Военный спор. 8. Сенаторы. 9. Агрономы. 10. Председатель Казенной палаты. 11. Заводчики. 12. Литераторы-гробовскрыватели. 13. Воины. 14. Полицейский сыщик. 15. Благотворители. 16. Гастрономы. Переписчик ошибся при нумерации «зал» в наборной рукописи, обозначив «Благотворителей» не № 15, а 16; «Гастрономы» же получили № 17. № 15, таким образом, оказался пропущенным. Некрасов в наборной рукописи вычеркнул № 5 («Новый губернатор») и перенумеровал все следующие сцены (уменьшая последовательно их номера на единицу). Но он не заметил ошибки переписчика, в результате чего при новой нумерации оказался пропущенным № 14. При публикации первой части поэмы в ОЗ под тремя номерами (№№ 2, 5, 14) были выставлены только ряды точек. Под № 2 должен был идти отрывок «Литератор», под № 5 — «Жид-процентщик — редактор», а за № 14, как мы знаем, никакого реального текста не было. Впоследствии, при публикации второй части поэмы («Герои времени») в журнале Некрасову удалось использовать отрывок «Жид-процентщик — редактор». Следовательно, из трех пропущенных «зал» в первой части можно было бы восстановить лишь № 2 — «Литератор», так как № 5 перешел во вторую часть, а за № 14 ничего не стояло. Однако нет оснований предполагать, что «Литератор» был исключен из цензурных соображений. Поэтому в настоящем издании первая часть поэмы состоит из 13 зал — тех, которые были опубликованы в ОЗ. Сохранение №№ 2, 5, 14 с рядами точек, как это было сделано в журнале, нецелесообразно: только за № 2 стоит реальный текст. В связи с этим эпизоды из первой части печатаются со сплошной нумерацией (№№ 1—13) — подобно тому, как это сделал сам Некрасов в ПП, где также дана сплошная нумерация (№№ 1—10).

Замысел поэмы возник у Некрасова в середине 60-х годов в связи с его работой над циклом так называемых «клубных» сатир. С последней сатирой этого цикла новая поэма Некрасова перекликается даже по названиям: «Недавнее время» — «Современники». Непосредственно к работе над «Современниками» Некрасов приступил 5 мая 1875 г. Поэма была окончена 9 июля 1875 г., однако Некрасов еще продолжал некоторую работу над текстом, готовя публикацию поэмы в ОЗ и затем в ПП (М. В. Теплинский.

Творческая история поэмы «Современники». — Некр. сб. 2, с. 302—307).

Тяжелое экономическое положение страны в 70-х годах, новые «сети», сковавшие народ вместо старых «крепостных сетей», факты, свидетельствующие о неуклонном росте капитализма, сведения о повальном взяточничестве среди высшей администрации — все это послужило материалом для создания поэмы, посвященной разоблачению «новых язв, народившихся зол». В 70-е годы вопрос о развитии капитализма в России был предметом самых оживленных споров. В первой части поэмы («Юбиляры и триумфаторы») Некрасов использовал форму юбилейных торжеств, которые были тогда чрезвычайно распространены в России. В том же номере ОЗ, где появились «Юбиляры и триумфаторы», был опубликован рассказ М. Е. Салтыкова-Щедрина «Сон в летнюю ночь», дополняющий в известной степени поэму Некрасова. В критике тех лет высказывалось мнение, что Щедрин и Некрасов выступали только против юбилейной мании. 16 сентября 1875 г. Салтыков-Щедрин писал Некрасову об А. М. Скабичевском: «Он очень серьезно думает, что я против страсти к юбилеям протестую — каков дурачина!.. Точно так же Буренин, яко подлец, и вашим стихам придает ту же нелепую цель» (Салтыков, т. 18, с. 303). Разумеется, истинный смысл произведений Некрасова и Щедрина был иным. Для Некрасова бесчисленные юбилейные торжества служили поводом для резкого разоблачения всевозможных «триумфаторов», грабящих и эксплуатирующих народ. Некрасов высмеивает и тех, кто стремится уйти от кардинальных проблем действительности в «библиографию», «гастрономию» и т. д. Во второй части поэмы («Герои времени») в центре внимания автора — члены одной могущественной корпорации, объединившиеся для походов «на карманы благодушных россиян»: подрядчики, капиталисты, банкиры, продавшиеся буржуазии сановники и интеллигенты. Поэт использовал в поэме многочисленные факты их деятельности. В черновой рукописи встречаются упоминания имен фон Дервиза, Мекка, Овсянникова, Кокорева (ПСС, т. 12, с. 298). Кроме того, в поэме отразились некоторые факты из деятельности Губонина, Варгунина, Полякова, Варшавского, Сущова и др. Все это были характерные представители русского капиталистического общества 70-х годов, и именно поэтому Некрасову было удобно использовать отдельные черты их биографий при создании образов главных действующих лиц поэмы. Однако главные герои поэмы (кн. Иван, Зацепин, Шкурин, Антихристов) не имеют все же определенных прототипов. Иначе обстоит дело с второстепенными персонажами. Здесь Некрасов порою сам подсказывает ту или иную параллель, используя созвучие фамилий, сходство биографий и т. д. Кроме того, в поэме, созданной на материале живой современности, есть прямые упоминания тех или иных реально существовавших личностей. В идейно-художественном отношении поэма примыкает к антикапиталистическим сатирам Салтыкова-Щедрина, созданным в 70-е годы («Благонамеренные речи», «Дневник провинциала в Петербурге» и т. д.). Не случайно Щедрин высоко оценил «Современников». «Поэма поразила меня своею силою и правдою», — писал он Некрасову (Салтыков, т. 18, с. 338).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЮБИЛЯРЫ И ТРИУМФАТОРЫ. *«Бывали хуже времена, Но не было подлей»* — неточная цитата из рассказа Н. Д. Хвощинской-Зайончковской (В. Крестовский — псевдоним) «Счастливые люди»: «Были времена хуже — подлее не бывало» (ОЗ, 1874, № 4, с. 363). *Дюссо* — владелец известного ресторана в Петербурге. Зала № 1. Судя по тексту, здесь речь идет о генерал-губернаторе. Возможно, Некрасов имел в виду И. И. Фундуклея (1804—1880), бывшего долгое время киевским губернатором, а затем назначенного членом Государственного совета. В черновой рукописи указывается, что юбиляр из Залы № 1 был награжден орденом Андрея Первозванного. В первой половине 1875 г. этой награды был удостоен только И. И. Фундуклей — в связи с 60-летием со времени производства в первый классный чин («Голос», 1875, 2 января). *Аргус* (греч. миф.) — стоокий великан, которому Гера приказала стеречь возлюбленную Зевса Ио, превращенную в корову. Зала № 2. В плане Некрасова юбиляр, которого чествуют в этом зале, назван «Гонитель литературы». Это название, а также упоминание имени М. Л. Магницкого (1778—1855), известного мракобеса, одного из самых реакционных деятелей эпохи Александра I в области народного образования, помогает понять намек поэта на реакционных деятелей 70-х годов во главе с тогдашним министром народного просвещения Д. А. Толстым (1823—1889). Именно Д. А. Толстой был одним из наиболее злобных «гонителей литературы» тех лет, что не раз отражалось на истории ОЗ (М. В. Теплинский, «Отечественные записки» (1868—1884), Южно-Сахалинск, 1966, с. 90). В связи с реакционными реформами Д. А. Толстого в области народного просвещения в прессе 70-х годов неоднократно вспоминалось имя Магницкого. Так, например, публицист Н. Демерт, анализируя отчет одного из инспекторов классической гимназии, писал, что «подробности этого отчета напоминают времена давно минувшие, времена Магницкого, как видно не совсем еще сделавшегося достоянием истории» (ОЗ, 1870, № 3, с. 119). В апреле 1875 г. (незадолго до начала работы Некрасова над поэмой) Д. А. Толстой был награжден алмазными знаками ордена Александра Невского, причем особо отмечалась его «стойкость и последовательность» в проводимой им учебной реформе («Гражданин», 1875, № 17, с. 394). Зала № 3. В 70-х годах особой популярностью в Петербурге пользовалась Опера-буфф, на сцене которой с начала 1875 г. выступала парижская опереточная певица А. Жюдик (1850—1911). Прощальные концерты Жюдик состоялись в конце апреля 1875 г. Была организована подписка для покупки ей драгоценных подарков. Певице преподнесли «стрелу с крупными брильянтами и сапфиром, пять брильянтовых звезд и великолепный брильянтовый браслет» («Голос», 1875, 20 апреля). *Кадеты* — воспитанники кадетских корпусов, средних военно-учебных заведений. Зала № 4. Упоминаемые в этой сцене В. М. *Аничков* (1830—1877), генерал-майор, состоявший при военном министре, и Д. С. *Мордвинов* (1830—1894), генерал-адъютант, начальник канцелярии военного министерства, были изобличены в систематическом получении взяток от мукомола-миллионера С. Т. Овсянникова, преданного в 1875 г. суду (А. И. Дельвиг, Полвека русской жизни, т. 2, М.—Л., 1930, с. 527). Д. А. *Милютин* (1816—1912) — военный министр, чья

деятельность по преобразованию русской армии вызывала резкую критику со стороны реакционных кругов, уповавших прежде всего на палочную дисциплину. З а л а № 5. Среди черновых записей Некрасова есть сценка, рассказывающая об одном из сенаторов, неспособном даже понять суть тех дел, с которыми ему приходится сталкиваться. Возможно, эта запись, относящаяся к 1874 г., являлась черновым наброском к «Современникам»: «Сенатор из диви-з<ионных> генерал<ов>.

— Ну что, сенатор, как новая служба<?>

— Ничего, одно плохо. Ничего не понимаю, что секретарь читает.

— А знаешь что? ты сам читай.

Через четыре года.

— Ну что?

— Еще хуже» (Некр. сб. 2, с. 305).

З а л а № 6. В первоначальном плане Некрасов озаглавил этот эпизод «Агрономы». Название неточное, так как здесь речь идет о скотоводстве. В специальной литературе 60—70-х годов высказывались мнения о целесообразности выписывать скот из-за границы (И. А. Бабин, Сборник статей о скотоводстве, СПб., 1869). По мнению других, «туземная порода наша одарена отнюдь не меньшей молочностью, как и все знаменитейшие европейские породы» (М. А. Кузанов, О скотоводстве в России, СПб., 1864, с. 24). Споры о скотоводстве высмеиваются в поэме, поскольку они не могли существенно изменить положение крестьянского хозяйства. «Цены на скот предлагаются крестьянами самые ничтожные, лишь бы только сбыть животных с рук, но никто не решается покупать их, потому что кормить нечем ... Говорят, что если еще с неделю не сойдет с полей снег и не появится трава, то весь скот пропадет» (ОЗ, 1875, № 5, с. 155). З а л а № 7. *Казенная палата* — см. примеч. 1, с. 454. Собеседник председателя Казенной палаты — директор одного из департаментов министерства финансов. З а л а № 8. Вполне вероятно, что Некрасов воспользовался некоторыми фактами из биографии Н. И. Путилова (см. о нем также на с. 473). Во время Крымской войны Путилов занимался строительством военных судов («Голос», 1870, 16 июня). В дальнейшей деятельности он был также связан с морским министерством, изготовляя орудия для кораблей. Кроме того, на его заводах производились гранаты, снаряды, а также рельсы для железных дорог («Заводы Н. Путилова, 1867—1870». СПб., 1870). Путилов послужил прототипом для образа Ладьина во второй части поэмы. З а л а № 9. П. А. Ефремов утверждал, что Зосим Ветхозаветный — это М. И. Семевский (Доклады и отчеты Русского библиографического общества, вып. 1, СПб., 1908, с. 11). Действительно, в рукописях поэмы вместо имени Ветхозаветного встречается фамилия Семевского. М. И. Семевский (1837—1892) — журналист, редактор РС, исторического и историко-литературного журнала, далекого от живых интересов современности. В ОЗ отмечалось, что РС «по специальности своего назначения предпочитает говорить о мертвых» (1874, № 4, с. 389). В черновиках поэмы вместо Тяпушкин написано: Слепушкин. Ф. Н. Слепушкин (1783—1848) — поэт-самоучка, творчество которого отрицательно оценивалось Белинским, осуждавшим

псевдонародность многих его стихотворений (т. 4, с. 156—161). *Отыскал товарищ наш.* Из черновой рукописи ясно, что здесь речь идет о Г. Н. Геннади (1826—1880), известном библиографе. Геннади посвящено стих. Некрасова «Литературная травля, или Раздраженный библиограф» (см. наст. изд., т. 2, с. 488). *Миша* — М. Н. Лонгинов (1823—1875). В 40—50-х годах он был близок к кругу С, а затем перешел на ультрареакционные позиции, что стало особенно явно в годы, когда Лонгинов был начальником Главного управления по делам печати. Автор порнографических стихов и множества библиографических изысканий, часто не имевших серьезного историко-литературного значения. *Бартенев* П. И. (1829—1912) — издатель журнала «Русский архив». *Ефремов* П. А. (1830—1907) — библиограф и историк литературы, сблизившийся с Некрасовым в середине 70-х годов. Переписку Некрасова и Ефремова см. в ЛН, № 51—52, с. 262—273. В ПП Некрасов вместо Ефремова упомянул Семевского, считая, что в этом случае у Семевского не будет повода отождествлять себя с Ветхозаветным (Доклады и отчеты Русского библиографического общества, вып. 1, с. 11). *Но заметку сам Тургенев...* В первой половине 70-х годов И. С. Тургенев неоднократно помещал в газете «С.-Петербургские ведомости» письма в редакцию и заметки, направленные в ряде случаев против ОЗ и Некрасова. *Марсал* — вино. Зала № 10. *Ты не дрогнул перед бездной* — намек на подавление крестьянского восстания в с. Бездна Казанской губернии в 1861 г. Руководил подавлением граф А. С. Апраксин (1817—1899). Н. А. Демерт на страницах ОЗ вспоминал: «Факт почти невероятный, но однако же верный: после Безднинского «увечья», в ознаменование радости по этому случаю, крупные и именитые губернские землевладельцы устроили торжественный обед, говорили торжественные приличные случаю спичи, запивая их шампанским» (1869, № 9, с. 48). *Татарин* — здесь: официант. Зала № 11. В период работы Некрасова над поэмой в прессе сообщалось о нескольких случаях колоссальных краж и о ловкости полиции при поимке преступников. Так, 30 апреля 1875 г. в Московском купеческом банке по подложному чеку была получена крупная сумма; при посредстве агентов петербургской и московской сыскной полиции один из похитителей был задержан в Киеве. Местные газеты прославляли сметливость и энергию полиции. Для поимки другого похитителя были разосланы телеграммы с указанием его примет чуть ли не по всей Европе; русское посольство обратилось с просьбой о содействии к прусскому правительству; в заграничных газетах появились фотографии преступника, и т. д. Зала № 12. В прессе 70-х годов неоднократно говорилось о том, что благотворительные лотереи были одним из способов эксплуатации народа. «Действуя на скопляющуюся при этих случаях огромную массу народа по преимуществу из низших классов, материально не обеспеченных и живущих трудом — рабочих, ремесленников, поденщиков, прислуги, завлекая их вывеской выигрышей и особенно дешевизною билетов, которых выпускается громадное количество, без соображения с числом выигрышей, подобные лотереи-аллегри, устраиваемые, например, в Летнем саду в праздничные дни, разжигают страсти, выманивают у бедного люда последнюю трудовую копейку» («Голос», 1875, 26 ноября). О некоторых излюбленных

приемах организаторов подобных лотерей рассказывал А. С. Суворин: «Госпожи благотворительницы получили вкус к коровам, доить которых они не умеют, но доить посредством коров народ выучились. Не трудная наука!» (А. С. Суворин, Очерки и картинки, т. 2, СПб., 1875, с. 283). Зала № 13. «В начале 70-х годов в Петербурге существовало какое-то гастрономическое общество ... Ставились даже баллы за кушанья и обеды» (Н. К. Михайловский, Литературные воспоминания и современная смута, т. 1, СПб., 1900, с. 78—79).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГЕРОИ ВРЕМЕНИ. *Шкурин.* При создании этого образа Некрасов использовал некоторые черты жизни и деятельности П. И. Губонина (1826?—1894), сына крепостного крестьянина, ставшего впоследствии одним из крупнейших железнодорожных магнатов. Подобно Кокореву (см. дальше), он демонстрировал свою «близость к народу» тем, что не расставался с купеческой длиннополой поддевкой и предпочитал «народную пищу». Внешнее народолюбие Губонина неоднократно разоблачалось в ОЗ (1873, № 1, с. 147—148; 1874, № 11, с. 224). *Савва Антихристов.* В этом образе отразились факты из биографии В. А. Кокорева (1817—1889), начавшего свою карьеру сидельцем в питейном доме и нажившего затем миллионное состояние откупами. Кокорев, один из крупнейших русских капиталистов, часто выступал с речами либерально-славянофильского характера. О его хищничестве см. известную статью Н. А. Добролюбова «Опыт отучения людей от пищи». Некрасов в «Медвежьей охоте» назвал его «откупщик, кабачный гений». ОЗ с негодованием писали о лицемерии Кокорева (1870, № 8, с. 257). *Алтын* — старинная трехкопеечная серебряная монета. *Сняли мы линию* — т. е. получили подряд на постройку железнодорожной линии. *Зацепа.* Работая над образом Григория Аркадьевича Зацепина, Некрасов использовал отдельные черты из деятельности Н. Н. Сущова (1830—1908), одного из наиболее значительных дельцов той эпохи. «...Казалось, ни одно железнодорожное дело, ни одно коммерческое предприятие, ни одно коммерческое дело не могло осуществиться без Сущова — всюду был Сущов» (С. Ю. Витте, Воспоминания, т. 1, М., 1960, с. 340). Хищническая практика Сущова была отражена в романе П. Боборыкина «Дельцы», опубликованном в ОЗ (1872—1873). *Писклива была его речь* — намек на скопчество менялы. *Грош* — см. ниже, с. 471. *Утин* Е. И. (1843—1894) — адвокат и публицист, выступал в качестве защитника в нескольких политических процессах. *Ермолов* А. П. (1772—1861) — выдающийся полководец и дипломат. *Образец непроходимых Государственных нерях* — очевидно, адмирал К. Н. Посьет (1819—1899), назначенный в 1874 г. министром путей сообщения. *Прежний много лучше был* — граф А. П. Бобринский, предшественник К. Н. Посьета на посту министра путей сообщения. *Не сажал нас на мель в море.* «Командуя фрегатом, на котором находился великий князь, Посьет на Немецком море столкнулся с другим кораблем» (С. Ю. Витте, Воспоминания, т. 1, с. 250). *Адепты севера и юга* — сторонники южного или северного направления проектируемой Сибирской железной дороги. Оживленная полемика о направлении этой дороги разгорелась на съезде «Общества содействия русской торговле и промышленности» (26 марта — 19 апреля 1875 г.) и нашла широкое

отражение в печати. *Постлать соломки не мешает* — намек на взяточничество, широко распространенное при проектировании и строительстве железных дорог. *Современный Митрофан* — А. М. Варшавский, один из крупнейших железнодорожных дельцов. Рядом с черновым наброском о «Митрофане» сохранилась следующая запись:

«Варшавский всегда во фраке
в белом галстуке
всегда от министра
Почетный легион
цалуется
и сын его живет как цар
постоянно лжет» (ЛБ).

Орденом Почетного легиона Варшавский был награжден за то, что обеспечивал французскую промышленность русскими заказами (ОЗ, 1874, № 11, с. 223). *Душкина* — петербургская актриса (А. И. Вольф, Хроника петербургских театров, ч. 1, СПб., 1877, с. 138). *Радина* Л. П. — солистка балета, «каждое появление на сцене которой встречалось восторженными рукоплесканиями» («Голос», 1875, 21 февраля). *Человека накачали* и т. д. По словам П. А. Ефремова, в этой сцене изображен И. А. Варгунин, крупный железнодорожный делец (Доклады и отчеты Русского библиографического общества, вып, 1, с. 11). Варгунину же посвящена реплика кн. Ивана «На французском масле» и т. д. В черновом автографе поэмы есть запись: «Варгунин — сальный, толстый — на фр<анцузском> масле, сд<еланном> из сала» (ЛБ). *Слыл умником и в ус себе не дул* — граф А. П. Бобринский (1826—1894), бывший в 1871—1874 годах министром путей сообщения (С. А. Рейсер, Заметки о Некрасове. — Некр. сб. 3, с. 349). *На Литейной такое есть здание.* На Литейном проспекте в Петербурге помещались Судебная палата и окружной суд. *Игуменья — честная Митрофанья.* Некрасов пишет о нашумевшем судебном процессе над настоятельницей монастыря Митрофанией (в миру — баронессой П. Г. Розен), осужденной за мошенничества, подделку документов и т. д. «Редко у нас на Руси, — писал Н. А. Демерт, — чье-нибудь имя приобретало такую всенародную известность, какой теперь пользуется игуменья Митрофания» (ОЗ, 1874, № 11, с. 256). Некрасов сатирически воспроизводит статьи реакционных изданий, которые пользовались случаем, чтобы напасть на новые судебные учреждения («Московские ведомости», 1875, 28 мая; «Гражданин», 1875, № 14, с. 351). *Чу! призыв к войне!* Речь идет об австро-прусской войне 1866 г., которая окончилась поражением австрийцев. Одной из причин поражения было плохое вооружение австрийской армии. *Суетливый коммерсант* — Ф. П. Баймаков (1831—1907), банкир, основатель «Товарищества на вере — И. И. Жадимеровский, Ф. П. Баймаков и К^{0}». Фирма приносила убытки, и для улучшения своего финансового положения Баймаков в конце 1874 г. приобрел газету «С.-Петербургские ведомости», где вел «Биржевую хронику». «Такого развязного, откровенного, цинического зазывания на биржу, какое Ф. П. Баймаков в газете устроил, русская литература еще не видела», — писал Н. К. Михайловский в ОЗ (1875, № 7, с. 164). *Тиблен* Н. Л. — книгоиздатель. В 1868 г.

сбежал за границу, оставив большие долги. *Моряк на суше* — К. Н. Посьет (см. о нем выше, с. 467). *Генкель* В. Е. (1825—1910), издатель, подобно Тиблену сбежавший за границу (ОЗ, 1872, № 9, с. 74). *Гоппе* Г. Д. (1836—1885) — владелец издательской фирмы, безграмотный спекулянт, обиравший рабочих (В. Михневич, Наши знакомые, СПб., 1884, с. 62—63. См. также: Судебная хроника. — «Биржевые ведомости», 1875, 18 мая). *На уме чины да куши* и т. д. Из плана Некрасова следует, что эти слова относятся к С. С. Полякову (1837—1888), известному железнодорожному дельцу, получившему в 70-х годах генеральский чин (действительного статского советника). Сохранилась черновая заметка Некрасова: «Писарь — Д<ействительный> С<татский> С<оветник>, переписывавший всю жизнь <бумаги> только на высочайшее имя. Герд<?> негодует, что Полякова сделали Д<ействительным> С<татским> С<оветником>. Что же такое заслуги на государственной службе после этого?» (ПСС, т. 12, с. 461). *Слышны толки: «Леность... пьянство...»* и т. д. В отрывке, начинающемся этими словами, Некрасов сатирически воспроизводит некоторые выступления участников Петербургского губернского дворянского собрания, которое происходило весной 1875 г. См. посвященную этому собранию статью С. Кривенко «В поисках за гражданским идеалом» (ОЗ, 1875, № 5). *Граф* Орлов *Давыдов* В. П. (1809—1882), петербургский предводитель дворянства, и *князь Лобанов*-Ростовский Н. Б. выступили на Петербургском дворянском собрании с проектами «всесословной волости», предлагая, чтобы помещики вновь получили полицейские права, как это было при крепостном праве. «...Вопрос о всесословной волости, — говорил кн. Лобанов, — затрагивает весь государственный строй. Благосостояние России зависит от того, будут ли руководить местным управлением люди имущие и образованные, или будет преобладать большинство — бедное и необразованное. Неужели придется видеть осуществление слов Гнейста: „Фанатизм социального равенства доведет до того, что местное управление перейдет в руки писарей“» (Приложение к «Биржевым ведомостям», 1875, 22 марта). Рудольф фон *Гнейст* (1816—1895) — немецкий реакционный публицист, профессор римского права в Берлине. *Вся беда России В недостатке власти* и т. д. Пародийное воспроизведение речи одного из самых реакционных ораторов, выступавших на собрании дворян Петербургской губернии, предводителя дворянства Царскосельского уезда А. П. Платонова (1808—1894), который восклицал под шумное одобрение слушателей: «Спросите у любого крестьянина, и они все вам скажут, что теперь порядка у нас нет, потому что нет власти. Дайте нам власть, говорят они. Я прибавлю — и это факт — мне самому крестьяне говорили: „возвратите нам власть помещиков“» (Приложение к «Биржевым ведомостям», 1875, 23 марта). *Даже божии стихии* и т. д. Весною 1875 г. все газеты были переполнены сообщениями о стихийных бедствиях, обрушившихся на различные районы России. Ср. упоминание о пожарах в первой части рассказа Салтыкова-Щедрина «Сон в летнюю ночь» (1875). В черновой рукописи сохранились наброски Некрасова, использованные им впоследствии в поэме: «Ураганы, вихри, штормы. Божий гром. Град, засуха, саранча. Даже страхование во вред — богатый застрахует и спокойно смотрит на развитие пожара... а бедняк что сде-

лает. Последствие: богач получил свои деньги, а местность опустошена. Даже почва провалилась кое-где. Провалился земельный надел» (ЦГАЛИ). *Пусть глас народа — божий глас* и т. д. — пародия на речь кн. Лобанова, который говорил: «Толпа ... особенно необразованная, следует минутному увлечению и придерживается поговорки: «Глас народа — глас божий». Не забудьте, что глас народа требовал распятия спасителя» (Приложение к «Биржевым ведомостям», 1875, 22 марта). *Гедимин* (ум. 1341) — великий князь литовский, родоначальник многих княжеских родов. *Давыдов* Д. В. (1784—1839) — знаменитый партизан 1812 г., поэт. *Замечаю ренегатов Из семьи профессоров.* В 70-х годах некоторые профессора высших учебных заведений принимали активное участие в деятельности банков, акционерных обществ и т. д. В связи с этим ОЗ писали: «Это — порождение новой большой промышленности; это — капиталистические слуги, капиталистические гарсоны. . .» (1874, № 9, с. 85). *Москвич* — И. К. Бабст (1824—1881), буржуазный экономист, в прошлом один из любимых учеников Т. Н. Грановского, близкий знакомый Н. П. Огарева. В 1867 г. Бабст начал управлять Купеческим банком. «И. К. Бабст, — писал Г. З. Елисеев, — только после основательного изучения — в качестве профессора политической экономии — всех способов производительнейшего употребления капиталов в стране, переменил кафедру политической экономии на место директора банка, конечно в удостоверение учащемуся юношеству, что в наше время нет ничего производительнее, как пристраивать свои капиталы в банке, а если можно — и самому там пристраиваться» (ОЗ, 1876, № 11, с. 136). В дальнейшем Некрасов снова вспоминает о Бабсте, именуя его Швабсом. *Искандер* — Герцен. *Вот другой — слывет за чудо* — профессор И. А. Вышнеградский (1831—1895), автор работ по механике, директор Технологического института, активный деятель ряда акционерных обществ, впоследствии министр финансов. Из воспоминаний современников известно, что Вышнеградский умел говорить «бойко, витиевато, без запинки и без выбора доводов, — со ссылками на параграфы иногда вовсе не существовавших статей, уставов и положений («Я беру летучие цифры», — оправдывался он, когда его ловили), но все это производило оглушительный треск, и спорить под этот треск охотников не находилось» (П. М. Ковалевский, Стихи и воспоминания, СПб., 1912, с. 373). В особенности поражало современников низкопоклонство Вышнеградского перед плутократами. Н. К. Михайловский писал: «Г. Вышнеградский, отстаивая в общих собраниях привисленской железной дороги интересы своего патрона, г. Блиоха, и имея темперамент сангвинический, дошел наконец до того, что сам г. Блиох сказал ему публично и громогласно: тпру!» (ОЗ, 1874, № 11, с. 229). Сохранилась черновая заметка Некрасова о Вышнеградском: «Не все ли равно сидеть на стуле, на котором положена печать. Неб<ольшого> р<осту>, крепкий, из поповичей, спец<иалист> по механике» (ЦГАЛИ). *Бутовский* А. И. (1817—1890) — буржуазный экономист. *Антокольский* М. М. (1843—1902) — известный скульптор. *И муж государственный тоже* и т. д. В рукописи против этих строк Некрасов пометил: «Министр». Судя по всему, речь идет о министре внутренних дел, которым был в те годы А. Е. Тимашев (1818—1893). *Остзейский туз — барон фон Клоппенгорст.* Среди чер-

новых записей к поэме имеются строки: «Барон Пален — на Ревельской — все бароны — кондукторы, начальники, держит себя высоко — исторической заслуги на лице печать. Ревельский барон Унгер<н>-Штер<н>берг. Одесская дорога. Дал ход остз<ейцам?>. Бар<он> поправил состояние» (ЛБ). На основании этой записи можно сделать вывод, что барон Унгерн-Штернберг был одним из прототипов образа барона фон Клоппенгорста. К. К. Унгерн-Штернберг, бывший предводитель дворянства одной из прибалтийских губерний, «был в очень близких отношениях с императором Александром II» (С. Ю. Витте, Воспоминания, т. 1, с. 85). Он был главным директором Одесской железной дороги. «Об его постройках было помещено в периодических изданиях много статей, из которых наиболее замечательною и едкою была статья Н. И. Липина, назвавшего способ постройки дорог, заявленный Унгерн-Штернбергом, не „Американским“, а „Ревельским“» (А. И. Дельвиг, Воспоминания, т. 3, М., 1913, с. 235). *«Монитор»* — броненосец «Миантономо», прибывший в Кронштадт летом 1866 г. в составе американской эскадры, чтобы приветствовать Александра II по случаю его спасения от каракозовского выстрела. *Эдуард Иваныч Грош.* Первоначально Некрасов хотел указать на родство этого персонажа с министром финансов Рейтерном. В рукописи о нем сохранилась пометка: «Карьеру начал с лакеев» (ПСС, т. 12, с 298). Возможно, что одним из прототипов образа Гроша был М. И. Кази (ум. 1896). «Грек по происхождению, он представляет собой колонновожатая того гешефтмахерского нашествия «двунадесяти языков» на наши «естественные богатства», которое имеет в предмете конечное пленение и «мужицкого алтына» и «дворянского рубля». Г. Кази — «делец» на все руки: он и заводами управляет, и корабли строит, и на бирже «свой человек», и по части «проведения» дел в подлежащих сферах маг и волшебник, и в «Обществе поощрения торговли и промышленности» — первый запевало и виртуоз в музыке протекционизма и капитализма» (В. Михневич, Наши знакомые, СПб., 1884, с. 96—97. Показательно, что при характеристике Кази Михневич пользуется цитатами из «Современников»). *Он туда протиснет взятку* и т. д. По справедливому предположению К. И. Чуковского, намек на взяточничество самых высших представителей царской администрации вплоть до членов императорской фамилии. Военный министр Д. А. Милютин писал в своем дневнике, что Александр II был «чужд самым элементарным началам честности и бескорыстия ... С ведома высших властей и даже по высочайшей воле раздавались концессии на железные дороги фаворитам и фавориткам прямо для поправления их финансового положения, для того именно, чтобы несколько миллионов досталось в виде барыша тем или другим личностям» (Дневник Д. А. Милютина, т. 1, М., 1947, с. 162. См. также: А. И. Дельвиг, Полвека русской жизни, т. 2, М.—Л., 1930, с. 18, 461; Е. М. Феоктистов, За кулисами политики и литературы, Л., 1929, с. 306—312). *Новый гость* — Е. И. Ламанский (1825—1902), писатель по финансовым вопросам, управляющий Государственным банком, могущественный покровитель различных частных банков, обществ взаимного кредита, акционерных компаний, в которых сам принимал деятельное участие. В прессе отмечалось, что «он пользуется неограниченным доверием министра финансов ... он необходимый для всех

финансовых учреждений и предприятий советчик ... все немецкие, еврейские и русские банкиры считают его своим другом При такой счастливой в финансовом отношении обстановке г. Ламанский все может: захочет он погибели любого банка, он только дунет, и банк погиб, захочет он его процветания — банк цветет и растет» («Гражданин», 1875, № 14, с. 338). В черновой рукописи поэмы сохранилась заметка Некрасова: «Ламанский — под порф<ирою> банка помещение залога. Все к одному источнику — к Л<аманскому>» (ПСС, т. 12, с. 398). *Золото клюет — Возвращает... ассигнации.* Е. И. Ламанский злоупотреблял предоставленным Государственному банку правом выпускать кредитные билеты (К. Скальковский, Наши государственные и общественные деятели, СПб., 1890, с. 38). *Плотицын* М. К. — миллионер, глава секты скопцов. *Нужно выждать: не созрели* — намек на фразу, которой Е. И. Ламанский прославился в свое время. В конце 1859 г. в Петербурге состоялся диспут, посвященный деятельности «Русского общества пароходства и торговли». Диспут был таким шумным, что председатель — Е. И. Ламанский — закрыл заседание, заявив, что «мы еще не созрели» для публичного обсуждения общественных дел. Диспуту была посвящена статья Н. А. Добролюбова «Любопытный пассаж в истории русской словесности». Фраза Ламанского неоднократно обыгрывалась в «Свистке» (Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. 7, М.—Л., 1963, с. 395, 404—407, 415, 426). *Пьер Кульков* — П. М. Ковалевский (1823—1907), поэт, беллетрист, художественный критик либерального направления. В 70-е годы он занимался также коммерческой деятельностью. «Мрачный поэт и экс-романист, громивший некогда акционерные порядки и протестовавший против поклонения золотому тельцу, — П. М. Ковалевский ныне благополучно восседает в правлениях трех железных дорог, расположенных в трех различных углах нашего обширного отечества» («Новое время», 1876, 22 января). А. Ф. Кони рассказывал, что Ковалевский узнал себя в Пьере Кулькове и даже ответил Некрасову стихами, которые начинались так: «Экс-писатель бледный Смеет вас просить...» (К. И. Чуковский, Некрасов, Л., 1926, с. 104). *Фон Руге* — П. Г. фон Дервиз (ум. 1881), железнодорожный делец, купивший в Италии на награбленные в России деньги великолепную виллу «Роза» (в поэме — вилла «Мирт») Построенная фон Дервизом Рязанско-Козловская дорога обошлась чрезвычайно дорого (ОЗ, 1875, № 4, с. 316). *Великий муж! — Говорят ему витии.* 9 марта 1875 г. катковская газета «Московские ведомости» поместила статью, рекламирующую деятельность фон Дервиза. В статье утверждалось, что если он и составил себе громадное состояние, «то и этого следовало ожидать в видах общей пользы». См. отклик на эту статью в стих. В. Курочкина «Немец обезьяну выдумал» («Биржевые ведомости», 1875, 23 марта). *Оркестру внемлет solo.* «Дервиз, — писал С. Ю. Витте, — от той роскоши и богатства, которыми он пользовался в Италии благодаря состоянию своему, совершенно сбрендил. Так, например, он держал большую оперу исключительно для самого себя и очень редко кого-нибудь приглашал, между тем как каждый день ему давали то или иное представление» (С. Ю. Витте, Воспоминания, т. 1, с. 122). *Седан.* После грандиозного поражения под Седаном во время франко-прусской войны (1870) Франция капитулировала; правление Наполеона III

сменилось республикой. *Где купить высокий сан?* Фон Дервиз предпринимал попытки купить какой-нибудь иностранный титул. «Ты ищешь, — писали о нем в русской прессе, — за дорогую плату купить громкий, но ничего не выражающий титул какого-нибудь итальянского маркиза или графа и пренебрегаешь теми выразительными титулами, которыми по сравнительно дешевому курсу награждают тебя благодарные соотечественники» («Дело», 1876, № 10, с. 461). *Дайте мне его мильоны* и т. д. В этом эпизоде речь идет о Н. И. Путилове, одном из крупнейших русских промышленников тех лет, основателе Путиловского завода в Петербурге (ныне — завод им. С. М. Кирова). Он действительно собирался устроить недалеко от своего завода громадный порт. По воспоминаниям современников, Путилов считал, «что если Петр Великий «прорубил окно в Европу», то он портом своим прорубит дверь» («Русский архив», 1895, № 2, с. 233. См. также: М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульянский, История Путиловского завода, М., 1961, с. 25—35). *Сестербек* — Сестрорецк. *Черная речка* — узкий и мелкий приток Невы. *Металлических заводов С пивоваренным котлом.* В одной из рукописей поэмы есть прозаическая заметка Некрасова: «В Любани — металлический завод, где ни трубы, ни железа. Снял котел от пивоваренного завода — тогда пользуется правом беспошлинного железа, которое продает раньше, чем оно дойдет до места» (ПСС, т. 12, с. 299). При устройстве металлических заводов разрешалось ввозить железо из-за границы без пошлины. Этим нередко пользовались спекулянты, сооружавшие фиктивные металлические заводы. *Контора: «Переписки векселей».* Н. И. Путилов «представлял свои дела блестящими, но в действительности отовсюду грозили подачею его векселей ко взысканию, и он целые дни и часто ночи шнырял повсюду, отыскивая деньги, чтобы удовлетворить своих кредиторов» (А. И. Дельвиг, Воспоминания, т. 4, М., 1913, с. 363). *Эфруси* — банкир (ЛН, № 51—52, с. 153). *Миллионщик-мукомол* — С. Т. Овсянников, купец-миллионер. В начале 1875 г. из корыстных соображений организовал поджог большой паровой мельницы в Петербурге. *Ученый Швабс* — И. К. Бабст (см. о нем выше, с. 470). Строчками о Швабсе Некрасов воспользовался 20 мая 1875 г., когда И. К. Бабст был выдвинут в члены Литературного фонда (ЛН, № 51—52, с. 538). *Володя Перелешин.* Возможно, некоторый материал для создания этого образа Некрасову дал кн. А. И. Урусов (1843—1900). В своей адвокатской практике Урусов придерживался принципа: «Не бичевать, жалеть должны мы вора». На одном из процессов, вспоминал А. Ф. Кони, он дал тонкий анализ «самого драгоценного дара, приносимого защитой уголовному праву, — сознания и раскаяния подсудимого» (А. Ф. Кони, На жизненном пути, т. 1, СПб., 1912, с. 480) — ср. в поэме: «Кто низко пал — воспрянуть может вновь». В 1871 г. Урусов участвовал в Нечаевском процессе в качестве защитника одного из подсудимых. За речь, произнесенную на этом процессе, он был выслан из Петербурга. Только несколько лет спустя, после того как Урусов написал царю верноподданническое письмо, он смог поступить в Риге в канцелярию местного генерал-губернатора (А. И. Урусов, Статьи, письма, воспоминания, т. 1, М., 1907, с. 12). Это произошло в январе 1875 г. Товарищем прокурора он стал только в марте 1876 г., так что Некрасов по существу

предугадал судьбу одного из либеральных адвокатов, вступившего в сделку с самодержавием. П. Боборыкин вспоминал, что Урусов именно для того, «чтобы освободиться от ссылки, пошел в прокуроры, откуда его не сразу пустили в адвокаты» (там же). *Граф Твердышов* — князь П. Н. Трубецкой (1827—1880), придерживавшийся либеральных убеждений, что не помешало ему на «земские» (т. е. крестьянские, по существу) деньги построить (в компании с И. А. Варгуниным) железную дорогу от Осташевской станции до г. Торжка длиною в 32 версты (И. К. Гейлер, Сборник сведений о кредитных бумагах, СПб., 1871, с. 362). Сохранилась черновая запись Некрасова: «Трубецкой Новоторжский, ужасно много сделал для России — добился, что ниоткуда не выгоняют — построил ты дорогу в восемь верст, получил приличный...» (ЛБ). *Мишле* Ж. (1798—1874) — французский историк и писатель. *Кине* Э. (1803—1875) — французский политический деятель и историк. Незадолго до начала работы Некрасова над «Современниками» Мишле и Кине были упомянуты в ОЗ как борцы за республику, враги монархии и духовенства (1874, № 3, с. 158; 1875, № 4, с. 288—290). *Туз бубновый* — так назывался суконный лоскут, который пришивали на спину халата каторжников. *Гриша — образчик широких натур.* Первоначально Некрасов предполагал более полно разработать биографию Зацепина, о чем свидетельствует его черновая заметка: «Зацепа — корнет, губернский предводитель. История с женой и пистолет. Убийство. Монастырь и намерение идти в монахи. Откупа. — Поездка в Иерусалим. — Жизнь в Петербурге. — Акционерная горячка. Лев проснулся — загорелись глаза на миллионы. Первые потери. — Русская сметка взяла свое. Опять богатство. — Разгар плутократической деятельности. — Сцена с сыном. Ссора и разрыв. Сын уезжает доучиваться в Дерпт. Деньги отсылает отцу обратно. Продолжение спекуляций. — Телеграмма о сыне. Письмо, объясняющее телеграмму» (ПСС, т. 12, с. 299; исправлено по рукописи ЦГАЛИ).

В раздел «Другие редакции и варианты» включены несколько важных эпизодов, которые Некрасов первоначально предполагал использовать в «Современниках».

«Заглянул я в залу эту...». В черновом плане этот эпизод носит название «Литератор». По свидетельству П. А. Ефремова, Некрасов имел в виду И. А. Гончарова (Доклады и отчеты Русского библиографического общества, вып. 1, с 11). В период создания поэмы в газетах промелькнуло известие о готовящемся юбилее Гончарова; впрочем, это известие вскоре было опровергнуто («Голос», 1875, 6 и 13 мая). «Литератор» входил в наборную рукопись и был обозначен как «Зала № 2», однако в ОЗ текст этого эпизода был заменен строкой точек.

«Четыре месяца ты был...». С 1875 г. либеральная газета «С.-Петербургские ведомости» была по инициативе министра народного просвещения Д. А. Толстого передана банкиру Баймакову (см. о нем выше, с. 468). Редактором был назначен граф Е. В. Салиас де Турнемир (1840—1908), реакционный беллетрист. Статьи Салиаса «восстановили против него всю прессу и общественное мнение» («С.-Петерб. ведомости», 1875, 17 июня). Он вынужден был оставить пост редактора, заявив: «Я прощаюсь с читателями «С.-Петербург-

ских ведомостей». Четыре месяца пришлось мне вести это дело. Немного времени... Но мне эти четыре месяца кажутся десятилетием... даже более» («С.-Петерб. ведомости», 1875, 4 мая). В ОЗ было отмечено, что гр. Салиасу де Турнемиру удалось «обессмертить» себя процитированным выше письмом (1875, № 8, с. 222). Отрывок первоначально предназначался для первой части поэмы, но в сводной рукописи (где помещен под № 5) он был вычеркнут Некрасовым.

«С богом, с богом! торопитесь!..». Эпизод этот, названный в плане «Новый губернатор», был вычеркнут Некрасовым из наборной рукописи. Первоначально поэт предполагал поместить его под № 5.

«Были вы вчера студенты...». Эта сцена, в которой пародируется циркуляр министра народного просвещения Д. А. Толстого, напуганного ростом революционного движения в стране («Голос», 1875, 17 июня), предназначалась для первой части поэмы. В сводной рукописи была помещена под № 14, однако в дальнейшем Некрасов отказался от мысли включить ее в поэму, в результате чего сцена не перешла в наборную рукопись и не была упомянута в плане первой части «Современников».

«Послушайте — не много ль...». 23 марта 1875 г. скончался П. М. Леонтьев (1822—1875), ближайший соратник М. Н. Каткова, соиздатель газеты «Московские ведомости». Похороны Леонтьева отличались неумеренной пышностью (А. С. Суворин, Очерки и картинки, т. 2, СПб., 1875, с. 61). Сцена предназначалась для первой части поэмы, но была вычеркнута Некрасовым из сводной рукописи.

«Здравствуй, умная головка...». *Поповка* — тип круглого военного судна, изобретенного генерал-адъютантом А. А. Поповым (1821—1898). Изобретение оказалось неудачным. В прессе 70-х годов появилось много статей, посвященных этому изобретению (Поповка. Сборник статей о круглых судах, СПб., 1875). Сцена предназначалась для первой части, но была вычеркнута Некрасовым из черновой рукописи.

«Начнем с недавних крепостных...». Один из вариантов сатирического изображения петербургского губернского собрания (см. с. 469 и 470). *Вводить ли грамоту в народ?* В речи на собрании дворян Петербургской губернии А. П. Платонов говорил: «Одна грамотность не дает понятий о своих обязанностях, и ею одною нельзя заменить ту нравственность, которая приобретается в семье, покорной своему главе» (Приложение к «Биржевым ведомостям», 1875, 23 марта).

«На платиновой тарелке...». В наброске отражен случай из жизни фон Дервиза (см. о нем на с. 472): он подарил своей жене миллион рублей с тем, чтобы она его оставила (С. Ю. Витте, Воспоминания, т. 1, с. 123). *Начал жить с чужой женою* и т. д. Желая жениться на графине Келлер, фон Дервиз просил ее мужа дать ей развод. «Келлер согласился развестись и только выразил удивление, что нашелся дурак, который хочет жениться на его жене» (А. И. Дельвиг, Полвека русской жизни, т. 2, с. 544).

«Ба, угрюмая тихая личность...». Первоначальный набросок отрывка сделан Некрасовым на письме к нему А. Н. Плещеева

(конец 1865 — начало 1866 г.): «На белугу глядел — продал. Смотрел стерлядей, назначенных для ухи. Так это тебя, тебя будут ... (плачет)» (ЛН, № 51—52, с. 408).

СТИХОТВОРЕНИЯ. 1875—1877

3. ОЗ, 1878, № 4, с. 417. Гранки, правленные Некрасовым, а также два беловых автографа — ПД. 2 и 3-я строфы написаны в 1867 г.: ими кончалась сатира «Суд». М. Е. Салтыков-Щедрин, редактировавший вместе с Некрасовым ОЗ, в декабре 1874 г. серьезно заболел и 12 апреля 1875 г. уехал лечиться за границу. Состояние его здоровья вызывало серьезные опасения. 27 апреля 1875 г. Некрасов писал П. В. Анненкову: «Нечего Вам говорить, как уничтожает меня мысль о возможности его смерти теперь, именно: у-ни-чтожает. С доброй лошадью и надорванная прибавляет бегу. Так было со мной в последние годы. Журнальное дело у нас всегда было трудно, а теперь оно жестоко; Салтыков нес его не только мужественно, но и доблестно, и мы тянулись за ним, как могли. Не говорю уже о том, что я хорошо его узнал и привязался к нему ... Вот стихи, которые я сложил в день отъезда Сал<тыкова>. Прочтите ему, когда ему будет легче» (ПСС, т. 11, с. 360). Анненков ответил Некрасову 2/14 мая 1875 г.: «Милые Ваши стихи я ему прочту. Мазь эта подействует на него не хуже, т. е. гораздо лучше мазей. которыми он теперь уснащает больные свои члены, — так полагаю» (ЛН, № 51—52, с. 101).

* **4.** «Жизнь», 1898, № 1, с. 3, без загл., с датой: «Апрель 1876 г.»; опубликовано по неизвестному ныне оригиналу из бумаг В. И. Лихачева. Черновой автограф — ЛБ, среди набросков стих. «Дедушка Мазай и зайцы» (1870). В 1876 г. Некрасов пытался опубликовать стихотворение в «Новом времени». 1 мая 1876 г. он писал А. С. Суворину: «В пьесе „Как празднуют трусу“ первый стих поправьте так: „Время-то есть, да писать нет возможности“» (ПСС, т. 11, с. 396). Первоначальный вариант стиха неизвестен.

5. «Заветы», 1913, № 6, с. 32. Печ. по копии А. А. Буткевич. Посылая 1 мая 1876 г. А. С. Суворину для публикации в «Новом времени» ряд стихотворений, Некрасов писал. «И вот еще стихи, совсем неудобные» (ПСС, т. 11, с. 396). Поэт имел в виду стих. «Что нового?»: оно следует сразу же за письмом. К. И. Чуковский высказал убедительное предположение, что стихотворение написано в 1875 г., «когда «администрация» арестовывала в деревнях «демагогов», т. е. революционеров-народников, за так называемое «хождение в народ» и пользовалась при этом содействием местных помещиков. В тот же год заметно увеличилось «бремя налогов» на крестьян» (Изд. 1931, с. 589). *Плутосократия* — плутократия, господство богачей.

6. «Новое время», 1876, 25 апреля, без подписи. Напечатано вместе со стих. «Слезы и нервы» в составе цикла «Из записной книжки». По свидетельству С. И. Пономарева, Некрасов предполагал ввести стих. «Молодые лошади» в собрание своих стихотворений (Изд. 1879,

т. 4, с. CXXXIII). Стихотворение аллегорично: Некрасов имеет в виду героическую борьбу русской молодежи (В. Е. Евгеньев, Н. А. Некрасов, М., 1914, с. 210).

7. «Новое время», 1878, 1 января, под загл. «Праздному» и без последней строфы. Печ. по корректуре, читанной Некрасовым (ПД). Это стихотворение — одно из присланных Суворину для опубликования в составе цикла «Из записной книжки».

8. ПП, с. 17. Корректура, правленная Некрасовым, с датой: «18 мая» — ПД. *Зина* — жена Некрасова, Зинаида Николаевна. Настоящее имя ее — Фекла Анисимовна Викторова. Некрасов познакомился с нею в 1870 г., обвенчался уже во время предсмертной болезни. Ей посвящена поэма «Дедушка» и еще два стихотворения под заглавием «Зине». 12 февраля 1874 г. поэт подарил ей собрание своих стихотворений со следующей надписью: «Милому и единственному другу моему Зине» (ЛН, № 49—50, с. 187).

9. ОЗ, 1877, № 1, с. 279, с датой: «4 дек. 1876, ночь», в цикле «Последние песни». О Зине (жене Некрасова) см. примеч. к предыдущему стихотворению. Зинаида Николаевна не отходила от постели больного Некрасова. «Зато по истечении этих двухсот дней и ночей она из молодой, беленькой и краснощекой женщины превратилась в старуху с желтым лицом, и такой осталась», — вспоминал П. М. Ковалевский (П. М. Ковалевский, Стихи и воспоминания, СПб., 1912, с. 297).

10. ОЗ, 1877, № 1, с. 282, в цикле «Последние песни». Беловой автограф с датой: «Декабрь 1876» (зачеркнута) — ПД. Набросок 2-й строфы, начинающийся словами: «Мне умереть» — среди черновых записей главы «Пир на весь мир» (ПД).

11. ОЗ, 1877, № 1, с. 278, в цикле «Последние песни». Стихотворение вызвало целый ряд подражаний и переделок в подчеркнуто революционном духе; см. примеч. К. И. Чуковского к Изд. 1934, с. 606; Н. В. Осьмаков, Некрасов и революционное народничество. — Сб. «Некрасов в школе», М., 1960, с. 70.

12. ОЗ, 1877, № 1, с. 279, в цикле «Последние песни». В прижизненных публикациях вместо ст. 19—20 — две строки точек. Эти стихи были восстановлены по некрасовскому экземпляру ПП В. Е. Чешихиным-Ветринским («День», 1913, 31 декабря, прилож.). Отдельная запись ст. 21, 23 (с вар. в ст. 21) — ПД:

О претерпевших страду многолетнюю,
Слышавших рабскую песню последнюю.

13. ПП, с. 18. Автограф — ПД.

* 14. ОЗ, 1877, № 1, с. 277, под загл. «Вступление», в цикле «Последние песни». Печ. по ПП, с. 7. Стихотворение открывало сборник. Наборная рукопись под загл. «Музе» и с указанием наборщику:

«1. Потом из тетрадки набирай страницы 5, 6, 9, потом лист 2, 3 с лоскутком в начале» — ЛБ. Ранняя редакция стихотворения сообщена А. А. Буткевич (Изд. 1879, т. 4, с. XCIX — С). Это стихотворение особенно понравилось Чернышевскому. Он говорил Н. А. Панову: «На днях я перечитал его <Некрасова> от доски до доски... Неотразим! Взять хотя бы «Последние песни». Он ведь только о себе, о своих страданиях поет, но какая сила, какой огонь! Ему больно, вместе с ним и нам тоже. Если помните наизусть его вступление к «последним песням», прочтите, пожалуйста» (Некр. сб. 2, с. 494).

15. ОЗ, 1877, № 1, с. 278, в цикле «Последние песни». Из части тиража это стихотворение было изъято. Печ. по ОЗ, 1878, № 4, с. 418, где опубликовано вторично. На одной из корректур ОЗ, правленных Некрасовым в 1877 г., запись: «Вставьте сюда же 1) 2-е декабря, 2) Отрывок — и прилагаемое наберите. Некрасов» (ПД) Стихотворение написано в то время, когда обнаружилась несостоятельность тактики «хождения в народ», а поиски новых путей революционной борьбы за народ еще только начались. Возможно, что стих. «Отрывок» написано ввиду готовившегося в конце 1876 г. «процесса 50-ти».

16. ОЗ, 1878, № 4, с. 418. Печ. с исправлением ст. 7 по корректуре, правленной Некрасовым (ПД); в ОЗ· «безмерных страданий» Большая часть стихотворений, оттиснутых в этой корректуре, написана не раньше декабря 1876 г. и не позднее января 1877 г.

* **17.** «Заветы», 1913, № 6, с. 36, где напечатано по автографу. В настоящее время местонахождение автографа неизвестно. Первая остро политическая строфа была заменена Некрасовым другой, более осторожной (см. «Другие редакции»). Печ. первый ее вариант. Написано, скорее всего, между 1874 и 1877 г., когда начались массовые политические процессы над народниками. Матери арестованных снимали тогда «квартиры возле крепости».

* **18.** ОЗ, 1877, № 2, с. 532, с датой: «1877 Ночь с 7-го на 8-е янв.». Корректура, правленная Некрасовым, и автограф с неразгаданным еще посвящением: «Посв. Ш. П. С. Д-ну Др.» — ПД. В автографе и корректуре стихотворение имело несколько иной акцент: в нем более прямо выражено сожаление о существующей пропасти между народом и поэтом-демократом, народом и демократической интеллигенцией. Стихотворение было написано от первого лица («мы») и завершалось совершенно иной строфой.

* **19.** ОЗ, 1877, № 1, с. 280, с датой: «Ночь с 8-го на 9-е января» в цикле «Последние песни». Автограф с той же датой и под загл. «Отры<вок>» — ПД.

20. «Заветы», 1912, № 9 (декабрь), с. 87, по автографу, бывшему у С. Н. Кривенко. Печ. по другому автографу, с датой: «23 янв. 1877» (ПД). На автографе надпись: «Катерине Павловне на память». Катерина Павловна — Е. П. Елисеева, жена известного публициста С и ОЗ Г. З. Елисеева. Отдельная запись ст. 5—6:

Вестминстерское аббатство
Есть у нас свое —

среди черновых заметок (ПД). Стихотворение не могло быть напечатано при жизни Некрасова из-за остро политического содержания. Оно является откликом на слушавшееся в Сенате в январе 1877 г. «дело о преступной демонстрации на Казанской площади в С.-Петербурге 6 декабря 1876 года». Демонстрация была организована членами общества «Земля и воля». Из 21 подсудимого 5 приговорены к каторге и 12 — к ссылке в Сибирь. Высказано предположение, что Некрасов написал стихотворение под впечатлением речи молодого Плеханова на этой демонстрации (А. М. Гаркави, Н. А. Некрасов и революционное народничество, М., 1962, с. 18—20). Но смысл данного стихотворения безусловно шире, чем отклик на конкретное событие. Некрасов говорит о русских революционерах вообще, и в частности, возможно, о Чернышевском (В. Е. Евгеньев-Максимов, Образ революционного демократа в поэзии Н. А. Некрасова. — Некр. сб. 2, с. 96). *Вестминстерское аббатство* стало издавна местом захоронения выдающихся английских ученых, писателей, полководцев.

21. «С.-Петербургские ведомости», 1877, 20 декабря. Автограф — в библиотеке Ленинградского университета. Другой автограф с датой: «1 февр. 1877. СПб.» — ПД. Стихотворение должно было открывать задуманный в начале 1877 г. сборник «В черные дни». Автограф ЛГУ представляет собою титульный лист будущего сборника. Сверху надпись:

В ЧЕРНЫЕ ДНИ
НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Н. А. НЕКРАСОВА
(1874—1877 гг.)

Далее зачеркнуто: «И<з>дано с портретом автора. Типография А. Кр<аевского>» и дата — «1877». Перед стихотворением зачеркнута помета: «другая страница». Первоначальное его название: «Посвящаю моим друзьям-читателям» — изменено: «Моим друзьям-читателям. Посвящение» (рядом с первой фразой заглавия — указание для наборщика: «крупно»). Под стихотворением дата: «СПб., 1 февраля 1877 года». В начале 1877 г. студенты петербургских и харьковских высших учебных заведений преподнесли Некрасову приветственный адрес. В ответ Некрасов подарил им автограф, который с тех пор хранится в ЛГУ. В 1878 г. Г. З. Елисеев пытался опубликовать стихотворение в ОЗ, рассказав историю с вручением адреса. Но «Внутреннее обозрение» (ОЗ, 1878, № 1), куда входил этот рассказ, было вырезано цензурой. Об этом стихотворении см.: Т. А. Беседина, По поводу автографа Н. А. Некрасова в библиотеке Ленинградского государственного университета. — «Научный бюллетень ЛГУ», № 16—17, 1947, с. 63—66. Пословица «в горе жить — некручинну быть» могла быть заимствована Некрасовым из древнерусской повести «О Горе-Злочастии» или сборника Кирши Данилова (см.: К. Чуковский, Мастерство Некрасова, Собр. соч., т. 4, М., 1966, с. 574).

* 22. ОЗ, 1877, № 3, с. 297, без ст. 90—93, 240—243, с датой: «9 февр. 1877». Ст. 90—93, 240—243 восстановлены, а ст. 124, 170, 235 исправлены по Изд. 1879, т. 3, с. 378, и письму А. А. Буткевич к С. И. Пономареву от 12 мая 1878 г. (ЛН, № 53—54, с. 173; в публи-

кации ЛН допущен ряд неточностей — см.: Некр. сб. 3, с. 265). Замысел относится, по-видимому, к началу 50-х годов: ранний вариант поэмы и наброски к ней написаны почерком тех лет (ПД). В нем проясняются уже сюжет и тональность будущего произведения, но в целом ранняя редакция еще носит ярко выраженный конкретно-бытовой характер: значительное место в ней занимают сцены, рисующие тяжелую жизнь матери поэта. Позднее Некрасов несколько раз возвращался к этому замыслу. В Изд. 1861, т. 1, с. 246, напечатан отрывок под названием «Начало поэмы», составивший впоследствии ст. 1—12, 31—34 окончательной редакции, а в Изд. 1873—1874, ч. 4, с. 253, — отрывок, соответствующий ст. 187—203. В январе 1877 г. прикованный к постели поэт спешит завершить задуманную поэму и пишет ее сокращенный вариант под названием «Затворница. Сон» (первоначально — подзаголовок «Память матери»); гранки, правленные Некрасовым, с датой: «28 января» — ПД («Затворница» впервые напечатана сестрой поэта в Изд. 1879, т. 4, с. 129). Но Некрасов не был удовлетворен «Затворницей». На обороте гранок он набрасывает новые стихи (они написаны дрожащей рукой и почти не поддаются прочтению), а в начале февраля 1877 г. заканчивает те «Отрывки из поэмы „Мать“», которые были напечатаны в ОЗ и ПП. Сохранились наброски начала, с датой: «18 дек. вечер» (ПД) и гранки поэмы «Мать», соответствующие ст. 35—161 (ЦГАЛИ). В гранках вместо загл. — «Песнь первая» и эпиграф: «...Надо мной Младая тень уже летала... А. Пушкин». На полях — помета для наборщика: «ОЗ. Поместить Вступление и это — сводку показать мне. Начало у вас, или я свой оттиск где-то забросил. Оно выправлено». Текст значительно отличается от окончательного и разбит на строфы. Под ст. 98 надпись: «Это строфа последняя на эту книжку. Оставить строфу VI и под нею: (продолжение впредь)». Но затем Некрасов опубликовал в ОЗ всю поэму: она и в окончательном виде не была вполне законченным произведением. Об этом говорит и подзаголовок («отрывки»), и многочисленные строки точек в тексте. Некрасов написал по этому поводу на экземпляре, подаренном им И. П. Крамскому: «Некоторые из замененных здесь точками мест можно восстановить только по корректурам, в иных же местах точки поставлены за недостатком связи в отрывках» (ЛН, № 49—50, с. XXIII). О том же — в дневнике от 14 июня 1877 г.: «Вообще из страха и нерешительности и за потерею памяти я, перед операцией, испортил в поэме «Мать» много мест, заменил точками иные строки» (там же, с. 168). Мать Некрасова — Елена Андреевна, урожд. Закревская (ум. в 1841 г., в Грешневе). Ей Некрасов посвятил многие строки в стих. «Родина», «Рыцарь на час», «Несчастные» и др. Сюжет поэмы во многом перекликается с одной из автобиографических записей Некрасова, продиктованных им перед смертью (там же, с. 139). *Лихачева Е. О.* (1836—1904), которой посвящена поэма, — сотрудница ОЗ, автор ряда статей о женском вопросе. См. также посвященный ей экспромт, т. 2, № 147. *Расшивы* — плоскодонные парусные суда. *Коноводки* — большие суда, которые тянули по реке воротом, вращавшимся лошадьми. *Тальки* — большие мотки пряжи, ниток.

* **23.** ОЗ, 1877, № 2, с. 531. «Горящие письма» — переделка стих. «Письма», впервые опубликованного в Изд. 1856, с. 146, и перепеча-

тывавшегося в Изд. 1861, 1869—1873 и 1873—1874 гг. Беловой автограф «Писем» — ЛБ. В Изд. 1879 датировано 1855 г. Стихотворение было обращено к А. Я. Панаевой и, возможно, навеяно размолвкой с нею весной 1855 г. (ср. примеч. к стих. «Давно — отвергнутый тобою...», т. 1, № 58). Однако датировка стих. «Письма» не может считаться точно установленной. Не исключено, что оно было написано в 1856 г.: автограф находится рядом с записями стихов 1856 г. («Прощанье», «Влюбленному» и др.), размолвки же с Панаевой происходили и в 1856 г. (ср. примеч. к стих. «Прощанье», т. 1, № 244). В автографе ст. 15—16 читались так:

А между тем мы сознаем глубоко,
Что разойтись уж нам не суждено...

Эти стихи Некрасов при печатании заменял рядами точек. Незадолго до смерти, когда отношения Некрасова с А. Я. Панаевой были окончательно разорваны, возникло желание переделать все стихотворение. Так появилась новая редакция стих. «Письма» (см. об этом: Изд. 1879, т. 4, с. XLII—XLIII; здесь же указана дата: «9 февраля 1877 г.» и сообщены две строфы, написанные Некрасовым на его собственном экземпляре ПП). Стих. «Письма» печатается в разделе «Другие редакции».

24. ОЗ, 1877, № 2, с. 454, с датой: «13-го февр. 1877. СПб». Автограф — ПД. О Зине, жене Некрасова, см. примеч. 8. *Легенду я слыхал.* Существует предположение, что Некрасов имеет в виду ту легенду, которая легла в основу его притчи «О двух великих грешниках» («Кому на Руси жить хорошо»). См.: М. М. Гин, Спор о великом грешнике. — «Русский фольклор», т. 7, М.—Л., 1962, с. 97. По словам исследователя, «в некоторых народных вариантах» легенды «момент исполнения епитимьи, наложенной на каторжника-подвижника, совпадает с его смертью».

* **25.** ОЗ, 1877, № 2, с. 531, с датой: «Февраля, 1877». Печ. по ПП, с 37. Первоначальный вариант первой строфы был записан среди стихотворных набросков (см. примеч. 45—46) — ПД.

* **26.** ОЗ, 1877, № 3, с. 267, с датой: «1877 г. Марта 3-го». В начале 1877 г., когда болезнь поэта обострилась, он записал в дневнике: «Худо, читатель! Мой дом — постель. Мой мир — две комнаты: пока освежают одну, лежу в другой. Полрюмки кипрского меня опьяняет; гран опия делает меня идиотом, не всегда давая сон. Стихов уже писать не могу, но днями нападает на меня какое-то самомнение. На днях муза моя, на прощанье, пропела мне такую песнь: «Пускай чуть слышен голос твой» <и т. д., см. «Другие редакции»>. Худо, когда нашему брату приходят на память песни: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Я испугался и перестал звать свою музу — не выдержал толь<ко> раз. Недуг меня одолел, но муза явилась ко мне беззубой дряхлой старухой, не было следа прежней красоты и молодости, того образа породистой русской крестьянки, в каком она всего чаще являлась мне и в каком обрисована в поэме моей «Мороз Красный Нос». Я пожалел, что я не выдержал: „Непобедимое страданье <и т. д. — 1 и 6-я строфы стихотворения с малозна-

чительными разночтениями>“» (ЛН, № 49—50, с. 166—168). Вероятно, эта дневниковая запись является первоначальным наброском стих. «Баюшки-баю» и, следовательно, сделана до 3 марта 1877 г. В раннем варианте стихотворения было еще одно четверостишие. О нем Некрасов вспомнил, записав в своем дневнике 14 июня 1877 г.: «Сибиряки обнаружили особенную симпатию ко мне со времени моей болезни. Много получаю стихов, писем и телеграмм. Было две с двумя десятками подписей. Я хотел сделать на это намек в стихотворении «Баюшки-баю» — и было там четыре стиха: «И уж несет от дебрей снежных» <и т. д., см. «Другие редакции»> — да побоялся, не глупо ли будет. А теперь этого вопроса решить не могу и подавно» (там же, с. 168). 3 или 4 марта 1877 г. Некрасов читал стихотворение Н. А. Белоголовому, Е. И. Богдановскому и А. Н. Пыпину (Н. А. Белоголовый, Воспоминания, М., 1897, с. 458; А. Н. Пыпин, Из записной книжки. — ЛН, № 49—50, с. 192). Говоря о клевете, Некрасов имеет в виду несправедливые обвинения его в «отступничестве», преследовавшие поэта всю жизнь (ср. стих. «О Муза! я у двери гроба!..»).

27. ОЗ, 1878, № 1, с. 309. Некрасов держал корректуру этого стихотворения. 23 марта 1877 г. он, в связи с цензурными мытарствами сборника ПП, изменил ст. 4. «На столе лежали только что записанные мною стихи «Черный день», — вспоминала А. А. Буткевич. — Брат взглянул на них: «Поправь, пожалуйста, там, напиши: „друзей, врагов и ц е н з о р о в“» (ЛН, № 49—50, с. 172). Первоначальный вариант этого стиха неизвестен.

28. ОЗ, 1878, № 2, с. 609, с датой: «5-го ноября 1877 г.» Цензор Лебедев указал, что Некрасов «желает освятить идею самоубийства, так как не только прощает девушке, покусившейся на свою жизнь, ее поступок, но видит в нем поучение другим и могилу ее называет великой, тогда как в живых людях не находит величия» («Книга и революция», 1921, № 2, с. 47). Существует предположение, что стих. «Ты не забыта...» навеяно начавшимся в конце 1877 г. «процессом 193-х» (А. М. Гаркави, Н. А. Некрасов и революционное народничество, М., 1962, с. 23).

29. ОЗ, 1877, № 11, с. 283, с датой: «7-го ноября», без подписи. Это стихотворение было последним, напечатанным при жизни Некрасова. В нем содержится отклик на русско-турецкую войну. Ср. стих. «Так запой, о поэт!..», № 55. Написано на следующий день после взятия русскими войсками Карса.

30. ОЗ, 1878, № 3, с. 43, с датой: «9-го ноября 1877 г.». Задумано, по-видимому, в 50—60-х годах. Рефрен:

Слезы... нервический хохот... припадок...
«Друг мой, прости! я безумен! я гадок!
Делай что хочешь со мной —

и далее, как в окончательном тексте — записан Некрасовым на одном листе с наброском стих. «Слезы и нервы» (ПД). Сверху листа помета: «Для песен».

31. ОЗ, 1878, № 2, с. 610, с датой: «12 ноября 1877 г». Страдания больного Некрасова заставляли врачей прибегать к наркозу, весьма мучительно действовавшему на поэта и вызывавшему тяжелые сны (ср. примеч. 26). *Сбирая колос С своей несжатой полосы.* Ср. стих. «Несжатая полоса», т. 1, № 53.

32. ОЗ, 1878, № 4, с. 417.

33. ОЗ, 1879, № 1, с. 63. В заметке, сопровождавшей публикацию, указывалось, что эти строки взяты из «материалов, записанных перед смертью». Об отношении Некрасова к Шиллеру см. примеч. к стих. «Поэту (Памяти Шиллера)» (т. 2, № 113) и статью М. М. Саксоновой «Стихотворение Н. А. Некрасова „Поэту (Памяти Шиллера)“» — Некр. сб. 3, с. 140—147. Миниатюры «Сущность» и «Форма» являются подражанием шиллеровским миниатюрам такого рода.

34. Изд. 1879, т. 4, с. 127, в разделе «Из записной книжки». А. А. Буткевич писала С. И. Пономареву 5 июня 1878 г.: «Эти четыре строчки я недавно нашла в книге, на лоскутке, отрезанном от корректурного листа, сбоку, карандашом написано рукою брата: «для моей книги», следовательно, мы должны поместить их в тексте: отнесите к 1877 году» (ЛН, № 53—54, с. 176).

35. ОЗ, 1878, № 1, с. 310, с цензурной купюрой в последнем стихе («. . . . . музу») и примечанием: «Это стихотворение, по свидетельству сестры покойного, А. А. Буткевич, было последним, которое он написал». В Изд. 1879, т. 3, с. 404 купюра короче («. . . . .иссеченную музу»). Стих полностью был восстановлен В. Е. Чешихиным-Ветринским («День», 1913, 31 декабря, прилож.). Сохранился экземпляр ОЗ, принадлежавший П. А. Ефремову (ЦГАЛИ). В нем, рукою Ефремова, вписан иной вариант стиха: «Кнутом засеченную музу. . .».

36. «День», 1913, 31 декабря, прилож. Автограф с пометой А. Н. Пыпина: «5 янв. 1875. В собрании Литер<атурного> фонда, по поводу финансового чтения Кауфмана» — ПД. П. А. Ефремов хотел опубликовать экспромт в «Русской старине» (гранки — ЦГАЛИ). Кауфман И. И. (1848—1916) — буржуазный экономист, выбран членом Литфонда 5 января 1875 г. В тот же день он прочел лекцию о состоянии русских финансов. Излагая ее, газета «Биржевые ведомости» писала: «Состояние наших финансов, по мнению лектора, более блестяще, чем положение финансов английских и даже американских. Г. Кауфман, между прочим, проектирует погашение бумажного государственного долга посредством выпуска новых кредитных бумаг для промышленности и торговли; процентами с этих новых бумаг, по его мнению, и должен погашаться ныне существующий ассигнационный долг» (1875, 8 января).

37. «Музыкальный свет», 1876, № 17, с. 133, без ст. 6—8; «Русская старина», 1886, № 11, с. 484. Печ. по автографу Ленинградской консерватории. Другой автограф под заглавием «О. А. Петрову (в день 50-летнего юбилея)» и с датой: «Дек. 1875», а также корректура, правленная Некрасовым, — ПД. Написанное по случаю юбилея

знаменитого певца Осипа Афанасьевича Петрова (1807—1876), стихотворение было положено на музыку П. И. Чайковским и исполнено хором С.-Петербургской консерватории 24 апреля 1876 г. во время торжественного заседания. В публикации «Музыкального света» текст приспособлен к музыке: первый стих второй строфы служит припевом и повторяется после третьей строфы-куплета.

38. «День», 1913, 31 декабря, прилож. Публиковалось по материалам П. А. Ефремова; копия хранится в ЦГАЛИ. В копии В. М. Лазаревского ст. 1 иной — «Милый, не брани его». О каком Дмитриеве идет речь, выяснить не удалось.

39. «Новое время», 1876, 6 июня, в цикле «Из записной книжки», без подписи. 1 мая 1876 г. Некрасов писал А. С. Суворину: «Болен так, что не пишется, да и трудно измыслить что-нибудь цензурное. Вот всего четыре стиха ... Многим годятся, и мне в том числе» (ПСС, т. 11, с. 396). Четверостишие долгое время интерпретировалось как эпиграмма на Александра II; это было опровергнуто С. А. Рейсером в «Заметках о Некрасове» («Звенья», 5, М.—Л., 1935, с. 524—531).

40. «С.-Петербургский листок», 1907, 27 декабря. Стихотворение было прочтено студентом Нилом Нильским в день открытия памятника на могиле Некрасова. Нильский получил автограф от друга поэта, артиста П. А. Никитина. Печатая стихотворение, он указал, что оно было написано Некрасовым в Крыму, осенью 1876 г. В Изд. 1931 К. И. Чуковский исправил неточности первой публикации по копии А. А. Буткевич. Стихотворение черновое.

41. «Русское слово», 1913, 11 декабря. Корректура, правленная Некрасовым, и беловой автограф, с датой: «1876. Дек.» — ПД. Видимо, стихотворение не имеет определенного адреса. Аналогичный характер носит, например, стих. «К портрету **», № 39.

42. «Заветы», 1913, № 2, с. 136. Стихотворение записано П. А. Ефремовым на обороте конверта письма к нему М. Л. Златковского от 24 декабря 1876 г. В описи некрасовских материалов, составленных Ефремовым, указано: «На конверте рукою ПАЕ: „Не за Якова Ростовцева“» (ЦГАЛИ). *Ростовцев* Я. И. (1803—1860) — председатель Редакционных комиссий по выработке положения об отмене крепостного права. Опираясь на либеральное дворянство, активно выступал в Комиссиях против крепостников. Этим он снискал себе славу «защитника народного дела», славу, раздутую либеральными историками. О Н. А. *Милютине* см. примеч. к стих. «Кузнец» (т. 2, № 144).

43. Изд. 1879, т. 4, с. 126, в разделе «Из записной книжки». В примечании указано: «Из бумаг поэта, 1876 г.» (там же, с. CXXXV).

44. «Новое время», 1878, 1 января. Печ. по корректуре, правленной Некрасовым (ПД).

45—46. ОЗ, 1879, № 1, с. 65. Автограф — ПД. Два отрывка, тематически связанные и записанные приблизительно в 1876 г. (на одном

листе), представляют собою набросок какого-то неосуществленного замысла. Некрасов написал сверху листа чернилами: «О господи! что делать?» — и тут же (теми же чернилами) на середине страницы записал пятистишие «Спрашивал я у людей. . .». Затем следует ранний вариант стих. «Поэту» (1877), соединенный с этим пятистишием фразой: «Погиб! его болото засосало». Отрывок «Но любя, свое сердце готовь. . .» вписан позднее карандашом, перед «Спрашивал я у людей. . .».

47. «Новое время», 1876, 21 марта, без подписи. Авторство Некрасова установлено В. Е. Чешихиным-Ветринским («День», 1913, 31 декабря, прилож.). В демократической среде 70-х годов было распространено мнение, что в романе Толстого отсутствует прогрессивная социальная проблематика.

48. «Уч. зап. Калининградского пед. ин-та», вып. 4, 1958, с. 113. Список — ЦГАЛИ. При жизни Некрасова не печаталась, хотя сам поэт, а после его смерти Салтыков-Щедрин намеревались опубликовать сказку в ОЗ. В записной книжке А. Н. Пыпина, навестившего Некрасова 15 января 1877 г., есть такая запись: «Он начал потом говорить о своих стихах: «Делать теперь нечего, и я пишу стихи, благо приходят в голову — каждый почти день что-нибудь пишу». Он прочел мне несколько стихотворений — конечно, наизусть. Сказка «в роде пушкинских» — «я думаю, пропустят», в ней есть царь, да ведь в сказках без царей нельзя: царь, воевода и крестьянин» (ЛН, № 49—50, с. 192). А 13 февраля 1878 г. М. И. Семевский писал П. А. Ефремову: «Сегодня М. Е. Салтыков рассказал мне, что Ф. Веселаго не пропустил в «Отеч. зап.» весьма невинную сказку Некрасова о добром царе Аароне» (ЛН, № 53—54, с. 156). Сказка представляет собою переработку народного анекдота, известного по сборнику А. Афанасьева («Народные сказки», М., 1857, с. 135). Эта книга была в библиотеке Некрасова.

49. ОЗ, 1879, № 1, с. 62. В анонимной статье, сопровождавшей публикацию, сказано, что этот отрывок относится к неосуществленным замыслам последних лет жизни поэта. *За висевший в присутствии портрет.* Речь идет о портрете царя.

50. ЛН, № 49—50, с. 220. Записано рукой А. А. Буткевич на обороте копии стих. «Притча» (ПД). Тематически отрывок связан со стих. «Кому холодно, кому жарко» (из цикла «О погоде»). Однако записано, видимо, в последние годы жизни Некрасова, под его диктовку.

51. ОЗ, 1879, № 1, с. 64. Фамилия Фуксов восстанавливается по копии А. А. Буткевич (ПД). Стихотворение носит черновой характер.

52. ЛН, № 53—54, с. 155. Автограф — ЦГАЛИ; дата рукою П. А. Ефремова: «Четв. 27 янв. 1877. 8½ ч. вечера».

53. «Новое время», 1878, 1 января. Отрывок из задуманной в 1877 г. поэмы. О ней Некрасов рассказывал А. С. Суворину: «В последнее время мне представляются степи. Без конца лежит степь.

Куда ни взглянешь, все степь и степь, сибирская, беспредельная. Вот, вижу, снег идет, так и валит хлопьями, и степь белеет, и я смотрю на нее долго, долго. Этот образ степи просто не дает мне покою. Я задумал целую поэму, которую назову «Без роду, без племени». Разные подробности у меня уже сложились, несколько стихов набросано на этих листах, а другие в голове. Понимаете, что будет. По этой степи ходит человек. Он вырвался из острога на волю. А воля эта — степь. И зимой и летом он там. Он бежит до истощения сил, голодает, холодает. Нигде нет приюта. Тут я опишу, как мучит человека голод, холод, жажда. Это ужасные муки. Я теперь знаю, что значит физическая мука. И вот он идет, и ничего нет, кроме снега и степи... Вдруг видит он что-то черное. Он туда, смотрит — горностайка: замерз, бедняга. Подумал, подумал — бросать горностайку или взять с собой? Все-таки товарищ, божье создание, все будто не один в этой проклятой степи. Снял он шапку, положил горностайку, надел ее опять и снова идет. Все степь и снега, сил не хватает идти. И вот слышит звон. Остановился, прислушался. Жилье близко. Да что там его ждет? Этот звон только раздражает, только напоминает, что есть близко люди, да нельзя к ним идти — он бродяга, без рода, без племени. А звон продолжается. «Перекреститься или нет? — думает он. — Чему радоваться?» И озлобление берет его, и вспоминает он, как жил он между людьми, как этот звон колокольный вызывал в нем чувство. Снял он шапку — глядь, а горностайка шевелится: он согрел его на голове своей. Глядит он на него, по шерстке гладит. Ну, хочешь со мной, или на волю? Присел, спустил горностайку — прижался зверек и вдруг бросился на волю... Это начало. Вот вам несколько стихов — делайте с ними что хотите». Близки к рассказу Суворина и воспоминания А. Н. Пыпина. Но эти воспоминания несколько отличаются от суворинских: в них говорится о другом эпизоде поэмы и, кроме того, — главный герой ее не преступник, бежавший из острога, а просто бродяга. Вот рассказ Пыпина: «Снежная пустыня, Сибирь, на снегу отпечатались лапки птиц и зверьков; бродит беглый, не помнящий родства; много раз он попадался, начальство бывало строгое: «кто ты?» — «житель» — начальство бесится: «кто ты?» — «сочинитель» — начальству смешно, и бродяга обошелся без наказания. Он жил в селе, и была у него невеста, — чиновник отбил, и он ушел сам в Сибирь и бродил «не помнящим родства». Теперь — время ужасное: дни все дольше, а снегу все больше. Попадается ему маленький зверек, замерзший; он взял его на руки, тот задрыгал лапкой, еще жив. Он спрятал зверька, горностая, в шапку и все бродил; через несколько времени снял шапку посмотреть — зверек ожил и стремглав ринулся в лес. Другая встреча: набрел на кибитку, там тот самый чиновник с его бывшей невестой и ребенком: они сбились с пути, грозит мятель, ямщик ушел искать дорогу. Они просят спасти их; бродяга отводит их в избу, какие строят в пустых местах для всякого случая. Он отводит их туда, — и хочет потешиться мщением; он любит смотреть на огонь и собирается сжечь их; он обложил избу дровами, выбрал место, откуда станет смотреть, — но захотелось ему взглянуть еще раз на эту женщину; он взглянул в волоковое окно и увидел, что она молится и ребенка крестит. Зрелище поразило его, он бросился бежать и без оглядки тридцать верст пробежал...» (ЛН, № 49—50, с. 192—194).

54. ОЗ, 1878, № 6, с. 402. Некрасов записал в дневнике: «14-го июня. Буду писать, что приходит в голову; надо же убивать время», и далее следует текст четверостишия.

55. «Заветы», 1913, № 6, с. 37, дата: «28 ноября». Стихотворение является откликом на русско-турецкую войну. 28 ноября 1877 г. пала Плевна и был взят в плен Осман-паша. Ср. стих. «Осень», № 29.

56. «Новое время», 1878, 1 января. Копия, правленная Некрасовым, — ПД, с пометой А. А. Буткевич: «Писана за несколько дней до смерти». Одно из последних стихотворений поэта. Посылая Суворину «Букиниста и библиографа», Некрасов писал: «Я не могу похвалиться здоровьем. Эта жизнь мне в тягость и сокрушение. Но лучше об этом не начинать... Это под рубрику «Из записной книжки». Подписи моей не надо» (ПСС, т. 11, с. 416). *Гумбольдт* — так называли известного книгопродавца 70-х годов Семена Андреева, торговавшего запрещенными книгами. Андреев был, по словам современника, похож «на бюст Гумбольдта», и вместе с тем любил пофилософствовать. Отсюда и повелось его прозвище («Памяти П. А. Ефремова». М., 1908, с. 13). Известны две заметки Некрасова об Андрееве-Гумбольдте (ПСС, т. 12, с. 106, 107).

57. Изд. 1879, т. 4, с. 127, в разделе «Из записной книжки».

58. «Былое», 1923, кн. 22, с. 36. Автограф в архиве К. И. Чуковского.

59. «Заветы», 1913, № 2, с. 137. Впервые было сообщено А. А. Буткевич С. И. Пономареву с пометой: «Конечно, не для печати» и указанием: «Из записной книжки» (ЛН, № 53—54, с. 181).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Н. А. Некрасов. Литография А. Мюнстера с фотографии Деньера.
2. *Между с. 128 и 129*. Автограф поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (начало гл. «Крестьянка»). ПД.
3. *На обороте*. Некрасов в период «Последних песен». Картина И. Крамского. 1877. Третьяковская галерея.
4. *Между с. 160 и 161*. «Последние песни». СПб., 1877. Титульный лист.
5. *На обороте*. Автограф стих. «Есть и Руси чем гордиться...». ПД.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ [1]

[1] При расположении заглавий — фамилий адресатов инициалы во внимание не принимались. Стихи из прозаических произведений, драм, водевилей см. под словом «Из...». В указатель включены также стихотворения, печатавшиеся в ПСС в основном тексте, а в настоящем издании — среди вариантов.

СОДЕРЖАНИЕ

I

1. Кому на Руси жить хорошо

2. Современники

II

Некрасов Николай Алексеевич

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ ТРЕТИЙ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1967, 512 стр. Тем. план вып. 1967, № 386

Редактор *К. К. Бухмейер*

Художник *И. С. Серов*. Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*. Техн. редактор *М. А. Ульянова*. Корректор *Ф. Н. Аврунина*.

Сдано в набор 21/VI 1967 г. Подписано в печать 16/XI 1967 г. Бумага 84×108 1/32, № 1, Печ. л. 16 + 3 вкл. (27,2). Уч.-изд. л. 29,44. Тираж 40 000 экз. Зак. № 929. Цена 1 р. 18 к.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3.

1р. 18 к.